

Светлана Еловикова

В стремительном потоке

В стремительном
потоке

В стремительном потоке

Очерки и рассказы

г.Оханск, 2023 г.

Автор благодарит за помощь в издании очередной книги Александра Казымова, редактора газеты «Оханская сторона» Светлану Николаевну Цепенникову, жителей Оханского городского округа, поведавших свои жизненные истории. В книге использованы фотографии автора, жителей и картинки из интернета.

Верстка Ивана Мартюшева

Отпечатано ООО «Печатник»
Пермский край, г. Верещагино,
Ул. Энергетиков, 2
Печать офсетная, тираж 150 экз.

Светлана Еловицова

Член Союза журналистов России, лауреат литературной премии имени А.Фадеева, лауреат и дипломант многих всероссийских и региональных журналистских конкурсов, делегат XII съезда Союза журналистов России, Почетный гражданин г.Оханска.

От автора

Мы многого не замечаем, пока молоды, пока бежим по жизни, не оглядываясь. И однажды наступает день, когда вдруг хочется оглянуться назад. Оборачиваемся и понимаем, что жизнь летит стремительно. Двадцать первый век - уже не 20-й и, тем более, не 19-й, когда все текло размеренно. Мы все сейчас несёмся в стремительном потоке, будто подхваченные ветром.

За прошедшие годы с начала XXI века жизнь человека преобразилась в колоссальных масштабах. Необратимые изменения в обществе, политике, технологиях, культуре, медицине подвергли трансформации и самого человека - как его внешнего вида, так и бытовых привычек.

Доступность интернета растет с каждым годом. Когда-нибудь виртуальное пространство окончательно поглотит человечество. Интернет советует никогда не оборачиваться назад, там всё без изменений. С одной стороны, правильно, оглядываясь назад, уже ничего нельзя ни изменить, ни исправить. Но там, в этом прошлом, остались самые светлые годы, детство, юность, друзья, самые дорогие и родные люди. Осталось то, что на протяжении долгой жизни помогло и поддерживало в трудные годы. И если человек в этом прошлом не оставил после себя выжженное поле, как же не оборачиваться, не вглядываться в него? Как же без этого прошлого?

Мне нравится слушать истории наших жителей, которые постоянно возвращаются к своему прошлому. У каждого в жизни были как трудные, так и радостные моменты. Тяжелые годы выдались старшему поколению: коллективизация, репрессии, война, разруха и, наконец, мирная спокойная жизнь.

90-е годы прошлого столетия перевернули все с ног на голову. Снова смутное время, закрытие предприятий, растерянность и желание уйти от всего этого. На «гора» вышли малиновые пиджаки, большинство из которых не имели ни образования, ни опыта работы, где бы то ни было, зато с амбициями и запросами. Немногие из них остались на плаву, только те, кто оказался образованней и успешнее других. Молодые, полные сил парни становились бандитами, потому что некуда было приложить свои силы. И погибали ни за что.

Как это все забыть? Это же случилось с нами, а не где-то за границей. Сейчас мы переосмысливаем те события, сравниваем, анализируем. А жизнь несется дальше, подкидывая всё новые встряски. И не надо говорить, что специальная военная операция на Украине никого не задела. Она уже успела сделать сиротами детей, вдовами молодых матерей и сколько еще принесет горя нашей стране.

Никогда, даже в самых плохих прогнозах, мы не думали, что поднимут головы фашистские недобитки и нацисты. И где? В государстве, которое плоть от плоти всегда было нашим до развала СССР. Им, можно сказать, подарили Украину, которой никогда раньше не было.

Мне нравится россияне, потому что, в какие бы передраги они ни попадали, всегда найдут время для радости и веселья, всегда найдут, над чем посмеяться. Неунывающий народ!

Сейчас, когда Родине нужна помощь, люди по всей стране объединились, поддерживая наших воинов, как взрослые, так и дети. Ежедневно слушая военные сводки, каждый из нас неоднозначно воспринимает спецоперацию. Одни молятся, другие стараются не слушать про СВО, третьи не отходят от телевизора, надеясь увидеть своих, а четвертые каждый раз повторяют про себя: «Ребята, вернитесь живыми!» Об участниках спецоперации очерки еще впереди, а пока идут бои.

Для моих героев, о которых я писала в разные годы, жизнь тоже пронеслась в стремительном потоке. Наверное, так бывает у всех, кто жил не только для себя и своей семьи, а оставил след в обществе. Хочется, чтобы очерки и рассказы о людях остались в архивах их семей для потомков.

Богатое наследство

В арсенале многих жителей района старшего поколения хранится скромная медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.»

В АПРЕЛЕ 1944 года Степан Васильевич Макаров возвращался после госпиталя в свою часть.

Таких, как он, много встречалось тогда на фронтовых дорогах. На одном из полустанков их набралась целая группа - ждали поезд. К ним подошел хмурый генерал.

- Солдатики, - попросил он, - помогите раскопать могилу. Я бы мог приказать, но сегодня не могу, ищу своего сына.

Они без слов пошли за генералом. Могила была еще довольно свежая, даже земля слежаться не успела. То, что увидели, потрясло бы самых равнодушных людей. В огромной яме лежали дети, человек 60. Видимо, их закопали живыми, потому что руки и головы их были неестественно вытянуты вверх, а тела некоторых походили на штопор.

Рядом с Макаровым оказался старый солдат. Он скрипел зубами, глядя на убитых детей, а потом повернулся к Степану и сказал, словно приказал:

- Дай слово, что вырастишь всех детей, какие у тебя народятся. Поклянись! У тебя жизнь еще впереди.

Макаров пообещал. Может быть, эта клятва и спасла его от вражеской пули. Правда, после этого он снова был ранен, дважды тонул при переправах, но выжил всем смертям назло.

Я не зря начала с этого эпизода. Не так давно Степан Васильевич умер, но оставил на земле богатое наследство. Одиннадцать детей воспитали они с женой, у них растут 19 внуков и пять правнуков.

Сегодня речь пойдет о Галине Александровне Макаровой, жене фронтовика. Она родом из Очера, жила со слепой бабушкой без матери и отца. Замуж ее отдали рано, в 17 лет. Хорошим человеком был муж, но брак их оказался недолгим, всего несколько месяцев. В июне началась война, а в октябре мужа взяли в армию. Не суждено было ему испытать родительских чувств, вскоре в одном из боев он погиб, а дочка родилась уже без отца. Молодая вдова несмотря ни на что ждала и надеялась - вдруг ошиблась похоронка?

Пошла работать на металлургический завод, где изготавливали снаряды. В цехе, куда ее оформили, точили мины. Рабочий день длился 12-14 часов, 800 граммов хлеба в сутки полагалось на одного рабочего и 300 граммов - на ребенка. Да и какой в ту пору был хлеб? Тяжелый, с примесью овса, но когда ничего другого нет, и этот сходил за лакомство. Еще на заводе прикармливали рабочих супом-болтушкой. Очерские заборы в годы войны не «страдали» от избытка крапивы, всю ее съедали, едва она появлялась из земли.

Более всего донимал холод. Портянки примерзали к ногам и к ботинкам на деревянной подошве. Почему-то военные зимы были очень холодными, а, может быть, так казалось - люди не доедали, поэтому тепло в организме не задерживалось.

Еще очень хотелось спать. Однажды во время обеденного перерыва они с подружкой прикорнули под мостиком. Не слышали гудка, уснули. Хватились их - нет нигде. Чуть под суд не отдали, тогда строго было. График почасовой, 30 штук снарядов за час отдай и не грешь. Рядом с ней работал одноногий парень. Трудно ему было стоять всю смену, но он трудился наравне со всеми, не давая себе отдыха - у него с войной свои счета.

Существовали в то время на заводе стахановские пайки, кусо-

чек хлеба с маленькой котлеткой. Их тоже надо было заработать.

Галина Александровна вспоминает, как в 1944 году ее посылали в Пермь на слет стахановцев.

- Когда принесли сладкий чай и бутерброды с колбасой, мое первое чувство - увезти все это дочке, но ведь за пазуху не спрячешь. Ела, а видела перед собой дочкины голодные глаза. Выдали нам тогда талоны на мануфактуру. Приехала со слета «богачкой», можно было из ткани шить платья или обменять на что-нибудь.

* * *

И вот долгожданная Победа. Слезы радости блестели на глазах у всех, кто пережил эту долгую страшную войну. Праздником праздников называет Г.А. Макарова День Победы. Завод перешел на мирные рельсы. Рабочих без квалификации перевели в подсобники, в том числе и Галину Александровну. Посылали на разгрузку вагонов с цементом. Это сейчас цемент приходит в мешках, а тогда - врассыпную. Вагон разгрузишь, и лица не видно, одни зубы блестят, вымыться негде, домой подсобники приходили грязные, как черти.

После войны вновь был установлен восьмичасовой рабочий день. Чтобы сводить концы с концами, пришлось в одну комнату бабушкиного дома пускать на постой молодых ребят, которые приезжали в Очер учиться на механизаторов, за это хозяевам приплачивали из фонда обучения. Условие Галина Александровна ставила сразу: «Никаких пьянок и никаких приставаний».

Как-то ее постояльцы привели молодого парня и попросили разрешения поиграть в карты. Она посмотрела на него - и вдруг все вокруг изменилось, стало ярче, богаче красками.

Парня звали Степаном. Он только-только вернулся из армии при орденах и медалях. Неловко чувствовала себя перед ним молодая вдова, у нее-то кроме медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» да в «нагрузку» дочки, ни разу не видевшей отца, других наград не было. Надежды на возвращение мужа не оставалось. Молодость брала свое. Они стали встречаться, много говорили о войне, о мире, о будущем. Уговорил фронтовичок Галину Александровну выйти за него за-

муж. А росту у него - метр с шапкой. Будь он на один сантиметр пониже, не бывать ему в армии. Она тогда подумала: «Сколько можно убиваться с дровами? Только та и работа - бежать в лес, шишки да сучья собирать, а бревнышко потолще уже и не под силу, не женское это дело».

* * *

С курсов новоявленный механизатор привез в родной Сивинский район не только квалификационный документ, но и жену. В деревне, где они жили, даже света не было, не говоря уже о других благах цивилизации. Научилась Галина Александровна доить коров, жать, косить сено и другим премудростям сельского труда. Там она по-настоящему оценила и Степана. Отец из него получился отличный. Дочка души в нем не чаяла. Друг за другом появлялись на свет Степановы дети и со всеми отношения были у него ровные. Однажды в гости приехал сродный брат Степана из села Казанки Оханского района. Уговорил их переехать в Казанку. Рискнули и не пожалели. Еще на одну семью Макаровых стало больше в селе.

Дети росли как грибы, были дружными, трудолюбивыми. Все выходные дни и каникулы пропадали в колхозе, не чурались никакой работы. Хорошие люди получились из них, не стыдно односельчанам в глаза смотреть. Выучились, разъехались, а в Казанку полетели письма из Псковской, Костромской, Московской, Тюменской, Пермской областей.

В нынешнем апреле Галине Александровне исполнилось 80 лет, но я этого не почувствовала. У нее ясные молодые глаза, а они, как известно, фотография человеческой души. До сегодняшнего дня она читает без очков, приятная собеседница, обладает хорошей памятью - знает всех внуков и правнуков по именам. Эта бабушка удивительно добрая, руки ее не знают покоя. Вся квартира у нее в ярких ковриках, от которых становится светло. Еще на подходе к дому пахнет свежими пирогами - хозяйка Галина Александровна радушная. Многое сейчас не может делать сама, но на помощь приходит дочь Нина, забегает социальный работник, В. Пахомова, соседки - не впускают в дом Макаровых одиночество.

По всякому поводу заходят к Галине Александровне люди. Знают - она ценит и хранит старые обрядовые традиции. Приглашают на похороны, поминки, где Галина Александровна поет.

За все время, пока живет Макарова в Казанке, не слышали от нее жалоб и стенаний на несчастную судьбу.

- Я очень счастливая, - говорит Галина Александровна, - у меня замечательная семья. Грех нынче на жизнь обижаться. Пенсию на дом принесут, дровами снабжают, огороды есть у каждого, что еще нужно? Только лодыри стонут, потому что работать не хотят. По шабашкам ходят, а свой огород зарастает. Что заработают - пропьют, а потом побираются.

Медаль, врученная ей за самоотверженность в годы лихолетья, стала первой наградой. К ней позднее добавились «Мать-героиня» и «Ветеран труда».

2004г.

Г.А.Макарова (в центре), начальник Т/О Л.А.Власова, глава округа Д.В.Байдин. 2020г.

Был случай

Бычий пленник

- Эй, Васька, - кричал сверху фонарного столба электрик Михаил своему подручному - молодому шустрому парню, развлекавшему у подводы двух девушек-доярок. - Я кому сказал, проверить, есть ли свет на ферме?

- Да не ори ты, - возмущенно огрызнулся парень, - у меня, может, судьба решается, а ты орешь.

- Судьбу решай после работы, а сейчас дуй на ферму.

Васька раскланялся перед девушками и направился, картинно виляя задом, к ферме. Другой бы человек пошел через двери, как все, а он решил сократить путь и, перемахнув через изгородь загона, где было пусто, так как коровы находились в летнем лагере, побежал к двери, предназначенной для животных.

В углу загона, в тенечке, мирно дремал бык по кличке Чуб. Ему было скучно. Увидев чужого на своей территории, он вскопчил, встряхнулся всем телом и, издав победный звук, бросился к парню. Не добежав всего несколько шагов до заветной двери, Васька запнулся и со всего маху упал лицом в грязь, перемешанную с навозом. Упал и затих. Ему было страшно. Об этом быке по всей округе ходили самые невероятные слухи. Его даже на пастбище не брали, потому что никакой пастух не мог с ним справиться. Вот он и сидел в одиночестве. Сказывали, что однажды зимой бык напугал медведя-шатуна до такой степени, что тот и дорогу к ферме забыл.

А Чуб, высоко подняв морду, стоял над Васькой. Для пушей убедительности поставил копыто на спину парня и громко рыкнул.

- Ой, Васька, - закричали девушки, - ты только не шевелись, Чуб лежачих не трогает, только охраняет.

- Матвейч, а ну, быстро за Марусей, - кинулись девчата к сторожу, - а то Ваське тут до завтра лежать.

Сторожу, а по совместительству «директору» единствен-

ной на ферме лошадки, приказ был понятен. Он бодро, не постариковски, заскочил на телегу и рванул до деревни.

Маруся была единственный человеком, кому Чуб подчинялся. Она принимала его во время отела, теленочек родился слабеньким, его хотели списать, но она дома выходила его и привела потом на ферму. Пока он был маленьким, ходил за ней по пятам, ни на чьи слова не реагировал, а когда подрос, его стали бояться доярки, да и других бычков он начал обижать. Чуба поместили в отдельные «апартаменты», к нему заходила только Маруся. Бык позволял ей трепать себя за ухо, мыть и скоблить бока, чистить от грязи и навоза ноги. За это требовал вознаграждения - чего-нибудь вкусенького.

Не за одним мужиком гонялся Чуб по деревне, если вырывался на свободу, мог и на рога посадить, но что его отличало от других подобных особей - он не обижал лежачего вниз лицом человека.

Чужие здесь не пройдут

Васька лежал и вдыхал «аромат» коровьего загона. Все бы ничего, но бык решил оправиться, не сходя с места. Парень почувствовал, как под него начала поступать бычья влага. Он хотел заткнуть нос, но Чуб упредил движение его руки и перенес на нее переднюю ногу.

Михаил в это время продолжал сидеть на столбе и изнывать от жары. Он видел, что произошло с Васькой. Но спуститься не мог, так как ему нужно было узнать, горит ли свет на ферме, и закрепить провода.

- Девушки, - крикнул он, - может, кто-то из вас сбегает на ферму и посмотрит, есть свет или нет? Не могу же я тут целый день

торчать, у меня другие объекты есть.

- Как ты без напарника? Может, тоже рискнешь напрямую, а то давай! - засмеялась одна из них. Она была такая смуглая, что ее можно было принять за южанку. Девушка все-таки побежала в здание. Через пару минут выскочила и закричала, что свет есть.

Прошло немало времени, прежде чем со стороны деревни слышался стук тележных колес. Матвейч всю погонял лошадь. Не доезжая до фермы, Маруся соскочила с телеги. Не спеша подошла к изгороди и тихонько свистнула. Чуб повернул голову на свист и снова издал торжествующий звук.

- Чубчик, а ну, иди ко мне. Посмотри, что я тебе принесла, - Маруся вынула из холщовой кошелки несколько кусочков сахара и кусок пирога. Бык медленно, будто нехотя, направился к ней, то и дело, оглядываясь на пленника.

- Не стыдно тебе, Чуб? Человек при исполнении, а ты его мордой в грязь. - Маруся разговаривала с быком, как с нашкодившим подростком, а животное слушало и перебирало ногами, всем своим видом будто показывая, что ему, действительно, стыдно.

- Слушай, Маруся, а нельзя ли твоего Чуба приучить молоко на приемку возить, это хорошая тягловая сила, - предложил Матвейч. - А то задаром колхозный хлеб ест.

- А запрягать ты его будешь? - резко спросила Маруся. - Пусть пока производителем побудет. Видел, какие телочки от него хорошенькие рождаются? Хоть ферму охраняет - и то дело. Чужие здесь не пройдут.

А Васька, как только почувствовал, что бык отошел от него, вскочил и бросился в помещение. Электрик к тому времени спустился со столба и собирал в сумку орудия труда. Он мечтал вечером встретиться с Тасей, с которой недавно познакомился, но понял, что не успеет. Зло брало на Ваську, который в каждой деревне «прилипал» к девушкам, толку от него никакого не было.

Спустя какое-то время, Васька в одних трусах вышел из двери фермы. В руках нес грязную одежду.

- Мне бы искупаться, - сказал виновато. - А то я весь пропах... Давай на речку двинем.

- Слушай, Васька, не нужен мне такой напарник, как ты, - от тебя только неприятности одни. Нам еще две фермы проверить, а ты ... на речку. Мы до ночи не управимся.

- Я только сполоснусь и все, - канючил Васька.

- А штаны вонючие так и будешь с собой носить?

Выговор

На речку все-таки пришлось пойти, потому что от Васькиной одежды и от него самого такие запахи исходили, что впору противогаз надевать.

Девчата продолжали смеяться над незадачливым парнем, а Маруся по-матерински пожалела его.

- Хватить, зубы скалить, - прикрикнула на девчат, - с кем не бывает? Хотел он перед вами себя в лучшем свете показать, он ведь не знал, что бык вместо собаки здесь живет. Хорошо еще, на рога не вздернул.

- Это удачно Васька мордой вниз упал, а то бы от его мужского достоинства ничего не осталось, все бы Чуб всмятку превратил, - опять засмеялась смуглянка.

- И чтоб в деревне никому ни слова об этом, не позорьте парня, - обратилась Маруся к девчатам, потом повернулась к Ваське. - Да, Василий, на самом деле, ты еще не понял, какое счастье лежать носом в землю, а не болтаться на рогах. Скажи спасибо Матвеичу, он знает, где меня искать, а то лежал бы ты до самого утра, пока бы я на смену не пришла, - как можно спокойнее произнесла Маруся и, не спеша, направилась к деревне.

До темноты электрик с напарником успели еще на одну ферму. На следующий день их разбирали на правлении колхоза за невыполнение своих прямых обязанностей. Не могли парни рассказать правду и объяснить, где задержались чуть не на три часа. Как оказалось, из-за отсутствия света на ферме, куда они не успели, что-то случилось, а виноватыми оказались электрики. Не уповать же было им на грозу и сильный ветер, которые пронесли над колхозом днем ранее, обесточив все фермы вокруг. Члены правления решили, что электрик с подручным, скорей всего, где-то

бражки попробовали и лежали под кустом. А те и не оправдывались, виноваты, значит, виноваты. Получили оба по выговору и предупреждение, что за повторение подобного проступка их исключат из колхоза.

- Прости меня, Михаил, и спасибо, что не выдал, - сказал Васька, когда они вышли из правления. - Понимаешь, нельзя мне уезжать из деревни. Мать не перенесет, она и так сколько натерпелась без отца, когда на него похоронка пришла. И за бабу, и за мужика была, меня вырастила. Сама все кругом, одна.

- Матери помогать надо, а ты только на девок заглядываешься, - огрызнулся Михаил. - Ладно, тоже последний раз предупреждаю. Не будешь делом заниматься, другого возьму, так и знай. - И пошел прочь.

Послесловие

Давно это было, тогда еще работала Горюхалихинская ГЭС. Василий после того случая стал серьезнее, его хвалили, даже в газете о нем напечатали. Пришло время - сходил в армию, вернулся в деревню, снова работал в паре с Михаилом. Потом женился, дети пошли. А когда старший товарищ уезжал в большой город, взял бразды правления колхозной электрикой в свои руки.

С годами деревня потихоньку хирела. Одни жители уезжали в город, другие перебирались на центральную усадьбу. Василий уехал из родной деревни только после похорон матери, которой было уже 90 лет. Она до последнего дня ходила, что-то делала по дому, пыталась помочь в огороде. Внуки души в ней не чаяли. Она даже успела женить старшего внука, а правнуков не дождалась, скончалась в одночасье.

Такой же долгой оказалась жизнь и у Василия. Он не слышит, плохо видит, быстро устает, но когда рассказывает свои деревенские байки, в него будто «бес вселяется»: глаза блестят, на щеках появляется румянец, а голос, хоть и с хрипотцой, но таким озорным становится.

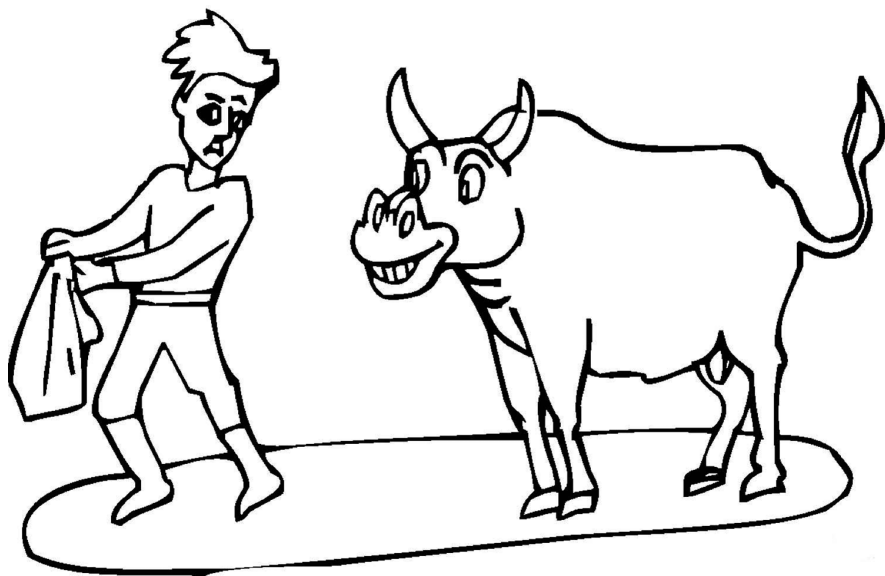
Жену свою Таисью он похоронил лет десять назад. С той поры память его «заболела». Начал забывать то, что делается наяву.

Прошное помнит, как дважды два, а что было накануне, сказать не может.

Вот и разговаривая со мной, несколько раз спросил, не Серегина ли Килунина я дочка. Несмотря на плохое зрение, решил почему-то, что я очень на него похожа. Кто такой Серега Килунин, я не знаю. По-видимому, его друг еще по колхозу, а подробности Василий Иванович не сообщил.

- У нас дед при каждом удобном случае молодость свою вспоминает, - говорит его внук Иван Юрьевич. - Про быка Чуба он рассказывал нам, мы еще маленькими были. Помню, когда появился у нас щенок, его тоже Чубом назвали. Правда, про то, что дед лежал под бычьим копытом, все-таки утаил. Хитрющий, знает, что рассказывать.

А Василий Иванович, видя, что его слушают, вспоминает байку за байкой. И трудно сказать, правда это или вымысел, он-то клянется, что это так и было, так как, по его рассказам, являлся сам действующим лицом.

В любви и согласии - ВСЮ ЖИЗНЬ

Молодожены в ЗАГСе. 1968г.

Изумрудную свадьбу отмечают те немногие пары, которым посчастливилось прожить в браке 55 лет. Такое явление, несомненно, встречается нечасто. Чета Лузиных, Леонид Борисович и Тамара Николаевна, отмечает эту торжественную дату в сентябре.

По-разному знакомятся молодые. Одни дружат с детства, другие отдадут предпочтение коллегам по работе, третьи ищут вторую половину на танцах, в общем, это можно продолжать и продолжать. Знакомство Леонида и Тамары было заочным, по письмам, и получилось так, что навсегда.

Тамара родилась в д. Тойкино Частинского района. Семья небольшая - шестеро детей, Тамара старшая. Понятно, что приходилось водиться с братьями и сестрами. После восьмого класса решила она приобретать профессию. Поскольку для себя она к тому времени ничего не выбрала, поехала вместе с подружкой в Краснокамск, где можно было получить профессию бухгалтера, но не получилось. Обратно в деревню возвращаться не хотелось, надо было искать свое место под солнцем. Поступила на Оханскую швейную фабрику, где было более тысячи работающих. Молодёжи много, в цехах тепло и светло, общежитие есть, её все устраивало.

Однажды сменщица (фабрика работала в две смены) предложила переписываться с её братом, который служил в армии, а часть дислоцировалась в Германии. Уговорила-таки. Девушка понимала, служить три года, да ещё за границей - это испытание для любого. Началась переписка. Красивые открытки, фотографии, ничего не значащие слова. И все-таки это была поддержка военнослужащего.

- Срок демобилизации приближался, а я не знала, как мы встретимся с Лёней, - рассказывает Тамара Николаевна. - Душа, конечно, трепетала, вдруг мы не понравимся друг другу? Письма - одно, а увидеться воочию - совсем другое. Был День легкой промышленности, праздник проходил на Очере, тогда многие городские и районные мероприятия проводились там. Лёня отслужил и приехал в гости к сестре, а она мне даже не намекнула об этом. Собственно, она нас и познакомила. Но на сей раз, уже очно. Я чувствовала неловкость оттого, что не знала о чем говорить.

Леонид зря времени не терял. Он, увидев Тамару, для себя решил, что женится именно на ней. Жил он в Сычах Острожского сельсовета, до соседнего района рукой подать. Потому, не откладывая решение в долгий ящик, заслал сватов в дом к родителям Тамары. Стали молодые называться женихом и невестой. Отец девушки сразу поставил условие - расписаться и в следующий приезд показать документ.

Шли они однажды мимо ЗАГСа. Посмотрели друг на друга,

и вошли. Они не знали, что надо платить, вообще о процедуре регистрации представления не имели. Жених еще только-только устроился на работу, зарплату не получал. Пришлось невесте «откупаться». Они до сих пор со смехом это вспоминают. Свадьбы, как таковой, не играли, но белое платье и фата все же были. Расписались, отметили узким кругом и всё.

Леонид до армии работал в ПМК-2, организация строила объекты на селе. Вернулся на родное предприятие, работал и учился на курсах шоферов. Первое время молодые жили на квартире. Потом родители мужа продали корову, да и у молодожёнов накопились кое-какие сбережения. Купили половину дома.

- Для меня всегда примером были родители мужа, Борис Васильевич и Анна Павловна, которые тоже прожили вместе 55 лет, - продолжает Тамара Николаевна. - Это были великие труженики, ещё и нам помогали. И мы старались не обременять их, а добиваться всего самим. Свекор воевал, будучи на срочной службе, в 1939 году. После тяжелого ранения очень долго не заживала нога, целый год он находился в госпитале. Вернувшись домой, начал работать на комбайне по 10-15 часов. Кто знает комбайны тех лет, поймет, насколько трудно в пыли и трухе даже дышать. Анна Павловна была штурвальной. Дома четверо детей, во дворе скотина. Надо вовремя корову подоить, всех накормить - и на работу. Не знаю, когда она спала.

Леонид Борисович мечтал о строительстве собственного дома. Когда разрешение было получено и участок отведен, а давали только по шесть соток, встал вопрос, каким дом должен быть, чтобы и детям, и родителям места хватало. Одного этажа явно мало, тогда и овощи сажать некуда. Углубились, и в подвале сделали кухню. Тоже выход.

Другая проблема - стройматериалы. Не было их тогда в свободной продаже. Выручило то, что муж трудился в строительной организации, можно было выписать кое-что. У Тамары Николаевны до сих пор хранятся все чеки и квитанции на оплату стройматериалов, наверное, придется сдать их со временем в музей.

Со строительством дома возникла и следующая проблема. На

фабрике работа сменная, не убежишь, детей мать почти не видела, особенно, если уходила во вторую смену. Муж все свободное время пропадал на стройке. Тяжело было после девяти лет работы на предприятии привыкать к чему-то другому. Перешла Т.Н.Лузина в союзпечать, но там приходилось выходить и по субботам, а куда девать детей?

Как нельзя, кстати, пришлось предложение о работе в госстрахе. Но там сразу поставили условие - получать образование. Посоветовалась с мужем, он одобрил. Вначале вечерняя школа, потом финансовый техникум, напряженная работа экономиста. Эта должность требовала не только прочных знаний, но и умения общаться с людьми. Только перед выходом на пенсию она перешла на более легкий труд - в агенты, хотя это тоже ответственная и скрупулёзная работа. Таким образом, у неё получилось 35 лет госстраховского стажа.

Леонид Борисович отработал 20 лет в строительных организациях, но они начали одна за другой распадаться. Перешел в лесхоз, и это хозяйство «приказало долго жить». Многие мужики, что помоложе, уехали на вахты. Лузин перешёл в горгаз и оттуда вышел на заслуженный отдых.

Лузины теперь на пенсии. Воскресить в памяти события прошлых лет помогают многочисленные фотографии, газетные вырезки, рукописные документы, которые бережно хранятся в семейном архиве. Перебирая их, супруги заново переживают события совместной жизни.

На вопрос: «Как сохранить семейный союз на долгие годы?» они отвечают: «Главное - терпение, умение уступать друг другу». В браке важно уметь в нужное время взять «бразды правления», а иногда все же уступить другому. По словам Тамары Николаевны необходимо уметь разговаривать друг с другом и в спорных ситуациях находить компромисс. И такие советы дороже всех изумрудов!

Леонид Васильевич и Тамара Николаевна сохранили веру в супружеское счастье и полны оптимизма. В любви и заботе супруги вырастили дочерей Ирину и Наталью, которые подарили родителям двух внуков и внучку. Внучка сейчас учится в Калининград-

ском университете, изучает английский и китайский языки.

По своей натуре Лузины - люди общительные. Еще в молодые годы у них образовалась большая компания семейных пар. Это были Лыковы, Носковы, Кивилёвы, Ожгихины и другие. Ходили друг к другу в гости, вместе отмечали праздники, делились секретами. Сейчас уже нет той привязанности к друзьям, потому что многие из них ушли из жизни, а кто ещё остался, с теми связь не прекращается.

Могу сказать, что супруги очень душевные, приветливые и обаятельные. Глядя на эту пару, слушая их, понимаешь, как они похожи добрыми лицами, общими воспоминаниями и общей судьбой. Для них семья - это не «Я», а «МЫ». Мечтают они сейчас о том, чтобы было здоровье, чтобы был мир.

Они и сейчас ни минуты не сидят на месте, в своем доме работа всегда найдется. Тамара Николаевна - прекрасная хозяйка, заботливая супруга, любящая бабушка. Ее заботливыми руками поддерживаются тепло семейного очага и уют в доме.

Семья Лузиных - отличный пример для подражания многим семьям округа. Любовь, взаимопонимание и искренность Лузины пронесли через всю совместную жизнь, и по сей день их отношения отличаются удивительной добротой и заботой друг о друге.

2023г.

В семье не без уroda

Скажу сразу - эта история не типична для приемных семей нашего района. Я много лет именно так и думала, но, как оказалось, в семье не без уroda. Имена здесь не подлинные, потому что не хочется в очередной раз сделать больно хорошим добрым людям.

Эта незапланированная встреча произошла на автовокзале краевого центра. Времени до отправления автобуса было достаточно, я сидела в зале ожидания и разгадывала кроссворд. Вскоре напротив меня появилась группа молодых людей. Они о чем-то горячо спорили. Один из них, увидев надпись на моей сумке «Спортивная гордость Оханского района-2013», поинтересовался, не из Оханска ли я. После утвердительного ответа он толкнул товарища и спросил, не хочет ли тот привет передать родителям. Парень обиженно, как мне показалось, дернулся и произнес фразу, которая прозвучала, как гром среди ясного неба: «А что для меня сделали родители, кроме того, что из детдома взяли? Они же приемные. Я бы и в детдоме спокойно доживал до выпуска. Приветы еще буду передавать...».

Мне часто приходится работать с приемными и замещающими

семьями, бывать с ними на мероприятиях, встречаться на дому. Обычно я слышу положительные отзывы о новых родителях, которые сумели завоевать авторитет у детей, а тут... Мне показалось, даже товарищи его были несколько шокированы таким поведением парня (назовем его Егором).

Минутой позже он назвал фамилию своих приемных родителей. Насколько мне известно, в той семье приемных детей любили, им отдавали самое лучшее. Как получилось, что Егор стал эгоистом?

- По закону, детей нельзя эксплуатировать, а меня работать в семье заставляли, - продолжал он. - Я траву собирал для кроликов, уборку делал в комнате, поливал в огороде, даже посуду мыл за девчонок. Как это называется, если не эксплуатация? Они же за мое воспитание деньги получали. Вот и нанимали бы на эти деньги человека со стороны.

От слов почти 30-летнего парня мне стало не по себе. На вопрос, бывает ли он у приемных родителей, Егор честно сказал, что «не хочет никого видеть из той семьи».

- Вот Вы сейчас начнете говорить, что я неблагодарный и все такое. Да, неблагодарный ко всем, в том числе, к родным, матери и отцу. Лучше бы вообще не родиться, чем оказаться изгоем. С детства меня шпыняли, никому был не нужен. В конце концов, в детдом сдали, а там тоже в любимчиках не ходил, так, серединка наполовинку.

- А когда тебя взяли в семью, неужели не испытал никакой радости? - спрашиваю и чувствую: слова отлетают от него, как от брони.

- Собственный уголок у меня был, это - да. Со мной считались, даже советовались, возили везде. Компьютер купили, по полчаса в день разрешали за ним сидеть. Только свободы хотелось. Начнешь курить или пить - отец за сердце схватится, будешь драться или «зубы выставлять» - мать начнет вздыхать и всем своим видом показывать, что она обиделась. В общем, приходилось держать себя в «узде».

- Не думал ли ты, что та свобода, о которой ты мечтал, могла

привести тебя совсем в другое место?

- Да плевать. У Лермонтова Мцыри готов был жизнь отдать за один день свободы.

- Выходит, и классиков ты читал? Значит, кое-что тебе все-таки привили?

- Ну да. Мать все книжки подсовывала, лишь бы я просто так не сидел. Какая уж тут свобода?

Не в коня овес

Чем так прогневали парня приемные родители? Тем, что заботились о его здоровье, отправляя на юг, в речные круизы, в походы? Тем, что пытались приучить к спорту, правда, из этой затеи ничего не получилось? Тем, что создавали все условия для его успешной учебы? Тем, что помогли купить квартиру в краевом центре? В чем их вина? Оказывается, в том, что не давали сидеть, сложа руки, и заставляли быть активным.

- Егор, если все, что ты сейчас сказал, я передам твоим приемным родителям, как думаешь, они обрадуются? - спрашиваю парня.

- Обидятся, наверное... Да мне все равно, - при этом на его лице ни один мускул не дрогнул. Даже товарищи смотрели на него с некоторым осуждением.

Договорить нам не пришлось, объявили их рейс. Парни, схватив рюкзаки, побежали к автобусу. Это было в феврале. Я не собиралась идти к его родителям, тем более что не знала причины разлада. Уже в мае, после мероприятий в день Победы нос к носу столкнулась с ними на площади Дружбы. Мы поздравили друг друга с праздником, и они предложили пойти к ним в гости.

В настоящее время их дети, и свои, и приемные, уже выпорхнули из гнезда, но на связи постоянно, кроме одного. И постоянно родители кому-нибудь из детей помогают. Как я не хотела портить праздник, но все же задала неудобный вопрос по Егору.

- Где, на каком этапе мы проглядели Егора? - спрашивает себя его приемная мать. - Остальные дети выросли добрыми и отзывчивыми. Приезжают, привозят своих детей, поздравляют с празд-

никами. То, что Егор был неуравновешенным с раннего детства, мы знали и очень надеялись, что домашняя обстановка и общение в семье изменят его. Отец старался обучить его азам столярного дела, рыболовству, охоте. А мне казалось, мужчина должен уметь и по дому все делать, это никому еще в жизни не повредило. И все-таки мы видели - Егорка весь в себе. Попросишь его о чем-нибудь, а он, как ежик, внутренне сожмется, но все же пойдет и сделает. Как ему в душу залезешь? Мы и так, и этак - ничего не получалось. Остальные дети на него тоже повлиять не могли. Сдать мальчика обратно в детдом совесть не позволяла, а как будет чувствовать себя ребенок, который понимает, что никому не нужен? Мне казалось, со временем, когда подрастет, он изменится. Мы ему и внимания больше других уделяли. Как видите, теперь, оказывается, мы виноваты. Виноваты в том, что взяли его из детского дома.

- Есть же пословица - не в коня овес, так вот это про нашего Егора, - приемный отец смущенно, словно виноватый, смотрит на свои рабочие руки. - Не представляю, что было бы с ним, не попади он к нам в семью. По какой дорожке бы пошел? Образование ему дали, профессию хорошую получил. Квартиру свою имеет, пусть однокомнатную, но все же свою. Мы поначалу ездили к нему, овощи привозили, технику домашнюю, помогали, чем могли. Однажды он сказал, что в нашей помощи больше не нуждается. Представляете, каково это было нам слышать? Мать тогда сколько ночей не спала, да и у меня все из рук валилось. Вот уже несколько лет от него ни слуху, ни духу. Слышал, приезжал он как-то в Оханск, видимо, на встречу выпускников, но дома так и не появился. Выходит, не смогли мы вырастить хорошего человека. Дали нам добрые люди однажды совет - выбросить его из сердца. Но ведь душой-то мы к нему прикипели. Самый трудный ребенок всегда остается самым любимым.

Легко бросить камень в чужой огород

Я смотрела на этих умудренных жизнью людей, вырастивших и воспитавших не одного приемного ребенка, и главное чувство,

которое испытывала в это момент - уважение к ним. В их квартире по стенам развешены фотографии детей и внуков. О каждом из них родители могут рассказать целые истории. А вот и Егорка, ему на снимке лет 13-14, с отцом на рыбалке. Других фотографий нет. Родители не знают, женат ли он, появились ли наследники.

Остальные дети живут в разных территориях, кто в Верещагино, кто в Чернушке, а одного судьба забросила в Коми-округ. Свои дети далеко, на севере, но и они приезжают раз в год, звонят. Грозятся после выхода на пенсию вернуться на Урал.

- Мы и сейчас не одни, - говорит мать. - Внучек у нас, сынишка одного из приемных детей пока с нами живет. Приболел, а сидеть с ним некому, родители целыми днями на работе, да еще в выходные подрабатывают, чтобы за ипотеку скорее рассчитаться. Поэтому мы попросили до осени малыша нам оставить. А там в детсад пойдет, все легче будет. Славный мальчишечка, да и нам, старикам, в радость.

Все-таки человеческая неблагодарность не имеет границ. Мы стали злыми и жестокими. Кто из приемных родителей не испытал косых взглядов обывателей в свою сторону, пересудов и толков по поводу того, зачем им нужны ребята из детского дома? Тут же находилось объяснение, в работники, мол, их взяли, самим-то неохота в огороде спину гнуть и так далее. А если посмотреть правде в глаза? Даже в нашем районе скольких ребят приемные семьи спасли от будущей тюрьмы, подарили им тепло семейного очага, научили понимать друг друга и ценить доброе к ним отношение! За это награды не дают, а надо бы.

Ни один из тех людей, которые осуждают приемных родителей, не вдохновился и не взял на воспитание детей из детдома, не пригласил на каникулы, не спросил, легко ли быть мамой и папой для чужих ребятешек, многие из которых страдают наследственными недугами. Бросить камень в чужой огород легче всего, труднее перебросить его в свой.

2019г.

В старости детям стала не нужна

Мария Андреевна каждое утро просыпалась с немым вопросом в душе: «Почему я оказалась здесь?» Ее грызла тоска по родному дому, скрипучему крыльечку и стройной березке под окном. Она много лет жила одна. А когда-то дом был полон детских голосов.

В интернате для ветеранов было тепло, светло, за пожилыми людьми ухаживал персонал, кормили хорошо, одежду выдавали, в баню водили, а тоска все равно не проходила. Разрешалось встречаться с родственниками, но к ней, кроме одного из сыновей, никто не приезжал и не приходил. Дети. Где они? Шестерых подняла, в старости никому не нужна стала.

* * *

Около десятка лет назад случился с Марией Андреевной приступ. Сколько она пролежала, не знает. Случайно соседка к ней забежала и увидела хозяйку лежащей на полу. В доме было холодно, печь давно не топлена. Соседка позвонила в больницу. Скорая приехала довольно быстро. Забрали старушку с подозрением на воспаление легких, да еще и ишемическая болезнь сердца сказала. Пока хозяйки не было, соседка через день топила печку, кормила кота и собаку.

В больнице Марии Андреевне посоветовали ехать к кому-нибудь из детей, так как одной оставаться уже рискованно. После лечения она вернулась домой, не раз хотела позвонить детям, да все откладывала, за всю жизнь так и не научилась просить или за помощью обращаться.

Однажды на выходной из Перми приехал средний сын Анатолий. Узнав, что мать лежала в больнице, спросил, не нужны ли

какие лекарства или деньги на медикаменты. Конечно, она отказалась. Пока он ходил со старым другом на рыбалку и охоту, она крутилась возле печки, стараясь накормить сыночка повкуснее, шанежек настряпать да пирожков - давненько Анатолий не ел ничего из русской печи.

Прошла неделя, сын уехал, пообещав приезжать почаще, и как в воду канул. Ни звонка, ни весточки. Пролетел месяц, другой, от детей ни слуху, ни духу. Сама Мария Андреевна звонить стеснялась. Однажды набрала номер дочки, а ответила внучка. Сказала, что маме некогда.

Соседка приходила каждый день, находя какое-нибудь заделье. Как-то взяла сотовый телефон у старушки и позвонила ее детям, все номера были в телефоне. Пристыдила, что к матери не ездят, внуков не посылают, даже не звонят, забыли, кому жизнью своей обязаны.

К Новому году осчастливила своим приездом старшая дочь. Вышла из машины такая важная, боялась ступить на деревенскую землю. Матери она сразу сказала, что только на денек приехала. Соседка с ней поговорила и намекнула, мол, надо к себе мать забрать, здоровье никуда не годится.

- Вы знаете, сейчас не могу взять маму к себе, - запротестовала та. - Внук-студент, ему заниматься надо, с друзьями встречаться. У нас бывает шумно, маме не понравится, а здесь ведь тишина, если что, Вы сразу и позвоните.

- А почему внук живет у вас, а не у родителей? - спросила соседка.

- У нас ему лучше, да и нам веселее.

Да, не найти было для матери укромный уголок в трехкомнатной городской квартире.

В течение двух-трех месяцев с каждым из детей поговорила по телефону соседка. Всех взывала о помощи. Тщетно. Старушка была никому не нужна. Тогда она уговорила Марию Андреевну перебраться к ней в дом. Вдвоем веселее. Так и жили, пока соседку не свалил инсульт. Из больницы ее взяли сыновья и увезли в Оханск. Дом заколотили, а Мария Андреевна вернулась в свои «апартаменты».

Однажды она себя плохо почувствовала, и сама позвонила на скорую. Фельдшер приехала, сделала ей укол и посоветовала записаться на прием к врачу. Она на автобусе приехала, но как объяснишь доктору, что бесполезно детей, не знавших нужды, призывать к совести.

* * *

Старушка еще помнит, как вошла молодушкой в дом свекра и свекрови, где проживало сразу несколько поколений, и всем места хватало. Невестки не ссорились между собой, все жили дружно. Последнее слово всегда было за дедом, а если он отлучался, тогда его жена «правила балом». Хоть Мария Андреевна была младшей невесткой, но и к ней все домочадцы относились хорошо, если нужно, помогали, советовали.

Когда сыновья построили свои дома, на праздники, по семейной традиции, шли к старикам. Как занедужили оба, старший сын перевез их к себе, тогда уже там и собирались на «семейные» советы. Нет уже в деревне никого из того большого дружного клана. Дети и внуки их давно разъехались по разным уголкам страны.

Старушка, вспоминая это, заливалась слезами. Как она хотела, чтобы и у нее была такая же крепкая семья. После того, как в родительском доме они остались одни, муж часто начал к бутылке прикладываться. Сетовал на то, что раны военные болят, спать не дают. Жена тоже могла сказать, что в войну и она наработалась в колхозе, с подростков тоже требовали норму. Насиделись в деревне и в холоде, и в голоде, да разве кто поверит? Слава и почет только фронтовикам. Детей Мария Андреевна просила, чтобы к отцу не приставали, когда он пьяный, мол, нездоровится ему. В заботах за мужем, за скотиной да детьми вся жизнь и проскочила, оглянуться не успела. А разве такая она была в молодости после рождения детей? Кровь с молоком!

После очередного сердечного приступа к ней приехал в больницу сын Анатолий и сказал доктору, что побывал у всех братьев и сестер, но никто принять мать не может. Сам Анатолий взял бы ее к себе, но он жил в самых худших условиях из детей. У них с женой одна комнатка на 18 метров. Дети давно разлетелись, сын

в Сибири, а дочка в Кабардино-Балкарии. Остальные братья и сестры Анатолия имеют приличные квартиры.

- Толик, ты не переживай, я и одна проживу, зачем вас стеснять буду?

- Мама, давай я тебя в интернат для ветеранов пристрою. Там хорошо, тем более что от дома недалеко. Не понравится, заберу.

- Ну, что ж, если я никому не нужна, делай, сын, как знаешь, - она внешне уже не сопротивлялась, хотя все нутро ее было против интерната. Анатолий подготовил документы, оставалось только ждать.

Кроме Анатолия, к ней так никто и не приехал, даже не позвонил. Когда сообщили, что есть место в доме ветеранов, она позвонила сыну. Он сам ее и перевез на новое место жительства. Старушка прекрасно осознавала, что привезли ее сюда умирать, ведь молодость назад не вернешь, а здоровье не купишь. Одно успокаивало, есть с кем словом перекинуться.

* * *

Из всех детей средний сын оказался намного порядочней всех остальных, хотя по молодости немало покуролесил. Он все-таки и заезжал, и позванивал время от времени. У него действительно была проблема не только с жильем, но и со здоровьем жены, она почти не ходила. Непонятно только, почему дочери стали глухими по отношению к старенькой матери.

Когда Мария Андреевна вспоминала былые годы, на лице ее блуждало что-то вроде улыбки. Разве забудешь, как ее младший Витька решил на бычке покататься. Пока бычок пил во дворе воду, Витька пристроился на заборе, чтоб прямо на спину животному сесть и выбирал момент. Наконец, Ветерок (так звали бычка) поднял голову, и мальчишка оседлал его. Ветерок не понял, медленно повернул голову и увидел на своих боках вначале грязные ноги, а чуть выше мальчишку с наглой рожей. Он не спеша подошел к крылечку, взбрыкнул задними ногами, и Витька, был да нет, перелетел через бычью голову и угодил головой прямо в чан со свежей навозной жижей. Ох, и досталось ему тогда от отца, который в это время вытаскивал навоз из хлева. С тех пор Витька к Ветерку

близко не приближался, а «рог» от удара о дно чана долго носил. Потом ребята дразнили его в школе бычьим наездником.

А как не вспомнишь Милочку. Вот уж пригожая девчонка росла, все ее любили. Училась лучше всех в семье, петь любила и танцевать. Но ничего из нее путного не получилось. Учиться дальше не захотела. Познакомилась с парнем-студентом из Перми, который приезжал в колхоз на уборку урожая. После школы к нему уехала, замуж вышла - вот и все ее университеты. Оба с мужем работали на заводе, зарабатывали прилично. Квартиру получили, потом на расширение подали. В новом доме дали четырехкомнатную жилплощадь, так как было у них трое детей. Сейчас остались вдвоем, правда, сын иногда живет у них, когда запивает. Дом - полная чаша.

Славик был первым ребенком в семье, ему любви больше других досталось. Прадед его очень любил до конца своих дней, все настраивал парня выучиться на механизатора да в родном селе остаться. Не захотел Славик жить в деревне, в город подался. После армии остался под Челябинском, где служил. Несколько лет был на сверхсрочной. У него свой дом, просторный и светлый. Мария Андреевна бывала у сына еще вместе с мужем. Большая усадьба с летним домом, баня - все, как положено.

Старшая дочка Наташа всегда с мальчишками водилась, в войну с ними играла. Толик же рос увальнем, таким и остался. А вот Сережка был до того боёк, что все соседи говорили: «Парень на боку дыру вертит». Так оно и было. В 90-е куда только не попадал, не сиделось ему в деревне. В большом городе жить сложно. Его там несколько раз раздевали до трусов, могли и убить, но пронесло. Душа за него болела. Отец только и повторял ему, когда парень домой заявлялся: «Не суй башку, куда не просят. Будешь бандитом - домой не приезжай, не приму». Только чудом не попал Сережка в бандитские группировки, в армию взяли, на Северный флот. А вернулся - дома надо было помогать, отец слег, да так больше и не поднялся. Давно не приезжал Сережка в родные края, обосновался в Мурманской области. Дважды был женат, от первого брака трое детей. Тоже живут сейчас вдвоем.

- Не виню я своих детей ни в чем, - сказала Мария Андреевна.
- Новое время, новые правила. Кто сейчас с родителями живет? Все стараются отделиться, почувствовать свободу. Боюсь, что следующие поколения вообще на стариков не будут внимания обращать. Сдадут их в интернаты и развяжут себе руки. Я вот уже брошенная, как говорится, отработанный материал. Ни к чему на меня время и нервы тратить.

Она понимала своим умом, что отец был плохим примером для детей. Работал в колхозе, но после получки по несколько дней не выходил на работу. Ему во время страды вообще зарплату не выдавали, он ее получал после основных полевых работ. Что-что, а трудиться он умел! Когда не пил, мог горы свернуть. Но, будучи пьяным, по любому поводу привязывался то к детям, то к жене, придирался, мог оскорбить с полным набором русского мата, а то и арапником замахнуться. Ребята боялись разгневать его в это время и старались уйти из дома. Из-за пьянки и пострадал. Чуть не замерз в новогоднюю ночь. Случайно парочка молодых его обнаружила неподалеку от речки, притащили домой. Мария Андреевна оттирала мужа самогонкой, поила травами, топила специально баню, фельдшер через день навевывалась с уколами - ничего не помогло. Организм не выдержал. Хорошо, еще Сергей был в это время дома, помогал поднимать отца, носил в баню, менял подстилки.

Недолго прожила старушка в интернате. Дети, кроме Анатолия, не звонили. Она и телевизор редко смотрела, больше у окна сидела, думала о чем-то, никогда не жаловалась.

* * *

Старушка ушла вьюжной холодной ночью. Обычно, как только прихватывало сердце, она звала медсестру, но в последний раз решила никого не беспокоить в надежде, что до утра протерпит. Похоронили Марию Андреевну рядом с мужем на родном погосте. Из детей только Анатолий шел за гробом.

Через полгода все дети собрались в родительском доме, но всем не по причине ностальгии. Они были вне себя, когда узнали,

что мать завещание составила на Анатолия, потому что недостаток у него был хуже, чем у остальных детей, да и любителю рыбалки и охоты будет, где остановиться и машину свою оставить. Братья и сестры потребовали, чтобы брат откупился.

До суда дело не дошло, но с ним, как с изгоем, никто из родных не разговаривает и не общается. Лето он проводит в деревне, а на зиму уезжает в город.

- Мне очень обидно, что так распорядилась жизнь, - сетует он.
- Я ведь сколько раз звал братьев и сестер приехать сюда, хоть чем-то матери помочь. Когда на пенсию вышел, сюда стал часто приезжать, надеяться не на кого. Они все отговаривались, находили причины, а когда срок подошел в наследство вступать, так сразу время нашли. Мне интересно, чего им не хватает. Все живут в полном достатке, я себя тоже вовсе бедным назвать не могу, но купить квартиру по нынешним ценам - мне, конечно, не под силу. Я им не отказывал сюда приезжать летом и отдыхать, но они хотели продать дом. Разве за него много дадут? Что тут продавать? Они потребовали, чтобы каждому из них я по сто тысяч рублей уплатил. Представляете? То есть, полмиллиона на всех. А моя пенсия 20 тысяч, у жены - того меньше, да к тому же она - больной человек, сейчас не ходит совсем. У нас еще и внуки есть, из каких ресурсов полмиллиона накопить? Вот так и остался я без братьев и сестер. А мать жалко, не ценил я ее по молодости. Мне казалось, она меня не долюбливала, хотя, как сейчас помню, если мне было плохо, шел к ней, и она находила нужные слова, успокаивала. О том, что дом она подписала на меня, я и не знал. Нотариус в дом-интернат приезжал и все оформил. После смерти матери мне отдали документы и вещи ее.

* * *

Подобных историй можно привести десятки. Из-за наследства, иногда мизерного, случаются целые баталии с исками, судами и разборками. Что взять с дома, который еще прадеды строили? Пока жив был хозяин, что-то ремонтировал, переделывал, перекладывал, а потом десятки лет ни к чему мужская рука не прикасалась. Богатенькие дети были заняты только собой и своими

семьями, а про мать не вспоминали, правда, на лето все-таки отправляли своих детей к бабушке, пока те были маленькими.

Мать, кроткая по натуре, не беспокоила их лишней раз, старалась со всеми проблемами справляться сама. А когда занемогла, на выручку пришел тот, от кого она меньше всего ожидала помощи, Анатолий с детства был не очень общительным, все держался в стороне от других ребят, которые дразнили его жиркомбинатом, стеснялся, никогда ничего не просил. Мария Андреевна про себя называла его Букой, но не произносила это вслух. Вот он оказался человечнее других. Зато после смерти матери, на похороны которой остальные дети так и «не смогли» приехать, все примчались делить наследство. Брат, которому это наследство досталось, теперь стал врагом для них.

2020г.

Дети приехали делить наследство. 2019г.

Во мне, как будто, веселье умерло...

Пьющий человек себе не принадлежит, особенно женщина, - так сказал в начале XX века А.В.Луначарский. - А если у женщины есть дети, то можно с уверенностью сказать - не все, но большинство из них, кто-то раньше, а кто - позже, пойдут по материнскому пути.

Опровергнуть Луначарского трудно, потому что жизнь постоянно заставляет нас думать именно так.

По городскому скверу навстречу мне шла женщина. Ее бросало во все стороны. Она смешно тарасила глаза, видимо, старалась увидеть знакомые лица. Неприбранные волосы падали на глаза, она то и дело встряхивала головой, стараясь освободить лицо.

По ее «осанке», мутному взгляду и шаркающей походке вряд ли я нашла бы сходство с кем-то из своих бывших одноклассниц. Но вдруг женщина, заметив, как я отошла в сторону, пропуская ее, улыбнулась и почти прошла мимо. Но вдруг остановилась и, глядя мне в глаза, произнесла.

- Может, я и ошибаюсь, но мне кажется, что мы вместе учились когда-то, только где, не припомню. Заходи, поболтаем, если не забыла, где мы жили. - Она снова улыбнулась странной улыбкой, которая запоминается. Потом побрела дальше, оставив меня в ошарашенном состоянии.

Вечером, проходя по тому же месту, мне опять вспомнилась улыбка женщины. Она была то ли застенчивой, то ли презрительной, но почему-то очень знакомой. Где и когда я видела точно такую же? И не раз!

Только через несколько дней, перебирая старые фотографии, вспомнила девочку с улыбкой, не дающей мне покоя. Так улыбалась Нина, когда ее ругали за что-нибудь. Это случилось не часто, чаще ее ставили в пример. Но та женщина не могла быть Ниной,

у которой все и всегда было хорошо.

Мы виделись с Ниной последний раз лет 45 назад, она приезжала на похороны матери. Поговорили. Она жила в Хабаровске, куда получила направление после окончания Пермского политехнического института, и работала начальником конструкторского отдела на одном из заводов Хабаровского края. Дом - полная чаша. Муж - инженер на том же предприятии, девочки-двойняшки. Уже позднее ее мать, Евгения Иосифовна, сказала, что у Нины родился потом сын. То есть, вполне нормальная семья.

Так судьбе угодно

Прошла неделя, другая. Нина не выходила у меня из головы. Неужели это, действительно, она? В один из свободных вечеров отправилась искать ее дом. Столько лет прошло, а ничего не изменилось, разве что сорняки разрослись во все стороны. Открыла калитку, вошла в темные сени. В это время дверь распахнулась и навстречу мне вышла та самая женщина, с которой я повстречалась в сквере. На сей раз волосы ее были собраны в хвостик.

- Ну, слава Богу! - воскликнула она. - Хоть кто-то вспомнил обо мне. Проходи, гостья дорогая.

В доме тоже мало что изменилось. На стенах портреты отца, матери, отчима и еще каких-то людей. Из мебели только кровать, стол, старенький шифоньер, большой сундук, «зингеровская» швейная машинка да несколько табуретов. За заборкой - подобие кухни.

- Проходи, проходи, что ты стоишь? - подтолкнула меня хозяйка к столу и без предисловий назвала себя.

- А я - Нина Лазаренко, помнишь? Ты меня в четвертом или пятом классе подтягивала по русскому языку.

Конечно, вспомнила, что она хорошо училась, даже, можно сказать, отлично. Но была одна заковыка: не давался ей русский язык. Она прекрасно знала правила, но применить их на практике не могла, поэтому в ее табеле рядом с пятерками всегда стояла тройка по русскому. После четвертого класса наши дороги разошлись, мы уже учились в разных школах, но, встречаясь, больше

говорили о прочитанных книгах. Помню, что мне импонировала одна ее черта: она никогда не возмущалась и никого не осуждала. Пусть человек в сотый раз не прав, она спокойно скажет: значит, так судьбе угодно - вот и все. Спокойный и невозмутимый человек, мне иногда было с ней трудно общаться. У меня эмоции через край плещут, а Нина хоть бы что: так судьбе угодно - вот и все дела.

Все поменялось

Я не знала, как начать разговор на этот раз, не о книгах же говорить. Нина предложила побаловаться чаем, потому как ничего крепче нет, а до пенсии еще далеко.

- Вижу, не узнаёшь меня. Я что, сильно изменилась? - спросила она.

- Да, очень сильно. Мы же виделись с тобой последний раз лет 45 назад, когда ты на похороны матери приезжала, а годы никого не красят.

- Ой, паршивая моя жизнь, - Нина схватилась руками за голову и села на кровать. - Сама же я ее загубила. Мать у меня пила по страшному вместе с отчимом, я тогда зарок себе дала - не приронусь к спиртному до конца дней. Видишь? Поменялось-то как все...

Отец Нины умер рано, когда она была совсем маленькой, а брат ходил в первый класс.

Сама Нина не могла похвастать благополучным детством. Отчим поднимал на девочку руку, мать ему потакала, видимо, боялась остаться без мужа, в своем доме без мужчины трудно. На защиту сестренки часто вставал брат, на четыре года старше Нины. Он, в отличие от сестры, был парнем бесшабашным, веселым, с ним никогда не было скучно.

В праздники брат уводил Нину из дома, чтобы она не слышала пьяных оргий, которые устраивали гости, приходящие к родителям. Она вместе с мальчишками ходила на речку, в лес, брали ее на рыбалку. Ей нравилось после купания сидеть и греться у костра.

Конечно, мальчишки ругались, бывало, дрались, но брат всякий раз говорил, чтобы она не обращала на это внимания, потому как они же будущие мужчины, им надо уметь постоять за себя. Нину не обижали, наоборот, у кого появится лишняя конфетка, они старались угостить девочку.

Красный диплом и счастливая семья

Мать Нины, Евгения Иосифовна, была дочерью священнослужителя. Если кто-нибудь жалел ее или пытался жаловаться на свою судьбу, она отвечала просто: умеи покорно нести свой крест. Наверное, от нее и Нине передалось чувство всепрощения.

Второй муж Евгении Иосифовны был совсем другим человеком, полной её противоположностью. Между собой, они, вроде, и не ссорились, но Владимир, когда перепивал, становился похожим на молодого петушка, на всех насакакивал, всех оскорблял. Мог ударить любого, кто слово поперек скажет. И ему, конечно, попадало. Нередко мать всю ночь сидела рядом с ним и меняла компрессы.

Когда мать начала пить, Нина не знает, ей казалось, что так было всегда. Она, поступив в политехнический институт, поняла - надеяться придется только на себя. Подрядилась мыть полы по ночам в двух студенческих общежитиях, ведь стипендии даже на еду не хватало. С присущим ей упорством готовилась к экзаменам, и институт окончила с красным дипломом.

- Ты не думай, у меня была красивая жизнь, - Нина пересела к столу и продолжила. - Муж, дети. Меня же по направлению в Хабаровский край отправили, работала там начальником конструкторского отдела. В первый год работы познакомилась с Алёшкой. Правильный был парень и честный, он до конца дней инженером работал на том же заводе. Помню свадьбу нашу комсомольскую. Когда детки пошли, старался мне помочь, по первому плачу к девчонкам бросался. Я ведь даже не мечтала о таком муже. Сыночек тоже здоровеньким рос. А потом облучился на испытаниях мой благоверный Алёшенька... - она разрыдалась, уронив голову на стол.

И закончилась веселая жизнь семьи. Вот когда Нина начала пить. Одна, когда в квартире никого не было. Ее старались отвлечь сослуживцы, друзья семьи, но в женщину будто бес вселился. Она никого не слушала и продолжала пить.

А начиналась новая жизнь со стакана водки

- Ты знаешь, когда после того, как похоронила Алёшу, первый раз выпила сразу почти стакан водки, мне стало очень легко. Веришь? Наутро голова болела, а ее «поправила» снова водкой. И опять полегчало. В общем, вот такая моя судьба. Разве от неё отвертись? Я теперь понимаю свою мать. После потери мужа во мне как будто веселье умерло. Девчонки уже своими семьями жили, но 40 дней по очереди со мной ночевали. Сын учился еще в университете и после занятий каждый раз осматривал квартиру, нет ли запрятанных бутылок. Что я - дура, после себя следы оставлять? Никого не слушала. Жила, как хотела.

Пришло время, и Нина лишилась не только работы, но и квартиры. Дети пытались ее лечить - она не поддавалась. Вскоре из красивой цветущей женщины она превратилась в старуху с мутным взглядом.

Чтобы не дискредитировать своих детей, она решила уехать на малую родину, где оставался родительский дом. В нем жили дальние родственники отчима. Но когда она написала, что собирается вернуться, они освободили жилплощадь и перебрались в свой недостроенный дом. После них осталось много дров, так что первые годы Нина здесь жила неплохо.

- Нина, а где твой брат? - спрашиваю, а сама боюсь. Вдруг он тоже в пьянку ударился?

- Юрки давно нет на этом свете, - горестно вздыхает Нина. - Он в Кунгурском техникуме учился, там и остался. В армию ушел. Служил на южной границе в Таджикистане. Познакомился там с местным парнем, а тот начал его травкой угощать. Мы же не слыхивали здесь о каких-то наркотиках в то время. Потом травка стала другой. Одним словом, «сгорел» от передозировки. Матери пришлось извещение, что во время учений его сердце не выдержало

нагрузки. Три года выдерживало, а тут вдруг остановилось? Потом матери написал письмо сослуживец, с которым Юрка вместе должен был демобилизоваться. Так что считай, нет у меня никого, одна я на всем белом свете.

- А как же дети?

- Дети? А что дети? Они мне заявили: пока пьешь, мы тебя не знаем. А я не пить уже не могу. Я ведь пьяная была, а тебя узнала. Будь трезвой, ни за что бы не признала. Так что это мое нормальное состояние. Так судьбе угодно. Хорошо, что ты зашла, вот я тебе и рассказала все, как есть, можно сказать, жизнь свою перед тобой раскрыла. В помощи и жалости не нуждаюсь. Я сама себе эту жизнь выбрала.

Больше я не заходила в ту избушку, где жила моя давняя знакомая. Можно, конечно, свалить на занятость, но, если честно, я не хотела этого, потому что не знала, о чем с ней вести разговор.

Прошлым летом, оказавшись на городском кладбище, совершенно случайно взглянула на могилу, мимо которой проходила. На памятнике вдруг увидела фотографию красивой женщины. Это была Нина.

- Отмучилась, видно судьба такая, - подумала я словами самой Нины.

2023г

Война в глазах осталась

В квартире Людмилы Григорьевны Каменских на видном месте среди семейных фотографий в глаза бросается одна, на которой уже немолодая женщина с красивой прической. При взгляде на снимок чувствуется какой-то дисбаланс. Вначале я никак не могла понять, почему, а потом, взглянув на фотографию несколько раз, поняла - глаза. У нее очень грустные глаза, несмотря на то, что женщина улыбается.

- Это моя мама, - сказала хозяйка, заметив мой пристальный взгляд на этот снимок. - У нее всегда глаза были грустными, даже когда она смеялась. Война у мамы в глазах осталась.

- А Вам мама рассказывала о войне? - спрашиваю, заранее зная, что ответ будет отрицательным, не любят люди, попавшие в оккупацию, вспоминать то время.

- Рассказала. Может быть, этого бы не случилось, если б не приехала к нам в гости ее подруга, тетя Клавдия, они жили в одной деревне и вместе прошли тот тяжелый путь.

Фашисты в деревне

Белоруссия. Полесье, деревня Байки, 1941 год. Немцы, войдя туда, как и везде, начали устанавливать свои порядки. За малейшее непослушание - расстрел, за выход из дома после комендантского часа - расстрел, за укрывательство коммунистов и комсомольцев - расстрел. Жили все под страхом расстрела. Не смотря на то, что наша армия отступала, а фашисты под бравурные марши кричали о мировом господстве, в деревне появились листовки, а на железной дороге начали взрываться поезда с техникой. Не раз фашисты сгоняли жителей на площадь возле конторы, держали часами и требовали назвать, кто связан с партизанами. Даже заложников брали, для острастки одного из них перед толпой расстреляли. Но никто ничего не знал, а если кто и знал, так молчали.

После очередной удачной партизанской вылазки вновь собрали байковцев. По периметру площади стояли грузовые машины с ав-

томатчиками. Когда все собрались, немецкий офицер сказал, что Германии требуются рабочие руки, поэтому всех жителей просят занимать свои места в машинах, которые отвезут их на вокзал.

Что тут началось! Кто-то попытался сбежать, но его догнала пуля, кто-то закричал и получил удар плеткой. Малышей отбирали от родителей, девочек-подростков от 14 до 17 лет уводили в сторону, остальных насильно заталкивали в машины. Крик стоял ужасный, он него, казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки. Это длилось около часа.

Когда машины ушли, девушек построили, и тот же офицер заговорил о том, что война унесла жизнь многих достойных арийцев, и сейчас стоит задача - восполнить население Германии, поскольку в первые дни войны с Советским Союзом Германия потеряла столько солдат, сколько не теряла в завоевании многих стран Европы. Вот поэтому родить для немецкой нации должны именно славянские женщины, отцами же станут чистокровные арийцы.

В группу подростков попала и Евгения Веселович, которой было уже 19 лет, но худенькая и маленькая ростом она выглядела школьницей. У нее уже был жених Григорий, осенью собирались сыграть свадьбу, а тут война.

Григорий был курсантом военного училища. Ребята приезжали помочь местному колхозу в уборке урожая, вот там и познакомился он с Евгенией. Письма, редкие встречи в течение года. В июне он приезжал на пару дней, тогда они ушли в лес и построили шалаш.

От воспоминаний об этих счастливых днях у Жени замирало сердце и сжималось от тревоги за любимого человека.

«Важное событие»

Девчат набралось человек 30. Большинство из них еще не понимали, что происходит, и зачем их оставили. Они плакали, не стесняясь.

Их привели в здание школы, где они учились, развели по классам и поставили охрану.

- Что с нами будет? - спросила у Евгении девочка из соседнего дома. - Нас убьют? Но мы же не партизаны.

- Тише ты, - оборвала ее Анна, выглядевшая самой взрослой из всех, несмотря на то, что ей было только 17 лет. - Я думаю, нас спать заставят с фрицами. Слышали, офицер сказал - население Германии надо увеличивать?

- Я ни за что не дамся, - снова заплакала самая младшая из них, Клава. - Мама говорила, спать надо только, когда любишь, а так - баловство одно.

- Вот немцы и побалуется с нами. Ни дна бы им, ни покрывки.

В это время в коридоре началось какое-то движение. Дверь распахнулась, и солдаты начали заносить железные кровати. Офицер лично принес коробку с едой и на ломаном русском языке сказал, переводчика с ним не было, что перед «важным событием» надо подкрепиться. Посмеялся и вышел.

«Важное событие» началось спустя несколько часов. Солдаты хватили девушек, привязывали их к кроватям и раздевали. Стоял такой крик, что пришлось для острастки выстрелить несколько раз в потолок, а одну из девочек немец убил за то, что она искусила его. Они набрасывались на хрупкие тела, как голодные волки.

К утру все было закончено. Кругом кровь, разорванная одежда... И такое повторялось несколько ночей подряд. Потом девушкам дали отдых, но водили их время от времени на разные работы, нередко приходилось убирать трупы после партизанских операций. Одним словом, устроили фашисты в деревне малокомплектный концлагерь, правда, кормили неплохо. Для всех привезли одинаковые платья зеленого цвета, как из дерюги. Они были жесткими и неприятно кололи кожу.

Осенью приехал доктор-акушер, который осмотрел девчат. Их снова перетасовали. Тех, в ком зародилась новая жизнь, поместили отдельно от «свободных», а к «свободным» добавилась очередная партия девушек. И для них начался тот же ад, через который многие уже прошли.

Первой разрешилась шестимесячной девочкой 15-летняя Клава. Ребенок был недоношенный, но живой. В марте родила Евге-

ния. Дочка была доношенная, и она знала, что это Гришин ребенок. Но весила девочка чуть больше двух килограммов, поэтому ее тоже записали в «недоноски». Друг за другом родились дети у остальных из их группы.

Немцы заставляли женщин усиленно питаться, потому что «дети рейха должны быть здоровыми и сильными». У себя в документах они всех родившихся записали немецкими именами и фамилиями. Дочка Евгении значилась как Эрика Олейнитцак, Клавина - Гудрун Мюллер и так далее.

Освобождение

Девушки понимали, рано или поздно детей у них заберут и отправят в Германию, ведь отцами у них записаны немцы, те самые, что их насиловали. Самых, скорей всего, расстреляют или отправят в лагеря смерти. Одна из девушек после родов не выдержала позора и повесилась на решетке, предварительно задушив своего ребенка.

Евгения видела, как быстро набирает вес их с Гришей дочка. Да это была его девочка. Такие же темные, в отличие от матери, волосы, тот же курносый носик и даже хмурилась так же, как отец, а главное - черные глаза, что очень смущало немцев, все солдаты, кого отбирали для этой операции, были голубоглазыми и светловолосыми. Списали этот феномен на то, что у мамы цвет глаз ближе к карим. Ее это успокаивало. Хоть и надругался фашист над ее телом, но понесла она ребенка от любимого человека.

Прошел год, другой. Девчата не знали, как идут дела на войне, хотя слышали приближающуюся канонаду. Немцы стали злее, за любую провинность «угощали» плетками. Беспокоили фашистов и партизаны, это слово они произносили постоянно.

Однажды, шел 1944 год, девушек несколько дней не выводили на работы.

- Видно, не сладко фрицам, если уши прижали, - произнесла со злостью Анна.

- А если они наших детей заберут? - высказала мысль вслух Евгения.

- Да пусть забирают своих ублюдков, фашисты - они и есть фашисты.

- Нет, Анна, ты не права, это и твой ребенок, неужели ты его не любишь?

- Да. Не люблю.

- А я своего ни за что не отдам, вступила в разговор Клава.

- Помнишь, ты говорила - ни за что не дамся! Что, не далась? Далась, да еще как! Первой родила, вот тебе и малолетка, - Анна была уже в бешенстве.

- Девочки, не ссорьтесь, еще неизвестно, что дальше с нами будет. Слышите, наши совсем близко, - Евгения не любила ссор, поэтому всегда старалась потушить их, насколько было возможно.

Деревню освободила часть Советской армии. Перед тем, как удрать, немцы подпалили все дома в деревне. Забрали у девушек детей, а двери школы подперли снаружи и тоже подожгли. Решетки не давали вылезти через окна, узницы начали задыхаться. Помощь подоспела вовремя.

Однако вывезти детей фашисты не успели. Только чудом машину с детьми не взорвали.

Детей вернули матерям, и они разошлись по своим горящим усадьбам. Надо было жить и растить детей. Кто-то успел сразу уйти в другие места, им повезло. Зато не повезло тем, кто остался. В части, занявшей деревню, был уполномоченный особого отдела. Он заинтересовался документами, перехваченными у немцев. В них он прочитал, что в деревне был образован пансионат для размножения детей арийской расы. Там же был список детей, записанных немецкими именами, и их матерей.

Он приказал привести всех женщин обратно. Кто не успел уйти, тот опоздал. В числе арестованных оказалась и Евгения Алексеевна. Она доказывала, что ребенок ее не от немца, а от жениха-курсанта, но ей не поверили. Собрали бедолаг, обвинили в пособничестве с врагами, и увезли в Ленинградскую область.

Побег

Снова они были узниками. Кругом колючая проволока и речки с двух сторон. Зона их простиралась на несколько десятков гектаров. Жили в сараях по несколько пар, удобства на улице. Из взрослых организовали что-то типа колхоза под руководством военных. Дети болели, но помощи никакой не оказывалось. Охранники так и говорили: «Да пусть немчурадохнет, на кой такие дети нужны». Выхаживали их матери, как могли, сами. Пока они находились в немецком «санатории», кормящие матери и дети получали хорошее довольствие, и медпомощь оказывалась, ведь Германии нужны были здоровые дети. Правда, потом, когда малыши начинали бегать, матерей с этого довольствия снимали и кормили баландой. Здесь же и дети, и взрослые жили впроголодь.

Однажды, это было начало мая, вдруг началась беспорядочная пальба. Женщины выскочили из своих сараев и ничего не могли понять. Их конвойные, как дети, подпрыгивали на месте и стреляли в воздух.

Один из них подскочил к женщинам и громко крикнул: «Девчата, победа! Наши Берлин взяли!» А те, вместо того, чтобы разделить с ним радость, пустились в слезы.

Этот конвойный часто приходил к рыжеватенькой Лизе, видно было - равнодушен к ней, но при начальстве держался, как положено. Через Лизу и узнавали женщины о делах на фронте.

Ради такого случая к ним даже начальник лагеря подошел, поздравил с победой. Он жил бобылем. Были у него родные или нет, никто не знал. Вредный был и злопамятный.

Женщины, проплакавшись, сели за большой стол на улице. У одних была припрятана самогонка для лечения детей, другие достали заначку, которая тоже предназначалась детям, но такой день, грех, было не отметить. Они выпили, молча, за родных, не зная, живы они или сложили свои головы на поле брани, а, может, в концлагерях погибли.

В черте зоны жил старик, он промышлял рыболовством. В 20-е годы на этом месте был поселок. Постепенно все его жители разъехались, кто куда, а он остался. Старые дома снесли, постро-

или мастерские, землю пахали, выращивали кое-какие овощи, он работал сторожем. Старик еще в гражданской войне участвовал, и очень жалел женщин. Он не раз намекал, что бежать надо, что их долго держать здесь не будут, отправят в большие лагеря, а детей - в детские дома. Даже соглашался поспособствовать этому.

Женщины и сами мечтали о побеге. Но как бежать, не зная местности и дорог, их на любом переходе остановят. Карп, так звали конвойного - Лизиного ухажера, однажды услышал, о чем говорят заключенные, и сказал, что он уйдет вместе с ними. Надо было это делать быстро, потому что со дня на день ждали новое распоряжение по поводу этого лагеря, и тогда никакой возможности сбежать, не будет.

В ту ночь спали только дети, а взрослые ждали наступления рассвета. Старик обещал на речке, что под скалой, обрезать колючую проволоку и пригнать туда пару лодок. Одну собирался повести он сам, другую - Карп.

По сигналу женщины двинулись к речке. Когда начали грузиться в лодки, дочка Евгении вспомнила, что оставила тряпичную куклу. Та в суматохе не заметила, как исчезла девочка. Уже все было готово, пора ехать, а дочки нет. В это время на тропинке, идущей к речке, показался начальник лагеря. И вдруг к нему подбегает дочка Евгении! Все замерли, понимая, что от него ничего хорошего ждать не стоит. Мать бросилась к ребенку.

Начальник внимательно посмотрел на нее, поднял на руки девочку и отдал ей со словами:

- Бегите, пока охрана спит, а я вас не видел. Мне теперь уж все равно, расстрел, так расстрел, вчера сообщили - нет у меня больше ни жены, ни детей. Последний сын такой же вот был, когда я уходил. Всех одной бомбой уложили. Ладно, не теряйте время, - повернулся и пошел прочь.

Другая фамилия

Гребли до мозолей на руках. Когда выехали на большую «речную дорогу», им погоня была уже не страшна. Пристали к полному берегу, отпустив лодки в свободное плавание, и пошли пеш-

ком в разные стороны, куда глаза глядят. Евгения и Клава вместе с дочками и стариком, направились к Карелии, у него там были знакомые. Влились в поток беженцев, возвращавшихся домой.

Несколько недель жили в маленькой деревне, название так и не смогли запомнить. Обе понимали - надо определяться, да и хозяйева смотрели на них косо, правда, поделились одеждой. Попрощавшись со стариком, женщины направились к железной дороге. Сели в первый попавшийся поезд и поехали на восток. На одном из полустанков Клава решила остаться. Она сказала, что вместе им нельзя, каждый день будет напоминать о том, что случилось.

Евгения решила доехать до Москвы. В поезде познакомилась с солдатом, уже немолодым, возвращавшимся из госпиталя. Он быстро нашел общий язык с девочкой, да и с ее матерью тоже. Звали солдата Григорием.

Обычно люди в поездах открывают свою душу попутчикам, потому что понимают - страна большая и вряд ли удастся встретиться еще раз. Так и Евгения, усыпив дочку, рассказала Григорию о своей беде. Она знала, что, скорей всего, их уже ищут.

- Женя, выходи за меня замуж, - предложил Григорий. - Поедем на Урал, а что с тобой произошло, никто и знать не будет. Я не обижу. Сменишь фамилию и имя, если хочешь.

И она согласилась, да еще имя его подкупило, ее жениха так же звали. В Москве нашли ближайший ЗАГС. Пожилая сотрудница вначале не хотела записывать их без документов, а когда Григорий предъявил свои и объяснил, что семья его оставалась на оккупированной территории, дом сгорел, и никаких документов не сохранилось, без слов выписала им новые.

В Оханск приехала семья Каменских с дочкой Люсей. Муж работал в заготзерне, а она устроилась в торговлю. У мужа в городе жила племянница - ровесница Евгении, они подружились, часто Лена брала к себе Люсю. Она и рассказала, что у Григория была семья, но перед войной жена с сыном уехали к родным на Украину, с тех пор от них ни слуху, ни духу.

Жили Евгения с Григорием хорошо, через два года у них родился сынишка Макар, потом еще один, названный Виктором.

Евгения не могла нарадоваться, жизнь удалась. Изредка переписывалась с Клавой, которая писала, что ее несколько раз вызывали в органы и спрашивали, откуда и как она появилась в той местности, хотя она тоже сменила фамилию и отчество. У Клавды была своя легенда.

Евгения вместе с Григорием делала запросы в разные инстанции, чтобы узнать, жив ли его сын, но ничего утешительного не получили. Нигде его сын не числился. Григорий ушел из жизни довольно рано, сказала тяжелая контузия. Мальчикам было девять и десять лет.

Евгения замуж больше не выходила, детей растила сама. Когда они подросли, съездила в гости к Клаве. Потом Клавдия приехала к ней. А затем они вместе решили побывать на своей малой родине. В Байках дома были отстроены, почти ничего не напоминало о войне. За деревней еще были видны следы бомбежек, да глубокие рвы от окопов, как овражки, их так и оставили, а дальше колхозные поля. Словоохотливая бабка на базаре рассказала о женском лагере, где «производили» немецких детей, а куда девались остальные жители деревни, не знает. Из старых никого нет, даже партизаны, что жили здесь до войны, не остались в деревне.

Женщины очень боялись, что их кто-нибудь опознает, но им хотелось узнать, вернулись ли из лагерей угнанные в неметчину жители, среди которых были их родные. Зашли в сельсовет, секретарь подтвердила, что в деревне нет никого, кто жил здесь раньше.

Послесловие

Когда разрешили пользоваться архивными данными концентрационных лагерей, по запросу пришло официальное сообщение, что мать Евгении Алексеевны и младший брат умерли в концлагере на территории Польши. А жених ее и настоящий отец Людмилы Григорьевны числится без вести пропавшим еще с июля 1941 года.

- От войны у мамы не было светлых воспоминаний, разве только я, да полусгоревшая довоенная фотография, которую она по-

добрала на пепелище своего дома после того, как их освободили.

- А фамилию себе Вы девичью оставили? - спрашиваю хозяйку.

- Просто муж мне попался с такой же фамилией, - засмеялась она. - Если уж говорить честно, не раз мне хотелось поменять свою фамилию на мамину девичью. Представляете, Людмила Веселович. Как звучит! И дети Веселовичи, да и внуки тоже, у меня два сына. Но мама попросила не делать этого в знак благодарности человеку, который стал для меня, как и для братьев, по-настоящему родным отцом, а для нее - хорошим мужем.

Сама Людмила Григорьевна почти ничего не помнит из своего раннего детства, только реку, колючую проволоку, на которую она однажды наткнулась и чуть не лишилась глаза, и ту тряпичную куклу, что забыла когда-то в сарае. И еще навсегда запомнила чувство голода. Наверное, поэтому старается накормить всех, кто заходит к ней в дом.

- У меня в паспорте местом рождения указан город Оханск, я понимаю - так надо было, - с горечью в голосе говорит Л.Г.Каменских, - но мне тоже хотелось побывать там, где я действительно родилась. Не получилось, а теперь и желания нет. Пусть будет все так, как жизнь сложилась, - Людмила Григорьевна этими словами будто поставила жирную точку в нашем разговоре.

2019г.

Дети, рожденные от арийцев.

Война детей не щадит

Галине Ефимовне Щербаковой (на снимке) скоро «стукнет» 83 года. Родилась она перед войной, а сестрёнка ее - в том самом «сорок памятном году», да еще на второй день после начала войны. Отца через месяц призывали на фронт, а мать осталась с двумя маленькими девочками на руках. Были еще два сына, Семен и Василий, но они гостили у бабушки под Воронежем. Старшему было семь, а второму десять лет.

- Вы же понимаете, я совершенно не помню начала войны, мне в то время еще и двух лет не было, - начала разговор Галина Ефимовна. - Представляю, каково было маме, двое на руках, а старшие далеко, ведь сердце разрывалось.

Мать решила ехать к родителям вместе с девочками. На вокзале Перми-2 столпотворение. На запад идут только военные эшелоны и санитарные поезда, гражданских близко не подпускают к воинским составам.

Что делать? Она боялась, что у неё пропадет молоко, тогда маленькая дочка просто не выживет. Жара. Женщина ушла за вокзал и села в тенёчке прямо на землю, положив рядом детей. От земли шла хоть какая-то прохлада.

Проходивший мимо мужчина в военной форме поинтересовался, что она делает среди мусора, там давно уже ничего не убиралось. И она, по-простому, по-житейски, сквозь слёзы, рассказала, что привело ее в Пермь и зачем ей очень нужно попасть в Воронеж. Он внимательно выслушал и попросил её никуда не уходить.

Сколько прошло времени, мать не знает. Она сама прилегла рядом с детьми и уснула. Мужчина разбудил ее, поднял на руки старшую девочку и велел следовать за ним. Недалеко от попяхивающего паровоза стоял военный с ружьем.

- Что, отец, семью под удар хочешь подставить? - спросил он.

- Знаешь, браток, пусть будет хуже того, зато вся семья вместе. У моей матери в Воронеже еще два сынишки, так что даст Бог, враг не дойдет до Воронежа, гляди, какая силища у нас, день и ночь танки идут. Так что, еще повоюем.

- Ладно, отец, проходи, пока никто не видит, а то несдобровать.

Мужчина привел неожиданных гостей в вагон, где обитал обслуживающий персонал и попросил помочь женщине обжиться и дать ей работу на кухне хотя бы на несколько часов в день. Это был начальник санитарного поезда, подполковник медицинской службы Хомяков Иван Миронович. Для совершенно незнакомой матери с детьми его святая ложь была спасением.

- Кто тебе наш подполковник? - спросила женщина постарше после того, как мужчина вышел. - Вы, наверное, родственники?

- Да нет у нашего начальника родственников, - остановила ее другая, сидящая рядом. - Я слышала, у него семья в Минске осталась, а он на учёбе где-то был. Не знает, живы они или нет. Сразу назначение получил.

* * *

Ефросинья Михайловна отдохнула, накормила маленькую Таню, а над Галей взяли шефство молоденькие медсестры, пока в вагонах нет раненых. Рано утром поезд получил «добро» и отправился в свой первый рейс. Получая «зелёную улицу», ехали почти без остановок, стояли лишь на узловых станциях.

- Спасибо, Вам, Иван Миронович, - благодарила каждый раз начальника Ефросинья Михайловна, когда он заходил в вагон.

- Да полно Вам, кругом люди, а они должны друг другу помогать. У меня примерно такая же дочка есть, как Ваша старшая. Не знаю, увижу ли семью когда-нибудь, - он тяжело вздохнул, встал и, зажав папиросу в руке, вышел.

Состав долго стоял в Москве, в поезд грузили дополнительно

носилки, мешки с медикаментами и бельем. Добавился штат медсестер и врачей. Только на четвертые сутки выехали из города. Одиноким немецким самолетам уже долетали до Подмосквья, но их успевала «ловить» служба ПВО.

В Воронеж поезд прибыл рано утром, когда на улице было уже светло. Ефросинья Михайловна от души поблагодарила добрых людей. Молоденький водитель полуприцепа довез их до окраины города, а потом и до дому. Каково же было удивление женщины, когда она увидела на двери замок. Что делать? У кого спросить? Зашла в соседний дом и узнала, что три дня назад хозяева вместе с внуками подались на Урал, когда узнали из письма, что сын их ушел на фронт, а жена осталась с двумя маленькими дочками. Уехали подальше от войны.

* * *

- Мама писала в письмах бабушке, что мы с Таней были на редкость спокойными детьми, никому не досаждали своим присутствием. Даже когда удалось сесть в поезд, идущий на восток, в тесноте и духоте мы молчали. Она уже собиралась выходить в Пермь, но поезд даже не остановился и следовал до Новосибирска.

Деньги у Ефросиньи Михайловны кончились, она не знала, что делать дальше. И опять нашелся человек, которому она благодарна вдвойне. Старенькая одинокая женщина не только приютила беженку с детьми, но и согласилась оставаться с девочками. А жиличка устроилась на работу, поскольку военный завод находился в нескольких кварталах от дома.

- Помню, что я всегда была голодная, - вспоминает Галина Ефимовна. - Летом на улицах даже трава не росла, её подчистую съедали горожане. Карточки, что получала мама на заводе, не хватало на всех. Письма от отца были редкостью. Дед с бабушкой и братья жили в Оханске, переписывались с мамой. Холод тоже помню, у меня всегда ноги замерзали. Наша хозяйка нашла мне на рынке валенки, обменяла что-то из своих вещей. И еще помню весной 45-го половодье. Вода заливалась прямо в дом. Нас переносили на руках и усаживали на кровать. Мы втроём так и спали, а мама чаще всего оставалась на заводе.

От влажного воздуха в доме заболела Таня. Мать унесла девочку в ближайший госпиталь, где её оставили на неопределенное время, а потом туда же поместили и Галю. Доктор, лечивший девочек, сказал, что всё в порядке, им уже ничего не угрожает, но очень просил, чтобы и Таню, и Галю оставили в госпитале. К ним привязались раненые, они напоминали им о семьях и собственных детях. Да и мать была уверена, что дочери будут сыты.

- Однажды я проснулась от громкого шума, Рядом Таня заплакала. Весь госпиталь пришел в движение. Почти у всех на глазах слезы, и я, глядя на них, тоже заплакала. Радио включили на полную мощность. Шум, гам, никто никого не слушает. Потом пришел какой-то начальник, дал команду, и наступила тишина. Он много о чем-то говорил, а мы сидели с Таней, обнявшись, в своём закутке. Помню громкое «ура!» на весь госпиталь и незнакомое слово «Победа!», которое повторялось во всех углах.

После импровизированного митинга был концерт. Девочки сидели на руках раненых, то и дело, утирая им слёзы.

Ефросинья Михайловна услышала о победе на заводе, как раз была её смена, там тоже прошел митинг. За месяц до этого она получила похоронку, но никому не сказала. Все чаще падала в обмороки.

Надо было ехать домой, в Оханск. Начальник цеха выправил ей справку о необходимости отъезда в Пермь. Она с детьми села в поезд, чтобы спокойно доехать до нужной станции. Но в дороге у неё случился приступ. В поезде нашёлся врач, который признал открытую форму туберкулёза, организм ослабленный, а помочь нечем. В Перми уже выгрузили труп.

- Мы с Таней так плакали, нас оттащили от мамы и куда-то повезли. Мы еще не поняли, что никогда её не увидим. Милиция, потом опять железная дорога, дошкольный детдом в Кунгурском районе. Бабушка с дедушкой нас искали и не знали, где взять. Однажды на праздник Первое Мая нашу группу привезли в Кунгур. Я упростила, чтобы с нами поехала и Таня. Мы видели демонстрацию, потом нас водили в кинотеатр, мы гуляли возле речки Ирень.

Когда группа пришла на железнодорожный вокзал, чтобы сесть в электричку, к ребятам подскочил парень-подросток. Он усталился на маленькую Таню и спросил, как зовут ее маму. Таня не помнила, как звать маму, и заплакала. Воспитательница подошла к парню и спросила, что ему надо.

- Мы в войну маму потеряли, с ней были две мои сестрёнки. Эта девчонка точно на маму похожа. Как у неё фамилия?

- Фамилия Береговая. Ну, и что?

- Так и я Береговой! - воскликнул парнишка. - Меня Семеном зовут, а еще есть младший брат Васька. Я здесь учусь камни точить, а Васька дома с дедом и бабушкой.

Услышав это, Галя выскочила и встала между воспитательницей и мальчишкой.

- Чем докажешь, что ты - Береговой?

- Да вот у меня ученический билет есть, - он достал из нагрудного кармана небольшую книжицу и показал девочке.

Пора было садиться в электричку. Парень записал адрес детского дома и сказал, что обязательно заберет сестрёнок домой.

- Детдомовская жизнь очень несладкая, - вздыхает Галина Ефимовна. - Я в душе жалела, что мы выписались из госпиталя. К нам хорошо там относились. А в детдоме старшие ребята постоянно подначивали на всякие каверзы, а попадало тем, кто слабее. Я еще и Таньку защищала, так что росла, можно сказать, оторвой. За себя и за неё могла постоять. Ругаться по-взрослому научилась, даже стыдно, сейчас я и слов таких не произношу.

История девочек со счастливым концом. За ними приехал дедушка и увез домой. Им пришлось привыкать к домашней обстановке, которую они почти не знали. В личном деле Галины оказалось извещение о гибели отца, оно было изъято у матери, когда её выгрузили в Перми. Только тогда и узнали родные, что прах воина на чужой стороне, а где похоронена мать, неизвестно.

Потом ушла из жизни бабушка, дед пережил её на 13 лет, оба покоятся на оханском погосте. Семен ходил в армию, окончил Пермский политех и стал геологом. Жениться не успел. Василий подался на шах-

ты Кузбасса. Создал семью, вырастил троих детей. Теперь уже обоих братьев нет в живых. Татьяна стала учительницей биологии, живет в Вологде, у неё две дочери, одну назвала Ефросиньей в честь матери, а другую Галиной в благодарность сестре за своё воспитание.

Сама Галина Ефимовна долго жила в Верещагинском районе после окончания сельскохозяйственного техникума. Через десяток лет после выхода на пенсию они с мужем купили дом в Оханске. Их единственный сын остался после службы в армии на Дальнем Востоке, в его семье дочка и два сына.

- Для меня самые тяжелые даты, 22 июня и 9 Мая. Ходить далеко я не могу, да и по дому, как видите, через пень-колоду. На кладбище меня сосед возит. Как только туда собирается, меня предупреждает. Муж не любит на кладбище ходить. Да я на него не обижаюсь, мы хорошо жизнь прожили. Правда, расписались, когда уже сын в школу пошёл, но это не главное, - Галина Ефимовна с грустью смотрит на фотографию сына. - По скайпу разговаривать - хорошо, но хочется увидеть и обнять свое сокровище.

2023г.

В Кунгурском дошкольном детдоме. 40-е гг.

Вопреки войне

Когда Евгения Рафаиловна слышит фразу, что на войне не бывает никакой радости, ей тут же хочется возразить, ведь счастье свое она нашла в самом пекле.

Она помнит, как со всего Дятьково немцы в очередной раз собрали евреев и повели в неизвестность, отец ей шепнул, что как только дойдут до леса, надо бежать. Будут стрелять, но, может быть, хоть кто-то спасется. А так все равно погибать.

День был жаркий, воздух стоял горячим маревом. Люди брели, обливаясь потом. Не легче было и охранникам. Они знали, что евреи - народ послушный, и они их, как овец, доставят к месту назначения. Немцы расслабились и изредка, для порядка, покривали на тех, кто отставал.

Когда колонна достигла леса, неожиданно в разные стороны побежали люди. Охранники растерялись и не сразу начали стрелять. Они боялись, что разбегутся остальные. В основном, бежала молодежь и подростки, взрослые не могли соревноваться с ними в прыти.

У партизан

Женька рванулась вслед за соседним мальчишкой Генкой. Они быстро скрылись за растущими у самой дороги кустами. Пули их не задели. Уходили все дальше и дальше в лес.

- Женька, а ты даже на еврейку-то не похожа, - произнес Генка первую фразу после побега, когда они, обессиленные, сели в тени деревьев.

- Так у меня только папа еврей, а мама русская, правда, черненькая, вот и принимают ее евреи за свою, - произнесла Женька, засыпая.

- Надо найти партизан, - деловито сказал парнишка, но и у него глаза тоже слипались.

Легко сказать - найти, Брянские леса - не роща у деревни. По счастливой случайности возле той тропы, где дети уснули, проходили наши красноармейцы, вышедшие из окружения и прибившиеся к партизанам. Они возвращались с задания.

- Откуда здесь дети, - изумленно произнес один из них. - Я слышал стрельбу на шоссе, но там каждый день стреляют.

Они растрясли ребят и привели их с собой в лагерь. Лагерь находился в густом лесу, среди деревьев, кроны соприкасались друг с другом, поэтому было не очень светло, хотя день выдался солнечным. Несколько землянок: штабная, госпиталь, прачечная, кухня и, как все называли самое длинное сооружение - казарма.

Жене было на тот момент 13 лет, товарищу по несчастью на год больше. Командир, его все называли Батей, сказал, что как только появится связь, детей нужно немедленно отправить в тыл.

- Товарищи командир, - возмутился Генка. - Я пригожусь, буду в разведку ходить, мины закладывать. Мы из колонны евреев сбегали, нас расстреливать вели. И Женька осталась одна, пусть белье здесь стирает, за больными ухаживает или в кухне помогает. Зачем нас в тыл?

- Хорошо, - согласился командир, - но спрашивать с вас буду, как с настоящих партизан, несмотря на ваш юный возраст. Договорились?

Так и остались ребята в лагере. Генка учился стрелять, разбираться с минами, искать дорогу по природным приметам. Всему этому его обучал скромный, неприметный внешне молодой парень Гаврил.

Женя ухаживала за ранеными, стирала бинты, одежду. На ходу кое-каким медицинским премудростям ее учила фельдшер Даша, которая перед самой войной окончила медучилище и успела несколько месяцев поработать в родном селе.

Каждый день уходили на задания партизаны, иногда группами, иногда по два человека. Женька привыкла к этому. Конечно, всегда боялась за своего соседа, для нее он был единственным человеком из прошлой счастливой жизни. Когда он возвращался, обязательно заглядывал к Женьке, чтобы сказать, что все в порядке.

Лучший подрывник

Однажды на носилках принесли Гаврила. Он был в беспамятстве, бредил, постоянно пытался встать.

- Женя, - обратился к девочке командир. - Этот человек очень ценный для нас, поэтому не приказываю, а прошу тебя не отходить от раненого. Группа в засаду попала. Трое погибли, а Гаврила ранили осколки своей же гранаты. Даша сейчас сделает, что сможет, а ты уж выходи парня. Очень тебя

прошу. - Встал и вышел.

Женьке было приятно, что сам командир надеется на нее. Она заглянула в операционную, которая находилась за занавеской. Даша извлекала осколки, и они громко брякали по дну эмалированной чашки. Ее помощница, медсестра Анна Павловна, следила за состоянием парня. Не меньше трех часов возилась Даша с Гаврилом. Наконец, вышла и обессиленно опустилась на топчан.

- Все, Женя, можешь забирать больного.

- Бог даст, выкарабкается парнишка, - добавила Анна Павловна. - Совсем молодой, жалко. Всего-то 19, жить да жить.

- Не хороните Вы его, обойдется, если в рубашке родился, - сказала устало Даша.

Двое мужчин погрузили Гаврила на самодельные носилки и понесли в отдельный закуток.

Женька даже спать не могла, ей казалось, что раненый зовет ее, что ему нужна помощь. Он очнулся на четвертые сутки и попросил пить. Девочка осторожно подняла ему голову и по каплям начала вливать живительную влагу.

Еще до ранения Гаврила фельдшер научила Женьку ставить уколы, перевязывать раны, поэтому проблем с этим не было. Пока парень спал, Женька стирала бинты, помогала Даше, делала уборку.

Душой прикипела девочка к парню. Если выбегала ненадолго из лазарета, торопилась обратно. Генка ушел на второй план. Изредка заходил командир, справлялся о состоянии лучшего подрывника отряда.

Женька, которой к тому времени исполнилось 14 лет, вдруг поняла, что ей трудно будет жить без Гавриловых серых глаз, без его шуточек, без осторожных прикосновений к ее руке. Когда парень встал на ноги, Женька поддерживала его, радовалась быстрому выздоровлению.

Наступил тот день, когда Гаврил обрел уверенность в себе и считал, что готов на выполнение задания. Ночью группа ушла на подрыв моста. Женька места себе не находила, то и дело бегала на пригорок, который называли в отряде Росстанью.

- Ты что, Жень, влюбилась что ли? - спросила Даша. - Вроде, рановато тебе. Но, знаешь, первая любовь, если настоящая, конечно, не забывается.

- А ты что тоже влюблялась? - сквозь слезы спросила Женька.

- Не без этого. Мне все-таки 22 года. Жениха моего повесили прямо в центре села еще в 41-м. Наши отступали, при перестрелке его ранило в обе ноги. Немцы схватили, пытали его, а потом повесили для острастки. Все село согнали. Я кулаки кусала, только бы не выдать себя. Было желание взять винтовку и всех до одного немца вместе с полицией расстрелять. Ночью в село пробрался Батя и забрал меня сюда, чтобы глупостей не натворила.

- А Батя, он тебе кто?

- Это отец моего жениха, Василия Наливайко. В отряде все равно нужен медик, вот и пробую все, что в моих силах. Каждый раз

представляю, что на столе лежит мой Василь, и его надо к жизни вернуть. Вот так. Ладно, заговорила я с тобой, пошли работать.

Трепетало сердце маленькой санитарки, когда она видела Гаврила, хотелось обнять и говорить, говорить... Но он относился к Женьке, как к ребенку. То кусочком сахара угостит, то ветку зимней рябины принесет.

Спасение друга

Нередко налетали на лагерь фашистские самолеты или подходили каратели, тогда приходилось менять дислокацию. Даже в лесу партизаны были уязвимы. Каждая смерть кого-то из них болью отзывалась в сердце девочки. Она стала хорошей помощницей Даше вместе с Анной Павловной. Фельдшер без страха бралась за операции. Как она говорила, если человек все равно умирает от тяжелого ранения, не лучше ли попытаться хоть что-то сделать. И делала. Не всегда получалось удачно, но многим жизнь удалось сохранить. И ампутировать приходилось, правда, пилить лобзиком или ножовкой она просила кого-то из сильных мужчин.

Женька удивлялась ее решительности. Даша не раз говорила, что Женьке тоже прямая дорога после войны в медицинский, но девчонка, хоть и училась у фельдшера премудростям медицины, не собиралась в будущем быть врачом.

Шли дни за днями. Гаврил подрывал мосты, дороги, комендатуры. Возвратившись, не забывал хоть на минутку заскочить к Женьке, называя ее своей спасительницей.

Когда уже была слышна канонада и линия фронта приближалась, в лагере царил победный дух. Однажды подрывник с подручным не вернулись с задания, у самого леса фашисты устроили засаду и схватили партизан. Об этом сообщил дозорный, что сидел на дереве и наблюдал за передвижением немцев по шоссе.

Батя понимал, что сильно рискует, бросая отряд на выручку ребятам. Можно всех положить, а пленников не освободить.

Ночью партизаны направились к комендатуре кружным путем, попросив поддержки у соседнего отряда. Женька считала своим долгом участвовать в операции, ведь спасти надо было Гаврила.

Она должна была изобразить нищенку и любыми путями отвлечь охрану.

Маленькая, невзрачная с виду, она не произвела впечатления на немцев, стоящих у входа в комендатуру, а когда попросила попить, они долго смеялись, пока, наконец, один из них не крикнул женщине в кухне, чтобы та принесла воды. И вдруг девочка запела. Голос у нее был нежный и в то же время очень звонкий. Охранники обрадовались развлечению, отошли от входа чуть в сторону и закурили, слушая неожиданную артистку.

В это время в здание проскользнул Генка с рюкзаком и белой повязкой полицая. Он не знал еще, где заложит взрывчатку, для него главное - попасть внутрь. Увидел нишу над дверью и положил туда взрывчатку. Как назло, спички не зажигались. Из одного кабинета вышел немец, парень смело подошел к нему и попросил закурить. Немец рассмеялся и дал ему зажигалку, произнеся на ломаном русском: «Полицай, дарю тебе!», - и вошел к коменданту. Медлить было нельзя, Генка успел только поджечь очень короткий шнур и добежать до окна.

Раздался взрыв. Женьку оглушило, она еще слышала остатками сознания крики, шум, а потом наступила тишина. Очнулась в лесу. Над ней склонилось лицо Гаврила.

- Женечка, как же это? Мне без тебя не жить. Зачем спасать меня, если тебя не будет?

- Гаврил, не раскисай, это война, - оборвал его товарищ. - Может, обойдется, она не ранена, только контужена. Спасибо скажи девчонке. А дружка ее жаль, смелый парнишка был...

Через день Женьку, Гаврила и еще троих раненых отправили на самолете в Москву, оттуда - в санитарном эшелоне до Свердловска. После выписки из госпиталя Гаврил отвез Женьку к своим родителям в Коми-округ и сказал, что это его невеста. Сам уехал воевать дальше.

* * *

Вернулся с войны без левой руки. Они поженились, колхоз построил для них дом. Гаврил стал агрономом, а Женька выучилась на зоотехника.

Так и жили на родине Гаврила. Когда у него случился первый инфаркт, старший сын хотел забрать его к себе, в областной центр, но отец отказался, а два года спустя после второго приступа его не стало. Дочь, Дарья Гавриловна Колчанова, на время привезла мать сюда, в Оханск, чтобы ей не было одиноко в пустом доме. К лету ее заберет младший сын в Чердынь. Дети не хотят бросать мать и оставлять ее одну.

- Пусть война, пусть кровь, но когда вспоминаю то лихое время, в памяти всплывает мой Гаврил, молодой, красивый и очень скромный, - вздыхает Евгения Рафаиловна. - Он таким всю жизнь и был. Я в любви прожила все годы с ним, грех мне на судьбу жаловаться. Можно сказать, благодаря, а, может, вопреки войне, счастливой стала.

2022г.

Старший сын.

Вы за нас стеной, мы за вас горой - все у нас поровну

Настасья Тимофеевна дрожащей рукой держала медаль, а в голове проносилась, как кадры из фильма, вся ее жизнь, вырывая «на гора» то один эпизод, то другой.

Перед самой войной поженились они с Яковом, ему было 19, а ей 18 минуло. Черемуха отцветала, сирень распускалась, свадебные столы прямо на поляне накрыли. Председатель местного колхоза «Путь Ильича» пообещал к осени дом для молодой семьи построить. Он знал, что у Якова уже повестка в армию.

Испытание войной

На другой день Яшу провожали в армию всей деревней. Настасья смотрела на мужа сквозь пелену слез. Она не знала, что эта разлука надолго. Все уже давно разошлись, пыль от лошадиных копыт улеглась, а она одна стояла за околицей и смотрела на дорогу, по которой уехал Яша.

Недели через две наступил тот самый воскресный день 22 июня, изменивший жизнь не только отдельно взятой семьи, но и всей страны.

Деревенские мужики и парни один за другим уходили в неизвестность. От кого-то письма приходили, а кто-то, как в воду канул. Местный мальчишка-почтарь, если нес «казенное» письмо, обычно бегом проскакивал улицу, и бежал с «черной вестью» в нужную избу. Если же плохих известий не было, то, забегая в деревню, он кричал во весь голос: «Почта пришла!». И кто был дома, бежали к нему наперегонки.

Когда ушел на войну отец Яши, он был лесничим, Настасье предложили занять его место. Председатель мог и кому другому эту должность отдать, но с Яшиным отцом они вместе воевали в гражданскую, вместе в комбеде работали, вместе потом в колхоз вступили. Только кулацкая пуля не пощадила председателя, до-

стала однажды, еле его выходили. С той поры мужик занемог, но вида не показывал, старался держаться бодрячком, летом ездил на лошадке, а зимой на охотничьи лыжи вставал, по вечерам жена оттирала его всякими снадобьями.

В лесу тоже работа была несладкой. Чтобы не бегать каждый день домой, Настасья жила в добротной лесной избушке. Поначалу все было хорошо, труднее стало зимой, когда началась заготовка леса. По пояс в снегу двигалась Настасья от дерева к дереву, обозначая делянки. Рядом с лесом стояла колхозная пасека, командовал которой дед Прохор. Иногда женщина, притомившись, забегала к нему, а если за окном непогода, ночевать оставалась. Дед славился тем, что умел лечить травами, их у него повсюду висело в избытке, наверное, потому и спалось в его домике крепко.

Муж писал, что учится на радиста-телеграфиста. Через три месяца сообщил, что отправляют на фронт в сторону Москвы. Она еще успела ему похвастать, что в ней зародилась новая жизнь, а кто это, мальчик или девочка, пока не знает. Муж тут же ответил и просил назвать, если будет сын, Виктором, а девочку - на ее усмотрение.

В феврале 1942 года, когда начались вьюги да метели, Настасья поняла, что совсем скоро разрешится. С трудом, преодолевая сугробы, добралась до пасеки. Дед Прохор удивился, как она в таком положении прошла через лес, все-таки рискованно - волки в наших местах водились в избытке.

День близился к вечеру, поэтому она решила заночевать у пасечника, а утром на охотничьих лыжах, не спеша, отправиться в деревню. Под утро резкая боль подняла ее с постели, разламывало все тело, было такое чувство, что ее жгут на костре. Она закусила губу, чтобы не крикнуть, но очередной толчок острой боли опрокинул ее на пол, и она вскрикнула.

Дед Прохор все понял, он достал из чрева русской печи теплую воду, полотенца и помог Настасье забраться на кровать. В то утро на пасеке увидел свет новый гражданин страны Виктор Казаков. Женщина лежала рядом с красным комочком и плакала.

- Что ж ты плачешь, глупенькая, все хорошо прошло, без заморочек. У тебя сын, Настасья - твоя опора, твой защитник.

- Так его тоже могут взять на войну, когда вырастет, - всхлипывая, произнесла она.

- На то он и мужик, чтобы баб да стариков под защиту брать. А имя ты ему доброе дала, Виктор - победитель.

- Это Яша посоветовал. Он надеется, что наша победа будет. Вон из Москвы немца погнали, и дальше погонят.

На другой день снова застучали топоры в лесу. Председатель привез нового «лесного директора». Жизнь продолжалась.

Настасья перебралась в деревню к матери. Старшие сестры трудились в колхозе, мальчишки тоже помогали, то снег на тропинке к речке разгребали, то солдаткам воду и дрова носили, а летом возили колхозные копны.

Чуть оправившись, Настасья попросилась в колхоз, не сидеть же дома. С мальцом оставалась старенькая соседка. Ей еще приносили двоих ребятишек постарше.

Война испытывала людей на прочность. Настю определили на ферму. Тяжелым был труд доярок в годы войны! Все делалось вручную. Можно сказать, повсеместно все фермы лежали на женских плечах. Теплую одежду отправляли на фронт, сушеные овощи - на фронт, вязали для воинов варежки и носки, шили кисеты, только бы мужики справно воевали. А сами-то в чем ходили? Еле прикрыты были все части тела. Видавшие виды фуфайки, опорки с онучами, юбки не понятно какого цвета. Во время войны не только еды, но и мыла не было, однако держался тыл, потому что верили люди - надо и себя, и детей сохранить.

Весной 1944 года вернулся с войны отец Якова. Тряслась его голова, он заикался и плохо говорил. Медсестра, сопроводившая его, сказала, что это последствие тяжелой контузии, но все постепенно пройдет.

Перестали приходить письма от Яши. Настя понимала - почта постоянно задерживается, но прошло несколько месяцев - никаких известий. Когда она находилась дома одна, смотрела на старую фотографию, где Яша еще совсем мальчишка, и разговаривала с ним. Рассказывала все новости, жаловалась на то, что в колхозе мужиков не осталось.

- Яшенька, а сынок твой растет, - говорила она. - Уже ножками ходит, крепенький у нас с тобой мужичок родился. Его здесь все называют Витюхой. Когда мы на работе, бабка Ежихина с ним водится.

Сильный у нас народ

Для Настиного свекра Витек тоже был отрадой. Они о чем-то разговаривали, каждый по-своему, и это длилось довольно долго.

К лету голова у свекра перестала трястись, и он упросил председателя дать ему посильную работу. Потом в деревню возвратился сосед Василий после ранения. Горел в танке, следы видны были на лице и руках.

Он сел на трактор, заменив одну из девушек. Парень он был спокойный, только когда напивался, шел на могилу своей матери и вслух причитал.

- Мама, ты знаешь, как страшно на войне! Летит снаряд, а ты не знаешь, твой он или товарища. Спрятаться негде, сидишь в танке, как в тюрьме, обзор маленький. Попадет туда снаряд, начинается пожар, а выйти нет возможности, попробуй, высьнись, тут же пулю схватишь, а оставаться в танке, значит, сгореть заживо. Мама, я тебя не раз там вспоминал. Тяжело воевать. А здесь каково? Бедные женщины и девушки. Я удивляюсь, как они еще находят силы песни петь. Есть нечего, носить нечего, а они на вечерки собираются да песни поют. Сильный у нас народ.

До самой Победы Настасья работала в колхозе, плакала по ночам, известий от Яши не было никаких, ни плохих, ни хороших.

- Яша, может, ты в плен попал, - шептала Настасья, - терпи, все равно вас освободят, и ты вернешься к нам, если руки-ноги оторвало, я тебя и такого приму. Истосковалась я без тебя, хоть строчку напиши. Витек растет не по дням, а по часам, любознательный, весь в тебя, и носом так же шмыгает, как ты, когда сердится.

В мае 1945 года шел сев. Вдруг на поле прибегают пацанята, кричат что-то наперебой, понять невозможно. Бригадир подошла

к ним, а потом на все поле крикнула: «Девчата, Победа! Гитлер скопытился. Айда-те в деревню, председатель зовет.

Они бежали, и каждая с надеждой в душе. Перед правлением уже стояло человек 20, они улыбались, и их одежда и лица уже не казались такими закопченными и грязными.

- Товарищи, - начал председатель. - Как мы с вами ждали этого дня и приближали его. Да, именно вы приближали Победу здесь, в глубоком тылу. Не было бы у нашей армии надежного тыла, не победить бы нам Гитлера.

- Мы там, на фронте, защищали вас, а здесь вы защищали нас, - сказал Василий от имени фронтовиков. - Спасибо вам, женщины, огромное! Посмотрите, на вас нет ни красивых платьев, ни дорогих платков, всю войну - в фуфайках и опорках. Нам медали на фронте вешали за мужество и героизм. Не меньшие мужество и героизм вы показали на полях и фермах, и достойны вы самых высоких наград. Короче, мы за вас стеной там, на войне, а вы за нас горой здесь - все у нас поровну.

Мало мужиков вернулось в деревню. Кроме Василия и Настасьино свекра, повезло еще нескольким солдаткам, что дождались своих мужей и сыновей. Двоих, что попали в плен, осудили на десять лет. На нескольких человек пришли извещения - пропали без вести. Про Якова - ничего.

Из сельсовета не раз делали запросы на Якова, но ничего утешительного. Ни среди мертвых, ни среди живых он не числился.

Как снег на голову

Через два года после войны Яша появился в деревне. Одет прилично. Его не сразу узнали соседи.

Он осторожно открыл калитку родительского дома, подошел к двери и задумался. Все, как семь лет назад, но обветшала крыша, еле держатся перила на крыльце. Толкнул дверь и вошел. Пахнуло чем-то родным.

Отец колдовал над старым «Зингером», мать копошилась у печки.

- Здравствуйтесь вам! - сказал он громко. - Гостей не ждали?

Отец даже отвертку выронил, а мать, как стояла с ухватом, так и плюхнулась на табурет сзади.

- Сыночек, - запричитала она, узнав сына. - Да где же тебя носило? Похудел как за войну.

- А ну, рассказывай, сын, что такое с тобой стряслось, что домой вестей не подавал? - отец был настроен решительно. - Али ты секретный агент какой? А может в плен попал?

Прав оказался отец. И агентом сын его был, и в других передрягах побывал. Сколько раз его, как радиста, забрасывали в тыл к немцам. Месяцами приходилось ходить, как по лезвию ножа. Чуть возвратившись, с другой группой снова отправлялся на задание. Примета была в группе особого назначения - не писать писем, пока задание не выполнишь. А когда писать, если из одного ада летишь в другой, еще более сложный? Последняя «вылазка» у Якова была весной 1945 года под Кенигсбергом. Там пришлось задержаться надолго. Лишь в июле они прилетели в Москву и получили новое задание, на сей раз на Дальний Восток, на границу.

Японцы нарушали наши рубежи чуть не ежедневно, а когда начались боевые действия, выбирать не приходилось. Корректировать огонь японских батарей было сложно. Однажды из-за яркого солнца, выкатившегося из-за тучи, Яков просмотрел пулеметное гнездо противника и поплатился. Был тяжело ранен. Японцы в плен никого не брали, а Якова почему-то притащили к себе. Его лечили, а потом пытались выудить кое-какие сведения. Он был наслышан, как японцы умеют выбивать информацию.

Советско-японская кампания закончилась быстро. Об этом ему сказал старый шаман, которого приставили к Якову, он худо-бедно говорил по-русски. Сам попал в плен еще молодым в первую мировую. Он умел предсказывать, поэтому выделили его из всех пленных. Он работал при штабе, за каждым его шагом следили, но постепенно японцы поняли - куда он не убежит, а будет «шаманить» на месте, поэтому ему доверяли.

Шаман и помог русскому пленному сбежать, понимая, что рискует собственной жизнью, которой совершенно не дорожил. Он помнил Россию и хотел хоть что-то доброе для своей Родины

сделать. Пристроил Якова в трюм небольшого африканского суденышка.

Во время шторма судно чудом не разбилось и не затонуло, его занесло в советские территориальные воды, где оно попало на глаза морским пограничникам. При обыске судна обнаружили Якова в угольной куче ослабленного и почти без сознания. Месяц держали в лазарете, подняли на ноги, потом отправили в Хабаровск. Очень долго разбирались, но докопались до истины. Нашлись его сослуживцы, подтвердившие факты его военной биографии. Вернули ему награды.

- Вот так я и вернулся, - закончил Яков свой рассказ. - Он не заметил, как в окошки и двери набился народ. Было довольно прохладно, но никто этого не замечал.

- Кто-нибудь Настасье-то сказал, что муж у нее вернулся, вся баба извелась? - спросил свекор у толпы.

- Она сегодня на дальней ферме, - крикнула в ответ одна из колхозниц. - Сменится завтра утром и придет, зачем зазря беспокоить, она вместе с Витюхой там. Успеют, поди, друг на друга наглядеться.

Дождалась!

Сменщица ничего не сказала Настасье, боялась, что та с радости мальчишку загонит. Мать с сынишкой спокойно шли к деревне, по пути успевали и песни попеть, и буквы повторить. Не дойдя до деревни метров 500, попала им навстречу лошадь со школьниками.

- Тетка Настасья, - крикнул подросток, что сидел сзади, - у Вас муж вернулся, бегите домой! Она не помнила, как по осенней грязи добежала до своего дома. Пусто. Вместе с сыном побежала к свекрови, повторяя на ходу:

- Папка, Витек, у тебя приехал, понимаешь? Папка наш вернулся!

А Яков уже шел им навстречу. С налету мальчишка ткнулся отцу в живот и замер. Потом медленно поднял голову и увидел улыбающееся лицо незнакомого дяди, который уже обнимал маму.

- Ну, что, кавалер, как твои дела? - спросил сына, подмигнув при этом. Витек попытался тоже подмигнуть, лицо его исказилось, но подмигивания не получилось. Отец поднял сына на руки, они видели в мальчишке себя в детстве. Такие же соломенные длинные волосы, торчащие из-под картуза, рваные штаны и холщовая рубаха, вылезшая из-под перешитой фуфайки.

Тот вечер Настасья помнит до мельчайших подробностей. Вначале все было достойно. Поужинали. Витек похвастал свои «оружием», который ему смастерил дед, потом Яков рассказывал сыну о войне, тот и заснул у него на руках. Положив мальчика на топчан, муж пошел в баню. Потом муж и жена сидели за скудно обставленным столом, она слушала его рассказ, который предназначался только ей.

- В общем, вот такая моя военная биография, - заключил он. - За это вручили мне орден Отечественной войны первой степени, медалей не считал, сколько. Сама понимаешь, зря это все не дают. А какие успехи у тебя?

Лучше бы он этих слов не произносил. Настасья аж «взвилась» вся.

- Ты передо мной наградами не хвастай, - негромко, но угрожающе проговорила она. - Лучше у баб спроси, каково им было на себе пахать и сеять, когда лошади падали от бескормицы, а трактора вставали без горючего. Лес заготавливали, а свои крыши соломой крыли. У председателя спроси, который ни дня, ни ночи не знал, старался хоть как-то облегчить нашу жизнь, а сейчас уже не встает с постели, Василий его заменил. У солдаток спроси, которые без мужей с малыми детьми остались. Им, думаешь, было легче? Я понимаю - работать под пулями - страшно, на пределе возможностей. Так вот знай, мы здесь тоже на пределе трудились, и налоги платили, и хлеб растили, отправляя его вам, а жизнью своей тоже рисковали. Ты посмотри, мы в 20 лет старухами стали. Не все дожили до Победы, вон сколько новых могил на погосте за войну выросло.

С того дня разговоры о войне в семье прекратились. Яков даже в школу к ребятам отказался идти. И корреспондентов от себя от-

важивал, ничего, мол, героического в моей жизни не было. Он еще помнил подписку о неразглашении, поэтому особо не распространялся о службе.

Когда Настасье вместе с другими колхозниками в 1948 году вручали медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг», она даже прослезилась. Яков достал из ящика заветную бутылочку, за ужином поздравил жену, а она ответила так:

- В День Победы Василий Карпович - наш нынешний председатель, горевший в танке, сказал фразу, которую я навсегда запомнила: «Мы за вас стеной, вы за нас горой - все у нас было поровну». Так что, Яша, у тебя гора медалей, у меня всего одна, но она потом-кровью добытая и всех твоих наград стоит.

- Тимофеевна ты моя, да разве я понижаю твою работу и баб наших? Без вас, конечно, не было бы у нас большой Победы. Спасибо тебе, родная, и ребятишкам, которые вместе с вами несли эту ношу и получили награды, тоже спасибо.

В тот вечер Казаковы долго не ложились спать. Они, пожалуй, впервые за время возвращения Якова с войны, говорили так откровенно.

2021г.

Работы в лесу в годы войны.

Главное - не наделать глупостей

Тридцать лет счастливой семейной жизни Егоровы отмечали весело. К ним приехали дети со своими «половинками», а также однокурсники Юрия и одноклассники Любы. Тосты и пожелания прожить вместе еще много лет сыпались со всех сторон.

Гости гуляли, веселились, а Люба побежала к матери, которая после приступа ишемии лежала в дальней комнате.

- Люба, посиди со мной, а то я все одна да одна, - сказала мать.

- Мама, там ведь гости, вдруг что надо, а меня нет.

- Все взрослые, разберутся и без тебя. Я понимаю - у тебя сегодня праздник. Подумать только, 30 лет, как один миг. Я помню, как Юрка под нашими окнами каждый вечер стоял, все тебя выманивал. Однажды я его водой окатила. Другой бы ругался, а он только и сказал: «Спасибо, Юлия Викторовна». И пошел прочь мокрый и такой жалкий. А сейчас его и не узнать. Важный ходит! В общем, хороший тебе муж достался, дай вам Бог счастья!

Неужели измена?

Как гром среди ясного неба - у Юрия молодая любовница! Как? Люба, когда услышала об этом, лишилась дара речи. Их пару всегда считали идеальной, между супругами даже намек не было хотя бы на незначительную ссору.

Люба шла домой, будто во сне, не замечая прохожих и не отвечая на приветствия. Юлия Викторовна уже немного оправилась после болезни и хозяйничала в кухне. Она сразу заметила перемены в поведении дочери, которая отказалась от ужина и была вся не своя.

Но мать знала свою дочь, поэтому сразу направилась за ней в комнату.

- Что случилось, какая трагедия? - строго спросила она.

- Мама, Юрка мне изменяет, а я ему, как себе верила. Что не так

в нашем доме? Неужели ему мало внимания уделяется?

- Послушай, моя хорошая, - мать держала себя в руках. - Мужики, они и есть мужики, а твой еще и мартовский, так что от кота недалеко ушел. Вот что я тебе скажу. Один из тысячи никогда не заглядывается на молодых девиц, а только на жену смотрит. Натура у них такая кошачья. Приходится прощать. Побегает-побегает, да и все встанет на место. Главное - не спеши и не наделай глупостей.

Но Любу унять было трудно. Она и сама была верной женой, несмотря на то, что возле нее крутились мужики, пусть даже без взаимности. Для нее измена мужа была крахом всей семейной жизни. Прощать не хотела. Как сказать об этом детям, которые любили отца? Сейчас уже живут в других городах, но когда приезжают, обязательно идут с ним на рыбалку или в лес за грибами. Что там говорить, если Анжела все свои тайны отцу доверяла, даже дневник ей подписывал всегда он. Алеша - это ее сын. Она помнит, как по секрету сын поделился обидой по поводу того, что девушка, в которую он влюбился, не обращает на него внимания. Люба осторожно, не давя на его самолюбие, старалась объяснить, что возраст у них совершенно разный, она в одиннадцатом классе, а он только в седьмом. Алешка тогда вспылил, ушел в свою комнату и заплакал. Для него это было такое горе. Люба сходила в школу, нашла девушку и поговорила с ней. Ксения оказалась очень милой и скромной. Она сама предложила позаниматься с парнем по английскому, так как хотела в будущем стать учителем иностранного языка.

Алешку было не узнать. Он и английский подтянул, и подружился с Ксенией. Так случилось, что через десять лет они все-таки создали семью. Глядя на семейные фото, Люба снова и снова анализировала всю свою жизнь и не могла найти ответа, почему Юрий так поступает.

Когда сплетни разрушают семью

Пришел день, когда Люба решила, наконец, поговорить с мужем начистоту. Матери дома не было, она на пару дней уехала по-

гостить к подруге. Трудно было начинать этот разговор, но Юра сам начал. Она не успела приготовить ужин вовремя, потому что задержалась на работе.

- Люба, почему в последнее время у тебя все будто из рук валится? Ничего не успеваешь, посуды сколько перебила. Стареешь что ли? - упрекнул муж, на ходу разжевывая кусок холодного пирога.

- Потому ты и решил меня поменять на молодую? Давай, держай, но имей в виду, обратной дороги не будет.

- Люба, ты о чем? Кого я меняю? Ты чьи бредни слушаешь?

- Юра, давай по-доброму разойдемся, без скандалов, я их не люблю. Понимаю, что любовь - не картошка, не выбросишь в окошко...

Муж отошел к окну, потом резко повернулся к Любе. В глазах у него была такая боль, что она почувствовала ее всем своим нутром.

- Я никогда не говорил тебе, что у меня было две семьи. Одна - та, которую ты знаешь, а другая... Меня отобрали у биологических родителей в три года, и я воспитывался в чужой семье, которая стала мне родной. Я так любил и люблю моих папу и маму, ты это знаешь, но не думал, что они мне неродные. У них, кроме меня, никогда и никого не было, поэтому они всю нерастраченную родительскую любовь отдавали мне. Но была еще одна семья, которую я не помню. Да, неблагополучная, пьющая и гуляющая. Когда меня забрали, родители уехали из города, переезжали с одного места на другое. У них родилось еще двое детей. Мальчик утонул, а девочка осталась. Вот сейчас она проходит здесь практику.

У Любы в очередной раз тарелка выпала из рук и разлетелась на мелкие осколки. Она широко открытыми глазами смотрела на Юру. Для нее было открытием, что он - приемный сын, а ведь был очень похож на своего отца, не только лицом, но даже походкой и многими привычками, а волосы, как у матери, вьющиеся и «хлебного» цвета.

- Что же ты молчал? Приведи ее сюда, познакомимся, ведь родная кровь, а ты ее на квартире держишь. У нас разве места мало?

- произнесла, наконец, Люба и бессильно опустила на стул.

- Я предлагал, но сестра, ее Ниной зовут, отказалась и осталась у моих родителей. Она воспитывалась в детдоме, ее туда привезли после гибели брата. Ей было около пяти лет. Росла дикаркой, ни одна семья ее не брала. Она привыкла за себя стоять сама.

Вот она, правда

Нина еще помнит родителей. Последний раз они приезжали к ней, когда она училась в третьем классе. Вот тогда она услышала, что у нее есть старший брат, которого усыновили. После окончания девятого класса она получила профессию токаря. Работая на заводе, познакомилась с интересными людьми. И когда рассказала однажды о своей судьбе, один из уважаемых людей завода, местный депутат, предложил свою помощь в розыске.

Девушка не теряла зря времени, понимая, что в этой жизни ей придется надеяться только на себя. Она профессионально овладела компьютером, поступила на заочное отделение Московского гуманитарно-экономического университета.

Депутат действительно помог Нине, отыскал адрес семейной пары, принявшей ее брата. Оставалось только поехать и все узнать из первых уст. Может быть, ему изменили имя или дату рождения, фамилия, понятно, другая. Как нельзя ко времени пришлось требование вуза - пройти практику по специальности. Конечно, была возможность сделать это на родном заводе, но решила она отправиться туда, где мог проживать ее брат.

Нина с Юрием встретились случайно. Он, выходя из магазина, не придержал дверь, и она ударила больно девушку по спине, которая от неожиданности вскрикнула. Юрий извинился и предложил, в качестве компенсации, довести ее до дома. Когда она назвала знакомый адрес, он удивился и осторожно спросил, по какому поводу девушке потребовались его родители.

- А Вас не Юрием зовут? - воскликнула обрадованно девушка.

- Юрием, а в чем дело? - недоуменно произнес он.

- Так я же Вас ищу! Понимаете, Вы - мой брат. Вас усыновили совсем маленьким.

Из восторженных «речей» девушки Юрий ничего не понял. Он был уверен, что она ошиблась. И, чтобы доказать это, повез ее к родителям.

Их встретил отец у калитки и провел в дом. Мать пекла пирог на кухне и обрадовалась приходу сына. Пригласила поужинать вместе, а Юра позвонил жене и предупредил, что задержится у родителей.

- Юрочка. Что ж ты нас со спутницей не знакомишь? Я думала, ты с дочкой пришел. Гляжу, нет, не Анжела. Привел человека, а мы ничего не знаем, кто, откуда, зачем? - спросила мать, когда все сели за стол.

- Да вот, родители мои дорогие, она говорит, что я - ее родной брат.

У матери выпала из рук ложка, а отец так и не донес пирог до тарелки. Наступила долгая пауза и картинка, почти как в «Ревизоре» у Гоголя.

- Меня Ниной зовут, - оборвала неожиданную паузу девушка. - Я в Перми живу. Узнала, что у меня есть старший брат и очень обрадовалась. Приехала познакомиться, у меня же никого нет, не знаю, живы ли родители, я сама из детдома, - она спешила, опасаясь, что ее остановят, поэтому все получалось сумбурно.

- Постой, милая девушка, - отошла, наконец, от шока Валентина Сергеевна. - Мы всю жизнь боялись за Юрика, боялись его потерять. Только сейчас и успокоились.

- Мама, скажи, что это неправда! - воскликнул Юрий.

- Не буду скрывать. Это правда, - отозвалась женщина. - Мы взяли тебя маленького, поэтому ты ничего не помнишь. О твоих настоящих родителях мы ничего не знали и не знаем до сих пор. Ты вырос, теперь решай сам, мы тебе не советчики. Но знай, кроме тебя и твоей семьи, у нас никого нет. Хочешь отказаться от нас - отказывайся, но внукам не запрещай к нам приезжать, - она заплакала и вышла из-за стола.

- Мама, папа, да разве я вас брошу? Вы для меня родные! И Нина тоже! Она же моя сестра, от нее я тоже не откажусь. Я так страдал, что рос один.

Постепенно все успокоились. Нина рассказала о себе и, что знала, о родителях. Валентина Сергеевна предложила ей на время практики пожить у них в доме. Девушка не отказалась.

По вечерам Юрий заезжал за Ниной в контору и провожал ее до дома. Иногда они ходили пешком, вопросов друг к другу у них было много. Видимо, кто-то и шепнул Любе, что муж молодую завел.

Когда все хорошо кончается

Люба после рассказа мужа возмутилась, почему до сих пор Юра не познакомил ее с Ниной.

- Да успеешь познакомиться. Мы в пятницу хотели с ней прийти и все объяснить, но ты опередила. Мама с папой тоже придут. У Нины через неделю практика заканчивается.

Люба сразу воспрянула духом. Никогда не верила бабьим сплетням, они на самом деле могут испортить жизнь кому угодно. Перед сном она зашла к матери и все ей рассказала.

Юлия Викторовна только головой покачала, а потом обняла дочь и тихонько шепнула:

- Хорошо, что твой Юра не оказался мартовским котом. Счастливая ты! А сестру его привечай, должен человек голову куда-то приклонить. Она еще молодая, у нее все впереди. Главное, чтобы поверила в доброту и справедливость.

- Ох, и мудрая ты у меня, мама. Прямо психолог. Все расставила по своим местам.

Потом была встреча, знакомство. Когда на майские праздники приехали дети Любы и Юрия, их тоже познакомили с Ниной. Теперь это одна семья.

По этическим соображениям имена и фамилия героев изменены.

2022г.

Где моя мама?

Жизнь такова, что матери, порой, не по своей воле, теряют детей. Взрослые люди, воспитанные в детских домах, в большинстве своем до старости мечтают увидеть тех, кто подарил им жизнь.

Правда, отношение к ним бывает разное. Одни, повзрослев, хотя бы просто посмотреть в глаза, другие - обнять, третьи - увидеть и плюнуть в их сторону.

Несмотря на то, что детдомовские дети воспитывались в большом коллективе, некоторые из них выросли эгоистами, думающими только о себе. Характеров совершенно одинаковых не бывает. Одни скажут открыто, что думают - им становится легче. Другие же все таят в себе, боясь насмешек, и иногда - осуждения.

У меня из головы не выходит одна давняя история. С Людой, воспитанницей детского дома, мы учились в разных классах, но были дружны. Всего один раз я только спросила, где ее родители, она пожала плечами и сказала, что не знает о них ничего. Не помнит, как попала в детский дом, ей было два года. В личном деле, кроме свидетельства о рождении, других данных не было. И еще Люда помнит, ее в Оханск откуда-то привезли перед тем, как пойти в школу.

К этой теме мы больше не возвращались. После окончания восьмого класса, перед тем, как уехать в училище, Люда подошла к директору детдома. Он сообщил, что ее привезли из Дома малютки Свердловской области, написал адрес. Она сделала запрос, но ответа не получила.

Мы встретились, когда Люда была уже взрослой и приехала из Перми в Оханск, чтобы повидать любимую воспитательницу, поблагодарить ее и познакомить со своими детьми. Я снова спросила, нашла ли она своих родных.

- Я же ездила в поселок, где раньше был Дом малютки, - начала она свой рассказ. - Его ликвидировали, но с бывшей заведующей

мне удалось встретиться. Она вместе со мной съездила в районный архив. Нашли запись, когда меня привезли, это было сделано «по решению отдела образования, в связи с арестом родителей». Все, больше ничего. Тупик. За что арестованы родители, что совершили? Вот тогда, по совету старших товарищей я обратилась в областную газету «Звезда» с просьбой помочь в розыске матери. Хотя все это я себе смутно представляла, тем более меня, оказывается, вообще из другой области привезли. Письмо опубликовали, но ничего не изменилось.

Я уже и забыла о нем, как вдруг, примерно через полгода, ко мне в общежитие на улицу Хасанова пришел молодой мужчина. Поздоровался, и спросил, не Людой ли меня звать. Мы, детдомовские, сразу ощетикиваемся, если что. Так и я, не очень учтиво ответила - предположим, Люда, и что дальше?

- А то - я - твой брат, - выпалил он без всякой подготовки.

- Сказать, что я восприняла это известие равнодушно, нельзя, я чуть тут же на пол не села. Оторопела. Он показал фотографию женщины с открытым взглядом и красивой шевелюрой. Даже на черно-белом фото видно было, что у женщины очень черные глаза и смуглая кожа. На обратной стороне подпись, да, это имя записано и в моих документах. Выходит, это моя мама?

Люда пригласила его в комнату, он показал паспорт.

- Я помню, когда ты родилась, как тебя из роддома привезли, - задумчиво произнес он. - Такой маленький комочек. Мне уже 12 лет было, а младшему Мишке - шесть. Мы в деревне жили. На неделю я уезжал в интернат, а по субботам возвращался. Однажды зимой, тебе было уже два года, пришел домой, а дверь на замке, и ключа на месте нет. Соседка, тетя Клава, увидела меня в окно и увела к себе. Сказала, что несколько дней назад приезжала милиция, забрала родителей и братишку с сестренкой. На другой день приехали и за мной, чтобы отправить в детский дом. Я по дороге сбежал. Спал, где придется, ел, что перепадет. Добрался на поезде до Перми, там таких же бедолаг встретил, и с ними всю зиму прожил. Научился воровать, просить, а то и силой забирать. В общем, колония по мне плакала.

Люда смотрела на брата, который никак не походил на какого-то проходимца, чистый, ухоженный, только глаза грустные. Видимо, его жизнь сильно поколотила.

- По весне попали мы в облаву, - продолжал Антон. - Пацанов, что были совершеннолетние, в тюрьму отправили, а нас, троих малолеток - в училище заводское. Приставили к нам крепких парней, учиться заставили. Я-то всего один год пропустил, учился хорошо, поэтому в памяти кое-что осталось, а тем двоим худо пришлось. Один из них никогда в школу не ходил, а второй четыре класса успел к 15 годам освоить. Повезло мне, в хорошую бригаду попал, выучился на фрезеровщика, школу окончил. Если честно, год, когда был беспризорником, вспоминаю с омерзением.

- Как ты меня нашел? - удивленно спросила Людмила. -

- Ты же в «Звезду» написала. Фамилия и имя - все сходилось. Я тебя пытался и раньше разыскать, но куда не писал, ответы приходили неутешительные. Пошел в паспортный стол, мне адрес дали твой.

- А брат?

- С ним все не так просто. Он из заключения не выходил. Вначале в детскую колонию попал. Оттуда вышел, вроде, все налаживалось, нет, опять скатился по наклонной. Сел. Вернулся, успел жениться, даже ребенка нажили. Снова за старое. Загремел надолго.

- Где он сейчас?

- Плохо закончил он свою жизнь. То ли сам на нож в тюрьме наскочил, а, может, кому дорогу перешел. Следом и жена погибла на переходе, пьяный наехал. Остался малыш.

- И его ждет та же участь, что и меня? - воскликнула Людмила.

- Успокойся, мы с женой его усыновили, он и не знает, кто его настоящие родители.

Девушку мучил вопрос, где мать, но она с интересом слушала Антона. Ей было нечего рассказать о себе. Выросла в детдоме, многому, конечно, там научилась, воспитатели хорошие попались. После восьмого класса приехала в училище. Звезд с неба не

хватала, поэтому в институт не пошла, решила обойтись техникумом, который на следующий год предстояло окончить. Работает и учится.

- Антон, ты ничего не говоришь о маме. Она жива? Ты ее видел? За что ее арестовали?

- Сразу так много вопросов, - Антон засмеялся. - Вот тебя нашел, теперь пойдем дальше, но уже вместе. Пока я приглашаю тебя к себе домой. С женой моей познакомишься, она хорошая, ее тоже Людмилой звать, но все ее Люсей называют.

В тот же вечер Антон привез сестру к себе. Он с семьей жил на Вышке, в небольшом деревянном доме. На пороге их встретили два мальчика, совсем не похожие друг на друга, по-взрослому отрекомендовались: Чук и Гек. Люда вопросительно посмотрела на брата.

- Да книжка у них любимая «Чук и Гек», они себя сами так называли, а вообще-то это Антошка и Сережка.

Из комнаты вышла Люся, радушно встретила гостью, провела в соседнюю комнату, включила телевизор, достала альбомы, извинилась и сказала, что минут через 30 соберет на стол. Люда рассматривала фотографии, Антон кое-что комментировал. Вот вся семья в сборе: Антон, Миша и Люда совсем маленькая, а сзади родители. Вот он какой, отец! Высокий, худенький, мама ему по плечо. Она не задавала лишних вопросов, надо было все еще «переварить» самой.

Когда все сидели за столом, дверь угловой комнаты неожиданно открылась, в проеме стояла уже немолодая женщина. Свет из окна за ее спиной будто просвечивал ее прическу, и она казалась в каком-то ореоле. И снова Люду, словно током пробило.

- Доченька, - только и вымолвила женщина, медленно сползая по двери на пол. Антон успел ее подхватить и подвел к столу.

- Мама, - почти шепотом произнесла девушка имя самого родного человека, она еще никого так не называла. Они обнялись, и обе заплакали. Следом подняли плач в два голоса и мальчишки.

В тот вечер долго горел в доме Антона свет. Люда узнала, что родителей обвинили в краже огромной суммы денег, которую они никогда и в руках не держали. Отец работал бухгалтером-кассиром в колхозе, а мать - на птицеферме. Была выписана доверенность на получение денег в банке для приобретения новой техники инженеру, на следующий день ему предстояло ехать на завод. Но к вечеру инженер не вернулся из района. Руководство забеспокоилось. Сообщили в милицию. Поиски начались только утром, все дороги замело. Где искать человека? В поле, в лесу? Спиртным инженер не баловался, значит, вариант пьянства отпал.

Его нашли в лесу лишь через месяц. Никаких следов, никаких версий. Начали трясти всех в деревне, приехала комиссия для проверки документации. И тут выяснилось, что в бухгалтерии не хватает нескольких бумаг, причем было видно, что листы вырваны. У бухгалтера все всегда было аккуратно подшито. Коли виновных не нашли, свалили все на семью кассира. Нашли каких-то липовых свидетелей и осудили родителей. Ему, как главному виновнику, дали 11 лет, а ей, как соучастнице, девять.

И полетели из тюрьмы письма в разные инстанции. Наконец, на восьмой или девятый год начали приходить ответы. Дело было пересмотрено. Снова суд, куда их доставили из тюрьмы под конвоем. И прямо в зале суда освободили.

- Отец ваш умер от инфаркта на другой день, как вернулся в деревню, - тихо сказала мать. - А я начала искать детей. Едва разобрались в району, куда отправили. Начала ездить по детским домам, на это ушли годы. Надо было еще работать. Антона нашла случайно, он написал в паспортный стол, искал сестру. Я тоже туда пришла, так и нашла его. Живу здесь. Теперь мы все в сборе, ждать больше некого, я уж и не чаяла увидеть дочку.

- Так что все у меня замечательно, - закончила Люда свой рассказ. - Семья, дети, муж, любимые племянники и любимый брат. Мама моя уже очень старенькая, почти не ходит, пусть живет, сколько ей суждено, а мы ее не обижаем.

2015г.

Доброта должна быть с шипами

Наверное, при рождении В.А.Казымова (на снимке) звезды на небе удачно располагались, потому что судьба у него оказалась, хоть и трудной, полной неожиданностей, но на редкость удачной и закономерной. Будь живы родители, они порадовались бы за сына.

Владимир Александрович - человек очень серьезный. Таким был смолоду. Родители умерли рано, и он заменил младшим сестренкам и отца, и мать. Надо было девочонок

выучить, знать их интересы, контролировать, что читают, чем занимаются. Кроме этого, работа. В ту пору не до сантиментов, а потом должность особо не позволяла расслабляться.

Он наизусть знает свой послужной список: участковый, следователь, I секретарь РК ВЛКСМ, инструктор РК КПСС, заведующий отделом культуры, заворг РК КПСС, заместитель председателя РИК, II секретарь РК КПСС, I секретарь РК КПСС, затем до выхода на заслуженный отдых работал в системе МВД.

- Так жизнь сложилась, что начал я трудовую деятельность в органах милиции, - говорит В.А. Казымов. - Если честно, не раз потом было желание вернуться обратно, но чувство ответственности и партийная совесть не давали так поступить. Оказавшись на посту первого секретаря райкома комсомола, учился руково-

дить людьми. Был еще молодым и зеленым. Идеалом для меня в то время был первый секретарь РК КПСС В.А.Ростовцев.

Хотел ли я быть на него похожим? Наверное, да, но характер у меня несколько другой, я привык к самостоятельности, поэтому и шишек набил немало.

Характер, действительно, у Владимира Александровича нестандартный, он и сам по себе вьедливый, в хорошем смысле этого слова, во всем ему надо дойти до сути. И эта черта помогала в работе.

Мотаясь на своем мотоцикле по району, Казымов успевал побывать на собраниях в один день сразу в нескольких колхозах. От всех он требовал в выступлениях краткости и конкретности. Образцом ведения собрания считал колхоз «Прикамье», где Л.Н.Дульцева могла за полчаса провести оперативку, при этом выслушать каждого, строго спросить и поставить задачу. Были и такие председатели, у которых совещания превращались в двухчасовые посиделки.

Как у любого руководителя, у секретаря райкома тоже был свой «золотой фонд». Это надежные люди, они не подводили. Среди них В.А.Силина, А.А.Сопегин, А.Г.Бояршинов, В.Н.Чупраков, В.Н.Мишланов, Ю.Г.Куимов, С.Г.Апанасюк, В.И.Игошев, В.С.Колчанов, Ю.К.Макаров и многие другие.

Из партторгов он, ничуть не сомневаясь, называет В.А.Болотову, В.И.Клевцова, Н.Н.Ширинкина, Т.В.Чадову.

Не мог не вспомнить Владимир Александрович тех, кого готовил и выдвигал на руководящие должности: Н.В.Бояршинова, С.М.Ратанова, В.Н.Силина, А.А.Шардакова и других.

- Должность первого секретаря - это колоссальная ответственность, - вздыхает бывший секретарь. - Даже работая вторым, чувствуешь себя свободней, потому что перед тобой есть человек, который отвечает и за то, что сделал ты или не сделал, и за то, что творится в районе.

- Скажите, а как семья воспринимала Ваши ранние уходы из дома и поздние возвращения?

- По этому поводу скажу одно - тыл у меня очень надежный.

Жена меня понимала и всегда поддерживала. Никогда ни слова упрека или возмущения, исключались и взаимные обиды. Если случались свободные дни, мы вместе с детьми выезжали на природу, отдыхали. Наверное, не покривлю душой, если скажу, что для дочерей наша семья - пример добрых отношений. И у нас не было проблем с детьми. Учились они ровно, были скромными. Никакими привилегиями, как дети первого секретаря, не пользовались.

- Мне известно, что раньше на посевную и уборочную кампании в колхозы отправляли уполномоченных. Но при Вас, по моему, их уже не было. Так?

- Так. Я когда-то сам был уполномоченным. Считаю, это совсем ненужной мерой. Приезжает какой-нибудь дилетант в колхоз и начинает указывать, что и как делать. Да во всех колхозах специалисты сами все знали, их не надо учить. Уполномоченные должны были помогать, а, бывало, наоборот, мешали. Вот мы от них и отказались. И сельское хозяйство было на высоте, и все показатели на уровне.

Он помнит, как однажды вместе с председателем одного из колхозов ему пришлось грузить мешки с картошкой. Оставлять на ночь на поле их было нельзя, машина пришла поздно, когда люди уже разошлись по домам. Вот так вдвоем и погрузили, ничего не поделаешь, раз уполномоченный, так помогай.

Бывший первый секретарь, будучи столько лет на виду, на пенсии живет скромно, не показываясь лишний раз на людях. Любому отдыху предпочитает рыбалку или работы на даче. Но делами района и города интересуется, как обычно. В его памяти столько людей, столько событий!

У нас в районе было, у кого учиться. Владимир Александрович всегда с почтением отзывается о А.Р.Гилевой, Лисовенко В.В. и Никипелове Ю.В. Это руководители, у которых он многое взял для себя. Да и председатели сельхозпредприятий кое-чему учили.

Его называли жестким руководителем, но и сегодня Казымов считает, что всех обогреть невозможно, доброта - она двоякая. Сегодня ты кого-то пожалел, не спросил строго, добреньким ока-

зался, а завтра эта лояльность станет проблемой для всего района или отдельного хозяйства. Доброта должна быть с шипами.

Не во всем с ним согласна жена, Людмила Николаевна. Пусть она руководила в рамках одного учреждения, тем не менее, она шла своим путем и использовала другие методы.

За годы совместной жизни Казымовы научились понимать друг друга с полуслова. Они и по характеру разные люди, но получился доброкачественный «сплав», называемый просто - семья.

Любой человек с годами по-новому осмысливает свои поступки и деяния. В памяти остаются победы и промахи, но радостные минуты все равно преобладают.

- Какие события стали самыми запоминающимися для Вас? - спрашиваю его. Он задумался, а потом глаза заблестели, хотя лицо оставалось серьезным.

- Помню, какое чувство радости испытал, когда пустили в городе чистую воду, до этого из кранов шла грязная и мутная вода. Это первое. А второе - это новая средняя школа. Мы и фундамент на свой страх и риск заложили, а уже потом делали документы. За два года школу поставили. Это я тоже считаю в какой-то степени своей победой.

В.А. Болотова, глава Андреевского сельского поселения:

- Я знаю Владимира Александровича, как требовательного, но внимательного руководителя. Он мог спросить, при этом никогда не отказывался помочь, если в этом была нужда. В то время были молодые секретари парткомов, к которым он относился бережно, как к своему будущему, не уставал говорить о том, что надо учиться, продвигал молодежь. Организатором он был хорошим.

Мне нравилась его дружная семья. Иногда по пути он брал с собой дочерей, которые учились тогда в областном центре. Девочки скромные, спокойные, не заносчивые, они не кичились тем, что их отец - первое лицо в районе. Их даже шофер не подвозил до общежития, они всегда до места добирались сами.

2011г.

Дом с аистами

Если пройти по улице Подгорной в Оханске, а она небольшая, обязательно можно заметить двухквартирный дом, рядом с которым на маленькой крыше «живут» аисты. Они здесь летом и зимой охраняют покой своих хозяев - супругов Быковых.

Восьмого июля в стране отмечался День семьи, любви и верности. И в этот же день Быковы отмечали свою жемчужную свадьбу. Прожить вместе 30 лет, значит, быть по-настоящему преданными друг другу. Это важная дата для каждой пары, ведь с годами союз становится все крепче. Жемчуг - символ чистой любви и плодородия, и жемчужную дату Быковы отметили в компании семьи и близких друзей.

Еще перед входом в дом такое ощущение, что попадаешь в сказку. Слева, у скамеечки, дремлет кот Баюн, чуть дальше, в палисаднике, у цветов притаилась овечка. Сама скамейка в уголке и почти всегда в тени от березы, здесь хорошо отдыхать жарким днем, потому что с Камы обдувает ветерком.

Вхожу во двор. Он похож на гараж малого транспорта: мотоцикл, мопед, велосипед, большая детская машина, водителем которой «работает» внучка Настя. Не успеваю разглядеть все это хозяйство, как замечаю - навстречу идет хозяин, Олег Юрьевич Быков. Приветливо улыбается и приглашает в дом. Делаем поворот налево, и будто попадаем в другую сказку. С одной стороны, что-то похожее на корабль, с другой - лосиное хозяйство. На стене настоящий штурвал, часы, бинокль, а вокруг всего пространства этой своеобразной веранды лоси с настоящими рогами. Как надо любить свой дом, чтобы каждый уголок сделать красивым и необычным. А какой талант надо иметь, чтобы видеть эту красоту в обычных вещах и подчеркнуть ее.

- Это все жена моя придумывает. Она рисует трафареты, а мое дело - вырезать все это из фанеры или дерева, высушить, установить, в общем, я - бесплатная рабсила, - смеется Олег Юрьевич. - Только Вы не думайте, штурвал, часы, бинокль - все это

настоящее и досталось мне от старого «речного волка» Власова, который мне эти вещи передал, когда заболел, светлая ему память.

В доме тоже все на своих местах, квартира просторная, есть, где разгуляться. Хозяйка, Нина Викторовна, как принято говорить, на своем «рабочем месте», то есть, в кухне. Там всегда работа найдется. Пока суть да дело, разглядываю свадебный альбом с черно-белыми фотографиями. К слову, жемчужные молодожены мало изменились. Правда, намного короче волосы у мужа, и цвет поменяли, да еще пару зубов пришлось заменить, а так и не подумаешь, сколько ему лет. Нина Викторовна осталась такой же неотразимой, как и 30 лет назад. Вместе они - красивая пара по сей день.

Возле своего дома. 2019г.

Олег Юрьевич родом из многодетной пихтовской семьи. Учился в Оханской восьмилетней школе. Любимым предметом была физкультура, а любимой учительницей - Валентина Федоровна Кузнецова. Она привила любовь к спорту всей их семье.

- Я после школы поступил в речное училище, - рассказывает он. - Жил в Закамске на квартире. А рядом в доме дворовый отряд собирался. Я приглядел там девчонку, бойкую, красивую, все за ней наблюдал, она в восьмом классе училась. Потом познакомились. Она тоже из многодетной семьи, мне почему-то это очень

импонировало, значит, не изнеженная.

Олег ушел в армию, три года служил на Тихоокеанском флоте, Нина в педучилище поступила. Потом снова были встречи, расставания, поездки на пароходе. Однажды они поняли, что им не жить друг без друга, ведь от добра добра не ищут. Три месяца ждали регистрации.

- Так случилось, что свадьбу назначили на восьмое июля. Тогда еще и не было у нас в стране праздника семьи, любви и верности, - вступает в разговор Нина Викторовна. - Когда десять лет назад он появился, мы обрадовались. Стало быть, мы верно и друг друга выбрали, и день свадьбы теперь совпадает с добрым праздником.

После свадьбы Быковы жили в Чайковском. Однажды общежитие закрыли на длительный ремонт. Жить стало негде, а снимать квартиру - дорого. Вот тогда и приехали молодые в Оханск. Олег устроился на катер, ему предоставили жилье в половине строившегося дома. Были только одни стены, остальное доделывали сами.

Так как все вакансии учителей начальных классов в школах были заняты, Нине Викторовне предложили временно поработать пионервожатой в коррекционной школе. Она благодарна судьбе за это. Именно в этой школе она познакомилась с замечательными педагогами, у которых многому научилась: М.М.Кин, Л.Б.Трушниковой, А.И.Соколовой, А.В.Соколовой, Н.А.Силиной и другими.

Впервые я увидела Н.В.Быкову на одной из выставок плодов, цветов и овощей. Не так поразили сами овощи, сколь их необычное оформление. Такое может только настоящий художник. Даже овощи в банках были не просто уложены, а из них созданы целые картинки. Думаю, не напрасно ей тогда было присвоено звание «Мастер-овощевод».

- Кое-что по выращиванию овощей, конечно, я умела до приезда в Оханск, - продолжает Нина Викторовна, - но когда узнала поближе Марию Михайловну Кин и Людмилу Борисовну Трушникову, которые часто обсуждали «овощные проблемы» в школе во время перемен или просто в свободные часы, невольно при-

слушивалась. Мне хотелось сделать все так же. Они уже были тогда признанными мастерами-овощеводами. Спрашивала, что не понятно, и они с готовностью делились секретами. У Нины Александровны Силиной я тоже очень много почерпнула.

Через веранду мы попадаем в комнату отдыха, где большой стол для компании, холодильник, диваны. В жаркий летний день здесь, наверное, хорошо отдыхается.

- Раньше мы скотину держали, поясняет Олег Юрьевич, - Поросята были, куры. Когда дети растут, лишний раз в магазин не набегаешься. Довольно долго управлялись с живностью. Потом решили, что пора отдохнуть. Все помещения вычистили, привели в порядок. Здесь у нас что-то типа кают-компаний, мы обычно собираемся с друзьями в День ВМФ после торжественного мероприятия.

Дальше - огород. Он небольшой, но очень компактный, задействован каждый клочок земли. На наклонной плоскости, где поливать невозможно, растет малина, обрамляя стену. На тропинках и босиком не запачкаешь ноги, дорожки выстелены поперечными срезами пней.

Быковы - настоящие хозяева, у них ничего не пропадает зря. Пластиковые бутылки приспособили под землянику, она прекрасно растет на подставке в несколько этажей. А овечка, что охраняет палисадник, тоже из пластиковых бутылок и фанеры. Пластик под цветами. Кстати, аисты на крыше тоже из фанеры. Есть в огороде современные теплицы, но рядом сооружение из старых окон. И они пригодились. Чем не теплица? Там благоухают перцы, им хорошо в стеклянном домике.

- У нас лето очень капризное, поэтому рассчитывать на хороший урожай без теплиц не приходится, - смеется Нина Викторовна, видя мое недоумение. - Еще хочется под виноград небольшую тепличку куда-то пристроить, не всегда он успевает вызреть из-за погоды.

Чего только нет в огороде: клубника, ежевика, смородина, жимолость, земляника, малина, вишни, яблони, достаточно овощей, а в свободных уголочках яркими пятнами выделяются цветы. И

летнюю кухню даже удалось вместить. Словом, в таком доме на берегу реки хочется жить.

Обычно весной, до спуска воды, на Каме появляется песчаная коса. Ежегодно можно наблюдать прилет журавлей. А нынче на косу прилетали несколько пар лебедей. Через бинокль их хорошо было видно, будто рядом находились. Потом они улетели.

Олег Юрьевич не мог, не стать рыбаком, живя на берегу. Он и грибы любит собирать, вообще к природе не равнодушен. И у Нины Викторовны этого не отнять. Она, кроме грибов и ягод, собирает необычные коренья, листья. Если помнить, что она учительница начальных классов, то вполне логично предполагать - это все пригодится для уроков.

Во дворе у них стоят уже заготовленные фигурки, которые скоро займут свое место в хозяйстве, остается их только покрасить.

У Быковых двое детей, сын и дочь. Они уже взрослые, опека им не нужна, зато ясным солнышком для них стала внучка Настя. Ей всего три годика, и она любит бывать у бабушки с дедушкой, где все можно или почти все. Осваивает теперь свой «черный бумер».

Спрашивать, правильно ли они выбрали друг друга, думаю, не стоит. Их отношения я назвала бы очень бережными и душевными. На все просьбы жены Олег Юрьевич откликается с готовностью. Так было всегда. В вазе на столе стоят ее любимые цветы - ромашки, но дарит он ей розы в знак благодарности за семью и детей.

Вы пронесли любовь сквозь все года,

Вы одолели горе и печали,

Желаю, чтобы завтра и всегда

Вы были счастливы, как и вначале.

Желаю, чтоб свеча любви всегда

Горела, согревая вас собою.

Чтобы у вас была своя звезда

И названа она была б Любовью.

2019г.

Жертвой стал по наговору

Очень далеки от нас события 30-50 годов прошлого века, но их отголоски волнуют чье-то воображение и сегодня.

Дед Виталия Георгиевича Симанова попал под жернова репрессий за несколько лет до начала войны. Попал, когда арестовывали «под гребенку», выполняя «разнарядку» сверху. Виной его признали тот факт, что он, якобы, заведомо зная о наличии у соседки самогонного аппарата, не сообщил об этом в органы. И «припечатали» мужику политическую статью «За потерю бдительности» - десять лет лагерей без права переписки.

- Мой дед, Федор Маркович Бурцев (на снимке), хорошим был человеком, - рассказывает Виталий Георгиевич. - Он жил в Чувашии. Со стороны мог показаться странным. Как помню, он мало говорил, предпочитал больше слушать. А вот руки у него были золотые. Все, что я умею делать сегодня - это дедовы уроки. Не раз получал от него подзатыльники, но не обижался, нельзя на него обижаться, все по делу. Помню, мне лет девять было, когда я услышал в деревне, что дед мой в лагере сидел. Мне же интересно стало. Спросил, за что? Дед внимательно посмотрел на меня и ответил: «Ни за что. Подрастешь - расскажу, а сейчас, боюсь, не поймешь». И рассказал, но намного позднее, мы потом часто разговаривали о времени репрессий, мне, правда, было интересно. Я для него оказался той отдушиной, которая в какой-то степени помогла ему дожить до 90 лет. Ни маме моей, ни отцу он не рассказывал того, о чем я знаю. Все потому, что родителям всегда было

некогда, они и вопросов не задавали, а когда он начинал вспоминать, каждый раз кивали на меня: «Батя, расскажи Виталику, ему будет интересно».

Попробую поведать отдельные истории, которые услышал от деда, пока он был жив. Он пробовал даже записывать увиденное, хоть образование у него всего четыре класса. Говорил, что в лагере «подучился грамоте». И что примечательно, дед на свободе никогда не пользовался лагерным жаргоном, более того, презирал тех, у кого вылетали тюремные словечки. Он очень хотел забыть лагерь, но до меня старался донести свои мысли. «Я хочу забыть, а человечество об этом забывать не должно», - говорил дед. Давал мне читать свои записи, чтобы я ошибки исправлял. Писал он карандашом, многое просто стерлось, часть страниц была утеряна. Столько лет прошло, но дед, как живой, передо мной стоит.

Все, что я услышала от Виталия Георгиевича про его деда, решила написать от первого лица, то есть, от имени самого Федора Марковича Бурцева, ведь это он рассказывал внуку о лагере, о репрессиях, он смог донести до парня горькую правду, не обвинив при этом никого.

Как кур в ощип...

Декабрь 1938 года. Морозно в «телячьем» вагоне. Нас натолкали, как сельдей в бочку. Вонь стоит, кто-то еще и курит. Ни сесть, ни лечь невозможно. Стоим и дремлем на ногах, как кони. Народ разномастный.

- Во, попали, как куры, в ощип! - послышался чей-то возмущенный голос. - Нас даже за людей не считают. Скотину в таких условиях не содержат, видимо, мы хуже скотины. Сдохнем все в расцвете лет.

- Чё ты глотку зазря дерешь, юморист хренов? - крикнул в ответ кто-то с другого конца вагона. - Все равно никто не услышит, а если и услышит, так не ответит. Мы же для них не люди, а отбросы общества, быдло, одним словом.

Федор Маркович стоял возле стены и мыслями был далек от этого вагона, от этих возмущенно кричащих людей. Он был рядом с ней, с женой и детками.

- Как же ты, Шура, справляешься с малышами, ведь двое на руках, один другого меньше, скоро третий появится? - мысленно спрашивал у жены, как будто невидимый телеграф мог довести вопрос до нее.

Он жалел жену, с которой познакомился в юности при весьма неожиданных обстоятельствах. Спас зимой от волков, оказавшись почти рядом. Он был в лесу и услышал крик со стороны дороги, туда и бросился с ружьем наперевес. Все-таки отметину волчьих зубы успели оставить ей на всю жизнь - у Шуры шрам на левой щеке, руки тоже пострадали. Федор парнем боевым был, чуть что не по нему, в драку бросался. И тут не испугался. Одного волка он тогда застрелил, а девушку привез к себе домой, потому что его мать всех лечила и довольно успешно. Несколько недель спасенная жила в доме Бурцевых. Федор даже притронуться к ней боялся. Он смотрел на нее, когда она спала, и твердо решил: как девушка поправится, будет просить ее руки.

- Ты оглох что ли? - услышал над ухом Федор Маркович. - Жрать будешь? Бери пайку, да рот не раскрывай, а то вырвут вместе с зубами. - И он вдруг почувствовал, что очень голоден. Рядом все жевали. Напротив его стоял старик, который брал в рот хлеб маленькими кусочками, видимо, зубов не было, размачивал слюной, а потом глотал.

На третьи сутки поезд остановился, конвойные бросились разгружать вагоны. Вокруг стояли охранники с собаками.

- С прибытием вас, товарищи, в лагерный рай! - пошутил кто-то.

- Молчать, а то такой рай вам устрою, что ад благом покажется. Вы все теперь зэки, нет у вас ни имени, ни фамилии, - заорал начальник, одетый в добротный полушубок.

Пока топали от железки до места, несколько человек «богу душу отдали», одеты были кое-как, а добираться пришлось чуть не по сугробам. Архангельская область - не юг. Нам сказали, что мы прибыли в один из лагерей Каргопольлага - это целая система. Как водится в любом лагере, перекличка, распределение по баракам, переодевание. Теперь мы все под номерами, как грузовики. В

бараке, куда я попал, большинство оказались «политическими», точнее, осужденными по политическим статьям. На нарах рядом со мной молодой парень лет 19-и. Попал в лагерь «за пропаганду западного образа жизни» - обожал иностранную литературу. Знакомимся потихоньку, ведь предстоит вместе жить не один день, а годы. Вот и узнаем, кто чего стоит. Кому можно доверять, а от кого держаться подальше.

Каким жестоким я становлюсь

... Не перестаю удивляться, по какому такому правилу в «политических» оказались люди, не имеющие отношения к политике вообще. Например, мой напарник по работе в лесу - вятский мужик, получивший 25 лет лагерей за то, что чекиста убил, который приставал к его сестре. Ну, при чем здесь политика? Чистая уголовщина. Мы валим с ним лес пилой, называемой в народе дружбой: «Ты - мне, я - тебе». Ничего, он мужик сильный.

Опять же я, за что сижу? Моя семья даже не знает, жив ли я, а, может, расстрелян. Дети вырастут, не помня и не зная отца. С какой стороны к политике отношусь? Сам я в глаза тот самогонный аппарат, за который сюда попал, у соседки не видел. Кто «стукнул» в органы? Перебираю мысленно всех деревенских, но даже предположить не могу, на кого подумать. Все, вроде, свои. Меня не первого забрали. До этого увезли в неизвестном направлении Григория-конюха, Алексашку-кузнеца, Вовку-профессора. И тоже по чьему-то навету. Выходит, и в чувашской глубинке стукачи не дремлют.

В лагере каждый день похож один на другой, поэтому время тянется медленно. Где-то за забором уже идет война. Многие из нас, и я, в том числе, попросились на фронт. Лучше уж умереть в бою, чем сгнить в этих бараках. Но начальство посадило нас за это в карцер, где ни тепла, ни воды, ни постели. Сосед мой после карцера зачах, легкие простудил, через несколько месяцев умер.

- Вы считаете себя шибко преданными Родине? - орал на нас начальник лагеря. - Да вы просто мечтаете к фрицам удрать! Тоже мне, вояки нашлись.

Фамилия у него подходящая - Смурый. Никто не видел, чтобы он улыбался. Злой, как собака, только горлом и берет.

От нечего делать наблюдаю иногда за теми, с кем живу в бараке. Фрол Чалый - бандит из бандитов, а гордо называет себя политическим. У него руки по локоть в крови, он не одного сельского активиста завалил, в гражданскую на стороне белых воевал. Крутится все возле блатных, а те не особо его привечают.

Андрей Сметанин. Музыкант. Даже за границей выступал, а тоже здесь оказался. Влюбился в полячку, за это «окрестили» его вражеским шпионом, якобы, передающим тайные сведения о нашей стране.

Несколько дней назад к нам в лагерь привезли дезертиров и предателей. Трех бывших полицаев поместили в наш барак, взамен зеков, умерших накануне. Они же огонь и воду прошли, никого не боятся, начали, было, свои порядки у нас устанавливать. Мы в ответ вынесли им приговор. Одного придушили, другого ножичком пырнули, а третьему разmozжили голову за баракom, когда он до ветру пошел.

Господи! Каким жестоким я становлюсь, как же буду жить после лагеря, если, конечно, выживу? Мы расправились с предателями накануне выходного дня. Наутро к нам лагерное начальство пожаловало. Ни крики, ни угрозы не помогли. Зачинщиков расправы не выдали, даже воры молчали «в тряпочку», они просто не знали, кто совершил возмездие. В результате устроили нам пытку - стоять весь день перед баракom по стойке «смирно». Это в выходной! Тяжело. Спина отваливается, присесть или расслабиться нельзя, охранник сразу пристрелит. А сверху, как нарочно, холодный дождь со снегом. Несколько человек не выдержали, упали. Их мы больше не видели. Может, умерли, может, в больницу утащили, не знаю. Кроме жестокости, привыкаю к тому, что ежедневно вижу смерть. Она меня не трогает, вместо жалости радуюсь за умершего - отмучился.

Наутро после такой «процедуры» мы встаем с трудом. Я себя сильным считаю, все-таки еще молодой, по сравнению с некоторыми обитателями нашего барака. Идем по грязной жиже к лесу,

ноги разъезжаются. То тут, то там слышатся крепкие выражения, вертухаи (конвойные) еще крепче матерятся, чем заключенные. Они говорят, что мы хорошо живем, в других лагерях, хуже. Господи, да куда еще хуже? Это каторга самая настоящая. Ладно, я - простой крестьянин, а рядом с нами профессора, бывшие офицеры, инженеры крупных заводов. Неужели вся страна - сплошные предатели и враги? Кто тогда воюет?

Да здравствует свобода!

... Восьмой год нахожусь в лагере. Сам удивляюсь, что еще живой. Уже нет меня прежнего не только морально, но и физически. От сотни килограммов осталась половина. Все мы тут похожи на смертников. Лучше живется ворами в законе, да стукачам. Война год назад закончилась, а к нам все чаще поступают то бывшие полицаи, то еще какое-то отребье, которое и при немцах хотело хорошо жить. Фашистов тоже видел, но их до нас не допускают, они даже в лесу на отдельной делянке работают.

Сколько порядочных людей проходит передо мной! Бараки время от времени перетасовывают, поэтому живы те люди или нет, с которыми свела судьба в этих стенах, не знаю, возможно, кто-то и освободился. Я стал другим человеком, чувствую. Научился молчать, сдерживать себя, даже если эмоции рвутся наружу.

На днях, во время работы, сбежали три человека из соседнего барака. Это уже, можно сказать, настоящие смертники. За это весь лагерь стоял после работы несколько часов, пока двоих не выловили и не привезли обратно, третьего застрелили в ходе облавы. Надо было видеть, как бросились на бегунов зеки, готовы были разорвать, но охрана применила оружие. Потом на наших глазах мужиков били цепью.

... Нежданно-негаданно сегодня меня вызвали к начальству после переключки. Иду, тороплюсь. Если не успею вместе со своим отрядом отправиться на работу, заставят бегом догонять, а мне такое уже не по силам. Забежал к начальнику, отрапортовал, как положено. А он не торопится. Не спеша, встал из-за стола, обошел вокруг меня дважды, а потом издевательским тоном сооб-

шил, что сегодня меня освобождают. Скажу честно, не поверил, потому что и обмануть могут, мы ко всему привычные.

- Что ж, не пляшешь от радости? - спросил. - Когда же ты отправил прошение, я не видел?

В душе у меня такая волна благодарности поднялась к человеку, который освободился год назад, но пообещал на воле «разобраться» с моим делом. И вот разобрался! Мы познакомились, когда моего «лесного» напарника по случаю аппендицита увезли в больницу. Дали мне в пару Михаила Матвеевича Волгина, который до ареста работал юристом на механическом заводе в Воронеже. Когда фашисты приближались к городу, завод начали эвакуировать. По прибытии на место куда-то исчезли несколько ящиков с документацией и чертежами. За их сохранность отвечал Михаил Матвеевич. Взяли под стражу, «за вредительство» потом сюда отправили. Он писал письмо Сталину. То ли письмо дошло, то ли еще какая-то причина, а, может, те ящики нашлись, но он успел отсидеть только четыре года, его неожиданно освободили. Я ему рассказывал свою историю, он обещал, если его выпустят досрочно, помочь.

Выдали мне документ на руки об освобождении, я сел в кузов машины, и «Да здравствует свобода!»

Упиваюсь свободой

Иду по знакомой с детства улице. Меня не узнают, но смотрят с интересом, провожая взглядом. Все ближе к дому. Сердце готово выпрыгнуть от нетерпения. Поднимаясь на крылечко, заметил, что оно ходуном ходит, а в дверях огромные щели. Дрожащей рукой дергаю дверь. Перед глазами моя постаревшая жена Шура. Она не сразу поняла, кто вошел, а как только я заговорил, упала без чувств. Все годы она жила в неведении.

Когда дети вернулись из школы, я стал знакомиться с ними заново. Если Юру и Леню сколько-то помнил, то Пелагея родилась уже без меня.

К вечеру односельчане набились в избу. Плачут, ведь у многих мужья и сыны на войне сгинули, а я вот даже порошу не понюхал.

Разве объяснишь каждому, что такое лагерь? Они рассказали, что Вовка-профессор прямо из лагеря ушел на фронт, несколько писем от него приходило, потом похоронка. Считаю, повезло ему, я бы тоже так хотел, но не получилось. Профессором в деревне его обозвали за то, что он читал все подряд и знал много.

Соседка моя, из-за самогонного аппарата которой я сидел, потеряла на войне и мужа, и детей. Председатель колхоза, зайдя к нам в дом, без всяких предисловий назначил меня бригадиром, ведь мужиков в деревне почти не осталось. Колхозная работа, скажу я вам, не лучше лагерной, только разве что без охраны и окриков. Все равно, это свобода, которую надо ценить. Да, приходим домой вымотанные, выжатые, как лимоны, но мне нравится, я просто упиваюсь свободой.

Руки чешутся, сами просят работы. С каким наслаждением после трудового дня беру в руки топор. Ремонтирую все, что на глаза попадает. Соседка попросила крышу подлатать, одна теперь на всем белом свете осталась. Как не помочь? Много вдовушек в деревне...

Дневник сгорел, а память осталась

- Я говорил, что дед вел в лагере дневник, - Виталий Георгиевич выдержал длинную паузу. - Он его привез домой. Вначале мне рассказывал о своем житье-бытье, а когда я уже учился в классе седьмом, отдал свой дневник и просил беречь. Когда мне было плохо, я брал его в руки и читал. Многие страницы знал наизусть. Только не выполнил я волю деда, не сберег. Наш дом сгорел дотла в 2007 году от молнии. Никого в доме не было. Пока люди увидели, пока позвонили в пожарку, пока сами прибежали и начали тушить, спасать было нечего. Жара стояла в тот день невероятная. В чем ушли утром на работу, в том и остались. После пожара уехали мы с женой из деревни, решили ближе к моим родителям перебраться, они почему-то в Оханске осели, когда вышли на пенсию, хотя отец мой родом из Нытвы. На месте старого мы построили новый, более просторный дом и жили вместе. Мама умерла в 2012 году, отец тоже вскоре ушел в мир иной, так мы и остались

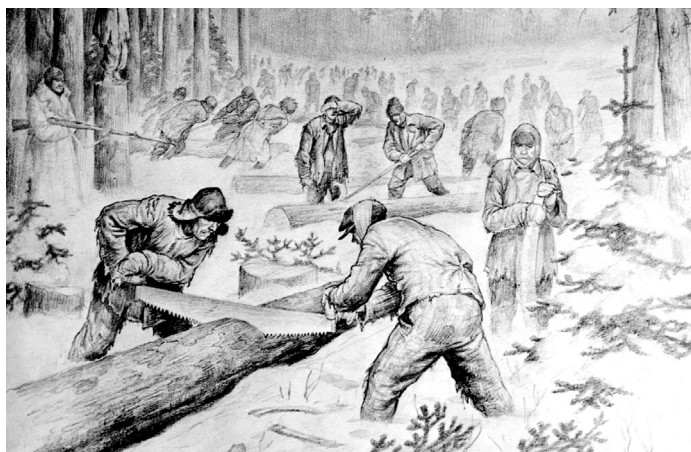
в этом доме, а могилка деда в Чувашии. Мы бываем там изредка. Дети наши живут своими семьями, навещают. Жена вышла на пенсию, сейчас у сына пока обитает, там двойняшки родились, так помочь надо в первое время. А я у частного предпринимателя работаю водителем. Здесь работы нет, каждый день в Пермь мотаюсь. Привык. Если непогода, остаюсь ночевать у племянника.

У меня не осталось ни одной дедовой фотографии, все сторе-ло. Случайно у моего двоюродного брата нашел одну. Он его сам фотографировал, когда еще учился.

Я настолько проникся дедовыми рассказами, как будто сам все это пережил. До конца жизни любимой одеждой для деда была телогрейка, он ее кужайкой называл. Одна была у него «на вы-ход». Он в ней в кино ходил, в магазин, просил в ней и похоро-нить. Я хорошо запомнил его слова: «Государство наше, внучек, большое. В том, что случилось, виноват не Сталин, не Берия, не народ, а те, кто от их имени действовали, придя к власти на мес-тах. Ты, внучок, не сомневайся, с годами все вернется на круги своя, оправдают кого надо, а на кого надо, анафему наложат».

В целом, через Каргопольлаг прошло около полумиллиона уз-ников. До сих пор точно неизвестно, сколько здесь было расстре-ляно, умерло от ран, от голода, от непосильной работы. Главное, чем занимались обитатели Каргопольлага - лесоповал. Для заго-товки леса ГУЛагу был выделен огромный лесной массив.

2021г.

Изумрудная история семьи Лыковых

Продолжительные браки нынче становятся редкостью. Прожить вместе долгую жизнь - огромное счастье и, вместе с тем, это великий труд. Радует, что в нашем округе есть примеры дружных, слаженных семей, где чтят и уважают старших, где сохраняются семейные традиции, где бережно и требовательно относятся к воспитанию детей.

В этом году отмечает свой изумрудный юбилей чета Лыковых, Аркадия Тимофеевича и Любви Ивановны.

Помнят ли супруги день бракосочетания? Все-таки 55 лет прошло. Как, оказалось, помнят в мельчайших подробностях, как родилась новая семья Лыковых.

- В этот день на улице творилось что-то невообразимое, - воскликнула Любовь Ивановна. - Такая круговерть, в трех шагах ничего не видно. Ветер с метелью просто рвал и метал все вокруг. Не отменять же свадьбу. Расписывала нас Сопегина Александра Михайловна в Оханском ЗАГСе, он находился тогда в здании нынешнего предприятия «Гарант» на втором этаже.

- Потом мы поехали в Острожку, - вступает в разговор Аркадий Тимофеевич. - Ни кафе, ни ресторанов не было, Люба же у меня деревенская, там и играли свадьбу. А как добирались, так сейчас смешно вспоминать. Автобусы не ходили, пристроились на тракторных санях, да еще по пути застряли, где-то шли пешком. А народ на свадьбе радовался, мол, раз в такую погоду свадьба, значит, все будет хорошо.

- Ну, конечно, без куролесей в нашей жизни тоже не обошлось, но в целом, жизнь прожита неплохо, - добавляет Любовь Ивановна. - Дети выросли, теперь внуками обзавелись, даже правнук имеется.

Их семейный путь не был усыпан розами, однако, несмотря на все трудности, они сохранили тёплые чувства, взаимное уважение и преданность.

1966 год. Выпускница Острожской средней школы Люба Масалкина получила направление от сельхозпредприятия в Бершеть, учиться на бухгалтера. Вместе с ней решились ехать туда еще две девушки после восьми и девяти классов. Без среднего образования на бухгалтеров не принимали, и на собеседовании им предложили учиться на другие специальности. Девушки отказались. Люба без землячек не захотела оставаться одна в Бершети и тоже забрала документы.

Выбор вакансий в Оханском районе всегда невелик, тем более что в тот год был двойной выпуск из средних школ, поэтому поехала девушка на швейную фабрику, как и многие ее сверстницы.

- Мест в общежитиях не было, многие жили на квартирах, - вспоминает Л.И.Лыкова. - Меня постигла та же участь. У бабушки, которая меня приняла, жили уже пятеро девчонок, я - шестая. Но в тесноте - не в обиде. Все из сельской местности. Мы никуда не ходили, да нам еще и надеть было нечего, мы только начинали работать.

Рядом, на той же улице, жил парень, к нему постоянно навещались друзья. Они играли в футбол, где-то бегали. Конечно, они видели, что в соседнем доме поселились девчата. Однажды уговорили бабушку, чтобы она пустила их поиграть с квартирант-

ками в карты. Познакомились. Парни стали чаще заглядывать, но после восьми часов вечера исчезали, бежали на танцы в Дом культуры. У них там свои пассии были.

Аркадий, живший в соседнем доме, был парнем видным, симпатичным. Он только-только вернулся из армии, три года служил танкистом в Потсдаме (Германия). Девушки на него с надеждой поглядывали, он был молодым и веселым (он и сейчас веселый). Для него самой нарядной одеждой были свитера, он то в одном ходил, то в другом, то в третьем.

- Я же понимал, один жить не буду, надо выбирать подругу, - говорит Аркадий Тимофеевич. - Девчонок вокруг много вилось, но хотелось выбрать не пустышку, а верную и надежную подругу. Я после соседских посиделок все чаще склонялся к мысли, что надо к девчатам приглядеться. Мне Люба понравилась, скромная, красивая, чуть что, краснела. И от этого еще привлекательней становилась. Решил не откладывать свое решение в долгий ящик. Однажды она пошла за нами ворота закрывать. Друзья вышли, а я в это время ей предложение сделал. Рассудил так: разница у нас в пять лет, стало быть, потом вместе на пенсию выйдем. Мы ведь и не гуляли даже, а я не пожалел, что Любу выбрал.

Жить молодые начинали с нуля. Все и приданное невесты - сундук, да и жених не из богатой семьи. Потихоньку обжились. Люба знала всю сельскохозяйственную работу, умела ухаживать за животными. Когда жила еще дома, в Лужках, вместе с родителями, братьями и сестрами, косила и гребла сено, ездила на мельницу, сажала и поливала овощи. Для нее любой труд был не зазорен. Для начала Лыковы завели поросёнка, чтобы мясо было своё. Но хватило их на два года. Оба на работе, а чуть задержатся, визг на всю округу.

А дети пошли, хотелось их одеть получше, накормить покуснее. Занялись выращиванием огурцов. Построили большие теплицы, и с весны до поздней осени все свободные часы проводили в огороде. Торговать ездили в Пермь. С выручки купили машину, чтобы ни от кого не зависеть, потом дом. В те годы многие косо смотрели на людей, которые ездили торговать на рынок,

называя их спекулянтами. Но одно дело перепродавать, а совсем другое - предлагать горожанам продукцию, выращенную и политую собственным потом на своем огороде.

Производственные дела у Лыковых тоже шли неплохо. Люба стала передовиком на фабрике, ударником коммунистического труда, лучшей по профессии, вела общественную работу, пела в фабричном хоре, вступила в партию. И как итог, стала кавалером ордена Трудовой Славы третьей степени.

В 90-е годы, когда фабрика, по сути, не работала, а семью надо кормить, пришлось искать другое место, где можно было приложить свои силы. Пришла в Госстрах. И если на фабрике она в течение 30 лет сменами сидела на одном месте, не разгибаясь, то здесь пришлось много ходить. Первое время возвращалась домой, как выжатый лимон, но потом привыкла, даже понравилось, что на воздухе чаще приходилось бывать.

У Аркадия тоже все складывалось неплохо. Он водил машины в ПМК, потом его пригласил к себе водителем Чупраков, а последующие годы он трудился на скорой помощи. Общий стаж 41 год. Кроме медали, полученной во время воинской службы, он награжден медалью «Ветеран труда».

Лыковы, где бы ни трудились, всегда были передовиками, победителями соцсоревнований, имеют много поощрений и грамот. Неоднократно о каждом из них писала наша районная газета.

Дети видели, как трудятся их родители, поэтому тоже выросли трудолюбивыми. В то же время, они понимали, что учеба никогда не помешает. Татьяна имеет три образования, работает в библиотеке г. Очера. У нее двое детей. Дочь учится в мединституте, сын - будущий электроник, учится в одном из Московских университетов.

У Андрея две дочери, одна из них уже окончила ВУЗ и работает. Есть внук, чаще всего, можно видеть его с дедушкой Андреем, который терпеливо возится с малышом.

- Залогом нашего счастливого брака, как мне кажется, стало то, что мы очень часто собирали дома друзей и сами ходили в гости. Сейчас так часто в гости не ходят, а тогда - обычное дело, - сме-

ется Любовь Ивановна. - У нас просто не было времени, чтобы ссориться, хотя всякое бывало. 55 лет вместе - это история не на один том. Были и победы, и поражения, и трудности.

Но, глядя на улыбающихся супругов, понимаешь, что ко многому они относились точно так же, с улыбкой. В том числе, к бытовым вещам. Сейчас и здоровье подводит, лишний раз из дома выходить не хочется, и на душе бывает «непогода». Однако Лыковы находят в себе силы, чтобы погулять по околотку.

Они все хозяйственные дела с самого начала начинали делать вместе. И до сих пор продолжают эту традицию. Их яркий домик, в котором они живут 40 лет, виден издали, возле него всегда чисто, а окна в любое время года украшают цветы. Сегодня они, как никогда, понимают, что совместные бытовые дела сближают». Похоже, изумрудные свадьбы празднуют лишь те супруги, которые относятся к жизни философски. И семья Лыковых - яркий тому пример.

Аркадий Тимофеевич и Любовь Ивановна - люди душевные, приветливые, гостеприимные и просто обаятельные. Их руки все умеют. В доме очень уютно, каждая вещь на своём месте - порядок просто идеальный, как снаружи, так и внутри. Всё у супругов спорится да ладится. Они - люди крепкие, закалённые, все невзгоды преодолевают вместе. Секретом столь долгого крепкого семейного союза супруги считают не только свои чувства, которые с годами всё больше крепнут, но и доброе, уважительное отношение друг к другу.

Прожив долгую совместную жизнь, Лыковы говорят: «Сегодня у нас всё хорошо, побольше бы только здоровья. Богато мы не жили, но на жизнь хватало, теперь вот пенсию платят. И у детей, слава Богу, тоже всё относительно неплохо».

А еще они утверждают, что секретов долгой семейной жизни у них нет, всё заключается в уважении, поддержке, заботе друг о друге, а также умении прощать и, конечно же, любить, несмотря ни на что.

2023г.

Испытания не убили в ней человека

А.И.Шилова.

Когда человеку за 80, ему больше всего жить хочется, а в голове, как назло, то и дело всплывают картинки того прошлого, которое и вспоминать не хочется. Анна Ивановна Шилова с юных лет до самой пенсии трудилась в лесных хозяйствах: рабочей, возницей, уборщицей - одним словом, куда пошлют.

Она родилась в Белоруссии в тот год, когда народ собирали в колхозы. Кроме нее, в семье было еще шестеро детей. По рассказу матери, год был голодным, в соседней Украине народ пухнул и умирал с голоду. Им тоже было не

легче, отец отправлялся на заработки. А когда образовался колхоз, возможности такой он лишился. Последнюю корову сдали в общее хозяйство. Мать начала ухаживать за животными, но многие из них падали от бескормицы. Кое-как пережили зиму.

- Хотя я и была вечно голодная, но росла здоровой, сильной, не в пример своим братьям и сестрам, которые были хлипкими, - с гордостью говорит о себе Анна Ивановна. - А фамилия моя настоящая Кривич, это уже здесь я Шиловой стала.

Оккупация

Немцы вступали в деревню с двух сторон. С одной шла пехота, с другой - машины и мотоциклы. Слышалась браваурная музыка. Остановившись возле школы, они деловито начали таскать в зда-

ние вещи. Всю площадь перед церковью заняла немецкая техника.

Анна вместе с братьями-погодками наблюдала за всем этим с сеновала своего дома. Они видели, как люди в серых одеждах разбежались по всей деревне и занимали лучшие дома, «освобождая» население от жилплощади. К ним в дом тоже забежали несколько немцев, но увидев на кровати вконец опаршивевшее от корост лицо бабушки и резкий запах травяных настоев, опретью выскочили обратно.

Бабушка не была заразной. Сегодня ее болезнь назвали бы попросту аллергией на тополиный пух и пчел. И такие казусы случались с ней каждое лето. Их глиняная избушка не отличалась роскошью: стол, лавки вдоль стен, да несколько топчанов. Ставни окон страшно скрипели от ветра. Мать просила отца заменить их, но тот только усмехался и говорил, что ставни музыкальные. А когда войну объявили, собрался и ушел воевать. Старшие дети, две сестры и брат, тоже последовали примеру отца. В доме остались мать, бабушка и четверо младших. К моменту прихода немцев в деревню Алесю было 14 лет, Егору - 13, Оксане - 11, Ане - 9 лет.

Ежедневно немцы собирали народ и отправляли на работы. В первые месяцы они вели себя довольно пристойно. Но после того как их начали донимать партизаны, обозлились. Аня ходила на работы вместе со всеми: собирала ягоды, таскала землю, месила глину, мыла машины и мотоциклы. Однажды за усердие пожилой немец одарил ее плиткой шоколада, которую она несла домой, как самую дорогую реликвию.

- Анька, ты что у немцев побираешься? Они же враги, - накинулись на девочку братья.

- Отстаньте от нее, она еще ребенок, - заступилась мать. - А шоколад не съела, вам же принесла.

С того дня угостивший девочку немец стал заглядывать к ним в дом. Он всегда глазами искал Аню. Однажды принес фотографию и, тыча в нее пальцем, повторял, как заклинание: «Муттер, Фриц, Эрика». Мать говорила, что девочка, которую он называл Эрикой, очень похожа на Аню.

Так они и жили при немцах. Позднее Анна поняла, что мальчишки, так или иначе, связаны с партизанами. Они иногда исче-

зали на всю ночь, временами выдворяли Аню и Оксану во двор, заставляя наблюдать, не подходит ли кто близко к дому. А если такое случалось, девочки начинали громко ругаться друг с другом, тем самым предупреждая о приближении чужого.

На третий год войны все чаще стали бегать по домам полицаи. Они были хуже фашистов, переворачивали все в доме, лезли в подпол, на всякий случай, стреляли, чтоб их боялись.

Беда

Пришла беда - отворяй ворота. Это верно подмечено. Однажды Алесь вернулся домой весь в крови, кисть его руки болталась только на коже. Мать запричитала, собрала тряпки, начала обрабатывать руку. В это время нагрянули полицаи. Они схватили Алесья, следом Егора и мать, потащили их с собой. Анна с Оксаной кричали и бежали следом. Их, в конце концов, тоже схватили и вместе с родными затолкнули в сарай.

В сарае уже сидело десятка два односельчан. Там Аня и услышала, что немцы бегут по всем фронтам и скоро освободят Белоруссию.

Алесь ныл от боли, мать его успокаивала, как могла. Вскоре брата увели на допрос. Обрато он не мог идти сам, его принесли и бросили в угол, он был без сознания. К вечеру сарай пополнился новыми обитателями.

- Отсюда фашисты нас не выпустят, - сказала одна из женщин.
- Они люты на расправу, могут всех сжечь живьем или в Германию свою отправить.

- Вот что, давайте подкоп делать, - предложил вдруг Егорка. - И уйдем отсюда.

И люди поняли, что можно еще спастись или, хотя бы, детей вызволить. И пошла работа! К ночи отверстие у задней стенки сарая было вырыто. Когда совсем стемнело, ямку расширили и вытолкнули первого ребенка. Он отбежал в кусты и оттуда наблюдал, как выталкивают второго.

Часовой, услышав подозрительный шорох, заскочил в сарай, выстрелил, не глядя, в толпу и попал в Егора. Мальчик упал замертво. Мать закричала, остальные сдвинулись ближе к стене,

где был подкоп. Кто-то схватил Аню за шею и наклонил к земле, давая понять, что надо использовать момент и уходить. Она поняла и с трудом пролезла в отверстие. Потом огородами пробралась к своему дому. Бабушка лежала без чувств на своем топчане. Девочка напоила ее, растрясла и все рассказала.

- Внученька, беги отсюда, они снова придут за тобой, - зашептала бабушка. - Мать уже не спасти, может, Оксанке удастся выйти, беги, ради всего святого, беги куда-нибудь.

Анна никуда не побежала, а залезла под крышу. Она ждала Оксану. Наступило утро. Фашисты собрали народ на площади и всех, кто сидел в сарае, вывели и поставили в ряд.

- Это партизаны и их пособники, - перевел староста речь высокомерного офицера. - Они должны быть казнены, как враги новой власти.

- А что дети тоже пособники? - раздался возмущенный голос.

- Да, они помогали партизанам, поэтому будут жить и отрабатывать в Германии.

Потом подошли машины, людей стали загонять туда, в том числе, и тех, кого хотели расстрелять. Вопли, крики, выстрелы...

Вторая родина

Через три дня немцы спешно бежали из деревни, не забыв поджечь самые добротные дома. Дом Кривичей остался цел, но он был пуст. Бабушка умерла за день до этого, людей угнали в неметчину, остались в деревне два старика, да несколько пацанят. Когда советские танки появились в деревне, встретить их было некому.

Аню и мальчишек военные посадили в машину и увезли на железную дорогу. Там вместе с другими детьми отправили на Урал, чтобы ребята могли учиться. Ане было всего 11, но выглядела девочка старше своих лет, поэтому сказала, что ей 13.

В Перми детей рассортировали по разным детдомам. Анна попала в Очерский район. В первый же день она поссорилась с воспитательницей, которая обозвала ее хохлушкой.

- Я из Белоруссии, - дерзко ответила Аня. - И уеду обратно, а вы в своей дыре так и просидите.

В общем, диалога не получилось, и на другой день девочка сбежала из детского дома. Прибилась по пути к старикам, которые ехали на лошади. Они привезли ее в свой дом, а потом пристроили в местный леспромхоз. Руки рабочие нужны были, ее приняли, но фамилию она назвала стариков - Шилова. Неделями жила в лесу вместе с другими работниками в наскоро поставленных помещениях. Позднее всю бригаду отправили в Оханский леспромхоз, где Анна и осталась. Жила на квартире у бабушки, Устиньи Филипповны Зелениной, на улице Красноармейской.

- Что же я особенного могу рассказать о своей работе? Вкалывала, как все, - Анна Ивановна смахнула слезу. - Надсадилась на этой работе. В молодости не замечала, а потом все сказалось. Пришло время - паспорт получила. В нем так и осталась чужая фамилия - Шилова, и возраст не мой. Да это и не важно. Я же одна из всей семьи выжила. Медаль за работу в войну тоже получила на чужую фамилию, но она мне стала родной. Своих детей у меня не получилось, двух приемышей пригрела. Выросли мальчишки, так и не собралась сказать им, что не мои они. А теперь уж и ни к чему. Внуков очень люблю.

Анна Ивановна через 20 лет после войны начала искать своих родных. И только сравнительно недавно узнала, что отец, Иван Лаврентьевич Кривич, пал смертью храбрых еще в первую военную зиму под Смоленском. Старший брат пропал без вести, старшие сестры работали в медсанбате и погибли вместе с ранеными во время одного из налетов немецкой авиации в Польше. Егор погиб в сарае, а мать с Алесем и Оксаной угнали в Германию, оттуда они не вернулись.

- Вроде, тяжело было, а я духом не падала, может быть, потому, что ребенком еще была, не осознавала тогда, чем закончится. Муж у меня был добрый, понимающий, в детстве блокаду пережил, он тоже приемных ребятишек полюбил. Век его только коротким оказался. Он даже при регистрации мою фамилию взял, свою хотел забыть, как сон, а почему, так и не рассказал, а я не настаивала. Однажды мы с ним в лесу под падающее дерево попали. Я-то ничего, очухалась, а ему голову проломило. Увезли в Юго-Камск, но в себя он так и не пришел.

Анна Ивановна продолжала работать, боялась переходить на другое место, ведь образование у нее было всего три класса. Лишь за десять лет до выхода на пенсию решилась и перешла в истопники. Долго еще ей снились леса и спиленные деревья, кучи сучков и костры.

- Сама удивляюсь, что раньше мне удавалось выбросить войну из головы. Правда, военные фильмы я старалась не смотреть, - нараспев, глядя в окно, произнесла бабушка. - Жила настоящим, настраивала себя на это. А сейчас будто в детство возвращаюсь. Видно, родные зовут, время пришло. Что меня на этом свете держит? Подруг уже нет, внуки и без меня проживут, я для них теперь обуза, хорошо хоть не говорят об этом, берегут меня. Спасибо им за это.

Анна Ивановна тяжело вздохнула и, с трудом передвигая натруженные ноги, прошла до окна, потом обратно, стараясь как можно меньше опираться на палочку.

- Доктор сказал, что ходить надо даже через «не могу», вот я и ковыляю туда-сюда. К мужу покойному хоть сейчас согласна уйти, да не получается. Пока жива, надо двигаться, а не валяться день-деньской на кровати. - Бабушка снова присела на стул, отдышалась и взялась за рукоделие - вязать коврики.

- За работой и время быстрее проходит, - улыбнулась она, а потом продолжила. - Вот помню, как-то зимой после обеда приехали к нам в лес два корреспондента. Фотографировали, с кем-то разговаривали. А бригадир только и повторял, перебегая от одной к другой: «Улыбайтесь, товарищи, улыбайтесь, в газету попадете. Покажите, как весело вам работается». А мы, как натруженные кони, уже и улыбаться не могли, только хрипели. День-то к концу близился, надо было последний штабель сложить. Да, такая вот невеселая жизнь... Простите, ничем я Вам не помогла. Что рассказывать? Мы ведь подвигов не совершали.

Не права Анна Ивановна. Каждый, работавший в тылу, ежедневно совершал подвиг, а если учесть, что бабушка еще и в оккупации столько времени жила, то приходится только удивляться, как не озлобилась и не потеряла чувства доброты и любви к жизни.

2021г.

Любовь с первого взгляда

Вы верите в любовь с первого взгляда? Кто-то скажет, что это блажь, кто-то просто пожмет плечами. А вот супруги Радионовы, Владимир Федорович и Ирина Леонидовна (на снимке), уверенно ответят, что полюбить можно с первого взгляда и на всю жизнь.

Семидесятые годы прошлого века. Спокойное время, когда не было проблем ни с работой, ни с жильем, все это было доступно, когда можно было без боязни смотреть в будущее. В это время и встретились наши юбиляры Владимир Федорович и Ирина Леонидовна.

- В 1972 году я окончил Уральский лесотехнический институт в Свердловске и приехал в Оханск по распределению инженером-механиком в государственный лесхоз, - рассказывает В.Ф.Радионов. - Вообще-то я пермский. О том, чтоб завести семью, еще и не думал. А тут случай. Мы коллективом довольно часто выбирались в областной центр то в театр, то в цирк, то еще на какие-то культурные мероприятия. В сентябре в очередной раз собрались в цирк, кто с детьми, кто сам по себе, как я. Стою у автобуса, смотрю, подходит девушка, а я к тому времени знал всех сотрудниц. Эта явно не наша, тогда почему она заходит в наш автобус? Заинтересовался. К тому же, девушка была красивая, и мне понравилась. Подойти постеснялся. Все товарища просил, чтобы тот узнал о ней подробно, кто такая.

- Честно говоря, меня тоже заинтересовал парень, стоявший у автобуса, - это уже говорит Ирина Леонидовна - Симпатичный и очень скромный. Я вначале не придала этому значения, а потом в

цирке в бинокль искала его в зале и наблюдала за ним.

Познакомились после представления. Для начала молодой человек пригласил ее в кино, причем не сам, а через того же товарища, а куда еще можно было в Оханске сходить? Она ответила, что предпочитает личное приглашение. Потом было и личное знакомство. Вот так и ходили, то в кино, то просто гуляли по улице. А время холодное, началась слякоть, дожди, потом и морозы ударили. Надоели им такие свидания и в феврале 1973 года они поженились.

Для начала жили на квартире, потом на территории лесхоза в маленьком домике, где кошке некуда хвост протянуть, но все-таки сами по себе и ни от кого не зависели.

Отработав положенный срок в лесхозе, Владимир Федорович перешел в Саратовский леспромхоз, стал главным энергетиком. Были постоянные командировки, а жена оставалась одна. К тому времени у них уже родилась дочка Марина. У Ирины Леонидовны только и забот было: печь, дрова, вода, ребенок. А дочка, как нарочно, была очень беспокойная, она минуты не могла усидеть на месте. Оглянуться не успеешь, а она какой-нибудь да финт выкинет.

Потом Радионовы получили квартиру в новом двухэтажном кирпичном доме. Тогда еще в Оханске строилось полублагоустроенное жильё. Та и разница, что благо цивилизации не на улице, и ванны появились, где можно выкупать ребёнка, если нагреть воды. Пока дом необжитый, в нем холодно и неуютно, поэтому утеплять, устранять недоделки приходилось своими руками. Конечно, хотелось собственный дом с огородом, но эта мечта постоянно отодвигалась на задний план: то денег в запасе нет, то времени не хватает, то желание из-за всяких неурядиц пропадает. Так и пустили время.

Для меня было открытием, когда я увидела в списке пострадавших от репрессий имя Владимира Федоровича Радионова. Интересно было узнать, что произошло с их семьей.

Его отец, Фридрих Либерт, когда услышал известие о начале войны, как и многие его 20-летние сверстники, бросился в военкомат. Национальность в то время играла немаловажную роль.

Вместо фронта парня отправили в трудовой лагерь, куда попали многие семьи волжских немцев.

Женился Фридрих на русской девушке, которая записала детей на свою фамилию, чтобы в будущем они не страдали. И даже отчество в метриках появилось русское.

- Когда я в партию вступал, мне задали вопрос, почему у меня фамилия материнская, - продолжает Владимир Федорович. - Я ответил, что когда родился, меня не спрашивали, под чьей фамилией я хотел бы жить.

До замужества Ирина Леонидовна не имела образования, кроме школьного, но потом решила, что негоже быть необразованной, у мужа всё-таки высшее. Вначале она работала в детском саду, но по педагогической стезе не пошла. Когда родилась дочь Марина, она одна не давала ни минуты отдыха, а когда таких «сокровищ», как она, будет целая группа, никаких нервов не хватит. И направление интересов резко переменялось. За её плечами сельскохозяйственный институт и кооперативный техникум. Трудилась потом Ирина Леонидовна экономистом Агропромэнерго, районном потребительском обществе, пенсионном фонде и водоканале.

- Сейчас вспоминаю, как росла наша Маринка, и понимаю, почему не решились на второго ребенка. Она нам десяток заменила, - вспоминает Ирина Леонидовна. - Однажды купили мы ей новую куртку, красивую, ярко-красную. Пошли на демонстрацию. Она сказала, что пробежит за домом. Вылетает через пару минут, а клочок от куртки выдран вместе с карманом. Я тогда в шоке была. Пришлось вышивать зверушку какую-то, чтоб всё прикрыть.

Теперь Марина выросла, и родители гордятся своим чадом. Она получила высшее образование в госуниверситете, окончила аспирантуру, является кандидатом физико-математических наук, работает заведующей кафедрой и преподает в университете. Любимым её предметом была и остаётся математика, это отцовские гены.

В 1990 году В.Ф.Радионову предложили место инженера в Енисейском филиале Саратовского леспромхоза. Он уехал туда и работал девять месяцев. Жена готова была ехать за ним, но тут ГКЧП и полная неопределенность. Стоит ли менять место жительства в

такое шаткое время? И он вернулся домой. Вся система гослесхозов к тому времени разваливалась, что леспромхоз, что лесхоз дышали на ладан, поэтому пошел Владимир Федорович в водоканал. Конечно, все для него было новым, но старался вникнуть.

В те годы активно начали проводить водопроводы в частные дома. Проблема была в том, что никаких чертежей, никаких документов на проложенные ранее коммуникации не было. Начинают рыть траншею, а там поперек труба лежит. В результате - порыв и авария. Таких случаев немало было. В.Ф.Радионов хотел все упорядочить, чтобы подобных случаев было как можно меньше.

Радионовы очень дружны, у них, можно сказать, и ссор не бывает. Оба они по гороскопу Весы, только он бык, а жена - дракон. Прекрасно уживаются вместе и по-настоящему счастливы. Самым запоминающимся для них стал день рождения дочери, а потом и первой внучки, которую назвали, как и бабушку - Ириной. Сейчас Ирина взрослая, она окончила факультет мехмата МГУ и осталась в Москве. Младшая внучка Олеся пока в седьмом классе, но её больше тянет к физике. Есть чем гордиться бабушке и дедушке.

Ирина Леонидовна любит ухаживать за домашними цветами, которые на всех окнах их квартиры, занимается скандинавской ходьбой, вязанием, не проходит мимо редких монет, читает про новости нумизматики.

Владимир Федорович, как истинный специалист по лесу, больше обращает внимание на уличные растения. Под окнами цветет сирень, а между домами - сосны, чтобы не ставили туда автолюбители свои машины. А вообще его всегда интересовала техника и автомобили, этого не отнять.

Когда вручали золотым юбилярам памятный знак «За сохранение семейных ценностей», Радионовы вспомнили и первую встречу, и первый фильм, который посмотрели вместе. И еще радовались тому, что это видит их внучка Олеся, приехавшая на каникулы.

2023г.

Мал золотник

Аристова А.А.

На углу улиц Ленина и Пролетарской Оханска стоит большое каменное здание. Все в городе знают, что это за предприятие. Каждый второй житель города поработал здесь, а у многих вся жизнь связана с Оханской швейной фабрикой.

Зимой 1941 года через проходную фабрики прошла группа совсем еще молоденьких девчонок. Все они были из одной деревни Подскопино, держались кучкой. Вместе и к директору зашли. Одна из них, маленькая черноволосая де-

вушка, все время вставала на цыпочки, чтобы казаться повыше. Директор показался ей огромным.

- Так куда же мы тебя посадим, если в тебе росту метр с шапкой? - сокрушался он. На работу все-таки взяли, решив, что девчонка и месяца не выдержит,

В тот же день Анфиса Попова впервые переступила порог цеха. Люди были заняты работой, на нее никто и внимания не обратил. Мастер Т.Ф.Щукина указала девушке на свободное место и отошла, а когда вернулась, не увидела новенькую, потому что ее голова была вровень с машиной, Анфиса сидела на стуле и болтала ногами. Пришлось заказывать подставку. Директор Ширинкин К.С. не раз искал ее в цехе и спрашивал, как работает «метр с шапкой». Девчонка оказалась на редкость упорной и старательной, ни от какой работы не увиливала. Казалось, она никогда не устает. После работы частенько вместе с подружками уходила на подсобное хозяйство за Окуловку. Путь неблизкий, да и работы

там было невпроворот. К ночи возвращались домой, в Подскопино, а рано утром - обратно в город. Однажды не рассчитала. Уже в дороге разыгралась непогода, и она опоздала в цех на 20 минут. Суд военного времени долго не разбирался. В течение четырех месяцев четвертая часть зарплаты Анфисы шла в государственный карман.

К 1942 году мужчин на фабрике почти не осталось. Ушли на фронт. Места механиков и резчиков заняли девчонки. Работали очень напряжённо. Шили подсумки к противогазам и нижнее солдатское белье. В то время ткань привозили на баржах, и швейницы сами выгружали ее и носили на фабрику. По выходным помогали колхозу. Ходить приходилось пешком до Першино или Сухого лога. Вместе с другими девушка радовалась солдатским треугольникам, приходящим на предприятие, вместе с подругами собирала посылки на фронт.

Призвали на войну и старшего брата Анфисы. Через некоторое время пришло извещение, что рядовой А.Попов пропал без вести.

В 1943 году на фронт почти полностью ушла бригада Дарьи Рогозиной. Там, в основном, были воспитанницы детского дома. Жили голодно. Зарплата невелика, а своего хозяйства завести не успели, помочь некому. Умирать с голоду не хотелось. Вот и пошли девчата добровольцами. На фабрику никто из них уже не вернулся. Как стало известно позднее, большинство из них погибли.

Анфиса тоже мечтала о героическом, только вот рост постоянно ее подводил. Директор прямо сказал: «Героем можно и на фабрике стать».

Закончилась война. Фабрика перешла на выпуск мирной продукции, но до спокойной жизни было еще далеко. Страна залечивала нанесенные войной раны. Не хватало продуктов, не хватало и рабочих рук. Мало мужчин вернулось на предприятие, поэтому некоторые женщины так и остались на тех местах, где работали во время войны. До ухода на пенсию трудились механиками А. П.Косых и З.Г.Ширинкина, резчиком в раскройном цехе - В.Г.Евтушенко.

Многие подружки Анфисы уехали из Оханска, а она осталась.

Парней ее возраста тогда было совсем мало в городе. Одни с войны не пришли, другие были заняты, третьи - очень молоды. Так бы и жила Анфиса в «девках», только появился на ее горизонте Анатолий, что работал в колхозной кузнице. В то время он уже был вдовцом, его первая жена погибла от руки бандита, когда возвращалась с работы домой. Героя Социалистического труда, колхозного бригадира З.Н.Аристову (Овчинникову) знали в районе, и эта смерть потрясла всех. Тяжело, переживал это Анатолий, но жизнь берет свое. Через некоторое время познакомился он с Анфисой. Ему понравилась немногословная девушка, и вскоре она стала носить его фамилию.

Через год родилась дочка Тамара, а еще через несколько лет - Григорий. Все бывает в семейной жизни, пока люди привыкают друг к другу. Время сглаживает все неровности.

Фабрика всегда была для Анфисы вторым домом. Именно здесь находила она поддержку, искала совета. Она в совершенстве овладела профессией швей-мотористки, имела самые высокие производственные показатели, не оставалась в стороне и от общественной жизни.

Шли годы. Предприятие давно уже было специализировано на выпуске мужских и детских сорочек, введены в строй просторные цеха, построен клуб, заложены фундаменты жилых домов и общежитий. Фабрика по праву считалась одной из передовых по Российской Федерации. На всю область гремели имена оханских швейников: А.Ширинкиной, Л.Еловиковой. В.Романовой и других.

В начале 1973 года на фабрику пришла радостная весть. Указом Президиума Верховного Совета СССР большая группа рабочих и служащих легкой промышленности награждалась орденами и медалями. Среди награжденных семеро оханцев. Высшую награду Родины - орден Ленина вручили простой работнице, швее-мотористке, Анфисе Алексеевне Аристовой.

Почему выбор пал именно на нее? Ничего особенного она не делала, никаких починов не выдвигала, трудилась, как все, только, может быть, более добросовестно относилась к своей операции, и производительность была повыше, чем у других. После вручения

ордена сама она сказала, что получила эту награду авансом, и ее еще надо отработать.

И она ее действительно отработала. Тогда повсеместно создавались комсомольско-молодежные коллективы. Были они и на фабрике.

В третьем цехе славилась молодежная бригада имени 50-летия Ленинского комсомола, руководили которой мастер А. Торчанина и комсорг В. Воронова. Когда этот цех расформировали, решили создать новый комсомольско-молодежный коллектив. Получив «добро» от главного инженера В.Ф.Колесниковой и парторга Л.И. Ельшиной, на фабрике начали переговоры с руководством цеха.

Анфиса Алексеевна несколько раз просилась в другую бригаду, но начальник цеха В.И.Хавринович сказала, что мастеру одному с молодежью не справиться, а А.А.Аристова будет хорошим помощником. Зато через пару лет, как ни уговаривали Анфису Алексеевну перейти в соседний коллектив, она наотрез отказалась.

Вот в ту пору мы и работали вместе, рука об руку, в молодежном коллективе. Ее присутствие в бригаде было вроде бы незаметно, но помощь она оказывала ощутимую. Для девчонок она стала добрым наставником и другом. Они частенько и тайны ей свои выбалтывали, и жаловались, когда с ними поступали несправедливо.

29 октября 1971 года бригаде присвоили имя Героя Советского Союза Ульяны Громовой. По примеру подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» она была разделена на пятерки. Руководителем одной из пятерок стала Аристова. Чаше других на машинах этой пятерки пламенели красные флажки.

Анфиса Алексеевна оказалась еще и ровесницей Ульяны Громовой, но разницы в возрасте мы не чувствовали, и она сама забывала, что ей далеко не семнадцать лет.

Включив в состав бригады У. Громову, мы не имели права работать плохо. Приходили в цех пораньше, а уходили, когда придется. Надо было сделать дневное задание за себя и за Ульяну. Третью часть ее заработка мы вносили в фонд мира.

Регулярно получали письма из далекого Краснодона, а в один

из отпусков решили съездить в город комсомольской славы. В составе группы из двадцати человек была и Анфиса Алексеевна. За свою жизнь она никуда не выезжала из области, поэтому все ей было интересно. Благодаря небольшому росту она ничем не выделялась среди девчонок.

Когда мы пришли на Первомайку к маленькому аккуратному домику Громовых, то именно ей доверили начать разговор с Матвеем Максимовичем - отцом Ули, и Ольгой Петровной. Со своей задачей она справилась, быстро нашла общий язык со стариками.

Нигде Анфиса Алексеевна не отставала от молодежи.

Помню 1976 год. Колхозы и совхозы вырастили богатый урожай. По выходным комсомольцы города выезжали на поля, чтобы помочь селянам вовремя убрать выращенное. Мы отговаривали ее от этих поездок, понимали, что в ее возрасте трудно угнаться за молодыми, поэтому хотели, чтобы она отдохнула. Но каждый раз, как только мы въезжали в Копыловку, машину останавливала наша Анфиса Алексеевна. Она залезала в кузов, приговаривая при этом:

- Сами поехали, а я неужели останусь? Не хуже вас отработаю.

Так и повелось. Куда мы, туда и она. У нас была тогда сильная спортивная команда. На фабричных спартакиадах каждая бригада выставляла еще и команду ветеранов. Они тоже ходили на тренировки далеко в поле, где сейчас стоят пятиэтажные дома. Кроме А.А. Аристовой от нашей бригады выступали в такой команде контролер Л.А. Ратанова, мастера Т.П. Глухих и А.В. Вяткина. Трудно им было выделить время для тренировок, но они не пропускали их и не подвели бригаду.

На вечерах отдыха Анфиса Алексеевна с удовольствием участвовала в разных играх и аттракционах. Она всегда была надежным человеком, а когда ушла на заслуженный отдых, то приходила в бригаду в дни коммунистических субботников, чтобы помочь.

Сорок лет своей жизни отдала она предприятию. Сейчас и зрение подводит, и слух не тот, а вот повстречается кто-нибудь из швейников, всегда рада, поговорит - и на душе веселее.

Дети выросли, выучились, но мать - есть мать. Дети, даже взрослые, остаются для нее детьми, которым надо помочь. То в

Острожку едет к дочери, то бежит на другой конец города к сыну. Ее руки постоянно в работе.

Дом Аристовых никогда богатством не отличался, они всегда жили скромно. И сейчас в их маленькой квартире уютно, чисто, никакой роскоши. Квартиру получила Анфиса Алексеевна год назад от фабрики. Не сосчитать, сколько отработала эта скромная женщина на субботниках и воскресниках. Предприятие строило детский сад, общежития, жилые дома. И в каждой из этих строек есть доля труда простых работниц, таких, как А.А. Аристова.

Смотрит изредка женщина на старые фотографии, где она молодая, и с грустью говорит:

- Не заметила, как жизнь пролетела. Пока с молодыми работала, годы не замечала и возраста не чувствовала. Сейчас уже силы не те, но сдаваться не собираюсь.

Я благодарна судьбе за то, что свела меня с простой русской женщиной. Ее жизнь - это судьба целого поколения, которую ни убавить, ни прибавить.

Может быть, ей просто больше повезло, что она оказалась на виду: кавалер ордена Ленина, одна из первых почетных граждан г. Оханска, награжденная медалями к 100-летию В.И. Ленина и «Ветеран труда».

1994г.

На демонстрации. 7 ноября 1971г. Впереди Аристова А.А.

Мечта стала явью

Когда Надежду Алексеевну Михайловну спрашивают, почему она выбрала для себя специальность учителя, она, не задумываясь, отвечает, что о педагогической стезе мечтала с детства. Самой любимой у нее была игра в школу. Ей нравилось разговаривать по-учительски, исправлять ошибки красным карандашом. Училась сама и учила других.

Н.А.Михайлова. 2022г.

Растоптанное детство

Уютная квартира в новой пятиэтажке города Оханска привлекает своей чистотой и особой атмосферой спокойствия. Негромкий голос хозяйки будто убаюкивает. Смотришь на нее, и не верится, что она - дочь репрессированных родителей. Главные ее качества, на мой взгляд, выдержка и терпение. И этому она научилась, находясь много лет среди невинно сосланных поселенцев. Конечно, ее жизнь отличалась от ребят, вынужденных жить в спецлагерях и детдомах, в лучшую сторону. Пусть поселение, но рядом мама и папа, родные и друзья.

Надежда Алексеевна не очень любит вспоминать свое детство, слишком много было запретов не только для самих «врагов народа», но и их детей. Не было у них ни деликатесов на столе, ни красивых книжек, ни добротной одежды, жили, как в резервации, но при всем при этом они не потеряли чувства собственного достоинства.

- Я помню, как пошла в первый класс. Взяла карандаш, завернула в бумажку и отправилась в школу. Ребята все с сумками, портфелями, а я налегке. Когда узнала, что они еще и завтраки взяли с собой, побежала обратно домой. С порога кричу: «Мама, намажь что-нибудь на хлеб, мне завтрак нужен!» - и тем же заворотом обратно. В классе оказались только мальчишки, я - одна девочка, но меня не обижали. В одной комнате учились сразу первый и третий класс, в другой - второй и четвертый.

В школу Надежда пошла в семь лет, как положено, а старших ее сестер до десяти лет в школу не брали. Причина все та же: зачем детям «врагов» грамота? Поселок, где они жили, сплошь был из ссыльных, да и национальностей не счесть.

Ссылка по разнарядке

Почему семья попала в число «врагов»? Это длинная история. Родители ее матери были людьми зажиточными. Все от мала до велика трудились весь световой день. У них был хороший дом, во дворе - полно скотины. Гражданская война эту семью сделала почти нищей. Село переходило из рук в руки, то к красным, то к белым. Все, что было можно, забрали. Отец ушел в неизвестном направлении, а мать с детьми пряталась, пока «гроза не миновала».

Вернулись в село, но спокойной жизни не получилось. Их начали преследовать, расспрашивать, где хозяин, но никто ничего сказать не мог. Тогда мать и детей однажды поставили у стенки и начали стрелять выше голов. Для острастки.

Чтобы обезопасить себя, одна из дочерей вышла замуж в 18 лет за бедного односельчанина, у которого и взять было нечего. Но это не помогло. У молодой пары, кроме подаренной им коровы, имущества никакого, но ее все равно раскулачили и отправили в ссылку. Местом жительства определили Кизеловский угольный бассейн. Отец девять лет рубил уголь в шахте, а мать толкала вагонетки. Там родились три дочери, но первая умерла сразу, две других выжили.

Когда вышел указ о воссоединении семей, Михайловым разрешили перебраться в Свердловскую область, где в одном из посел-

ков много оказалось их родственников. Это была промышленная зона, там строился деревообрабатывающий комбинат.

Репрессии из биографии семьи не выкинешь. Пострадали люди ни за что. Даже на войну репрессированных не брали. В своем поселке они чувствовали себя сравнительно неплохо среди таких же собратьев по несчастью.

Работа в лесу была не легче, чем в шахте, но зато на свежем воздухе. Мужчины валили деревья, а женщины обрубали сучки. Зимой нелегко приходилось, до делянок добирались за семь-восемь километров, работали по пояс в снегу. Наравне со взрослыми трудились совсем молодые девчата-подростки 14-15 лет.

- Я родилась в этом поселке уже после войны, - продолжает свой рассказ Надежда Михайловна. - Прав у нас никаких не было. С ранних лет мы умели молчать. Жизнь заставляла. Особенно ухо остро держали с чужими. Не смотря ни на что, с ностальгией вспоминаю то время. Во-первых, отношения между людьми были очень теплыми. Во-вторых, никто не выделялся особой зажиточностью, все на равных. И все равно в душе мы чувствовали себя обделенными. Мы никуда не ездили, мира не знали. Весь мир для нас заключался в том, что видели вокруг.

После начального образования ребята бегали в школу соседнего поселка, там заканчивали семилетку, а потом учились в третьем селе, где была средняя школа. Жили в интернате, сами печи топили, а в выходные, если не уходили домой из-за плохой погоды, сидели голодными, так как столовой там не было.

Из Сибири - на Урал

И все же Надежде Алексеевне повезло больше других. Она первая из поселка спецпоселенцев поступила в Тюменский педагогический институт и получила высшее образование. К тому времени уже гонения на потомков врагов народа стали не столь жесткими.

1968 год. Дипломированный учитель русского языка и литературы отправилась по месту назначения в село Евсино Тюменской области. Школа была довольно большая, а директор - молодой и

энергичный, Виктор Петрович Рыбальченко. Первое задание, которое он дал вновь прибывшему специалисту - оформить Ленинскую комнату. Неплохая получилась комната, потом в ней проводили уроки, принимали ребят в пионеры.

- Вначале директор мне не особенно понравился, - смеется Надежда Алексеевна. - Чересчур серьезный, неулыбчивый, взгляд из-подлобья. Потом как-то начал потихоньку раскрываться. Он просто сам по себе оказался человеком очень сдержанным, дисциплинированным, порой, жестким, а когда «взрывался», тогда к нему лучше не подходить. Шаг за шагом складывались между нами добрые отношения, вначале дружеские, потом перешедшие в нечто большее.

Родом директор был из города Оханска Пермской области. В Сибирь поехал по распределению. Все у него там хорошо было, но мечтал вернуться на малую родину, потому что больше всего любил маму и Каму.

В ноябре 1978 года семья окончательно перебралась в Оханск, чтобы больше никуда отсюда не уезжать. Жили на берегу реки, где то и дело сновали баржи, пароходы, «Ракеты» и «Метеоры», перекликаясь гудками.

Виктор Петрович начал работать в райкоме партии, а Надежда Алексеевна - корректором местной газеты. Вскоре ее разыскала Н.С.Власова - на тот момент завуч восьмилетней школы, а позднее - директор, и уговорила снова перейти на преподавательскую работу.

- Надежда Алексеевна была очень сильным учителем, - говорит Надежда Степановна. - Всегда спокойная, уравновешенная, интеллигентная. Знания давала крепкие. С ребятами отношения у нее складывались прекрасные, она их понимала и никогда не кричала. Слабых старалась поддержать, а с сильных спрашивала вдвойне, не давая им поблажек. В учительском коллективе ее уважали за мягкость, за выдержку, за то, что умела слушать собеседника. От нас Надежда Алексеевна вышла на пенсию. Она - отличник народного просвещения, ветеран труда.

Кстати, ее муж В.П.Рыбальченко какое-то время был директо-

ром восьмилетней школы, потом перешел на преподавательскую должность учителя физкультуры. Он довольно рано ушел из жизни, и трое сыновей остались без отца.

Отношение ко всем ребятам у Н.А.Михайловой было равное, любимчиков не имела. К слабым ученикам относилась с пониманием.

- Нельзя ребенка дважды наказывать, - говорила она. - Он уже наказан природой, и рад бы все запомнить, а не может. К нему надо относиться внимательней, чем к остальным.

Подход к каждому из ребят у учителя был индивидуальный. Кто-то обижался, что больше она благоволила мальчишкам. Но как из песни слов не выкинешь, так и из ее жизни факта понимания мальчишеских сердец, ведь дома трое парней. Конечно, была мечта о дочке, но жизнь не преподнесла ей такого «сюрприза».

- Я училась у Надежды Алексеевны, - говорит ее бывшая ученица Наталья Евгеньевна Шмакова. - Уроки были очень интересными. Голос у нее негромкий, но она умела «держать класс». На нее нельзя было обижаться на сниженные оценки, потому что они были честными. Учительница умела заставить всех работать в полную силу.

После выхода на заслуженный отдых к Надежде Алексеевне приходили ребята, чтобы ликвидировать свои пробелы в русском языке и литературе.

Послесловие

В настоящее время уже нет в живых, непосредственно, самих репрессированных, но остались их дети, считающиеся пострадавшими от репрессий. А разве это не так? Их унижали и обзывали, появившись они в другом городе. Бывало, и на работу не брали, как детей врагов народа, в институты и школы не принимали. Наиболее целеустремленные, пройдя через все преграды, добились, чего хотели. А другие сломались и повернули совсем в другую сторону. В их падении виновато государство, которое не только не защитило их от травли, а способствовало этому, не давая им шанса на спокойную и благополучную жизнь. И это, несмотря на то, что в стране с высоких трибун звучали слова, сказанные Ста-

линым: «Дети за родителей не отвечают».

В последние десятилетия, когда реабилитированы многие из числа арестованных и сосланных в период репрессий, у их детей появилась возможность получать сертификаты на приобретение благоустроенного жилья.

Получила, наконец, такой сертификат и Надежда Алексеевна. Правда, ждать пришлось не один год, пройти через некоторые чиновничьи препоны. Сейчас она полноправная хозяйка своей квартиры, в которой тепло и светло.

Никогда жизнь не баловала эту скромную женщину, она всегда старалась поступать «по закону», не виня никого. Педагогический стаж ее составляет 39 лет. Годы идут, здоровье уже подорвано, но вечером обязательно позвонит кто-нибудь из детей или внуков. Для них мама и бабушка постоянно на связи.

2022г.

Семья Михайловых. 50-е гг.

«Мой папа всех победит»

Война! Эти пять букв несут за собой море крови, слез, страдания, а главное, смерть дорогих сердцу людей. На нашей планете войны шли всегда. Всегда сердца людей переполняла боль утраты. Отовсюду, где идет война, слышны стоны матерей, плач детей и оглушительные взрывы, которые разрывают души и сердца.

Каждый день жизни мы слышим о Великой Отечественной войне. О той, которая закончилась почти 80 лет назад. Почему мы так часто говорим об этом? Потому, что представители старшего поколения не могут забыть о ней. Не было у них события более трагического, чем начало войны, и не было у них события более торжественного, чем Победа. Все они: юноши, девушки, дети, старики, солдаты, простые люди и люди знаменитые - плакали от счастья и от тоски по тем, кто не дожил до этого дня.

Мог ли кто-нибудь тогда представить себе, что переживает самые главные годы своей жизни? Конечно, нет, но считали, что все еще впереди, в будущем, которое так много обещает. Дожить бы только до него...

Сейчас у тех, кто участвовал в войне и видел ее своими глазами, за плечами целая жизнь, и четыре года - какими бы они ни были - это все-таки четыре года, всего лишь четыре... Но почему-то вопреки такой очевидной арифметике кажется, что военные годы заняли по меньшей мере полжизни, когда каждый день был бесконечно длинным и мог стать для любого из них последним.

Семьдесят пять лет назад на нашу страну напала фашистская орда. Советские воины выгнали фашистов со своей территории и закончили войну в Берлине. Несмотря на то, что мы отмечаем День Победы и скорбную дату, 22 июня 1941 года, нельзя забывать: это и отсчет наших поражений, и отсчет разрушенных городов и поселков, и отсчет погибших мирных граждан.

До обидного мало осталось в наших рядах участников и очевидцев Великой Отечественной войны. Уходят фронтовики, уходят труженики тыла, пока еще остаются «на плаву» дети войны, но и их не так много.

Девочка на танке

В паспорте Глафиры Сергеевны Якушевой (дев. Попова) местом рождения указан город Оханск. Жила она здесь всего несколько дней, а потом поезд увез ее далеко на запад.

- Мой отец был военнослужащим, - рассказывает Глафира Сергеевна, - в 1938 году, когда должна была родиться я, он ждал новое назначение, поэтому отправил жену к ее родителям. Мама временно устроилась на работу поваром в детский сад, ее однажды прямо из кухни, во время схваток, едва успели доставить в больницу, минут через 20 я уже появилась на свет.

Прошла неделя, и муж приехал за своими «девочками», чтобы увезти на свое новое место службы. Это был Киевский военный округ, который дислоцировался на территории нескольких украинских областей, а также Молдавии.

- Мы жили вначале в Киеве, потом переправили нас в Чернигов, - продолжает Глафира Сергеевна, - это мне мама рассказывала. Конечно, первые три года своей жизни я не помню, маленькая была. Мы жили в небольшом селе под Любичами, папа нас туда отвез перед самой войной и сказал, что это временно. А вот в память врезалась картина, которая не отпускает меня и сегодня, когда слышу о войне.

Отца уже не было рядом с Глашей, он, как говорила мама, «работал» далеко от дома. Дети с первых дней нападения фашистов на нашу страну, знали слово «война», слышали канонаду. В по-

следние дни она казалась совсем близкой.

В конце лета, каждое утро ребяташки вместе со взрослыми бежали в колхозный сад убирать урожай, чтобы он не достался врагу. Однажды мать взяла с собой Глашу, соседка, что сидела с девочкой, в тот день плохо себя чувствовала. Глаша вначале ходила рядом с мамой и ела виноград, потом ее внимание привлекла бабочка, и она побежала за ней, приближаясь все ближе к проселочной дороге.

В это время, по той самой дороге, в село входили немцы. Они не могли не заметить скопление людей в саду и направили свои мотоциклы и танки прямо туда. Не разбирая дороги, они вели свои машины прямо через кусты и деревья. Падали яблони под напором брони и плоды трещали под колесами и гусеницами машин, разбрызгивая живительный сок, земля от винограда стала черной.

Девочка стояла, ни жива, ни мертва, и закрыла уши от грохота проходивших мимо танков, только чудом она не оказалась под их гусеницами. Последний из них вдруг остановился перед девочкой, из люка вылез танкист, взял девочку на руки и посадил на танк. Каков был ужас матери, когда она увидела эту картину.

Вот они, фашисты!

Немцы остановились, сгоняя в толпу разбежавшихся женщин.

- Кто здесь комсомолец, большевик - выходи вперед, - командовал какой-то немецкий чин, хорошо говорящий по-русски. Люди молчали, только мать Глаши медленными шажками старалась приблизиться к танку, чтобы взять дочь.

- Тогда ты, дед, скажи, - обратился он к сторожу, деду Панасу.
- Кто тут большевик?

- Какой такой большевик, мы все колхозники, - усмехнулся в усы дед Панас.

В это время раздался крик Глаши:

- Мама, иди сюда, смотри, как высоко!

- Чей ребенок? - возмутился чин, вытаскивая из кобуры пистолет.

- Моя это доченька, - закричала мама. - Не губите, не виновата она ни в чем.

- Тогда скажи, кто есть комсомолец из вас, - фашист приставил к ее виску пистолет.

- Господин немец, да не трожьте вы бабу, - громко заступился за нее дед Панас. - Она здесь без году неделя, знать-то никого не знает, вот и девчущку за собой таскает. Больная, как есть, больная, только после тифу, мы и рядом с ней боимся стоять, а ваши люди ребенка еще на руки берут.

У Глашиной мамы, в самом деле, были очень коротко подстриженные волосы, они от пота и солнца стояли дыбом.

Немец что-то быстро сказал танкисту, и тот резким движением ноги столкнул Глашу с танка. Девочка - в рев. Мать подхватила ее и в сторонке начала успокаивать.

Немец в то время приказал женщинам идти к селу, следом двинулась техника. Глаша с матерью так и остались на месте. Мать боялась, что кто-нибудь укажет на нее, как на жену офицера Красной Армии, мало ли кругом было тех, кто охотно пошел в полицаи. Но идти им было некуда. Она с горечью осмотрела сад, который своими танками немцы превратили в бесформенные кучи корней, веток и плодов, даже сторожку Панаса сдвинули, и она рассыпалась.

Партизаны освободили

- Я помню, как плакала мама, - смахнула навернувшиеся слезы Якушева. - Представляете? Немцы сами себе могилы рыли. Почему бы не сохранить сад, ведь пригодится, так нет, натура у них такая вражья - ни себе, ни людям. Они в селе всех собак перестреляли, всех кур перерезали, Было несколько коров, и те на мясо фашистам пошли. А слез было! Я их каждый день видела и не только у мамы.

А еще помнит Глаша виселицу. Попал на нее дед Панас за кусок хлеба, который пытался стащить у немца. Тот визжал, как поросенок, во все горло. Когда собрали народ у школы, русскоговорящий немец сказал, что дед - вор, объедает доблестную немецкую армию, и место ему на виселице. Потом Панаса увели и заперли в сарай. Люди думали: посидит дед немного, и его отпустят. Но

через день снова всех погнали на лобное место. Там уже стояла виселица с двумя веревками.

- Это кого же судить сегодня будут? - переговаривались женщины между собой. - Не Панаса же, подумаешь, украсть хотел, но ведь не украл. Сами все тащат, им ничего. Толпа гудела, как пчелиный улей.

Наконец, из сарая вывели какого-то парня, а за ним, еле шаркая ногами, двигался дед Панас. Их подвели к помосту и, подталкивая автоматами, заставили туда подняться.

- Кто знает этого человека? - задал вопрос немец. Все молчали.

- Он хотел взорвать ваше село, чтобы вы все погибли.

- Да уж лучше погибнуть, чем жить при вас, - раздался звонкий девичий голос.

Немцы забежали в толпу, раздавая тумачи во все стороны, но кричавшую девушку не нашли.

- Будете оказывать сопротивление, расстреляем, - пообещал фашист - А эти двое будут повешены, один - за воровство, другой - за вредительство.

Немец хорошо говорил по-русски, как потом стало известно, он в годы гражданской войны потерял родителей, жил в приюте, учился в Ленинграде, а когда эмигрировавшие из страны родители нашлись, он сбежал к ним за границу.

До зимы этот немец «командовал» в селе. Потом его куда-то перевели, а на его место заступил мрачный и жирный тип. Он не терпел, когда ему возражали, то и дело размахивал своими жирными пальцами-сосисками направо и налево. Даже немцы его боялись. Он обошел все дворы и приказал на следующий день собраться с вещами у школы. Люди понимали, что сюда они больше не вернуться.

Наутро вой стоял у школы. Детей и молодежь загоняли в одну машину, все остальных - в другую. Маленькая Глаша вырвалась из рук немца и звонко, во всю силу своих легких закричала: «Мой папа всех вас победит. Он работает в армии».

Мгновенно наступила тишина. Надо было ждать расправы. Мать подбежала к девочке и закрыла ей рот, а она вырывалась и

громко плакала. Переводчик что-то сказал жирному и тот, подойдя к матери, приказал через переводчика садиться вместе с Глашей в его машину. Понятно было, что это их последний денечек.

С заднего сиденья легковушки они видели, как захлопнулись борта машин, люди продолжали кричать и плакать. То и дело раздавались выстрелы. Потом к ним подсел переводчик, угостил Глашу кусочком сахара и спросил, кто ее папа. И девочка повторила то же самое, что сказала на улице, только спокойным тоном.

- А что Вы скажете, мадам, на это? - обратился он к матери.

- Что говорить? Да, мой муж офицер, но в первые дни войны вы убили его на границе.

В это время впереди раздался взрыв такой силы, что всех разбросало в разные стороны. В машине остался только жирный, видимо, даже взрыв не мог поднять такую тяжесть.

Мать, прижимая дочку, и не обращая внимания на кровь, текущую из раны и ушей, смотрела, как из ближайшего леса к машинам бежали партизаны.

Ее сильно контузило, и слух долго не возвращался. Ближайшим бортом ее вместе с Глашей переправили в тыл. Таким образом, они и остались живыми.

А отца девочки не убили на границе, как считала его жена. Он был жив и раненым попал в плен. Его увезли в Германию, где перебрасывали из одного лагеря в другой. После освобождения в 1945 году, он прошел не одну проверку, пока, наконец, его не отпустили. Он приехал в село, где оставил свою семью. Очевидца рассказали ему, что и жену и дочку отправили в тыл. А куда, конкретно, никто не знал. Руководители партизанского отряда после освобождения области ушли с армией добивать врага, спросить было не у кого. Госпиталей в стране были тысячи, в каком из них лечили родных ему людей?

Тогда он поехал в Оханск, к родителям жены, потому что был уверен, если она жива, все равно письма пишет.

Письма, действительно, были. Вначале из Саратовского госпиталя, потом из Челябинска и других мест. Вся семья искала друг друга.

Потерялась

- Так случилось, что я потерялась, - со слезами на глазах продолжает свой рассказ Глафира Сергеевна. - В Саратове мама еще лечилась, а я быстро оправилась от шока, несколько ранок на мне хорошо заживали, и я бегала среди раненых. Они меня угощали то хлебом, то сухариками, а, бывало, и кусочек сахара перепадал. Иногда просили погулять с ними. Я очень подружилась с одним раненым, его звали Василием, и родом он был из Иркутска. Он был ранен в ногу и голову. Мы с ним гуляли возле госпиталя, уже выходили за ворота, Василий с нетерпением ждал, когда его выпишут, и он снова будет воевать. Василий мечтал дойти до Берлина. Однажды он предложил прогуляться до местного рынка. Мы с ним медленно шли по улице и разговаривали.

Из-за угла неожиданно на них выскочили трое парней. Сходу они уронили Василия и начали его пинать, пока раненый не перестал сопротивляться. Глаша кричала, но на ее крик никто не обращал внимания, прохожих на улице не было. Один из парней деловито обшарил карманы Василия, в это время невдалеке раздался милицейский свисток, и парни дернули с места преступления, прихватив с собой девочку. В свои четыре с лишним года она была очень худенькой и легкой, поэтому ее унесли, как куклу, зажимая по пути рот, чтоб не кричала.

После долгого бега парни свернули в какие-то развалины. Там был закуток, где их ждали. Мужчина с бородой встретил их и спросил, для какой надобности ребенка с собой притащили, они сказали, что девочка могла их раскрыть.

- Избавьтесь от нее, - произнес мужчина. - Пока пусть здесь посидит, а вы давайте ко мне. Глаша, понимая детским умом, что ей грозит опасность, осмотрелась и увидела в стене между кирпичиками свет. Она посмотрела в щель и случайно толкнула локтем кирпич перед собой. Он выпал. Девочка поднатужилась и вытолкнула второй кирпич, затем третий. Они были обгоревшими и хорошо сыпались. Потом пролезла в отверстие и побежала, куда глаза глядят. Бежала долго, пока не увидела группу ребятшек. Она сама не понимала, как от страха прибилась к ним, лишь бы не

оставаться одной. Это были дети, собранные из разных мест, в сопровождении двух женщин они шли на железнодорожный вокзал, чтобы отправиться в глубокий тыл.

Когда девочка поняла, что сейчас ее увезут далеко от мамы, она начала плакать, кричать, просила позвать милиционера, ничего не помогло, ее посадили в поезд, уходящий на восток.

Неожиданное счастье

Когда медсестра обнаружила пропажу раненого Василия, она встревожилась, как и мать Глаши. Начальник госпиталя обратился в милицию. Оттуда сообщили, что на улице нашли неизвестного мужчину без документов, к сожалению, он был уже мертв, видны следы побоев, никакой девочки рядом не было.

Из-за частых налетов немецкой авиации на Саратов, решено было перевести часть госпиталей подальше в тыл, в том числе и тот, где лечилась мама Глаши. Мать просила оставить ее в городе, плакала, умоляла. Она вечером выскользнула из палаты, но охрана ее задержала. У женщины началась долгая депрессия.

Судьба помогла им встретиться. Глаша оказалась в городе Миассе Челябинской области, а ее мама - в самом Челябинске. Девочка уже ходила в школу, когда однажды ее в числе лучших учеников детского дома наградили поездкой в областной центр. Шел 1949 год. Ребята побывали в театре, посмотрели оперетту «Есть на Волге городок», их сводили в большую библиотеку, потом во дворец на елку. Глаше очень все нравилось в большом городе, и так хотелось остаться, но желание свое она запрятала глубоко в душу. Вообще девочка была довольно замкнутой и не по-детски серьезной. Несмотря на это, ребята дружили с ней. Она много читала, много знала. В детдоме редко приходилось оставаться одной, поэтому перед сном она мысленно разговаривала с мамой.

Когда ребята выходили из дворца культуры, воспитательница предупредила, что очень скользко и ходить надо осторожно. У самого тротуара Глаша почувствовала, что ее толкнули в спину. Она не удержалась и упала под ноги прохожим.

- Глашка, ну, ты разлеглась, как на кровати, - закричал один из

ее товарищей. - Вставай скорей, а то на поезд опоздаем.

Воспитательница и несколько женщин, проходящих мимо, бросились к девочке, чтобы помочь ей подняться. Они что-то говорили, и вдруг Глаша услышала мамин голос, она не могла его спутать ни с каким другим. Девочка, медленно подняла голову и посмотрела туда, откуда послышался голос. Перед ней стояла женщина с такими знакомыми глазами, но как показалось, уже в возрасте, а ведь ее мама была молодой.

Женщина тоже, не отрываясь, смотрела на девочку, не веря своим глазам, и сомневаясь - вдруг опять ошибка, ведь она столько раз уже ошибалась, переезжая из одного детского дома в другой. Иной раз казалось: вот она, доченька, но данные не совпадали, и мать снова бросалась на поиски.

- Мама, это ты? - несмело произнесла Глаша, и медленным шагом направилась в сторону женщины. Все стояли, словно в ступоре, ничего не понимая. Женщина побледнела и судорожно обняла девочку.

- Мамочка, я знала, что найду тебя, - заплакала Глаша. - Возьми меня скорее домой, я все-все расскажу. А папа с тобой? Я же правду говорила, что он всех победит.

Пока память не остыла

История эта со счастливым концом. Мать и дочь остались в Челябинске, потом к ним приехал папа, который наконец-то нашел свою семью. Это уже был не тот жизнерадостный папа, которого помнила Глаша. Он постарел и выглядел намного старше своих лет, его голова стала совершенно седой.

В 60-х годах, когда умер дедушка в Оханске, Глашины родители перебрались сюда. Отец работал в строительной бригаде, а мама ухаживала за бабушкой, которая после смерти мужа два года не вставала с кровати. Глаша к тому времени окончила педучилище и работала в школе. После замужества переехала в Иркутск. Этот город ей напоминал Василия, которого убили хулиганы в Саратове. Ей хотелось найти его родителей, но фамилии своего старшего друга она не знала. У нее в семье родились трое сыновей, один из них - Василий.

- Очень редко, раз в три-четыре года я приезжаю в Оханск то с одним из сыновей, то с мужем, сегодня - с внучкой. Здесь похоронены мои родители, а еще бабушка и дедушка, - сквозь слезы говорит Глафира Сергеевна. - Всегда поправляем могилки, нынче вот памятник поставили маме, старый совсем плохо выглядел. Для меня родители - это святое. Пока память не остыла, буду их помнить. Само собой получается, когда вспоминаю родителей, сразу в глазах война, которую я мало видела, но всем своим детским нутром чувствовала. Не смотрите, что мне за 80, я еще полна сил, занимаюсь в группе здоровья и выгляжу, как мне говорят, намного моложе своих лет. Муж мой - учитель физкультуры, к сожалению, ему не повезло, он уже не может выдерживать длительные путешествия. Жителям города Оханска, где мне довелось родиться, я желаю только мира и счастья.

2022г.

В госпитале. 1942г.

На круги своя

Совсем недавно отметила 80-летний юбилей Lidия Александровна Масалкина - отличник здравоохранения, ветеран труда, врач-гигиенист. Ее жизненный опыт, вера в идеалы и организаторские способности всегда вкладывались в нужное и полезное дело, а конкретнее - в здоровье населения.

Что привлекает в этой энергичной женщине? Неуспокоенность, честность, доброе сердце, величайшая ответственность за порученное дело.

Трудное детство

Л.А.Масалкина (Соснина) родилась, когда шел второй месяц войны. Вот что рассказывает она о своем детстве:

- Я родилась вторым ребенком в семье. Первой была Нина. Мама трудилась санитарочкой в детском отделении больницы, а папа был плотником. Детство наше проходило на окраине города, на улице Серова. Рядом располагалась хлебопекарня и большое здание Земской управы в прошлом, где в 1942 году функционировал эвакогоспиталь. Позднее на нашей улице вырос больничный городок. Папу помню уже после войны, когда он вернулся с фронта. В 1946 году в семье родилась еще младшая сестренка Галя.

Послевоенная жизнь была нелегкой, хлеб - по карточкам, помогал подножный корм, одежда - никакая. В школу ходили в стеганых бурках, в ситцевых сумках носили школьные принадлежности

Несмотря на то, что мы - три сестры, у каждой была своя меч-

та с детства, и каждая из нас шла к своей цели разными путями. Нине по нраву была школа, учителя, школьный мир ее завораживал и звал к себе. Она стала учителем. Галя с детства тянулась к музыке, играла на баяне. Ее мечта тоже осуществилась - она стала руководителем творческого коллектива. Ну, а я с детских лет постоянно бегала в поликлинику, чтобы посидеть на белых скамейках, понаблюдать за пациентами, выходящими из кабинетов, а также за людьми в белых халатах. Я мечтала стать врачом.

Азы профессии

После окончания школы в 1959 году девушка поехала поступать в мединститут на стоматологический факультет, где был огромный конкурс, 12 человек на место. Не получилось, потому что обязательным условием было наличие трудового стажа. Вернулась Лида домой и пошла зарабатывать стаж санитаркой в больнице. Хотелось быть ближе к мечте. Ей понравилась работа специалистов в баклаборатории. Коллектив там был дружный, два врача и шесть баклаборантов. Это была семья единомышленников. Руководила лабораторией Мария Павловна Горюнова - опытный руководитель, строгий, но справедливый. Врачи часто разрешали девушке поработать с микроскопом. С большой благодарностью вспоминает Лидия Александровна этот коллектив и специалистов, преподавших ей азы профессии.

Уже через год она поступила в мединститут на санитарно-гигиенический факультет, который вновь открылся после 15-летнего перерыва.

В Хакасии

В 1966 году окончена учеба, получен долгожданный диплом по специальности «Санитария». Вернуться в родной город молодым специалистом ей не удалось. Направление получила в Хакасию, в республиканскую СЭС города Абакана. Почти полвыпуска оказались на территории Сибири от Свердловской области до Дальнего Востока, Таймыра и Чукотки. Лидия Александровна не хотела

быть только кабинетным работником, поэтому сама попросилась в одну из районных больниц, и ее просьбу удовлетворили, направив заведующей в Краснотуринскую СЭС, где в течение 11 лет не было санитарного врача. Понятно, что запущенность была огромная по всем разделам Госсаннадзора. Не проводились медосмотры с последующей выдачей санитарных книжек, для питья использовалась загрязненная вода без очистки, не соблюдались основные требования в школах и детсадах, пищевых и торговых объектах. Работы было невпроворот, часть баканализов ей пришлось проводить самой.

Молодому специалисту выделили благоустроенное жилье - двухкомнатный колледж с земельным участком. Главный архитектор и другие руководящие работники района на выезды в села всегда приглашали с собой врача СЭС, прислушивались к ее советам и спешили устранить высказанные ею недостатки.

- Там очень добрый и открытый народ, - отзывается Л.А.Масалкина о хакасах. - К любой просьбе или замечанию они относились очень внимательно и старались сделать все, чтобы мне у них понравилось, и я осталась с ними. Но так вышло, что я выходила замуж, а поскольку будущий муж был военнослужащим, мне предстояло ехать за ним в город Березники Пермской области. Помню, после нашей регистрации в ЗАГСе районное руководство устроило для нас праздник. На прощание подарили нам теплые вещи.

Не город, а комсомольская стройка

Трудовую деятельность в Березниках Лидия Александровна начала с должности промсанврача. Сразу встала на защиту работников химических предприятий. Прежде всего, из-за загрязнения атмосферного воздуха. Через год уже заведовала промотделом, под ее началом работали шесть врачей и 12 помощников. Молодой город развивался, строился, жизнь кипела на комсомольских стройках. Много было работы по проектированию крупных калийных комбинатов и других объектов. Без сотрудников СЭС ничего не принималось, требовалось соблюдать все санитарные нормы.

Жизнь в городе и работа на промышленных предприятиях была не безопасна, шли большие выбросы в атмосферу вредных веществ. Особенно тяжело было астматикам и людям с другими хроническими заболеваниями. В промышленных цехах при нарушениях технологических процессов, запыленности и загазованности, возникали профзаболевания. Тогда врачи пломбировали и отключали техоборудование, иногда вынуждены были полностью закрывать цеха и предприятия, где обнаруживались грубые нарушения и не выполнялись санитарные нормы. Были такие производства, в которых вновь поступивший работник уже через полгода получал профзаболевание, также имел место выпуск продукции без технологической характеристики, что тоже приводило к такому же диагнозу. Врачи не успевали составлять акты профзаболеваний, по которым работающие выводились на инвалидность. Лидия Александровна после 16-летней работы промсанврача «заработала» аллергию, в результате которой начались обмороки. При выходе на промплощадки становилось трудно дышать. И она вынуждена была оставить работу, которая ей очень нравилась.

Масалкина перешла на организационную стезю. Трудилась заведующей оргметодкабинетом Березниковской горбольницы №1, затем инструктором ГК КПСС, где курировала здравоохранение города и санатория-профилактория, была председателем горкома Красного Креста.

А потом Лидия Александровна возглавила старейшее в области Березниковское медучилище, открытое в 1932 году. В училище было семь факультетов: зубных врачей, зубных техников, фельдшеров-акушеров, фельдшеров, санитарно-гигиенический, лаборантский и медсестринский. Судьба учреждения - это судьба многих его студентов и преподавателей, в том числе, самой Лидии Александровны, внесшей неоценимый вклад в дело воспитания подрастающего поколения. Годы, отданные преподавательской работе, не прошли даром. Связь с училищем она не теряет и сегодня.

- Я приняла медучилище в очень плохом состоянии, - вспоми-

нает она. - Две пятиэтажки, где много лет не было капитального ремонта. Директор - это тот же хозяйственник. Мой день начинался ранним утром, а заканчивался, порой, за полночь. Контролировать приходилось каждый шаг ремонтников. Средств, понятно, не было, но у меня остались добрые отношения с руководителями предприятий, с которыми мне приходилось работать раньше. Так что краской и стройматериалами училище было обеспечено в порядке шефской помощи. А уж когда начинались экзамены, приемные или выпускные, тогда и вовсе суток не хватало, чтобы все успеть. Мне было приятно сознавать, что в Оханске трудятся наши выпускники, в том числе, врач-гинеколог, Зинаида Федорова Бондарь, окончившая училище с красным дипломом и поступившая после этого в мединститут.

Теперь я - дома!

После возвращения на малую родину Лидию Александровну приняли на должность госпитального эпидемиолога в Оханскую ЦРБ. При ее участии начаты работы по ремонту учреждений здравоохранения: стационаров, участковых больниц, ФАПов, которые не отвечали существующим нормам. Все работы велись в контакте с отделом градостроительства районной администрации и под контролем главы района А.И.Зубрикова. Оказывалась помощь при лицензировании больницы.

Л.А.Масалкина вела общественную работу в составе совета ветеранов учреждения, была членом комиссии по здравоохранению райадминистрации. В возрасте 70 лет закончилась ее трудовая деятельность и закрыта трудовая книжка, выданная ей Оханской ЦРБ в 1960 году.

- Теперь я - дома! - говорит она. - Вернулась на круги своя. Здесь мое место, мои родные люди, Оханск - это моя малая родина!

2021г.

Не в свои сани не садись

Инфаркт - страшное слово, которого очень боятся пожилые люди. В наш стремительный век инфаркт не щадит ни стариков, ни молодых. А, может быть, мы сами не бережем своих близких и доводим их до сердечного приступа...

Алексей открыл глаза, перед ним была белая пелена. И тишина, ни одного звука.

- Я на том свете, - подумал он про себя. - Вот сейчас появятся ворота, они медленно откроются, и я окажусь там, где мне положено быть, либо в раю, либо в аду.

Пелена не спадала, и он напряженно ждал следующего «кадра». Насколько сильным было его разочарование, когда вместо ворот перед ним возникло очертание жены.

- Лешенька, ты очнулась? А я уж думала - это конец. Сколько слез пролила. Ну, слава Богу, сейчас все наладится. - Она заботливо подоткнула одеяло, погладила мужа по щеке.

Алексей снова закрыл глаза. Возвращаться в явь уже не хотелось. Все его нутро протестовало.

- Доктор, доктор! - послышался испуганный крик жены, - он опять потерял сознание, сделайте что-нибудь!

- Успокойтесь, Галина Викторовна, сейчас главное - спокойствие, как для мужа, так и для Вас. - Голос доктора усыплял. - С ним все в порядке, просто он еще очень слаб и не может, а возможно, пока не хочет ни с кем общаться.

Получив очередную дозу снотворного, больной заснул. Галина Викторовна на цыпочках вышла из палаты. Много она бы отдала, чтобы Алексей был прежним. Она не раз винила себя в том, что повинна в его болезни, раскаивалась. Но, похоже, муж вряд ли это поймет и оценит, да и не поверит.

Они встретились, когда оба страдали от одиночества. Ее только-только бросил муж, убежав к ее подруге, а Алексей несколько лет назад похоронил жену, с которой они даже зарегистрировать-

ся не успели. Она умерла при родах, дочку бабушка не отдала и сказала, что еще сможет вырастить девочку сама.

В библиотеку Алексей заходил часто, иногда по делу, а иногда просто потому, что шел мимо. Читал журналы, газеты. Вот там и заметил девушку, которая предпочитала модные журналы с картинками. Случайно разговорились, потом уже встречались, как старые знакомые. Через месяц знакомства он ее в первый раз проводил до подъезда дома, потом они вместе ходили в кино, в театр. Ему казалось, он нашел то, что искал, эта девушка заменит ему Светлану.

Прошло полгода. Однажды Галина пригласила Алексея в гости. Он шел туда с твердым намерением сделать ей предложение руки и сердца. Он обалдел от приема, который она ему устроила. Кругом стояли цветы и горели свечи, его букет выглядел блеклым и маленьким по сравнению с теми, что стояли в напольных вазах.

Такого шика, даже при огромном желании, позволить себе он бы не мог, привык жить скромно и по средствам. В конторе, где он работал, зарплаты большими не были. Так до конца вечера Алексей просидел, как в музее, боясь пошевелиться и рискуя что-нибудь уронить.

- Что ты такой напряженный сегодня? - воскликнула Галя. - Я тебя не узнаю, будь ты как дома, - и полезла с поцелуем.

У Алексея пропало желание делать ей предложение, он поспешил скорее уйти из шикарного жилища. Галина успела рассказать о своем первом муже и о том, что он ей оставил эту квартиру. Сама попросила Алексея остаться. Но он тогда сбежал.

Галина сама нашла его через несколько месяцев в то время, когда он, схоронив мать, был сломлен и подавлен. Так и образовалась их семья. Сказать, что жену он любил, нельзя. Просто мирно сосуществовали. Галине нравилось ходить по магазинам, тратить деньги. Алексею это было не по нутру.

Однажды он намекнул жене, что надо бы из областного центра перебраться в Оханск, там квартира, которую оставила ему мать. Что тут началось! Слезы, крик, стенания на весь подъезд. Соседи думали - режут кого-то, и вызвали милицию.

Так и жили. Она - в Перми, работая кассиршей в одном из магазинов, а он - в Оханске, где ему нашлась работа. Изредка, бывая в городе, он заезжал к жене, а она к его малой родине относилась с пренебрежением.

Алексей, внутренне чувствуя свою вину за смерть первой жены Светланы, посещал ее мать, которая растила их со Светой дочку. Танюшка росла здоровой и веселой, была похожа на свою бабушку. Без подарков он к дочке не приезжал. Бывшая теща вначале была против его приезда, а потом поняла, что он - человек добрый, совестливый и не будет настраивать девочку против нее.

Когда Галина узнала об этих визитах, снова устроила скандал.

- С какой стати ты помогаешь неизвестно кому? - кричала она в очередной истерике. - Об тебя ноги вытирают, а ты им кланяешься.

- Пойми, Галя, это моя дочка, я обязан ей помогать, - сказал он в ответ.

- У меня скоро сапоги «каши запросят», а ты деньги валишь на сторону.

- А ты поменьше по магазинам ходи и не бери всякую муру.

- Ты меня попрекаешь куском хлеба, - раздался новый взрыв словесного поноса.

- Скажи, почему у нас с тобой нет детей? Ты не хочешь или не можешь? Тогда лечись. У нас на бумаге только семья, а в сущности ее нет. Без детей это не семья, а так, сожитительство.

- Ты теперь хочешь сказать, что я - гулящая? А ты докажи. Даже если и так, чего мне бояться, я же одна живу при живом муже.

Дальше перепалку он выдержать не мог, вышел и уехал к себе домой. Ее соседи по дому не раз намекали на разгульный образ жизни Галины, спрашивали, на какие средства она живет, ведь кассиры зарабатывают не так много.

Алексей терпел долго и, наконец, не выдержал. Приехал в очередной раз и предложил оформить развод. Ее это не устраивало, и она категорически заявила, что развода не даст.

- Мы 15 лет делаем вид, что у нас семья, в сущности ее нет. Скажи, чего ты хочешь?

- Не хочу рушить то, что создано за эти годы.

Больше на эту тему разговоров у них долго не было. Но однажды Алексей приехал в Пермь и решил встретиться с дочкой, которая уже заканчивала третий курс института. На улице шел дождь, поэтому он пригласил Танюшку в квартиру жены.

Девушка пришла, она всегда была рада видеть отца. Отец с дочерью пили чай и беседовали. Совсем некстати вернулась домой Галина. Она не стала разбираться, что к чему, и сразу начала скандал.

- Ах, ты, пень старый, еще на мою квартиру начал проституток водить, совсем обнаглел. Сейчас я вас обоих проучу.

Алексей пытался вставить слово, но тщетно, Галину было не остановить. Тогда он схватил ее за плечи и потряхнул так, что у той зубы застучали.

- Это моя дочка, если тронешь ее, я тебя просто убью. Слышишь?

Таким еще Алексея никто не видел. Таня подбежала к отцу, пытаясь оторвать его руки от жены. Она плакала, а глаза Галины были полны ужаса. Когда Алексей, обмякнув, отпустил руки, лицо его мертвецки побледнело. Пришлось вызывать неотложку.

Это был первый инфаркт, с которым еще нестарый организм справился довольно быстро. Потом он еще раз пытался погово-

ритель с женой и получить развод. Снова неудача. Единственный друг, с которым Алексей мог поделиться, назвал его тряпкой и беспринципным мужиком, не умеющим наладить собственный быт.

- Ей выгодно быть за твоей спиной, она из тебя все соки выжмет, а потом выбросит, как ненужную вещь, - говорит он. - Посмотри, на кого ты похож. Одеваешься, как нищий. Пусть ты в провинции живешь, но и здесь встречают по одежке.

- А на что мне покупать хорошую одежду, если помогаю дочке, да еще Галина требует на коммунальные расходы, - возразил Алексей.

- Ну, ты, парень, похоже, совсем запутался, - возмутился друг. - Она там шашни крутит, живет, как сыр в масле, а ты, значит, ей еще и помогаешь? Хотел бы я иметь такого же спонсора по жизни. Рви с ней окончательно. Не в свои ты сани сел.

После того разговора Алексей съездил к жене и сказал, что ничего ей не должен и платить больше ни за что не будет. Подал на развод.

Когда его вызвали в суд на бракоразводный процесс, он был спокоен, как никогда. Зачем обременять друг друга, если столько лет они не живут вместе? Но суд оказался решительно настроенным против него. Заговорили об этике отношений, об обязательствах и так далее. Галина вела себя, как бедная овечка. Она то плакала и заламывала руки, жалуясь на низкую зарплату, то набрасывалась на Алексея с упреками, что он никак не отвечает на ее любовь, вспомнила, что он грозился ее убить. Суд дал им срок на примирение и чуть не назначил штраф за моральный ущерб.

- Ох, и артистка, оказывается, моя Галя, - удивлялся он, выйдя из зала суда. - Надо было в театральный институт идти, а не перед покупателями красоваться. Тогда еще Алексей сдержался, перенес все это, молча.

Зато на другой день после очередного звонка жены, которая снова требовала денег, якобы на ремонт квартиры, сорвался. Сказал все, что о ней думает, и решительно отказал в помощи. Она опять пригрозила судом.

Больше он ничего не помнит. Его обнаружила соседка, пришедшая снимать показания счетчика. «Скорая помощь» увезла его в Краснокамск, а на другой день он попал в краевую больницу. После того, как Алексей пришел в себя, не хотел ни с кем разговаривать, кроме дочери. Она прибежала каждый день кормить отца, потому что от жены он ничего не желал принимать.

После выписки из больницы Алексей какое-то время находился дома, а потом начал выходить на работу, так было легче. Жена звонила ежедневно, но он не брал трубку. Развод все-таки он получил, хоть и на суде не был, друг постарался. В выходные приезжала Таня. Она заботилась об отце, помогала. Какое-то время пожила у него бывшая теща, воспитавшая Танюшку. Он начинал новую жизнь без бывшей жены, при упоминании которой у него бешено колотилось сердце и мгновенно подскакивало давление.

- Я только теперь понял, какого дурака сваял, женившись на Галине, - говорит он сейчас. - Упустил время, нет ни семьи, ни детей. Верно друг сказал - сел не в те сани. Только как угадаешь, где они, твои? Вот и буду куковать один.

- Как это один, папа? - возразила Таня, - а я разве не твоя семья? Ты мне все годы помогал, и я должна как-то отблагодарить тебя за это.

- Бабушку надо благодарить, она хорошо тебя воспитала. Ты все больше становишься похожей на свою маму, не столько лицом, сколько поведением, и всегда будешь напоминать мне Светлану.

Отец и дочь шли неспешно по улице, держась за руки, и прохожие улыбались, глядя им вслед.

2016г.

Не вернутся ли вновь «окаянные» дни?

Владимир ничего не знал про своего деда, просто о нем не говорили в семье, и фотографий не было. Он думал, что дед пропал без вести во время войны, в школе писал об этом в своем сочинении, но почему-то фамилии деда не оказалось в скорбном списке Камского мемориала в городе Оханске. Он однажды спросил маму, кто его дед.

- Тебе не надо об этом знать, чтобы не повторить его судьбу. Ничемную жизнь он провел, - сказала она и поспешно вышла во двор.

Тогда у Володи закралось сомнение, уж не уголовник ли его дед. С этим же вопросом обратился к отцу, тот только пожал плечами. Он никогда не спрашивал жену, кто ее отец, потому что в послевоенное время многие росли без отцов, если есть мать - это уже хорошо. Он и сам отца своего не помнил.

У Володи еще была бабушка, которая жила в деревне, и вот однажды, будучи уже студентом истфака, он, в очередной раз, приехав домой, загорелся желанием побывать у нее в соседнем районе, чем удивил всю семью. Пока был маленьким, все каникулы отдыхал у бабушки, в старших классах же его невозможно было уговорить на такой шаг. А тут по доброй воле в деревню, да еще под Новый год?

Для самого Владимира это не было странным. Просто он выбрал для своей курсовой работы тему «Чистка партийных рядов в период 30-40-х годов XX века». Руководитель, с которым он раз-

рабатывал эту тему, предложил использовать материалы своей малой родины. Володя посидел в областном архиве, кое-что нашел, но этого было мало. Преподаватель, чтобы помочь студенту по-настоящему «заболеть» этой темой, пригласил его к себе домой. Он рассказал о своих родителях, которые были арестованы и расстреляны, как английские шпионы, а сын вынужден был скитаться по железнодорожным вокзалам, пока не попал в детский дом. Он придумал себе другое имя, другую фамилию, чтобы в будущем на него не смотрели, как на сына врагов народа. Выучился, защитил диссертацию. Собирал сведения о тех, кто пострадал в годы репрессий 1937-38 годов и искренне желал вернуть доброе имя своим родным.

Володя намекнул, что не знает, кто был его дед и почему-то о нем ему так и не рассказали ни родители, ни бабушка. Вот тогда руководитель и предложил «прояснить» семейную тайну.

На деревню к бабушке

Таисья Сергеевна, как только поселилась в этой деревне в 50-х годах, так и осталась, выезжая только изредка по каким-нибудь делам. Она, несмотря на возраст, была довольно энергичной, можно сказать, могучей, но жила замкнуто. Не любила праздников, не любила судить о прошлом, словно наложила на себя табу. Деревенские старики поговаривали, что она хранит какую-то тайну, о которой никому не рассказывает. Володя, когда еще в школе учился, конечно, слышал эти разговоры, но относился к ним скептически. Теперь у него была конкретная цель - подобраться к бабушкиной тайне.

Он приехал в деревню накануне Нового года. Погода была хорошая, небольшой морозец, к дому Владимир направился по натопанной тропинке прямо через рощу, в которой стояла такая красота, что невозможно глаз оторвать. Полюбовавшись природой, пошел своей дорогой. По пути скатился с мальчишками с горки, поправил снежную бабу, разогнал в разные стороны орущих котов.

Осторожно постучал в окно. Бабушка с возгласом: «Кого по

ночам носить?» открыла ворота и удивлено уставилась на внука.

- Вот так подарок к Новому году, а я-то думала, с чего это кошка гостей наскребает. Квашню поставила, чтобы враспloch меня не застали. Проходи, внучок, давненько ты в наши края не заглядываешь, видно, занят очень. Проходи, раздевайся. Банька еще горячая, вымойся с дороги, - все это она говорила на ходу, пока вела внука в дом.

После бани Володя разомлел, с удовольствием лежал на широкой кровати, раскинув руки. На этой кровати, которую называли гостевой, они с сестрой в детстве любили играть. Старушка жила одна, и чаще всего кровать стояла, заправленная клетчатым одеялом. В этот момент Володе ничего не хотелось, вот так бы и лежал долго-долго. Бабушка что-то делала на кухне за печкой, а внук, от нечего делать осматривал комнату, где по стенам были развешены фотографии в рамках. В детстве он их часто разглядывал, но никогда не спрашивал, кто на них изображен. Это были старые черно-белые фото.

Вскоре бабушка вошла в комнату с большим блюдом, на котором красовались пирожки разной формы.

- Давай-ка, Вовочка, с дороги поешь, сейчас чай принесу. А, может, чего покрепче хочешь, так ты скажи, - произнесла она своим певучим голосом. И Володе стало стыдно оттого, что он забыл сюда дорогу и так редко бывал здесь.

- Бабушка, почему ты никогда не рассказывала, кто мой дед? - начал он. - Понимаешь, получается, что мама от ветра родилась.

- А зачем тебе? За все годы никто и никогда меня об этом не спрашивал. Да и не местная я, приезжая, поэтому и не знают здесь о моей судьбе, а я не распространяюсь.

- Так ты расскажи, тебе же самой легче станет. Нам в институте на лекциях по психологии говорили, когда человек выговорится, у него будто камень с души сваливается.

- Ну, что ж, раз ученые люди так говорят, наверное, это правда. Хочешь - слушай, только не перебивай, если запнусь, больше ни о чем не спрашивай.

В городе

Веселой была свадьба у Семена и Таисьи Мерзляковых, две деревни одной семьей праздновали и спорили, в которой из них жить молодым. А молодые уже решили для себя, что поедут в Нижний Тагил на завод, манил их город.

В городе они устроились на квартиру к женщине, которая, подрабатывая нянькой у соседей, дома почти не находилась. Молодожены пошли работать на завод, а по вечерам бегали в заводскую школу, так как у них было всего по четыре класса образования. Через год они с нетерпением ждали первенца, но ребенок родился мертвым. Не сразу, не вдруг, но постепенно семейная жизнь снова наладилась.

У Семена и Таисьи неожиданно открылись способности не только к учебе, они умели организовать людей, доходчиво объяснить текущую обстановку. Вскоре Семену предложили работу в райкоме комсомола, а Тасю пригласили в заводской комитет по работе с молодежью.

Как людей благонадежных во всех отношениях, Мерзляковых приняли в партию. Все шло хорошо, пока в конце 1937 года не поступил донос на Семена. Ему об этом сообщил под большим секретом работник райкома партии, с которым сложились дружеские отношения, он посоветовал выбираться из города, как можно быстрее, вместе с женой. Таисья снова ждала ребенка, приболела в тот день, поэтому осталась дома.

Мерзляков быстро оценил обстановку и отправил мальчишку с запиской к Тасе. Жена не сразу поняла, почему ей советуют уехать подальше. Хозяйка, пришедшая в это время с рынка, сказала, что по городу идут аресты, а если муж предупреждает, значит, ему что-то известно. Она помогла собрать все необходимое и предложила дожидаться сумерек, чтобы скрыться. Но куда? В родной деревне их, наверное, будут искать. Хозяйка дала ей адрес лесного поселка, где проживал ее сын. Она обещала дать этот адрес и Семену, когда тот вернется.

Добравшись на поезде до отдаленного поселка, Таисья быстро нашла сына хозяйки. Он не удивился, прочитав записку от матери.

Вместе с женой они освободили небольшую угловую комнатку и оставили гостью у себя, пока не найдется другое жилье. Соседям сказали, что это родственница с Алтая. Где и кем она работала, не спрашивали, в то время не принято было проявлять излишний интерес. Руководство села предложило Тасе место учительницы в местной школе, грамоте детей учить было некому. Снова пришлось сесть за учебники.

Ни через месяц, ни через два Семен не приехал, не было и писем. Таисья вся извелась, готова была ехать обратно в город, чтобы узнать, что случилось. Неожиданно к сыну приехала мать погостить на несколько дней, от нее и узнала Тася, что случилось с любимым человеком.

Семен тогда пришел домой поздно вечером, хозяйка сказала ему, где искать жену. Она просила уезжать немедленно, на ночном поезде, но он решил сделать это на следующий день. Только следующего дня у него уже не оказалось. Его арестовали рано утром, спрашивали о жене, перевернули все в квартире вверх дном и наказали хозяйке, как только появится жиличка, сообщить в органы. По разговорам в городе, Мерзлякову и группе руководящих работников вменялась в вину деятельность против линии партии и участие в троцкистском движении.

Услышав это, Таисья не выдержала, у нее начались схватки. В тот же день она разрешилась дочкой Таней. Вскоре к ним в поселок начали присылать на работы в леспромхоз «врагов народа». Как надеялась молодая женщина, что и ее Семен вдруг окажется здесь. Но прошли годы, прежде чем она о нем что-то узнала.

Нежданный гость

Спустя несколько лет после войны, на пороге небольшого дома Мерзляковых в поселке, появился человек. Не понять, что на нем было, будто кто-то нарочно рвал его одежду на ремки, ни одной целой детали не было. Танюшка, испугавшись нежданного страшного гостя, убежала во двор, а Тася пригласила его раздеться и присесть. Она не впервые видела таких оборванцев, как этот человек. Накормив гостя, пытливо посмотрела ему в глаза.

- Что привело Вас к нам? - спросила и сама испугалась. Вдруг человек примет эти слова за оскорбление.

- Вы ведь Таисья Мерзлякова?

- Да, верно.

- Знаете что-нибудь о судьбе Семена Мерзлякова?

Тася горестно покачала головой. У нее гулко застучало сердце. Ни весточки с той поры, как арестовали мужа, она даже дочери не говорит, кто ее отец, а та и не спрашивает. Может быть, и спросит, когда будет постарше.

- Меня Константином звать, - продолжил человек. - В Нижнем Тагиле, на пересылке, мы оказались с ним в одном этапе, - начал Константин. - Мне понравилось его спокойствие. В то же время в нем был какой-то стержень, он держался стойко, меня еще успокаивал. На допросах ему сломали руку, и она срослась неправильно, но Семен не жаловался. С ним рядом было надежно.

Их везли в телячьем вагоне, который освещался двумя подслеповатыми окошечками под самым потолком, да маломощной лампочкой. Ехали долго. Остановились посреди леса. Холод. Зуб на зуб не попадает. Верховые в тулупчиках покрикивают, то и дело «угощая» тех, кто замешкался, плеткой. Шли часов шесть-восемь с небольшими привалами, без еды и питья. На ходу ели снег. Наконец, впереди замаячило подобие бараков.

Этап был довольно большой, и пока не прошла переключка, никого в бараки не пустили. Заключение были похожи на сосульки. Но в экстремальных ситуациях организм человека способен на такое, что в обыденной жизни просто немыслимо. Никто не заболел.

Константин с Семеном оказались в одном отряде, рядом на нарах спали, вместе с лесу работали. В мае, когда заключенные складывали лес в штабеля, Костя неожиданно упал, и на него посыпались бревна. Семен первым кинулся на помощь, а потому как его уважали в отряде, помочь ему следом бросились и остальные, не давая лесинам раскатиться.

У Константина случился приступ аппендицита, а попав под бревна, он усугубил положение, аппендикс лопнул. Так бы, навер-

ное, и умер без помощи, но Семен дошел до начальника лагеря, и больного на лодчонке отправили в город с конвоем. Успели спасти.

Начальник, понимая, что Семена уважают и в обиду не дадут, решил избавиться от него как можно скорее. При первой же возможности перевел его в другой лагерь, а отряд «перетасовал». Вернувшись из больницы, Константин понял, что ни друга, ни тех, кто его спасал, рядом нет. У кого спросить, если страх того, что любой человек, ради спасения своей шкуры, готов предать или донести, довлел над ними?

Однажды, во время работы в лесу, к Косте подошел мужик по кличке «Борзой», из уголовников, и попросил следовать за ним. Конечно, заключенный пошел, мысленно прощаясь с белым светом.

- В общем, так, болезный, друга твоего перевели в Соликамск, - начал «Борзой» говорить на ходу. - Там порядки жестче. Имей в виду, он за твое спасение пострадал, значит, ты у него в долгу теперь по гроб жизни. Просил передать, если выживешь в этой глухомани, найти его жену и ребенка, который родился, только он не знает, кто. Еще сказал, что адрес его родных тебе известен. Он на ходу мне это шепнул, пока нас с ним в карцер вели. Ну, все, считай, мы до ветру сходили, если что, скажешь - пронесло нас.

И Костя понял, он просто обязан выжить, понимая, что такие люди, как Семен, не часто встречаются в жизни. Он не забыл его рассказов о семье, о том, как вместе с женой «покоряли» город, его сожаление по поводу того, что не послушал хозяйку квартиры, которая советовала ему уехать из города немедленно.

Прошло несколько лет. Политических в лагере было уже столько, что места не хватало, и тогда часть заключенных начали переводить в другие лагеря. Еще шла война, многие просились на фронт, но к этим просьбам начальство было глухо.

- Вы все - государственные преступники, - заявили однажды на проверке. - Вы не будете Родину защищать, а при первой же возможности перебежите к врагам. Поэтому все просьбы будут отклонены.

- Если бы Вы видели, какие бугаи нас охраняли, глаза Константина повлажнели. - Их бы на передовую, а они над заключен-

ными издевались, словно соревновались, кто из них изощреннее это делает.

Ранней весной 1945 года и Константина с группой зеков перевели в один из соликамских лагерей. Да, это было адом, по сравнению с тем, где он находился раньше. Плетка чуть не ежедневно прохаживалась по его спине, ни один охранник не говорил нормально, только криком и обязательно матом. Некоторым, в основном, уголовникам, разрешали свидания. К ним приезжали, а политическим - ни свиданий, ни передач, ни права переписки.

Однажды в лагерь приехала миловидная женщина, она искала своего сына. Проехала много «...Лагов», прежде чем оказалась на Урале. Начальник тюрьмы вызвал старшего по охране, приказал принять женщину и устроить ее в «гостевом» бараке. Ночью в бараках, находившихся метрах в 50-и от «гостевого», слышали ее истошный крик. Каждый из зеков представлял на ее месте своих жен или матерей. Охранники ее просто распяли, одичав от отсутствия женщин.

Четверых зеков, в том числе, Константина, заставили утром вывозить ее труп на кладбище. На ней не было живого места. Эта женщина полстраны прошла в поисках сына, а смерть нашла в соликамских болотах. Ее сын, действительно, сидел в этом лагере, но на тот момент его уже не было в живых, и начальник это знал, отдавая мать на растерзание.

Константин

Заметно было, что Константин устал, он постоянно тер глаза. Таисья предложила ему прилечь на сундуке, а сама достала одежду мужа, чтобы он потом переоделся.

Она нутром чувствовала, что Семена нет в живых, но хотелось дослушать до конца, ведь Константин прошел те же испытания, что и ее муж.

Таня, несмотря на то, что ей было почти десять лет, ни за что не хотела заходить домой, пришельца она окрестила Лешим. Тогда Тася попросила соседку принять на время дочку, пока гость не уедет.

Гость проспал сутки, а проснувшись, не сразу понял, где на-

ходится. Засуетился, спеша к двери. Увидев Таисью, успокоился и сел на табурет.

- Что же одежда на тебе такая изодранная? - спросила она, пока гость завтракал.

- Я же не на комфортабельном транспорте ехал, а на перекладных, да больше, пожалуй, шел пешком. Из лагеря только вышел, бандиты напали, добрую фуфайку отобрали, а потом еще собаки свои зубы на мне оставили, а одежда - в клочья. В добром месте появиться не могу.

- Я кое-какую одежду собрала, это от Семена осталось. Надевайте. Вам еще долго до дома добираться.

- Теперь уже недолго. Я под Красноярском жил, не знаю, живы ли родители, меня на втором курсе мехмата взяли за антинародную пропаганду.

Одежда на нем болталась, как на плечиках, но это было все равно приличнее, чем лохмотья.

- Вы что-нибудь узнали о Семене? - спросила Таисья, даже не надеясь в глубине души на положительный ответ. Лагереи были сотни, зеков - десятки тысяч, а один из них - это песчинка в пустыне.

- Узнал, только не знаю, как Вы на это отреагируете.

- Я ко всему готова, - поспешно отозвалась Таисья.

- В 1944 году десяток политических из этого лагеря, где я потом досиживал, за какую-то провинность отправили на фронт, в штрафбат, естественно. Мешали они начальству, понимаете? Активные очень были. И совершенно случайно я услышал фамилию Мерзлякова. Больше ничего не удалось узнать, но мне кажется, что это был Семен.

- Значит, если он погиб, то извещение могли получить его родители. Однако они ничего не пишут. Придется самой у них спросить.

И полетело письмо в Молотовскую (Пермскую) область, куда еще до войны перебрались родители Семена, боясь быть арестованными вслед за сыном.

Тайна гибели Семена

Константин прожил у Таисьи несколько дней и отправился дальше. В первое время после этого визита женщина не находила себе места, порываясь то написать куда-то, то срочно ехать к родителям Семена. Но еще беспокойно было в стране, и после войны продолжались аресты. Таисья думала, прежде всего, о дочери, которая росла без отца, не хватало оставить ее еще и без матери. Она помнила, что тогда, в 37-м, за ней тоже приходили, и, если бы не хозяйка, отправившая ее в дальний лесной поселок, неизвестно, какой была бы ее дальнейшая судьба.

Спустя какое-то время, она успокоилась и старалась не думать о пропавшем муже. Жизнь продолжалась. Со временем, когда родители Семена пригласили невестку переехать к ним, она долго не думала, понимая, что старикам нужна помощь.

Она появилась в деревне летом 1953 года, когда Таня окончила восемь классов. В школу ходить было далеко, но в районном центре был интернат, где жили во время учебы сельские ребята.

Таисья работала в колхозе, ни с кем особо не дружила, но люди ее уважали, глядя, как бережно она относится к свекру и свекрови. Когда ее назначили заведующей молочно-товарной фермой, никто не удивился. Она сумела наладить дисциплину, навести кое-какой комфорт, насколько это было возможно, ферму ставили в пример.

Вначале умер свекор, жена пережила его на несколько лет. Перед смертью она решила открыться Тасе. Однажды вечером попросила посидеть рядом и выслушать ее.

- Прости, Тасенька, что я столько лет молчала, - начала она.
- Не хотела душу тебе травить. Думала, может, ты замуж еще выйдешь, семью создашь. Зачем брать с собой прошлое? А сейчас уж что делать?

Старушка рассказала, что Семена из тюрьмы отправили на фронт. По дороге он письмо написал на старый адрес, в Свердловскую область, а председатель сельсовета, который ей изредка сообщал о местных новостях, переслал послание адресату. Потом было еще одно и состояло всего из нескольких фраз. А третье - от жительницы деревни Нежново. Она написала, что во время

боя немцы окружили группу бойцов. Почти все погибли, в живых остались двое раненых. Фашисты захватили их и привезли в деревню, где полно было отступающих немецких частей. В доме самой жительницы стояли немцы, а хозяйку они выгнали в хлев. Пленных пытали, потом в бессознательном состоянии тоже бросили в хлев, уверенные в том, что сбежать они не смогут.

Она всю ночь возилась с ними, поила водой, пока они не пришли в себя. Одного звали Павлом, он был из города Горького, а другого - Семеном. Раненые назвали адреса своих матерей, она и написала им потом, когда деревню освободили, о последних минутах жизни бойцов.

На другое утро раненых прямо во дворе били плетками, выламывали руки, выбили зубы, но, кроме стонов, ничего не слышали. После нескольких часов такого «труда» согнали народ на площадь перед часовней, притащили пленных, которые кое-как держались на ногах, и повесили на глазах у людей. Дети и женщины заплакали, а фашисты начали «поливать» по ним из автоматов. В это же время подожгли все хаты. Сама свидетельница успела выскользнуть из хлева, когда бойцов еще пытали, и легла между огородными грядками. «Лобное место», как его называли в деревне, находилось как раз по другую сторону огорода, поэтому она все видела, что там творилось.

Кроме нее, еще несколько человек остались живы после расстрельной экзекуции, притворились мертвыми. Когда немцы ушли, они все вместе трупы опустили в окоп, сняли повешенных и похоронили в общей могиле.

- Тася, мы тогда эту весть насилу пережили, - старушка говорила, всхлипывая время от времени. Было видно, что это ей тяжело давалось. - Много позже пришло извещение, что сын наш пропал без вести, а мы-то знаем, как он погиб. В сарае, под крышей слева есть небольшая впадина, там лежит извещение, письма сына, той женщины и Константина, который с Семеном в лагере сидел. Мы с ним переписывались долго, он в 80-х от туберкулеза умер. Прости меня, что не сказала раньше. Просто я видела, что ты успокоилась, все у тебя ладно, не хотела раны беречь. Гля-

жу, люди тебя здесь уважают, да и Танюшке привольно живется. Живите с Богом!

Через неделю она уже не могла говорить, в скором времени и ее увезли на погост.

- Вот, внучек, и вся история, - Таисья замолчала и пытливо взглянула на Володю. - Что интересного? Тяжелая жизнь, с какой стороны ни взгляни. И как говорила моя свекровь, зачем прошлое ворошить? Да, где-то в начале 90-х заезжал ко мне сын Константина. Он оставил мне сверток и сказал, что там кино есть про лагерь. Я не поняла, то ли про тот, в котором отец его вместе с Семеном сидел, то ли просто про такой же. Он сказал, что на каком-то устройстве его надо смотреть. У меня же нет ничего. Вот ты приехал, может, и поможешь увидеть, что там такое. Посмотри в нижнем ящике, я его в тряпку завернула.

Владимир достал из комода сверток, так лежала видеокассета. На торце надпись «А в России опять окаянные дни». Не зря, наверное, фильм завезли бабушке.

- Бабушка, я завтра же съезжу домой за видеком. Хорошо? Может быть, и родители с Валею приедут. Вместе и посмотрим.

- Да ни к чему это, Володя, им вовсе необязательно это знать.

- Нет, бабушка, я не согласен с тобой, - запротестовал Володя. - Об этом должны знать все, чтобы таких ошибок больше не повторять. А почему ты маме не рассказала? Разве она не имеет права знать о своем отце?

- Знаешь, миленький, я однажды хотела это сделать, а она отмахнулась, как от назойливой мухи, мол, отстать, не до тебя. Я и подумала, не буду ничего говорить, пока сама не спросит. Она и не спрашивала. После школы подалась в Пермь, но большой город ей не понравился. Училище окончила, замуж вышла за твоего отца, он после армии был. Уехали на его родину в Оханский район, мать у него очень болела, там ты и родился, а следом за тобой Валюшка. Раньше твои родители часто у меня бывали, а потом реже и реже, да и ты перестал ко мне ездить, одна Валюшка навещает. Я ей и собиралась рассказать историю семьи, но ты опередил.

- Бабушка, а фотографии остались?

- Одна есть, но там Семен - парнишка еще, лет 13 ему. Фотограф приезжал к ним в село и всех подряд снимал. Вон в той рамке смотри, у окна, самая верхняя. Да откуда фоткам-то взяться, если сразу после свадьбы мы в город уехали, а там - сам понимаешь... Были у нас кое-какие снимки, но все забрали во время ареста Семена, даже на память ничего не осталось, кроме этой. Я уже плохо помню его лицо.

Послесловие

Почти до утра в ту новогоднюю ночь проговорили бабушка с внуком. Он был рад, что прикоснулся к тайне семьи, а бабушка тому, что ничего больше не надо скрывать.

На следующее утро Володя, выспавшись, побежал на дорогу и сел на проходящий автобус. А к вечеру вся семья на машине приехала к бабушке. Привезли не только видеомаягнитофон, но и новый телевизор.

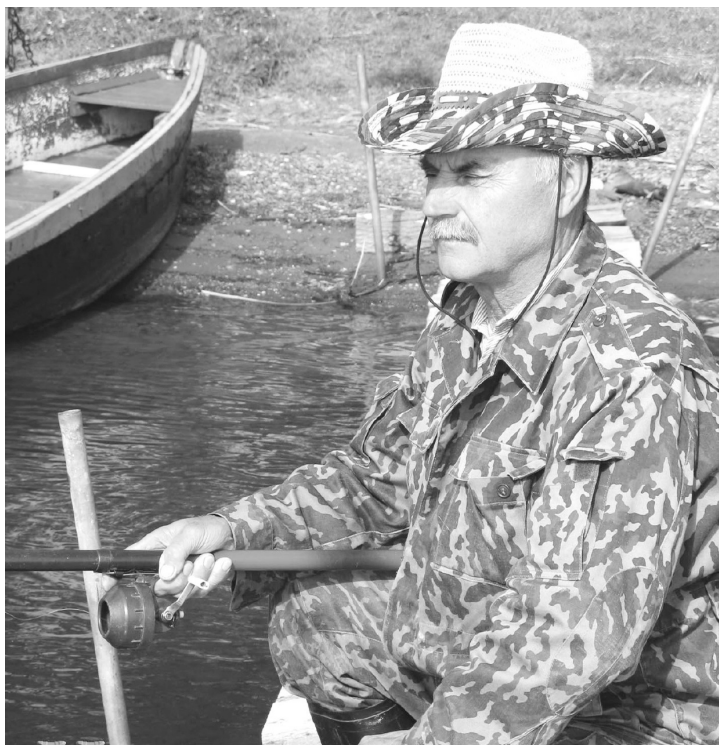
Фильм оказался очень тяжелым. Плакали все, даже отец Володи. Потом снова Таисья поведала давнюю историю, и снова все вместе плакали.

Володя защитил на «отлично» свою курсовую, потом эта тема плавно перешла в дипломную. В настоящее время он живет и работает в Челябинской области. Валентина подалась на север, в Якутию. Бабушка Таисья несколько лет жила в Оханске у дочери, а потом ее увез к себе Владимир. Она прожила долгую жизнь, более 90 лет. А дочь ее и Семена, Татьяна, так и осталась в Оханске, но ее жизнь оказалась короче.

Обо всем этом мне поведал тот самый Володя - Владимир Юрьевич Заколodкин, приехав год назад в Оханск, чтобы сходить на могилку родителей и проведать родных своего отца. Художественный фильм «А в России опять окаянные дни» теперь есть и у меня.

2019г.

Не сходить ли на рыбалку?

Не случайно Леонид Александрович Дедов (на снимке), вернувшись с Севера, выбрал местом жительства территорию бывшего совхоза «Ягодный». Во-первых, нет ни городского шума, ни больших дорог, во-вторых, в сосновом лесу дышится легко, ну, а в-третьих, и это самый главный аргумент - река в каких-нибудь ста метрах от дома.

Зная Л.А. Дедова с детских лет, я никогда не думала, что мальчишеское пристрастие останется с ним на всю жизнь и он самым настоящим образом «заболеет» рыбалкой. Мы когда-то вместе бегали на занятия секции по спортивной гимнастике.

Возвращаясь домой с тренировки, он часто «травил» нас рыбацкими байками. А рассказывал всегда интересно, в картинках и лицах.

Дедова школа

К рыбалке приучил его дед Антон. Сам шел на реку и внука с собой, чтобы «не шлялся без дела». Поначалу трудно было вставать мальчишке на заре, а потом стало делом обычным.

- Раньше Кама была намного уже, - рассказывает рыбак. - У нас была лодка, и стояла она на берегу под собором. А ездили мы с дедом на Першинский остров. Моторов не было, а на веслах тяжело грести вверх по Каме, поэтому, утомившись, дед подгрёбал к берегу, выходил из лодки, и мы с ним, как бурлаки, шли по бережку и тянули на лямке наше «судно».

Дед Антон, фронтовик, во время рыбалки много рассказывал случаев из своей военной жизни, и внук с замиранием сердца слушал его, представляя себя то лихим пулеметчиком, то brave танкистом, то бесстрашным партизаном.

Дед много сделал для того, чтобы из внука вырос настоящий рыбак. Обучая паренька всем премудростям, не раз говорил, что рыбалка - лекарство от любых болезней. Показывал, в каких местах та или иная рыба может затаиться, как ее можно «хитростью» выманить. Дедова школа пошла на пользу.

- Так, Ленька, собирайся, завтра будем карасов ловить, - говаривал дед накануне рыбалки. Он так и говорил: «карасов» вместо карасей.

На Першинский остров дед с внуком отправлялись сразу дня на три и никогда «пустыми» не приходили.

- Ландшафт на острове был неровный, то овражек, то ложок, - продолжает Леонид Александрович. - Однажды наловили мы карасей. Дед Антон рыбу у реки почистил, сразу засолил, чтобы дома грязь не разводила, и заставил меня нести эту рыбу на берег, к шалашу. Иду, а надо мной чайки с коршуном начали «отношения выяснять». Мне же интересно. Я загляделся, был да нет, в овражек-то и угодил. Пока летел кувырком, всех рыб растерял. Ползаю потом на коленках, из песка карасей достаю. Их снова надо перемывать, да еще и посолить, а соли у нас больше не было. Не помню, побил меня дед в тот раз или нет, но отматерил - это точно, и верхоглядом обозвал.

«Я вот таких хариусов ловил»

На Севере Л.А. Дедов от «болезни» не отошел. Только представлялся случай, он с такими же фанатами-любителями собирал удочки и уходил на рыбалку. Сетью не баловался, потому что не ради большого улова пропадал на реке, а ради удовольствия.

- Рыбалка - это как таблетка для больного, - заявил он при последней встрече. - Пока не выпьешь, не успокоишься.

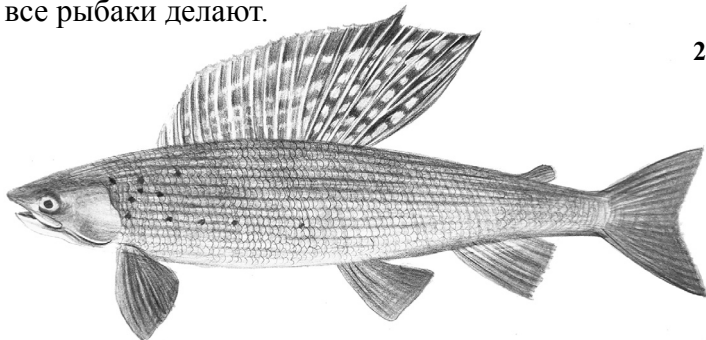
Заметив на моем лице скептическую улыбку, тут же спохватывается.

- Нет, алкоголь на рыбалке не употребляю, но бутылку водки беру с собой обязательно. Мало ли что? Оступись, к примеру. Чтобы не простудиться, надо ноги водкой натереть. И потом, в ушицу водочки добавить не возбраняется. А без нее - это уже не рыбацкая уха, а так...

Смачно обо всем рассказывает рыбак.

- Бредешь иной раз, - продолжает собеседник, - проклиная погоду, себя и всех подряд. А утром, только забрезжит рассвет, одна и та же мысль начинает беречь голову: «А не сходить ли на рыбалку?». Считай, что все рыбаки немного больные на голову. Не раз, бывало, поторопишься, схватишь, вроде все, а уже на реке выясняется - червей-то я забыл, так возле навозной кучи и оставил. Елки-палки!

Леонид Александрович рассказал о хариусах, уху из них он предпочитает всем остальным. И на Севере эта рыба водится, только называют ее по-другому - плотва. И все же он сказал эту фразу: «Я вот таких хариусов ловил...». И, конечно, развел руками, как все рыбаки делают.

2009 год

Он видел войну своими глазами

Окраина Андреевки. Скромный дом сельских жителей. Под окнами проходит дорога, гудящая с утра до вечера, рядом гаражи и мастерские сельхозпредприятия, откуда тоже то и дело слышится шум моторов.

Здесь живет труженик тыла Великой Отечественной войны. Судя по фамилии, он из Белоруссии.

- Родился я в Полесье, в деревне Ванюшичи, - начал свой рассказ Федор Иванович Кудрявец.

- Мне было 11 лет, когда немцы напали на нашу страну. На третий день войны они были уже у нас. Хвастали, что через месяц, максимум через 45 дней, доберутся до Москвы.

Село, где жили Кудрявцы, стояло не на главном пути следования фашистов, а немного в стороне, поэтому очень большого движения немецких войск не наблюдалось. Пришла одна часть и стояла в селе какое-то время. Вначале все было пристойно. Немцы никого не трогали, но жителей из домов выгнали в сараи и хлевы, по дворам ходили, конфисковывая еду и спиртное. Когда они ушли, их место заняли партизаны, они тоже расположились в домах. Смельчаки добирались до мостов, которые охраняли чехи. Как уж там, мирно или нет, решался вопрос, но чехи перешли на сторону партизан, потому что хотели выжить.

- Федор Иванович, а похожа ли Андреевка на Ваше белорусское село? - спрашиваю ветерана.

- Нет. Это русское селение. В Белоруссии все по-другому было.

И природа мягче, и погода тоже, и люди жили намного теснее. Ну, а в войну сам Бог велел быть сплоченнее. Партизаны доставляли фашистам много беспокойства: мосты взрывали, за полицаями охотились, поезда под откос пускали. И вот однажды терпение немцев закончилось, и они двинулись на партизан, узнав, где они обосновались. Все село сожгли.

Село сожгли, только один дом, крайний, не хотел загораться. Люди разбежались, кто куда. Кого-то подстрелили, кто-то в доме сгорел. Один паренек спрятался под печь как раз в том доме, который оставался целым, и сидел там. Когда люди, что успели убежать до прихода фашистов, вернулись на пепелище, вытащили этого мальчишку из-под печи.

- С того времени облавы стали частыми, - продолжил ветеран. - Пришлось уходить в лес. Возле леса были немецкие посты, и если видели кого-то, сразу хватали и отправляли в Германию, в том числе, детей и подростков.

Особенно тяжело было ушедшим в леса зимой. Иной раз партизаны пойдут в рейд человек 20, и ступают след в след, чтобы не видно было, сколько человек прошло. Одна семья с собой корову увела, так ей лапти сплели. Однажды один из лапотков спал с ноги животного. Полицаи увидели коровий след, и пришли к землянкам, где жили погорельцы. Мальчишку, который водил корову, заставляли показать, где он ее прячет. Родные уговаривали его, односельчане: «Да Бог с ней, с коровой, жизнь дороже, как-нибудь проживем...» Корову полицаи увели и в тот же день закололи, фашистам нужна была полноценная еда.

Людям, где только не пришлось прятаться от расправы врагов. Их ловили, убивали, сжигали, а они все равно продолжали жить в землянках, на пепелищах, а то и под открытым небом. Не зря говорит статистика, что в Белоруссии каждый четвертый погиб на войне.

И Федора Ивановича не раз смерть касалась своим крылом. Как-то пришли немцы в дом с переводчиком и приказали мальчишку собираться, а сами вышли на улицу. Мать отправила его через задний ход за печью. Мальчишка выскользнул на улицу, и был

таков. Упал в кусты неподалеку и смотрел, что дальше будет. Фашист увидел, что парня нет, вытащил мать из дома и прикладом...

- Нас ловили под мостами, под снопами, - вздыхает Федор Иванович. Мы же, как изгои, были. Иной раз бежишь от немцев или полицаев в спасительный лес. Успел добежать - твое счастье, не успел, считай, убит. Боялась немчура в леса заходить, где хозяйничали партизаны. Они только во время многолюдных облав шли без страха. Приходилось прятаться возле болот, так немцы и туда пожаловали, когда все замерзло.

Не стерлось в памяти Федора Ивановича, как гонялись немцы за евреями. В Полесье было очень много евреев. Их истребляли, как могли. Если узнают, что кто-то прячет еврея, уничтожат не только самого, но и вся деревня пострадает. Он до сих пор в толк не возьмет, за что к этой нации такая ненависть. Однажды на его глазах сожгли еврейскую семью. Семь человек горели заживо, три поколения.

- Я уж теперь старый, а картины прошлого, бывает, приходят ко мне ночами, - Кудрявец задумчиво смотрит на стену, словно там, как на экране, должно появиться что-то. - Пока молодым был, работой загружен, даже редко вспоминал о войне, старался забыть. Сейчас прямо ниоткуда такие сны снятся, только диву даешься.

Когда Белоруссия была освобождена, собрали несколько десятков подростков и привезли в Кукуштан, на Урал, в школу ФЗО. Обучали лесному делу. Потом выпустили, как специалистов лесной промышленности. В Кунгуре была возможность самим выбрать один из леспромхозов области. Так трое выпускников ФЗО прибыли по направлению в Андреевский лесозаготовительный участок.

В то время электропилы были очень тяжелые, весили 25 килограммов. Попробуй по сугробам потаскай такую машину, а ведь парни были худосочные, наголодались, пока жили в оккупации, и силой не отличались. Тем не менее, семь с половиной лет Федор Иванович отработал вальщиком. Потом его отправили на курсы механизаторов широкого профиля. Пилу пришлось сменить на руль лесовоза.

- У меня же никакого образования нет, - признается ветеран.
- До войны успел окончить три класса. - И в ФЗО, и на курсах обучали, в основном, практически, на пальцах иной раз объясняли, что и как надо делать. В армию я тоже не попал. Только соберусь, начальник опять найдет повод и договорится об отсрочке, так и не отслужил.

В общей сложности Федор Иванович отработал в лесной промышленности 38 лет. Свое участие работы в тылу во время войны ему пришлось доказывать в суде. На пенсию он ушел с должности начальника лесоучастка.

За ударный труд Кудрявец имеет орден Трудовой Славы третьей степени, медали: «За трудовое отличие», «Ветеран труда», к 100-летию В.И.Ленина, юбилейные.

В ряды коммунистической партии он вступил в 1956 году, был членом пленума РК КПСС, высказывался всегда прямо, не взирая на лица. Требовательный, неподкупный - таким знают его андреевцы.

Пока была возможность, Ф.И.Кудрявец ездил в Белоруссию, общался с сестрами. Всегда следил через прессу за тем, что делается на его малой родине.

Когда человеку за 90, понятно, здоровью его завидовать не приходится, но он не жалуется. С удовольствием читает Пенсионерскую правду, интересуется новостями Оханского городского округа и своей сельской территории. В нем остался интерес к жизни, причем к жизни активной. Не без сожаления он говорит о том, что в детстве его лишили родных мест. Виновата война. Он, конечно, уже прикипел и к Андреевке, и Полесье осталось в далеком прошлом, но нет-нет да память выхватит какой-нибудь эпизод из той жизни, и опять поднимется давление. Все, кто видел войну своими глазами, вышли из нее совсем другими людьми. И неважно, ребенок это или взрослый человек. Война остается в каждой клеточке тела.

2020г.

Особая дата

Одну пожилую пару в день бриллиантовой свадьбы спросили:

- Как вам удалось столько лет прожить вместе?

Ответ был предельно сжатым:

- Понимаете, мы родились и выросли в те времена, когда сломавшиеся вещи чинили, а не выкидывали.

Ю.К. и М.А. Ширинкины.

В начале шестидесятых годов прошлого века, когда решили соединить свои судьбы Юрий Константинович Ширинкин и Маргарита Алексеевна, о названиях свадебных юбилеев не говорили. Да и жить мужу с женой вместе десятки лет, «пока смерть не разлучит», еще считалось должным. В то время тоже не выбрасывали старые вещи, а старались дать им новую жизнь.

Для Юрия Константиновича и Маргариты Алексеевны 22 марта нынешнего года - дата особая: в этот день они отметили бриллиантовую свадьбу. Ширинкины - люди энергичные, общительные, не привыкли оглядываться на возраст, потому и не заметили, как пришел к ним этот красивый и значительный юбилей.

У каждой семейной пары своя романтическая история любви. Кто-то познакомился со второй половинкой на танцах или на отдыхе, кто-то с помощью друзей или знакомых, некоторые встретили свою судьбу в школе или в институте. А вот наших юбиляров свел вместе Дом культуры. Но тогда, в конце 61-го, видно было угодно судьбе, чтобы встретились двое в одном месте и одно время...

Я откровенно люблю эту парой, когда они вместе на празднике, на концерте, когда танцуют или просто идут по улице вдвоем. Любуюсь и думаю, что, наверное, только прожив с человеком столько лет, начинаешь по-настоящему ощущать его близким и родным, и он, не только на словах, но и на деле становится твоей половинкой, счастливой судьбой, твоим самым дорогим бриллиантом.

Шестьдесят лет вместе... Кто-то может сказать, что столько не живут, но как из песни слов не выкинешь, так и их жизнь не разделишь на части. Повзрослеть им пришлось раньше времени, детство у них отняла война. И если Юрий все-таки прожил ее с родителями здесь, в Оханске, то на долю Маргариты выпало немало трудностей.

Юрий

Из всех детей в семье Ширинкиных, а их было четверо братьев, Юрий родился вторым и выдался самым высоким и стройным. В детстве был обыкновенным сорванцом, как и его товарищи. К учебе особого интереса не проявлял, учился ни шатко-ни валко, но что его отличало от сверстников - он был очень аккуратным по отношению к одежде и своему внешнему виду. Кстати, эта черта всех его братьев.

После семилетки Юрий продолжать образование не захотел и устроился на фабрику нормировщиком раскройного цеха. Потом перешел в лекальщики. Парень очень любил петь и танцевать. Это и привело его в районный Дом культуры еще в подростковом возрасте. Пришло время - Юрия призвали в армию. Старший брат к тому времени уже уехал из дома, поэтому ни родители, ни друзья не думали, что Юрий вернется в Оханск.

Три года службы протекали в Литве, где в то время было еще много недобитков с войны. Они мешали жить простым людям, убивали активистов. То и дело военнослужащим приходилось выезжать в леса, выискивать схроны. Мало было найти схроны, почти из каждого из них были проложены переходы, выходящие на поверхность в совершенно непредсказуемых местах. Невозмож-

но было предугадать, в каком месте и на кого нападут «лесные братья». Были потери среди срочников, убивали и офицеров. В последний год службы Юрия перебросили на Курилы, в погранвойска. Через всю страну ехал он, любовался красотами, но еще тогда для себя решил, что везде хорошо, а дома лучше.

Демобилизовался, вернулся в родной город. Ничего не искал, снова пришел на фабрику. Повзрослел, набрался жизненного опыта и вдруг понял, что его призвание - красиво одевать сильную половину человечества, потому что швейная фабрика была специализирована на пошив мужских и детских сорочек. Будучи сам очень элегантным, он хотел, чтобы и все вокруг выглядели так же. Потому и взялся за разработку новых моделей в экспериментальном цехе и сам их демонстрировал. Высокий статный парень, вернувшийся из армии, красавец, первый танцор в городе. Девчонки на него заглядывались. Он прекрасно это знал, но не отдавал предпочтение никому.

До армии он играл в драмкружке при Доме культуры, пел. В годы армейской службы в свободные минуты брал в руки гармонь, там же освоил чечетку.

А вся его трудовая биография связана с фабрикой и уместится на одной странице трудовой книжки.

Маргарита

Рита с первых дней жизни познала, почему фунт лиха. Ее отец, Алексей Григорьевич, был начальником погранзаставы на Дальнем Востоке, жили в поселке под названием Черная речка. ЗАГСа там не было, расписать молодых некому, потому и решили подождать до лучших времен, пока не переведут офицера в другое место.

Когда началась война, поступил приказ - в течение месяца эвакуировать семьи комсостава вглубь страны, подальше от границы. В это время и родилась Маргарита. Медлить было нельзя, со дня на день ждали нападения со стороны Японии. Поэтому на пятый день отроду девочку вместе с мамой, Марией Ивановной, отправили на Урал, в Оханский район, где жили их родственники.

Конечно, был риск потерять ребенка в дороге, но обстановка заставляла многое делать не так, как хотелось бы.

Добирались на поезде две недели. Мария Ивановна, несмотря на июльскую жару, не снимала с себя зимнего пальто, боялась, что его украдут, ничего нельзя было оставлять без присмотра. Здесь, в глубоком тылу, Мария Ивановна волновалась за мужа. Потом узнала, что его перевели на Западный фронт. Снова волнения! Даже во время войны его перебрасывали с одного места на другое, но везде было опасно. Алексей Григорьевич за годы службы поработал во многих республиках СССР, даже в Иране ему довелось охранять И.В.Сталина. Потом был брошен на борьбу с националистами в Прибалтику. Семья следовала за ним.

В Прибалтийских республиках было очень страшно. Рита боялась выходить на улицу одна, везде орудовали националисты. Там она пошла в первый класс. К тому времени у нее родилась сестренка Алла, которая постоянно болела. У нее признали туберкулез и посоветовали переехать на юг. Но, к сожалению, и юг не помог, спасти девочку не удалось. Рита прошла около десятка школ, пока, наконец, семья не осела в Оханске.

После окончания Оханской средней школы в 1958 году, Маргарита поступила в Кудымкарское медицинское училище. Там увлеклась парашютным спортом, играла в волейбол, но учеба была у нее на первом месте. Вместе с дипломом с отличием новоявленная акушерка получила направление в Оханскую больницу. Молодого специалиста встретили очень тепло. Она быстро влилась в коллектив. Поскольку петя любила всегда, пришла в Дом культуры.

Вместе и навсегда

Там и познакомилась с Юрой. На такого видного парня грех было не обратить внимания. Да и он сразу заметил девушку. А она была хороша! Черноглазая, красивая, шустрая, с шикарной косой...

Юрий, как школьник, постоянно дергал девушку за косу. Тогда она жила в доме своей двоюродной сестры Надежды Поповой.

Младший брат Юры - Володя дружил с Надей, и Юрий в течение полугода ежедневно провожал Риту до дома. Так и приглядывались друг к другу.

Когда молодые решили пожениться, им предложили устроить комсомольскую свадьбу, но отец жениха был категорически против. Константин Сергеевич Ширинкин - участник боев на Халхин-Голе, кавалер ордена Красной Звезды, был директором фабрики, а сын работал в одном из цехов. Природная скромность не позволяла директору устраивать для сына свадьбу напоказ.

- Наступил день регистрации. ЗАГС находился на улице Ленина в полукаменном здании, напротив бывшего клуба «Швейник», - рассказывает Маргарита Алексеевна. - Я пришла после ночной смены, а жених мой опоздал. Молодежи набилось в небольшое помещение столько, что яблоку негде упасть. Три дня праздновали нашу свадьбу. Ни машин, ни троек не было, и вообще, свадьбы обходились в начале шестидесятых намного дешевле, чем сейчас. Жили первое время в доме мужа.

Маргарита работала акушеркой в больнице, но знала, что в районе очень не хватает врача-гинеколога. И решила осуществить свою давнюю мечту - получить высшее образование. Выйдя замуж, она упорно продолжала идти к своей цели. Родился сын. Он был еще маленьким, когда она поехала поступать в медицинский институт. Стала студенткой вечернего отделения. Сына взяла с собой. Этот период был очень трудным. Днем работа, вечером - учеба, на сынишку времени не оставалось. В конце концов, пришлось Андрея увезти обратно в Оханск, где были две бабушки. Но каждый выходной Маргарита Алексеевна старалась приехать домой, чтобы постирать и привести в порядок квартиру. И так в течение восьми лет.

- Я благодарна профессору Верховскому, под руководством которого я проходила интернатуру, - продолжает М.А.Ширинкина. - Он научил меня всему, чем должен обладать врач-акушер, и даже большим. Я не боялась делать операции, умела сохранять спокойствие и холодную голову в экстремальных случаях. Бывали ситуации, когда и после окончания ВУЗа приходилось обращаться к

профессору, он консультировал, давал очень ценные советы.

В течение нескольких лет Маргарита Алексеевна оставалась единственным врачом-акушером на весь район. А рождалось тогда малышом в разы больше, чем сейчас. Много приходилось делать сложных операций. С ней сегодня при встрече здороваются люди, а она не всех помнит, потому что не сосчитать, сколько через ее руки прошло новорожденных, скольким женщинам она вернула не только жизнь, но и уверенность иметь полноценных детей.

Не один десяток лет М.А.Ширинкина была заместителем главврача по лечебной работе, отвечала за работу с онкобольными, за учебу в филиале медучилища, организованном при Оханской ЦРБ.

Юрий Константинович продолжал трудиться на фабрике. В его трудовой книжке всего две записи - принят и уволен, а между ними только о перемещениях и поощрениях. Он продолжал демонстрировать продукцию фабрики на конкурсных просмотрах. Был хорошим общественником, работал в народном контроле, от партийной организации выпускал газету «Швейник». Не забывал о самодеятельности, пел, танцевал. Был участником мужского квартета и академического хора клуба «Швейник».

В 90-е, перед выходом на заслуженный отдых, Ю.К.Ширинкин принял руководство фабрикой, директором которой 20 лет был его отец. Однако в то смутное время трудно было разобраться, к чему мы идем. Верх брали представители нового поколения, брали нагло, нахрапом, не оглядываясь на прошлое. Из них только единицы остались на плаву, а остальных история просто «выкинула на задворки».

Эпилог

Не сказать, что все было в жизни Ширинкиных идеально, если учесть, что восемь лет им пришлось жить на отдалении и видеться урывками. Бывали ссоры, но с годами они научились уступать друг другу, не злиться, а принимать все, как есть.

- После выхода на пенсию годы жизни не пошли, а полетели-

закружились, - с волнением говорит Юрий Константинович, - 60 лет, прожитых вместе, - разве это много? Мы еще полны жизненной энергии. У нас замечательные внуки и правнуки. Все 60 лет мы учились друг у друга терпению, умению прощать, быть щедрыми.

Приятно беседовать с Юрием Константиновичем - серьёзным, умудрённым опытом человеком и Маргаритой Алексеевной - душевной, гостеприимной хозяйкой.

- Когда мы расписались, мне было 20 лет, - делится воспоминанием Маргарита Алексеевна. - Были не богаты, зато с искренними чувствами. За 60 лет чего только не было! Но все позади. Конечно, надо уважать друг друга и быть терпимыми, учиться уступать, промолчать, если надо. В наше время если женились, то с уверенностью, что это навсегда. Наверное, потому и семьи были крепкие. Никакие невзгоды и жизненные трудности не сломали Ширинкиных, а только закалили.

С сожалением говорят они о том, что сыну уделяли мало времени, несмотря на это, он вырос хорошим, добрым, понимающим человеком, потому что наглядный пример был перед глазами. Андрей, как и его дед, Алексей Григорьевич, стал офицером. Сейчас он работает в другой сфере, но ежедневно звонит домой, чтобы справиться о здоровье родителей. Он подарил им двух замечательных внуков, Кирилла и Риту, названную в честь бабушки. Теперь уже и правнуки пошли, Полина и Рома. Все они любят гостить в Оханске, хоть и живут далеко.

Юрий Константинович и Маргарита Алексеевны не привыкли сидеть дома. Она занимается в клубе «Хозяюшка» при городской библиотеке, в группе здоровья. А он ни дня не может прожить без спорта. До сих пор участвует в лыжных соревнованиях, получил золотой знак ГТО. Летом любит кататься на велосипеде.

Несмотря на то, что Ширинкины по характеру совсем разные, сумели сохранить союз и передать свои лучшие черты сыну, продолжателю рода.

2022г.

Остаться человеком...

Народом чаша выпита до дна
За ту войну в четыре долгих года,
Но нам всем помнится еще одна война,
Сгубившая часть нашего народа...

Анфиса Степановна любит вспоминать прошлую жизнь, наверное, это присуще большинству старых людей. Но ее воспоминания чаще не о себе, а о родителях ушедшего скоропостижно в мир иной, еще 30 лет назад, мужа. Она считает, что жизнь его родителей, полная невзгод и лишений, может послужить ярким примером терпения, мужества и оптимизма.

Чета Бурдиных. 70-е гг.

Вот и в этот раз, заглянув на огонек к ее снохе - моей приятельнице, я услышала новые подробности из истории семьи Бурдиных. Галина Васильевна, извинившись, ушла заниматься своими делами, тем самым давая возможность еще раз побеседовать с Анфисой Степановной наедине.

- Ты, верно, не знаешь, что муж-то мой рожден в тюрьме, - начала она, хотя это предисловие я уже слышала не однажды, а она продолжала. - У них ведь по жизни вся семья - каторжане. И дед через каторгу прошел, и бабка за мужем туда же отправилась. Вроде, сыну хорошую жизнь пророчили. Вначале оно так и было. В академию подался, форму военную собирался всю жизнь носить. Послали его служить на Дальний Восток. Он перед этим обженился, молодуха тоже грамотная попалась, с образованием, ребят грамоте учила.

Все это старушка говорила, чуть улыбаясь, и смотрела то и дело на старую, пожелтевшую от времени фотографию, висевшую на стене.

Сын родился

- Сын у Вас, - услышала, будто издалека, голос старого тюремного доктора Устинья Бурдина. - Не в добрый час появился на свет, да, может, хоть его судьба помилует. Новорожденный в этот момент закричал так громко, что мать встрепенулась и протянула руки к сыну.

- Покажите мне его, - тихим голосом попросила Устинья. Она смотрела на маленький сморщенный красный комочек, который никак не напоминал ей мужа, но это был ее сын.

- Малость, недоношенный он у тебя, с этой адской работой еще хорошо, что такой родился, - посетовал доктор. - Главное, чтоб выжил малец.

Он очень жалел женщин, сидевших в тюрьме. Особенно руководство ненавидело политических заключенных, на которых чаще всего срывало свое настроение и неудачи. Он и сам был зеком. Пять лет отсидел за деда-дьякона. Его срок год назад уже закончился, но он решил остаться в больничке в качестве вольнонаемного и дожидаться освобождения своего зятя, сидевшего в зоне соседнего поселка.

- Как назовешь мальчишку? - спросил доктор.

- Федором назову, по отцу.

- Ну, что ж, Федор Федорович, с прибытием на грешную землю, - старичок передал ребенка старушке, служившей при больничке, потом сделал запись в документах.

Всего неделю полежали мать с сыном в больнице. Потом Устинью отправили обратно в барак, а ребенка - в детский бокс, где находились дети заключенных до отправки их в приюты и детские дома.

Арест

В ту ночь Федор и Устинья не спали. Накануне были арестованы начальник воинской части и его заместитель. Уже в течение нескольких лет многих военных подозревали в шпионаже и вредительстве. Аресты шли один за другим. Федор не был уверен в том, что и за ним не придут. Вместе с женой они перетрясли все

книги, уничтожили бумаги, которые могли бросить тень на них. За два года, что они отработали в части, у них появилось много друзей. Часто собирались семьями. Женщины обычно занимались детьми и приготовлением еды, а мужчины уходили охотиться или рыбачить. Потом у костра вели разговоры на разные темы. Больше всего рассуждали о войне, о том, будет она или не будет, решатся ли немцы на повторение наполеоновского нашествия. И, конечно, речь шла и о тех военачальниках, что были объявлены врагами народа.

Устинья таких разговоров боялась, она обычно уходила на бережок и без всякой цели смотрела на воду. Из рассказа Федора она знала, что его родители каторжане, и место его рождения - Сибирь. На Урал семья вернулась только после революции. Старший брат Федора - Георгий, будучи еще подростком, бесследно исчез в горниле гражданской войны, а Федор решил стать военным.

Уже занималось утро, когда послышался громкий стук в дверь. Устинья только успела отодвинуть засов, как трое дюжих молодцев, оттолкнув ее, рванулись в комнату, видимо, ожидая сопротивления. Федор стоял, одетый в гражданское, готовый ко всему.

- Гражданин Бурдин, Вы арестованы, - сказал старший из ОГ-Пушников. - Посидите, пока мы производим обыск.

Они разбросали все, что можно, хотя все было на виду. Дойдя до этажерки с книгами, смахнули все на пол и начали выхватывать хаотично из кучи по книге. Вдруг один из производивших обыск, достал томик Бунина.

- Ого! Запрещенная литература! - воскликнул обрадованно.

- Не трогайте, - возмутилась Устинья, и выхватила книгу из его рук. - Это великий русский писатель, и не вам его судить. А запрещенным он не объявлен.

- Это ж сопротивление! Можно сказать, нападение на сотрудника. Собирайтесь, дамочка.

- Вы не смеете, моя жена ждет ребенка, - вступился за нее Федор.

- Разберемся, кто и кого ждет.

Их затолкнули в «воронок» и повезли. Они всю дорогу крепко

держали друг друга за руки.

- Прости меня, Устя, что привез тебя сюда, лучше бы ты дома осталась и дожидалась меня у своих или моих родителей.

- Не смей так говорить, я - твоя жена, куда ты, туда и я.

- А как же маленький? Ему ведь скоро на свет выходить.

- Даст Бог, все образуется.

Устинья очень надеялась, что с их делом разберутся, и отпустят. Ее водили на допросы и допытывались, какие «грязные речи» против правительства вел Федор. Потом переходили на другую тему: откуда в доме запрещенная литература? На третьи сутки следователь пришел в камеру с настольной лампой и направил луч прямо в глаза. В течение нескольких часов он, не давая ей встать, задавал одни и те же вопросы. Потом его сменил другой. Устинья просила пить, у нее слипались глаза, но беспристрастный голос продолжал допрос. И так всю ночь. Это прекратилось только после того, когда она упала. На другой день объявили, что она осуждена по соответствующему пункту статьи 58 (распространение запрещенной литературы). Пять лет строгого режима без права переписки.

А Федора допрашивали по-мужски. Через несколько дней у него не видно было лица, сплошное месиво. Заставляя подписать чистосердечное признание, ему предъявляли протоколы допросов его товарищей, которые, якобы, указывали на то, что именно он вел шпионскую деятельность в воинской части с целью привлечения новых агентов в свою сеть. Он понимал, все это фальсификация, и никто на него не наговаривал. Для вида даже устроили показательный суд, где открыто назвали его врагом народа и осудили на десять лет.

В лагере

Вагон с женами изменников, шпионов и врагов народа, куда попала и Устинья, прицепили к товарному составу. Было лето. Жара нестерпимая. Изредка на остановках им давали воду и открывали вагон на проветривание. Умерших вытаскивали почти на каждой остановке. Рядом с Устиньей оказалось несколько знакомых по

военному городку. Детей у них отобрали, поэтому каждая из них была в глубокой депрессии.

Три недели шел поезд, часами стоял на перегонах. Женщины понимали, их везут далеко от того места, где они жили.

Наконец, на каком-то полустанке им было приказано разгрузиться. Раннее утро. Дождь. Под ногами чавкающая слякоть. Охрана, густо оцепив колонну, не давала шагнуть ни вправо, ни влево.

Устинья двигалась из последних сил. Время от времени, когда чувствовала толчки в животе, сил у нее прибавлялось.

- Потерпи, родненький, не пинайся так, рано тебе еще на свет выходить. Вот придем на место, тогда отдохнем, - шептала она, уверенная в том, что малыш ее слышит и понимает.

Промокшие насквозь, заключенные добрались до места. После переклички начальник лагеря объявил, что прибыли они в Усольлаг. Завтра с утра вместе со всеми пойдут валить лес, и никакие жалобы не принимаются.

Распределили их по разным отрядам. Устинья и еще пять женщин из этапа попали в один барак, где, в основном, находились политические заключенные и несколько человек, осужденных по уголовным статьям.

Свободные места всем новеньким достались на втором «этаже». Устинья с трудом влезла на нары. Болело все тело. Ей казалось, она и уснуть не успела, как последовала команда: «Подъем!» До лесозаготовок пришлось шагать по склизкой дороге часа полтора. Дали ей в руки топор, чтобы обрубать сучки. Жить захочешь - всему научишься. Через неделю она уже прекрасно владела топором. Потом старший урядник, так его все называли, перевел ее в группу пильщиков.

Это было несравнимо с обрубкой сучьев. Пила ручная, приходилось все время работать в наклон. Напарница постоянно покрикивала, ведь нужно еще и норму дать. Пришел день, когда Устинья упала возле дерева, которое только что спилили. Чудом ее не задела падающая лесина.

- Эй, начальник! - закричала напарница уряднику. - Давай мне другую работницу, не видишь, эта на сносях? Ее зашибет, а я ви-

новата буду. Мне еще детей своих увидеть охота!

Она помогла Устинье подняться. Посадила ее возле пня.

- Как ты? - спросила участливо и, вздохнув, добавила, - Не видать нам сегодня нормы. Ну, да ладно. Меня Дусей звать. Я из Чувашии. Отец и дед у меня священниками были. Их расстреляли, а меня сюда сослали.

Договорить им не дали. Подошел урядник и привел новую напарницу по кличке Батарейка из уголовниц. Устинье снова дал в руки топор.

Вечером, после работы, Дуся подошла к Устинье и предложила поменяться «спальными» местами в бараке.

- Больно на тебя смотреть, как ты забираешься на нары. Мне легче, да и бездетность мне не грозит, дома двое остались, соседка их взяла, пока я здесь. Ладно, еще в приют не попали.

Как благодарна была Устинья за помощь! Когда Дусе перепал паек побольше, она всегда делилась, понимая, что будущая мать должна есть за двоих. Одно время к Устинье начали приставать две уголовницы, так Дуся быстро их отвадила. Несмотря на щуплую с вида фигуру, она была очень сильная, кулачищи у нее не хуже мужских и выглядели мощно. И к доктору Дуся притащила роженицу чуть не на руках.

Федор

Федора же отправили в Коми АССР. Он тоже рубил лес и мучился оттого, что не знал о судьбе жены. После пыток лицо его приобрело вид плохой дороги, рытвины да ухабы. Раны неровно зарубцевались, а на местах струпьев образовались ямки.

Новый, 1941 год, ему и довольно большой группе бывших офицеров довелось встретить в Донлаге, куда их перевели в начале зимы. Это было неожиданно. На Украине, конечно, теплее, но в лагере, куда их переправили, политзаключенных было мало, в основном, уголовники, поэтому осужденные офицеры держались друг друга. Однажды начальник лагеря предложил им обучать зеков начальной военной подготовке, ссылаясь на то, что в мире сложная обстановка.

Кто знаком с представителями уголовного мира, то поймет, в каких условиях пришлось существовать рядом с ними политзаключенным. Чтобы научить их хотя бы элементарно выполнять команды и собирать оружие, потребовался целый месяц. Большинство из них игнорировали все, чему их учили. Бывало, ночами с ножом к горлу приступали к офицерам, издевались над ними, как могли. Всем дали клички. Федора называли Бурдой, майора Саврасова - Конем и так далее. Работы шли на огромной территории лагеря, где строились бараки для новых заключенных. Там уголовники тоже не особо старались, выбирали то, что полегче. И только после того, как охранник уложил двоих филонов из ружья, начали остерегаться.

22 июня заключенным перед обедом объявили о начале войны. Лагерь затих. Враг стремительно наступал, и лагерь мог очень скоро оказаться в зоне военных действий, поэтому его начали готовить к эвакуации. Накануне прибыли еще два этапа политзаключенных из Сибири и Карелии. Окольными путями Федору передали весть, что жена его разрешилась сыном.

Офицеры, попавшие в лагерь по политическим статьям, с первого дня войны просились на фронт, но разрешение пришло только в августе. Из их лагеря часть уголовников тоже изъявила желание воевать. Это были, в основном, воры и мелкие жулики. Головорезы и убийцы в их число не попали. Из зеков-добровольцев создали отдельное воинское подразделение, а возглавил его бывший подполковник Чибисов. Штрафбатом еще не было.

Лагерь жил своей жизнью

А в Усольяге жизнь шла своим чередом. Там тоже были обеспокоены началом войны. Устинья, с одной стороны, была рада, что муж, если еще живой, находится в лагере, зато на фронт не попадет. С другой, лучше уж погибнуть в бою, чем получить нож в спину на зоне.

Она страдала без ребенка, которого отняли у нее очень рано, ему не было еще и полугода, хотя обычно до трех лет детей оставляли на месте. Видимо, виной всему война. Молодая женщина

старалась не попадать ни в какие истории и передраги, потому что перед ней была цель - найти и забрать сына. Дуся успокаивала ее, как могла. У нее срок уже заканчивался, и она пообещала Устинье, что постарается найти маленького Федю.

Иногда Устинья задавалась вопросом, сколько леса заготовлено заключенными по всей стране, если только их лагерь оставлял за собой огромные безлесые пространства со штабелями заготовленной древесины. Однажды спросила об этом нового охранника, показавшегося ей наиболее лояльным по отношению к зекам.

- Ты что, баба, ополоумела? Задаешь такие вопросы, - заорал он, вскидывая винтовку. - Не нравится лес валить, на рудники можем отправить. Тоже мне, лесная защитница нашлась. Не беспокойся, на твой век леса хватит. А ну, давай пошевеливай ногами, философию тут развела.

- Не лезь ты к ним, - толкнула ее Дуся. - Они сейчас все выслуживаются, боятся, что на фронт загремят. Подыхать никому неохота, а здесь что им не работать? Потом ордена получают за то, что государственных преступников охраняли. Мы же враги народа. Погоди, сюда еще пленных будут привозить.

Так и случилось. Особенно много немцев пригнали в соседний лагерь. К женщинам тоже прибыли новенькие, в основном, из Прибалтики. С ними отношения сразу не заладились. Они держались отчужденно, никому не доверяли. Уголовницы не преминули поизмываться над ними, называя их фашистами. Однажды одна из прибалток не выдержала и так врезала Батарейке, что та перелетела через нары и свалилась между рядами. Быстро вскочив, рванулась к обидчице.

- Попробуй, ударь, еще раз получишь, я боксом занималась, - сказала прибалтка и отвернулась, говоря тем самым, что общаться больше не желает.

Уголовницы собрались в кучу и пошли на новеньких. Политические встали между ними.

- Батарейка, остынь, - попросила ее Дуся. - Еще здесь нам кровопролития не хватало. Иди с мужиками воюй, они рады будут, а этих не смей трогать. Они такие же зечки, как мы с тобой.

- Я, между прочим, Родину не предавала, - завизжала Батарейка. - А они все шлюхи и шпионки немецкие! У нее началась истерика. Кто-то догадался прыснуть на нее водой, и она вся поникла. Охранник прибежал, когда инцидент был исчерпан.

На переднем крае

Воинской части, в которой пришлось воевать Федору вначале, не повезло. И окружали их, и долбили прицельным огнем с воздуха, и танки на них напускали. К концу года осталась лишь четвертая часть. Чибисов умело выводил бойцов из-под огня и от погони, но потерь было не избежать. Война есть война. В Брянске они примкнули к партизанскому отряду, где воевали почти два года. Не сосчитать рейдов к немцам в тыл, сожженных мостов и железнодорожных составов. В партизанах Федор получил свой первый орден. Не раз был ранен, правда, легко, обходилось без последствий.

В конце 1943 года, их отряд влился в большое воинское соединение, командовал которым полковник Лютый. Он был из сибиряков, решительный и требовательный человек. С каждым из вновь прибывших разговаривал лично. Федора поставил временно взводным и сказал, что бывших офицеров не бывает, а о том, что он и другие сидели в тюрьме, обещал забыть.

- Вы свою преданность Родине делом доказали, просто так награды с неба не валятся. И кровью пролитой подтвердили - нет для вас ничего дороже этой земли, - сказал полковник, пожимая руку на прощание.

Чуть позже Федора направили в полковую разведку. Не раз, рискуя жизнью, он вместе с товарищами брал языков, со снайперами часами вел наблюдения за противником. В свободные минуты мысленно писал письмо жене и сыну, не зная, где они сейчас.

На самой границе осколок от мины свалил Федора и застрял в его теле рядом с сердцем. Санитары доставили его в медсанбат почти бездыханным. Хирург-женщина, можно сказать, совершила чудо. При свете ламп, под постоянными обстрелами, она несколько часов боролась за жизнь воина. И

победила! Достала осколок. На другой день Федора отправили в тыл. Очень долго он лежал в госпиталях, последним был для него один из пермских. Оттуда старший лейтенант Федор Бурдин вышел инвалидом второй группы. Для него война закончилась.

Освобождение

А Устинья еще год томилась в лагере. О том, что Германия капитулировала, заключенные узнали в лесу, на работах. Одна из уголовниц эту новость принесла. К этому большинство отнеслось равнодушно. А вечером охрана гуляла, отмечая День Победы. Кричали, стреляли в воздух.

- Радуются, как будто сами победу одержали, - проворчала соседка Устиньи по нарам.

- Эй, фашистские подстилки, - услышала она скрипучий голос Батарейки, - чё притихли, небось, в штаны наложили? Вот так вот, хана вашему Гитлеру.

В это время охранник крикнул прибалткам, чтобы с вещами шли к выходу.

- Это за какие заслуги их освобождают? - заорала опять Батарейка.

- Заткнись, а то стрельну, - угрожающе прошипел охранник. - Переводят их в другой лагерь.

Вот таким был День Победы в лагере. Дуся слово свое сдержала. Выйдя на свободу, она нашла в детском приюте Федю и взяла домой. Вначале все деревенские думали, что это ее малыш, судачили между собой. Но за себя Дуся постоять умела, и заткнула рот сплетницам.

Последний месяц для Устиньи длился, будто год. Не спалось, она не знала, нашла ли Дуся ее ребенка. Связи с миром не было. Наконец, и ее пригласили с вещами на выход. Она вышла за ворота и заплакала. Не верилось, что пять лет, которые она провела в лагере, закончились, и ей не добавили срок, как многим другим за малейшую провинность.

Куда податься? Конечно, прежде всего, к Дусе в Чувашию. Нашла ее. Сынишка долго смотрел на чужую тетю, а потом побежал к Дусе.

- Феденька, да это ж твоя мама, - воскликнула Евдокия.
- Нет. Ты говорила, моя мама красивая, а эта в какой-то плохой одежде.

- Так мы сейчас ее оденем. И будет она у нас королевой.

Дуся и вправду забрала одежду Устиньи, которая висела на ней мешком, и принесла другую.

- Это племянница мне дала, она в Уфе живет, такая же худоба, как ты. Одевайся.

Как непривычно было надевать платье и туфли. Устинье казалось, что все это просвечивает, она чувствовала себя скованно.

- Расслабься, подруга. Все у нас будет хорошо. Ну, как Федя, красивая теперь мама?

Мальчик с опаской подошел к Устинье

- Ты, правда, моя мама? И никуда не уйдешь?

- Не уйду.

- Никогда, никогда?

Получив утвердительный ответ, Федя забрался к матери на колени и все старался заглянуть ей в глаза, будто что-то искал.

В родном доме

Поехала женщина с сынишкой в родное село под Оханском. Мать встретила ее настороженно, столько лет ни слуху, ни духу и вот на тебе, явилась, будто из небытия.

- Что, матери письмо написать рука отвалилась? - спросила она вместо приветствия. - Брат твой с войны не вернулся, отец чуть, было, не погиб, от тебя ни слова. Я же извелась вся. Сама детей вырастишь, так узнаешь, каково жить в неведении.

- Мама, я все вам с папой расскажу, ничего не утаю.

- Ну-ну, ладно. А мужик твой тоже на фронте сгинул?

- О нем ничего не знаю с 1940 года. Может, и сгинул.

Отец обрадовался дочке, а еще больше - внучонку, у него даже глаза посветлели. Пришли соседки узнать о житье-бытье, вспомнили о свадьбе Устиньи и Федора, свидетелями которой были за три года до войны, повздыхали о судьбе-злодейке и тихо удалились.

Когда маленький Федя уснул, Устинья рассказала родителям о своих злоключениях.

- Видишь, дочка, получается, наследственность никуда не деваешь. Я ведь в молодости тоже через тюрьму прошел, ну, да это давно было.

- Как же тебя, папа, на войну тогда взяли?

- Как взяли? По общему призыву и взяли. Гражданская-то война давно кончилась, я ить из-за нее пострадал. Пусть по ошибке, разобрались потом, но полгода из жизни, как коту под хвост. Обвинений на меня никаких, а кто зряшно на меня тень бросил, того на погост перед самой войной унесли.

- Тоже мне, каторжанин, - встряла мать. - Кто настоящие каторжане, так это родные твоего Федора. Мне сватья много порасказывала, пока к свадьбе вашей готовились. Там уж и впрямь наследственность.

Устинья жила дома, а мысли были далеко, на Дальнем Востоке. Вдруг Федор освободился и ждет ее там? Было желание оставить сына с матерью и поехать туда, но отец остудил ее пыл. Он посоветовал вначале узнать у родителей, нет ли каких известий о Федоре.

Встреча

Спустя неделю, Устинья решила съездить к его родителям в соседний район. На перекладных добралась до Большой Сосновы, потом пешком протопала больше десятка километров. День близился к вечеру. В деревне кое-где уже зажглись огни. Она пошла на первый огонек.

Хозяева сидели за столом. Гостью приняли радушно, как всегда было у русских людей. Усадили за стол. Только после ужина спросили, какая беда привела ее в деревню.

- Я ищу Бурдиных, - начала Устинья.

- Так у нас полдеревни Бурдиных, которые тебе нужны? Мы вот тоже Бурдины.

Когда она назвала имена и отчества родителей Федора, хозяева даже подпрыгнули.

- Так вот через дом от нас они и живут, - сказали в голос. -

Сынок у них с войны вернулся, правда, больной весь, но живой. Сейчас, вроде, отходит от всего. Он ведь сидел, говорят, ни за что, да, видно, выпустили...

Устинья вскочила, не дослушав, и даже не поблагодарив хозяев, опрометью выскочила из дома. Она не могла терпеть, хотелось скорее увидеть Федора. Не добежав до нужной избы несколько шагов, остановилась, перевела дух. Потом спокойно толкнула дверь. Собака, лежащая возле двери, даже ухом не повела, видимо, была старая.

Пройдя темные сени, остановилась в нерешительности. И в это время дверь открылась, оттуда вышла мать Федора. Ее Устинья видела только однажды на свадьбе, но запомнила.

- Ой, батюшки-светы! - запричитала хозяйка. - Мужики, да ведь нашлась потеря!

Женщина тащила невестку в дом, а сама все говорила и говорила. Из-за стола поднялся отец Федора, большой и грузный. Подошел к невестке, обнял ее, вытер набежавшую слезу.

- Что жизнь с людьми делает, - сказал и подтолкнул Устинью к столу, где сидел Федор, который все еще не верил, что перед ним жена.

Оба они были изрядно побиты жизнью, но не потеряли интерес к ней. Глядя друг на друга, замечали ранние морщинки, седину, появившуюся в волосах, но в глазах горел огонек, значит, жизнь продолжается.

- Устя, мне говорили, что у нас сын родился. Это правда? - с придыханием спросил Федор.

- Правда, Феденька, правда.

- Так где же он?

- У моих родителей. Я же поехала наобум. Ни разу здесь не была. От тебя ни слуху, ни духу, жив ты или все еще в лагере. А вот сейчас соседи ваши сказали, что ты с фронта вернулся, - Устинья говорила, все еще не веря, что муж рядом, что она держит его за руку.

- Ладно, потом поговорите, - хлопотала мать Федора, - давайте-ка за стол.

На другой день Бурдины отправились к сыну. Теща с тестем встретили зятя с радостью. Они и не чаяли видеть его живым.

Маленький Федя бросился к матери. Он с опаской смотрел на незнакомого прихрамывающего дядю, у которого одно плечо было выше другого. Устинье стало смешно, ведь точно так же сын и ее принял.

- Федя, а это твой папа, - произнесла, наконец, Устинья.

- Нет, мой папа военный, - ответил мальчишка. - Мне бабушка так говорила. А этот в простой одежде. Где у него форма и медали?

- Эко, какой ты быстрый. Все тебе подавай и сразу, - засмеялся Федор. - Будут тебе и медали, и ордена, но чуть позднее. А пока давай знакомиться, сынок.

Послесловие

Вот такая история. Жить Бурдины остались в нашем районе. Учили детей. Сын вырос, ходил в армию, стал строителем.

- Однажды Федя (сын) приехал к родителям в отпуск, - Анфиса Степановна улыбнулась и продолжала. - Вот мы с ним на танцах и познакомились. Я тогда на швейной фабрике работала, девчата в нашей компании веселые были, но он почему-то меня выбрал. Пышной свадьбы не было, зато веселья - хоть отбавляй. Я старше Феде на четыре года, но он на это внимания не обращал, я ростиком небольшая, да и весу во мне было всего-ничего. Жили мы всегда скромно. Жаль, детей нам Бог не дал. Хотели целую ораву, а получился только один ребенок.

- Почему Вы не рассказываете о судьбе своих родных? - спрашиваю женщину и замечаю, как она неопределенно пожимает плечами.

По ее словам, в их семье ничего интересного не было. Жили, как все, работали в колхозе. Отца на войну взяли, но он до фронта не доехал. За Москвой их поезд разбомбило, он жив остался, но левую кисть как корова языком слизала. Вернулся домой инвалидом войны. Мать полеводом была. По счастливой случайности не арестовали в их деревне никого.

- Сыну своему я всегда рассказывала о мужниных родных, даже

в школу меня однажды приглашали, когда он еще учился. Об этом молодым знать надобно, чтобы не повторился весь ужас, вот я к чему. Сколь умерших да погибших в тех лагерях-то было, не сочтешь. И все шито-крыто, был человек - и нет его. Как вот в таких условиях душу сберечь и себя не потерять? А уж Устинью Назаровну и Федора Михайловича, царствие им небесное, я очень уважала, можно сказать, боготворила. Они ко мне, как к дочери относились и берегли, за меня заступались. Если мой Федя-муж вдруг взбрыкнет, так на мою сторону вставали. Вот такие они были. Как же мне их не почитать? А уж с расспросами я постоянно к ним приставала. То одно просила повторить, то другое. Поди, приврала где, так не суди, по памяти говорю. Разве все упомнишь? Вижу, тебе тоже интересно, который раз заставляешь меня вспоминать все снова да ладом. Заходи, может, еще что припомню.

Я уходила из этого дома и в очередной раз думала, насколько «богатыми» на горестные события были поколения наших отцов и дедов. Однако многие из них, пройдя через такие испытания, не ожесточились, не потеряли в душе стержня, имя которому человечность.

2019г.

Осуществленная мечта

Для Ирины Ивановны Кузнецовой (на снимке), как, наверное, для каждого человека, день рождения - это праздник, но праздник с грустинкой. Все равно для себя приходится подводить какие-то итоги, и так хочется остановить время. Но время нам не подвластно.

Варя была ее первой и любимой куклой. Маленькая Ира уходила куда-нибудь в уголок и начинала ее лечить. Девочка видела, как делают уколы, компрессы, массажи, вот и она старалась все это проделывать со своей куклой. С медицинскими работниками человек встречается

с первых дней жизни, Ире тоже захотелось кого-нибудь лечить. Девочка была младшей в семье и, как водится, любимой для старших сестер.

В семье Чебашевых был культ учителя. Учителем работала мама Ирины - Евгения Александровна, учителями были мамы сестры и братья, военруком в школе был ее отец, Иван Александрович, вернувшийся с войны. А дети пошли другими дорогами. Вот и младшая дочка чаще всего играла не в школу, а в «больничку».

После восьмого класса Ирина решила поступать в медучилище. Поехала в Пермь, сдала документы. Перед началом вступительных экзаменов старшие сестры убедили девочку получить вначале среднее образование и поступать сразу в институт.

Быстро пролетели еще два года. Ирина училась хорошо, поэтому была уверена, что поступит. Но... полбалла решили судьбу.

Шесть человек на место. Не прошла по конкурсу. Обидно, когда мечте закрывают дорогу. В душе появились сомнения: «А мое ли это?»

Чтобы проверить себя, Ирина решила поработать санитаркой в детском отделении Оханской райбольницы. Желание лечить людей не исчезло, а наоборот укрепилось. Через год новая попытка поступления, которая оказалась успешной. Но, за что Ирина корила себя в течение всех лет учебы, так, пожалуй, за то, что документы сдала на санитарный факультет. Это сейчас можно сразу на несколько факультетов поступать, в то время такого еще не было. С ней рядом не оказалось никого, кто бы дал нужный совет.

Она училась спокойно, зная, что работой и жильем будет обеспечена. Конечно, червячок недовольства собой точил ее, одно дело лечить и совсем другое - быть санитарным врачом. После шести лет учебы Ирина не собиралась возвращаться в Оханск, но по распределению попала именно сюда, на свободную вакансию. Начала работать в санэпидемстанции под руководством Л.А. Буклаева. Девушку теперь величали по имени-отчеству, Ириной Ивановной. Она вышла замуж, сменила фамилию на Кузнецову.

Однажды ее вызвал к себе главный врач больницы Козлов Л.В. и спросил прямо, нет ли у нее желания стать лечащим врачом. У нее в душе поднялась волна радости, но к ней примешивалось и чувство тревоги, сможет ли.

И вот после учебы в алтайском Новокузнецке И.И. Кузнецова вернулась в нашу больницу уже врачом-инфекционистом.

Ее тепло приняли сотрудники инфекционного отделения. Там трудился замечательный персонал, все медсестры с огромным стажем работы. Они подсказывали молодому доктору, как и что правильно делать, и она не стыдилась этого, наоборот, принимала помощь и впитывала эти знания и опыт.

- Я даже не могу описать, насколько мне было сложно в первые месяцы работы. Специальности врачебные, вроде, и похожие, но столько подводных камней... - рассказывает Ирина Ивановна. - На всю жизнь запомнила случай, как молодая женщина - моя ровесница, ушла из жизни от гепатита В. Она работала воспитателем

детского дома. И обращение было поздним, и болезнь протекала скоротечно. Для меня это был такой стресс. Я не смогла спасти человека! Не хотелось идти на работу. Для меня было неважно, что эта болезнь была еще недостаточно изучена и прививки от нее не делали. Коллектив помог прийти в себя, поддержал. И я очень благодарна за это своему первому персоналу инфекционного отделения. Мне потом их часто не хватало.

А еще Ирина Ивановна помнит массовое отравление детей в одном из пионерских лагерей. Они поехали в цирк и, не доезжая Табор, сразу нескольким ребятам стало плохо. Чуть позже рвота началась и у остальных. Срочно всех доставили в больницу. Мест в отделении не хватало, поэтому детей устроили прямо на веранде. Массовое отравление.

- Меня тогда удивило то, что медсестры всех отделений больницы приняли это как собственную трагедию, - продолжает И.И. Кузнецова. - Они со всей больницы носили матрасы, помогали ставить капельницы, дежурили возле детей. Несколько человек были довольно тяжелыми. Сообща удалось быстро локализовать токсикоинфекцию.

В районе не раз случались вспышки то дизентерии, то гепатита или иных инфекционных заболеваний, тогда врачи выезжал в очаги. Бывали периоды, когда ее собственные дети не видели по-настоящему свою маму, потому что она была занята на работе. Ирина Ивановна переживала за больных, к этому еще примешивалось чувство страха за своих детей, которых у Кузнецовых трое.

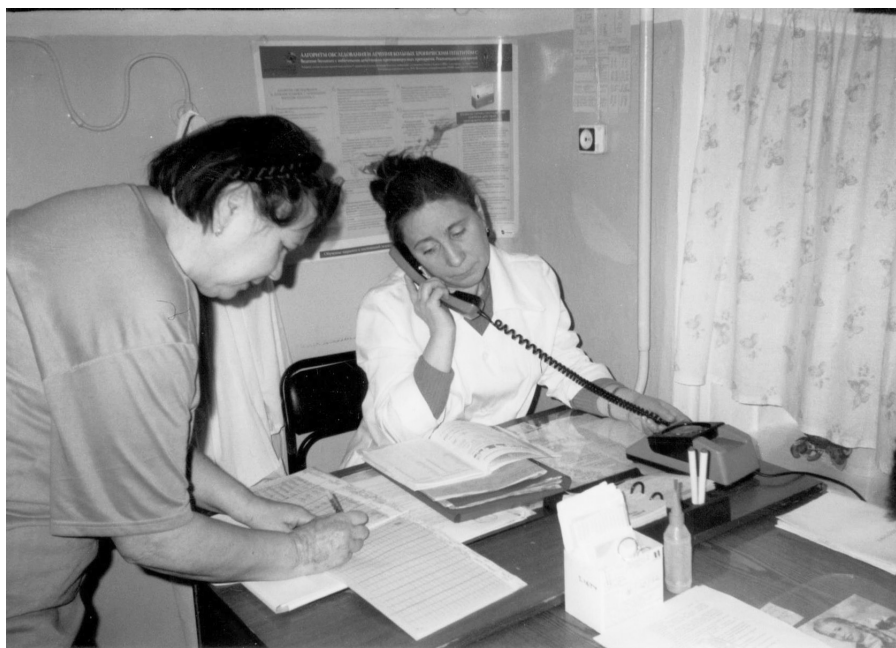
Сейчас все дети уже взрослые. Михаил окончил технологический институт, работает в ООО «Айсбери» торговым представителем. Надежда после окончания Пермского классического университета трудится учителем английского языка в Оханской средней школе. Младшая дочь Анна пошла по стопам мамы, подалась в медицину. Она окончила медакадемию в Перми и стала детским стоматологом.

Незаметно пробежали 35 лет для врача-инфекциониста. И, оглядываясь назад, И.И. Кузнецова не жалеет о том, что сделано, ведь ее мечта - стать врачом, осуществилась. Она помнит, как

волновалась, участвуя в краевом конкурсе по санпросветработе, где заняла тогда первое место. Помнит, с каким трепетом получала Грамоту министерства здравоохранения России. Все это хранит память.

По словам сослуживцев, Ирину Ивановну отличают такие качества, как терпение, тактичность, стремление довести начатое до конца, поэтому не случайно она десять лет была заместителем главного врача Оханской райбольницы по организации медицинской работы с населением. Кроме того, И.И. Кузнецова является членом совета ветеранов больницы. Как отметила председатель ветеранской организации О.И. Русскова, Ирина Ивановна - человек деловой, надежный, ответственный, в то же время скромный, непритязательный и тактичный. Да к тому же прекрасная жена и мать, с ней всегда семье тепло и уютно.

2017г.

Рабочий момент. Оханская ЦРБ.

Откровения старого пса

Я - обыкновенный двортерьер без всякой родословной. Меня взяли от матери еще щенком. Была весна, по ночам довольно холодно, поэтому первое время я жил в доме, а когда начали распускаться деревья, для меня построили во дворе будку. В ней я и доживаю свой век. Назвали меня Тюбиком, правда, потом новая хозяйка переименовала в Тобика.

Мне жилось неплохо, со мной гуляли, меня кормили. Сильно не ругали, если я грыз все, что плохо лежало. Когда повзрослел, отпускали со двора одного, обычно ночью, а к утру я стоял у калитки и ждал, когда кто-то пойдет на работу, чтобы заскочить во двор и исполнять свой собачий долг в отсутствие хозяев.

Что же случилось со мной? Не могу вспомнить. Иду по улице, запахи напоминают город, где я жил. Может быть, это он и есть, но память никак не хочет просыпаться. Вижу, вроде бы, знакомые и в то же время незнакомые здания. Устал. Прилягу, отдохну на обочинке. Как только ложусь, сразу в голову лезет мое далекое прошлое. А что было вчера, не знаю.

Нет, я не жалуюсь на свое житье-бытье. Ко мне относились вполне по-человечески, зря не ругали и не били, мальчишки со мной играли.

Помню, у моих первых хозяев было две кошки, я с ними подружился, они не боялись залезать в мою конуру, особенно в жаркие дни или во время дождя. Да, собственно, и других кошек я не трогал, если они сами ко мне не приставали. Однажды соседская сиамская кошка чуть глаза мне не выцарапала. За что? Сама ко мне подошла, легла рядом, потом давай кататься по песку, отгребать его задними лапами, и все мне в морду полетело.

Я не потерпел такую наглость и рыкнул на нее по-собачьи. А она встала в «стойку» и на меня, еле успел отскочить, правда, по лапе когтями все-таки прошлась, пришлось потомлизывать, хорошо, что глаза не выцарапала. Тут же соседка из-за забора меня по-всякому обозвала, да еще бросила в меня какой-то палкой. Я и на нее «собаку спустил». Потом она хозяевам моим жаловалась, что я, мол, чуть не разорвал ее любимую кошечку. Да пошла эта

кошечка... Я выше всяких предрассудков, со слабыми не связываюсь, тем более, с кошками, и бегать за ними не собираюсь.

А что было дальше? Вроде, жизнь текла по накатанной колее. Однажды, это было весной, я влюбился в вислоухую собаченцию, которую каждый день мимо нашего двора водили мужчина или мальчик. Она была всегда причесанная, вся такая ладная, а я со своей свалывшейся шерстью, конечно, в подметки ей не годился. Так хотелось, чтобы она на меня внимание обратила. Хозяева были хорошими людьми, аккуратными, только причесать меня ни разу не догадались. Зачем нужна прическа дворовому псу?

Иногда хозяин брал меня с собой на рыбалку. У пруда я испытывал такой щенячий восторг, бегал, прыгал, лаял, пока меня не осаждали, приказывая сесть и ждать. Я хоть и двортерьер, но команды понимаю. Сижу, бывало, мух ловлю, зеваю, скука смертная. Однажды вспомнил, что мне надо свой внешний вид «обновить», чтобы собаченция меня заметила. Тихонько спустился к пруду подальше от рыбаков, поплавал, пока не замерз, и лег сушиться под солнышком на одежду хозяина. Не ложиться же на землю, все-таки «даме» хочу понравиться.

Увидев эту картину, хозяин как начал меня материть, я сразу понял, что-то не так. Вскочил и отбежал подальше, в кусты, а там репейник. Репьи пристали ко мне намертво, я которые-то достал зубами вместе с шерстью, а до каких-то мест не смог дотянуться. Понял, что понравиться «даме» в таком виде я не смогу. И от отчаяния бухнулся прямо на землю, будь, что будет!

Клев в тот день был хороший, хозяин подобрел, даже репьи с меня убрал, а потом заставил снова лезть в воду, чтобы смыть землю. Такой мокрый я и пошел домой. И надо же было встретиться с той, кого я очень хотел видеть. Она гуляла с мальчиком. Когда мой хозяин остановился у газетного киоска, вислоухая подошла ко мне и начала обнюхивать. У меня, скажу честно, в носу защипало от обилия нежности к этому созданию, я весь напрягся в ожидании. А мальчик потянул поводок и потащил собаку за собой. Я, было, двинулся следом, но окрик хозяина меня остановил - должен подчиняться. Больше вислоухую я никогда не видел.

Новые хозяева

Пролетело несколько лет. Все текло своим чередом. И вдруг мне показалось, что хозяева мои куда-то собираются. Выносили во двор упакованные вещи, мебель. К ним заходили незнакомые люди, осматривали дом, стучали по стенам, мужчины залезали на крышу. Не мог я понять, что происходит, но чутье подсказывало - грядут перемены в моей собачьей жизни.

Когда подъехала машина и началась погрузка, я начал потихоньку скулить. Меня-то куда? Я же верой и правдой исполнял свой долг, любил всех домочадцев, а теперь, выходит, меня бросают на произвол судьбы? Хозяин подошел ко мне, потрепал по загривку, сказав «Прости!» Рядом с ним была чужая женщина. Он сказал, что теперь мне предстоит охранять ее, потому что она остается жить в этом доме. Вместе с женщиной поселился мальчик-подросток.

Помню, что в первые дни я очень тосковал, даже плакал, не хотелось ни есть, гулять, ни лаять. Кто теперь будет водить меня на рыбалку? Когда меня отпустили со двора в «свободное плавание», я ударился в бега. Летал по всему городу, как ветер, гонялся за листьями, участвовал в собачьих потасовках, спал под кустами.

Ближе к осени уже захотелось тепла, да и отощал изрядно, поэтому без всякой надежды побрел я к своему дому. Калитка была открыта настежь. Я возвестил о своем возвращении громким лаем. Меня не выгнали, приняли, накормили и даже не отругали. Потом я отсыпался долго.

На цепи я не сидел. Хозяйка отпускала меня на улицу поздно вечером, чтобы я усмирил свои природные потребности. Обычно мы собирались стаями, которые возникали стихийно. Люди нас боялись и шарахались. Некоторые собаки бросались на людей, видимо, досталось им в жизни от двуногих хозяев. Я ни на кого не бросался, но однажды отбил девочку с котенком на руках. Я же уважаю кошек, зря не нападу на них, а тут котенок... Как только пес побежал к девочке, я кинулся ему наперерез. Он был мощнее меня, моложе, но как еще я мог защитить невинное животное? Мы сцепились в схватке, после которой мое ухо оказалось разо-

дранным, а на боках зияли раны. Когда очнулся, ни девочки, ни котенка уже не было. Я с трудом дополз до дома.

Хозяйка меня лечила, ветеринара позвала, я к этому спокойно отнесся. Но как только отлегло, снова запросился на улицу, свободы хотелось. Вот тогда ко мне прибилась маленькая собачонка, лохматая, непонятного цвета. Она постоянно прижималась к моему боку, словно к печке. И когда мы отдыхали на полянке, она тут же ложилась рядом. Я ее защищал от больших собак, насколько было возможно, согревал своим телом, делился добычей.

Усыпили, но не убили

А потом... Даже вспоминать не хочется. Была большая буча. Мы дрались свора на свору, не помню, из-за чего произошла потасовка. Но в какой-то момент я почувствовал, как что-то сильно кольнуло в правый бок. И все, тишина. Никто не заметил машину, которая отстреливала бездомных собак. На мне не было тогда ошейника.

Нет, я не умер. Очнулся в незнакомой конуре, обнесенной металлической сеткой. Увидел миску с кормом, но есть не хотелось. Снова потянуло в сон. За что меня так наказали, лучше бы я не просыпался. Утром ко мне подошли незнакомые люди. Осматривали меня, даже в рот заглянули, и я принял это как унижение, ведь даже хозяйева не позволяли себе такого, а тут неизвестно кто. К сожалению, у меня просто не было сил их оттолкнуть.

На другой день меня занесли в здание, положили на стол. В этот момент я мысленно простился с жизнью и свободой, которую любил больше всего на свете. И опять почувствовал, как меня укололи, и я снова провалился в сон. Сколько проспал, не знаю. Очнулся в той же конуре с сеткой, на ухе оказалась какая-то блямба, болела вся задняя часть туловища и лапы отказывались двигаться. На следующий день мне стало получше, и я даже встал на лапы, но еще качался. Блямбу с уха пытался снять, но ничего не получилось. Возле клетки постоянно проходили какие-то люди, но на меня никто внимания не обращал. Кому нужен старый пес? Действительно, сколько мне лет, не знаю, никогда об этом не задумывался.

Через несколько дней меня опять везли. Куда, зачем? Высадили в незнакомой, как мне показалось, местности.

И вот я бреду, не зная куда, тоска разъедает мозг. В одном из мусорных баков нашел кое-что съестное, попил из лужи воды. Примыкать к стаям не хотелось. Грезил о спокойной жизни, но, видимо, таковой я лишился навсегда. После того, как меня усыпляли, а потом снова держали под наркозом, что-то с памятью моей стало.

Иногда ощущаю знакомые запахи, только понять не могу, откуда они исходят. В один прекрасный день я просто сидел у перехода. Люди шли через дорогу туда-сюда. И вдруг я почувствовал всем своим собачьим нутром, что впереди движется родное мне существо. Это была женщина, да, та самая, у которой я жил, я ее узнал! И она узнала меня. Из глаз моих непроизвольно потекли слезы. Я плакал второй раз в жизни.

- Тобик, ты что тут делаешь? - спросила она. - Я думала, что никогда больше тебя не увижу. - А мне хотелось броситься ей на шею. Я взвизгивал от радости и прыгал, хоть мне это еще плохо удавалось.

Женщина привела меня во двор, накормила и ушла. Кто бы знал, с каким наслаждением я отдыхал в родной будке. В этот момент я любил всех, и мне снова захотелось жить.

Вот такая история со мной приключилась. Как оказалось, собачники, что меня усыпили, увезли таких, как я, бедолаг, в какой-то приют. Там ветеринар осмотрел, лишил меня мужского достоинства. Из-за почтительного возраста меня никто не «усыновил», собачники привезли меня обратно туда, откуда взяли, в родной город. Если бы случайно меня не увидела бывшая хозяйка, я бы, наверное, погиб.

Вот так и доживаю свой век. На улицу уже не тянет, на «дам» не смотрю, дружу с хозяйской кошкой и цыплятами, появившимися недавно во дворе. Охраняю их от всяких коршунов, ястребов и других, охочих до нежного мяса, особей.

2021г.

Оханск стал второй родиной

Историю любого населенного пункта делают люди, старые и молодые, добрые и не очень, оптимисты, активисты и пессимисты в том числе. Только разница между ними та, что одни, прожив короткую, но яркую жизнь, оставляют о себе память на века, другие только коптят небо, про них в народе говорят: «Ни богу свечка, ни черту кочерга», а третьи и живут долго, и делают для своего края столько полезного, что никакой мерой не измерить их вклад в общее дело.

Л.Г.Хадеева. 2006г.

О человеке, которого с полным правом можно назвать долгожителем, я и поведу речь сегодня. Совсем недавно этой женщине исполнилось 90 лет. Много? Конечно! Надо учесть, что она в полном здравии и крепкой памяти.

В Оханске Лидия Гареевна Хадеева появилась в 1949 году. Муж был назначен главным лесничим, а жене места в лесхозе не нашлось. На руках трое маленьких детей, надо было кормить и одевать их. Руки у Лидии Гареевны золотые, чего только она не умела, за что ни бралась, все получалось. Пошла в Дом пионеров руководителем кружка рукоделия, потом уговорили заниматься с девочками третьего детского дома, а тут еще в учительском институте предложили лекторий читать - так и бегала по трем ра-

ботам. О собственных детях не забывала. Она сама научила их с раннего детства играть в шахматы. Обычно на печке они расставляли фигуры, испытанием для проигравшего считалось спуститься с печки вниз, где было довольно холодно.

Когда открылась школа-интернат, Лидию Гареевну пригласили на место преподавателя труда. Вот так девочка из татарского села Барды стала педагогом. Да еще каким! Ее уроки любили, тем более что все, чему она учила, пригодилось в жизни ее воспитанникам.

В начале 70-х жизнь сделала крутой поворот. Появилась вакансия в лесхозе. С каким удовольствием она вернулась в родную стихию! Сама проектировала базовый питомник, сидела над чертежами, объезжала леса.

- Однажды клещ в меня впился, да не один, - рассказывает Л.Г. Хадеева, - приехала в больницу, взяла меня в оборот Козлова Нина Алексеевна, клещи оказались энцефалитными. Только сейчас я это по-настоящему оценила. Она мне вводила что-то и говорила: «Голова у тебя не будет в старости болеть». И, правда, 90 лет мне, а голова «чистая». Не умеем мы ценить людей, их доброту. Вокруг меня всегда было полно хороших людей, они столько успели полезного сделать за свою жизнь! Это и Коротаяева Лидия Петровна, и Шторц Вера Робертовна, и Банников Николай Васильевич, и много-много других. В лесхозе тоже сотрудники хорошие. Они каждый год приезжают ко мне с подарками.

Права Лидия Гареевна, хороших людей много, только она забыла себя причислить к ним. Будучи 12-летней девочкой, покинула она родной дом. Потом работа в прислугах, учеба в лесотехническом техникуме, замужество, распределение в Казахстан. Репрессии не коснулись ее своим черным крылом, но отец ее, ставший основателем Бардымской школы, был сослан на шахту. В боях с фашистами она не участвовала, но в первый месяц войны взяли на фронт ее мужа, а вернулся он покалеченным. Бывало, сыновья в бане спрашивали у него: «Почему, папа, у Вас сзади полоски, а мяса нет?» На что он всегда отвечал шуткой: «А мясо я Гитлеру на пельмени оставил». Кстати, больше я не встречала семьи, где

бы дети с малолетства называли родителей уважительно на «Вы».

Лидия Гареевна, не смотря на свою занятость, вела общественную работу. Она из числа тех, кто более 30 лет назад организовал первые выставки цветов. Эта женщина вообще любит растения, до сих пор ухаживает за грядками, не счесть, сколько деревьев обязаны ей своей жизнью. На окне у нее рядом с цветами растут лимон и апельсин.

- Меня цветы и лечат, - признается Лидия Гареевна, - я ничем не болела кроме энцефалита.

- Я не согласна со многим, что сделал Ельцин, - говорит она о переменах, произошедших в стране, - но благодарна ему за то, что он вернул мне дочь, которая жила в Узбекистане. Если бы не это, до сих пор одна бы куковала в пустой квартире.

У нее достойные дети, замечательные внуки и прекрасные правнуки, она всех их обвязывает, кому свитер, кому - кофточку, кому - костюмчик. Греют бабушкины изделия, ведь она в них вкладывает частичку своей щедрой души.

- Самая моя большая радость - это когда близкие мои радуются, когда все у них хорошо, - сказала мне на прощание Лидия Гареевна.

Она и вправду неординарный человек. Поражает ее аккуратность и скрупулезность. Вот уже более 30 лет она ежедневно записывает погоду, температуру, влажность, скорость ветра и так далее. Два тома уже записаны, подходит к концу третий. У нее есть альбом, где хранятся характеристики, документы, справки различные, фотографии - своего рода, история семьи, которая обязательно будет востребована потомками. Скромность, добропорядочность и аккуратность - вот кредо Лидии Гареевны Хадеевой.

2006г.

Подорвался, НО ОСТАЛСЯ ЖИТЬ

Для Александра Григорьевича Милашина война слилась в один длинный день, от начала и до возвращения домой.

Последняя разведка

Разведчики ползли по вражеской территории, не чувствуя холода. Срочно нужен был язык, и не какой-нибудь, а чином как можно выше. Добрались на довольно близкое расстояние от укрепленного участка немецкой обороны. Следовало понаблюдать за постами. Ребята залегли.

- Сашка, что ты будешь делать, когда домой вернешься? - спросил Милашина шепотом сибиряк, лежащий рядом. Родом он был из Читы,

здоровый, сильный, хвастал всегда, что на тигра ходил, потому и в разведку попал.

- Вот встречу новый год под Берлином, потом женюсь, наверное, - ответил Милашин. - Работать в колхоз пойду, у нас в деревне другой работы нет. Все колхозники.

- А я хочу мир увидеть. Сейчас в какую страну ни зайдем, все разрушено. Это не то. Хочу увидеть отстроенные города во всей красе.

- Ну, до этого еще надо дожить, - задумчиво произнес Александр. - Лет 20 пройдет, прежде чем все это отстроится. А перво-наперво башку Гитлеру надо свернуть, да сравнять с землей все это фашистское государство...

**А.Г.Милашин
в годы войны.**

- Не прав ты, Сашка, - горячо воскликнул сибиряк. - В Германии такие мировые сокровища хранятся! А ты - сравнивать с землей...

- Тихо вы, черти! - шикнул на них старший лейтенант. - Приготовились!

Два разведчика поползли в обход, трое остались ждать в кустарнике, а Милашин вместе с сибиряком и лейтенантом направились прямо к окопу и застыли, дожидаясь тех двоих, чтобы в любую минуту прийти им на помощь.

Немцы время от времени пускали осветительные ракеты. Ночь выдалась ветреная, поэтому, кроме постовых, никого в окопе не было. Но нужен был офицер. Наконец, дождались. Из двери выкатился, именно выкатился, какой-то чин. Вначале появился живот, потом ноги и все остальное. Скорей всего, это был какой-нибудь проверяющий или тот, кто привез документ о готовящемся наступлении. Вот на него-то и нацелились наши разведчики.

Толстячка скрутить удалось довольно быстро, хуже было с постовыми, один из них наделал шуму, успел крикнуть. Надо было уносить ноги. В небо взвились ракеты. Возвращаться по старому короткому пути не было смысла, и ребята, завернув в белый маскхалат немца, поползли в другую сторону.

Фашист кряхтел, пыхтел, через кляп доносилось его приглушенное дыхание. Наконец, достигли рожицы, где можно было встать во весь рост. Прошли рощу, теперь путь шел по открытому месту. Сибиряк с двумя разведчиками шли впереди, за ними метрах в 50-ти лейтенант с Милашиным вели немца, остальные члены группы следовали сзади на почтительном расстоянии.

Уже занималось утро, видны были наши окопы, когда неожиданно раздался взрыв. Первые разведчики проскочили, на мину наступил фашист. Все троих разбросало в разные стороны. Для Милашина наступила полная темнота. Его и старшего лейтенанта товарищи притащили на свои позиции, чтобы похоронить достойно.

Совсем случайно кто-то услышал стон Александра и закричал: «Ребята, да он живой!» Его живот представлял сплошное крова-

вое месиво вперемежку с минными осколками, но человек дышал, и его срочно отвезли в медсанбат. Не пришлось ему встретить новый 1945 год под Берлином, как мечталось.

Кремлевская служба

Он пришел в сознание после первой операции и сам не поверил, что жив.

- Ну, что, смертник, раз не умер сразу, значит, будем жить? - спросил его доктор. - Молодец, сильный у тебя организм. Но перетерпеть придется еще многое, и операция не одна потребуется. Так что, держись!

Ему долго не разрешали вставать, он лежал и размышлял, как жить дальше. По радио в палате он слышал, что советские войска отвоёвывают один европейский город за другим, и все ближе к логову «зверя». Завидовал тем, кто бьет фашистов. Надо же! Пять раз был ранен и ничего, вернулся в строй, а на шестой все нутро разворотило.

Что видел он в свои 24 года? Родился и жил в своей деревне Кропачихе, ходил в школу, работал в колхозе, рыбачил. Когда в армию призвали, впервые увидел областной центр, а пока ехал до Москвы, понял, насколько огромна наша страна. Проходил действительную службу в Москве, при Кремле. Видел все правительство страны, но более всего прикипел сердцем к К.Е.Ворошилову.

Такая «высокая служба» требовала и высоких результатов. Военнослужащие постоянно занимались самообразованием и спортом, с большим желанием ходили в спортзал. Однажды Александр не рассчитал свои силы, выполняя упражнение на гимнастических кольцах, не удержался и неудачно упал с высоты. Как ему сказали - оборвалась почка. Ее подшили, и дали парню месячный отпуск домой.

Вернулся отпускник в часть за неделю до начала войны. Известие о нападении фашистской Германии принял с горечью, до демобилизации оставалось совсем немного. Потом начались эвакуационные работы по отправке правительства и их семей из Москвы в Куйбышев. Враг стремительно приближался к столице.

Милашин и многие его сослуживцы написали рапорты с просьбой отправить их на фронт. Просьбы добровольцев позже были удовлетворены.

Западный фронт, 70-й корпус 139 дивизии 718 стрелкового полка. Там сражался старший сержант Александр Милашин. Его сразу взяли в разведку, как обладающего приемами рукопашной борьбы. Свою первую награду, медаль «За отвагу» он получил в 1943 году, тогда же вступил в партию. Потом был орден Красной Звезды, за ним орден Славы третьей степени, именной пистолет, а орден Великой Отечественной войны второй степени нашел его уже в госпитале. Но больше всего он ценил знак «Отличный разведчик» СССР.

Назначения

Из госпиталя А.Г.Милашин вышел, что называется, с «волчьим билетом», инвалидом первой группы. Ехал домой и не представлял, что будет делать, не сидеть же на шее родителей, воспитавших, кроме него еще шестерых детей.

В Оханске зашел в райком партии, чтобы встать на учет, как положено. Руководящих кадров тогда в районе не хватало, и ему предложили для начала возглавить мастерскую имени Крупской - предшественницу будущего быткомбината. Через год новое назначение - в деревню Сапоги руководить Домом инвалидов.

К тому времени у него уже появилась семья, а женился он на дочери первого директора Горюхалихинской ГЭС, Тамаре Андреевне Болотовой. И все-таки его тянуло в родную Кропачиху. Он не раз намекал об этом руководству. Наконец, получил-таки должность в своей деревне - председателя колхоза «Красная Звезда». И в поле, и на ферме одни женщины, старики и подростки,

потому что только единицы фронтовиков вернулись с победой домой. Несмотря на это, колхоз прилагал все силы на выполнение государственного плана. Ничего удивительного, что колхозы начали объединяться в более крупные хозяйства.

Несколько серьезных операций перенес Александр Григорьевич после войны, на нем живого места не было - все изрезано. Но человек продолжал работать, потому что дома восемь ребятишек, все есть хотят. Трудно жила семья. Некоторые удивлялись, как Милашины все умещаются в крохотном домике на три окошка. Это потом они поменяли его на более просторный, но тоже небольшой. Глава семьи очень любил рыбалку, и, если бы не рыба, не прокормить бы детей.

Вместе с тем положительным, что принес с фронта Милашин, было и такое, от чего можно было впасть в уныние. Начал пить. На войне разведчикам после вылазок положен был спирт. Так и привык он заглушать спиртным любую боль, любую передрыгу в жизни. На работу он был хватким, и детей брал с собой. Его жена была домохозяйкой до тех пор, пока самые младшие дети не подросли. Она только и успевала варить еду и кормить свою ораву. Ребятишки с раннего возраста умели ухаживать за скотиной, работать в огороде, помогать младшим и так далее. Трудолюбивыми выросли дети. А хозяин освоил швейную машинку, сам шил рукавицы и много чего, что требовалось для хозяйства.

По характеру Александр Григорьевич Милашин был заводным, азартным. Несмотря на тяжелое ранение, бывало, еще и бороться на острожский угор выходил, его боялись, так как он знал множество приемов, которыми не владели деревенские мужики.

Из жизни он ушел рано, в 53 года, но зато, как сам говорил, не сидел, сложа руки, и не лелеял собственные раны, работал и какую-никакую пользу приносил людям. Так и воевал до конца дней, вначале с врагами, а потом с болью, нуждой и чиновничьи-ми препонами.

После укрупнения колхозов перебралась семья в Острожку, где до сих пор живут дети Милашина А.Г.

2020г.

Поросячий рай

Аккуратный деревенский домик ярко-оранжевого цвета встретил нас спокойной летней тишиной. Перед домом развалилась черная собака, спрятавшись в тени. На скамеечке играют дети, а рядом негромко разговаривают взрослые.

Даже как-то странно, мы приехали в частное хозяйство по разведению свиней, а тут тихо, и поросят не слышно. Познакомились. Семья Колывановых, Любовь Валерьевна и Алексей Валерьевич (на снимке).

Не сразу, не вдруг взяли они за основу семейного бизнеса разведение свиней. Они жители деревенские, скотину держали всегда. И корова была, и куры, круглый год свое мясо.

- Когда я сидела с младшим ребенком, - рассказывает Любовь Валерьевна, - мою ставку диспетчера наполовину сократили. Получать две тысячи в месяц меня не устраивало. Что если увеличить поголовье животных и заняться напрямую свиноводством? Посоветовавшись с мужем, решила работу оставить. Мы обычно держали по несколько свиней, излишки мяса продавали, поэтому опыт уже был. По крайней мере, реальный заработок, тем более что Центр занятости самозанятость одобрял. Вот так и стала частным предпринимателем.

- Оформили документы на жену, но, в самом деле, работает вся

семья, - вступил в разговор Алексей Валерьевич. - Сегодня у нас 50 голов. Не скажу, что очень трудно, но хозяйство спать не дает. Сейчас у животных тихий час, потому и затишье.

Как и многие начинающие предприниматели, Колывановы получили помощь от государства в 58 тысяч рублей. Как они сказали, на эти деньги сделали ремонт хлева, купили дополнительно поросят, остальное потратили на комбикорма. Ежемесячно на комбикорма уходит 33-40 тысяч рублей, а без этих добавок поросята намного медленнее развиваются.

* * *

Семье Колывановых 20 лет. Друг друга супруги уважают, это видно и внешне, они сохранили чистоту еще юношеских отношений. Учились в одном классе, потом сыграли свадьбу. Родовались рождению первенца, за ним последовал второй. И когда совсем не ждали, вдруг оказалось, что снова будет ребенок. И снова мальчик! Злые языки поговаривали, мол, из-за материнского капитала решились на третьего. Ну, да на каждый роток не накинешь платок.

Вроде бы, жизнь налаживалась, но тут неожиданная потеря старшего сына. Как не лишиться чувств родителям? От нервного срыва их спас двухлетний Павлик, который не давал лишний раз задумываться, с ним всегда надо быть начеку. Шустрый паренек растет. В этом году средний сын окончил школу, пойдет учиться, а с маленьким не заскучаешь. Он всегда вместе с папой. Алексей Валерьевич считает, что лучшая жизненная школа для ребенка - это пример родителей.

В настоящее время Алексей Валерьевич - оператор газовых котельных, выучился в группе Центра занятости населения. Теперь намного облегчился труд операторов. На котельных установлена автоматика, поэтому главное - наблюдение за приборами.

- Чтобы привезти сено, комбикорма или геркулес для малышей, мы заказываем «Газель» в Очере, и нам привозят. Расплачиваемся на месте, - говорит Любовь Валерьевна. - Очень удобно, нет необходимости самим куда-то ехать. А то, что касается отходов, то они тоже идут в дело, хоть свиной навоз не так богат микро-

элементами, как, предположим, конский или от КРС, но и он пригоден для огорода, особенно когда перегнет вместе с опилками, которые мы используем на подстилку животным. Так что, можно сказать, производство у нас безотходное.

- Стараемся все делать самостоятельно, - добавляет муж, - Даже кастрацию проводим сами, а также уколы, не считая обязательных, от рожи и чумы, про витамины не забываем. Редко к ветеринару обращаемся.

- А куда сбываете мясо? - спрашиваю Колывановых.

- У нас постоянные клиенты, которые берут не килограммами, а целыми тушами или четвертями. В любое время года забиваем, если есть заказы. Свиной разводим мясной породы, чтобы мясо было не очень жирным. Клиентом нашим является и Острожское сельпо. Мы дорожим своей репутацией, и портить отношения с кем бы то ни было не в наших правилах.

Мне не терпелось посмотреть на поросят. Мы прошли через огород, где порядок, как в танковых войсках, все на своем месте. В теплице краснеют помидоры и баклажаны, которые семья употребляет еще с июня. Перед окнами мини-бассейн из огромного колеса, в котором можно и утонуть. Чуть дальше растет большой кедр, на нем впервые нынче появились шишки, значит, с орехами будет семья.

Наконец, подошли к свинарнику. Ух, ты! Какие свиньи! Белые, темно-коричневые, рыжие, даже в горошек, лежат в рядочек, как на параде, пристроившись друг за другом. Спят. Стоило хозяин громко крикнуть, почти все, кроме одной, соскочили и забежали, видимо, искали спросонья пятый угол. А та, что осталась на месте, возле самой стенки, лениво открыла один глаз и, презрительно хрюкнув, снова захрапела. Алексей Валерьевич бросил свиньям пучок травы, те бросились к нему наперегонки. Уши у них, скажу вам, огромные, как лопухи, даже глаза закрывают. Беспокойные существа эти парнокопытные, их даже сфотографировать невозможно, они постоянно в движении, если не считать лежащую свинью.

Отдельно от взрослых особей содержатся малыши. Они спокойно бродят по загону, тычутся рыльцами друг о друга и чуть

слышно похрюкивают. Есть еще и «подростки», в общем, в хозяйстве животные разного возраста и размера.

* * *

Во дворе Колывановых всякая техника, взрослая и детская. Младший сынишка «осваивает» все потихоньку. Когда я спросила, ездил ли он на тракторе, мальчик быстро забрался в кабину и сел за штурвал. Даже если и сам не умеет

Младший сын Колывановых больше всего любит технику. пока, то с отцом, точно, ездил.

Приятное впечатление произвела на меня эта семья. Простые скромные люди. Они не задаются, работают. Все необходимое имеют. Есть ли у них завистники? Наверное, есть, но не обращают внимания на них Колывановы, трудятся, не покладая рук, они знают, каким трудом создается достаток.

- Все вокруг говорят: «Бизнес, бизнес...» Модным стало слово. В моем понимании, это когда человек миллионами ворочает - вот то бизнес, а мы свиноводством занялись, чтобы самим выжить и дать детям достойное образование, - сказал на прощание хозяин.

- Пока можем, пока есть силы, будем работать, - поддержала его Любовь Валерьевна.

Удачи вам, Колывановы, и успешного продвижения всех ваших планов и задумок.

2011г.

Прости меня, Женька!

Кто бы мог подумать, что в нашу глубинку проникнет такое зло, как наркомания?

Жила девочка. Тихая, скромная, с крепкими нравственными устоями. Не пощадила ее жизнь, заставив влипнуть в эту грязь.

Марина Васильевна творила квашню, когда неожиданно громко раздался телефонный звонок.

- Междугородка! - екнуло сердце. К таким звонкам она всегда относилась с опаской, потому что в последние годы они приносили ей только горе.

- Марина Васильевна, - послышалось на том конце провода. - Скажите пожалуйста, Вы знакомы с Натальей Денисовной Сыпачевой?

- А с кем я разговариваю? - машинально спросила женщина.

- Извините, я не представился. Капитан Воронин. Районный отдел милиции города Перми

- Да, я слушаю, - твердым голосом ответила она.

- Ваша знакомая попала в беду. Приезжайте, - и трубку положили.

Марина Васильевна силилась понять, о ком шла речь. Да, она знала Наташу Сыпачеву, но при чем здесь милиция? Наташка приходилась ей родственницей по мужу. Спокойная, скромная девушка. Она три года жила у них, пока заканчивала старшие классы средней школы. Потом поехала учиться. У Марины Васильевны было два сына, поэтому Наташку она полюбила, как дочь. И девочка, не видя дома ласки, потянулась к ней.

* * *

Наташа находилась в палате одна. Марину Васильевну поразила бледность девушки. Она осторожно подошла к кровати, присела на стоящий возле табурет. Еще ничего не зная, терялась в догадках, что за болезнь свалила Наташку.

За окном грянул гром, налетевший ветер застучал форточкой.

Наташа простонала, повернула голову набок и неожиданно увидела Марину Васильевну.

- Тетя Марина, - одними губами прошептала девушка, и глаза ее наполнились влагой.

В этот момент зашел доктор. Он одобряюще улыбнулся своей пациентке:

- Наташа, о чем мы вчера договорились? Не вспоминать о плохом. Держись молодцом, а я с твоей мамой побеседую.

Доктор осторожно взял Марину Васильевну за локоть и вывел из палаты.

- Я, собственно, не мать Наташи, а дальняя родственница, - сказала она врачу, - но эта девочка мне очень дорога.

- А где мать?

- У себя дома, в деревне. Но, понимаете, если что-то серьезное с Наташей, мать не в состоянии поддержать ее ни физически, ни морально.

- Понятно. Что ж, коли никого нет роднее, буду говорить с Вами. Так вот, Наташу удалось спасти чудом. Передозировка наркотиками. Говорить на эту тему она не хочет ни со мной, ни с милицией.

- Причем здесь милиция? - спросила Марина Васильевна.

- Дело связано с гибелью человека, вольным или невольным свидетелем, а возможно, участником этого является Наташа.

* * *'

Из показаний свидетельницы Н:

- В тот день я задержалась в городе и возвращалась на дачу около 16 часов. Подойдя к дому, машинально взглянула на пригорок. Там красивая рощица и часто приезжают отдыхающие. Вот и в тот день на опушке стояло несколько машин, а чуть дальше сидели и стояли люди, играл магнитофон.

Я зашла в дом, где-то, примерно через час или чуть больше, решила огурцы собрать. Выхожу и слышу истошный крик, доносящийся от рощи: "Женька! Прости меня, Женька!" На этот крик невозможно было не обратить внимания. Так кричат, когда приходит беда.

Глянула на опушку. Там оставалась только одна машина. Ближе к роще лежал человек, раскинув руки. Возле него сидел на земле еще один, скорей всего, женщина. Она и кричала.

Потом к ней подскочили трое, начали оттаскивать, та - в крик и вдруг замолчала. Они затолкали ее в машину и уехали, а человек остался лежать без движения. Я кинулась к погребной яме, где находился в это время муж...

Из показаний свидетеля Ф:

- ...Я завел мотоцикл, и мы поехали к роще. Совсем молодой парень лежал на траве, пацан еще. Следов побоев не видно, крови тоже. Пульс почти не прощупывался. Мы осторожно погрузили парня в коляску и повезли в больницу. Ехали тихонько, стараясь не трясти парня. Привезли, а он уже не дышал. Кто? Откуда? Не знаем. Документов при нем не нашли. Поехали в милицию, привезли на место происшедшего милиционеров. Вот и всё.

* * *

Марина Васильевна не стала мучить девушку расспросами. Зачем причинять лишние страдания? Ежедневно с утра и до самого отбоя находясь в больнице, она видела, какая борьба идет в душе Наташи, и не торопила ее.

Спустя неделю, в палату вошла довольно молодая, рано поседевшая женщина. Она долго смотрела в лицо Наташи, которое менялось на глазах. Безучастное вначале, оно вдруг передернулось, превращаясь в гримасу боли. Потом в глазах промелькнул ужас, затем гнев, и вот лицо стало растерянным, беззащитным.

- Это я во всем виновата! - выкрикнула Наташа. - Почему это случилось именно со мной!? Не хочу жить, - и почти шепотом закончила:

- Я не убивала Женьку. Я никого не убивала, - глаза ее закрылись, и по щекам потекли слезы.

- Он у меня единственный, - дрожащим голосом произнесла женщина. - Лучше бы убили меня.

Она не могла больше говорить. Закрыв лицо руками, вышла в коридор. Марина Васильевна хотела идти следом, но ее остановил голос Наташи:

- Тетя Марина, не уходите. Я Вам все расскажу. Вы ведь знаете, я никогда не попадала под чужое влияние. У меня на все свое мнение. Приехала сюда, никого не знала. Девчонки хорошие в комнате попались. Да вы помните, как мы на Новый год в Оханск приезжали с ними? Они меня в аэробику затащили, с друзьями своими познакомили. Ходили в театры, на выставки разные, по выходным за город ездили.

Все началось, когда у одного из нашей компании вернулся со службы брат, парень веселый и общительный. Он служил где-то на таджикской границе, поэтому сразу получил кличку Таджики. Как-то незаметно их квартира стала местом наших постоянных тусовок, куда мы собирались довольно часто.

Вскоре я встретила Женьку, очень скромного и ужасно стеснительного. Каждый день стихи мне читал. От него веяло чем-то неземным. Я поняла, что он человек надежный, но его надо защитить от чего-то, мне неизвестного. С первых дней знакомства у меня была тревога за него, не могу объяснить, почему.

На тусовки я ходить перестала. Когда возвращалась в общежитие, у комнаты неизменно дежурил Таджики. Он ухаживал открыто. Девчонки уговаривали бросить «шибко умного» Женьку и «поменять» его на Таджики.

- Будешь за ним, как за каменной стеной, - говорили они, - он тебя на руках будет носить.

Однажды Женька уехал на практику. Писал часто. Чтобы не завить от скуки, я снова пошла в старую компанию. Мне показалось, что там произошли какие-то перемены. Дух, что ли, изменился. После чисто символического «чаепития» все почему-то разбрелись по углам. Ни шуток, ни анекдотов, ни песен под гитару, что мне так нравилось.

Мы остались за столом с Таджикиком. Глаза у него были совершенно дикие. От сигарет я отказалась. Не терплю, когда женщины курят.

- А кайфу хочешь?- спросил он.

- Тетя Марина, я знала, что никогда не попробую наркотик ни за компанию, ни из любопытства и, даже если мне будет очень плохо, не пойду на это.

Я хотела уйти, но Таджики загородил дорогу. Начал объяснять, как долго добивался моего внимания. В конце концов, договорился до того, что если мы вместе сейчас «кайфанем», нам обоим будет хорошо. Я ответила отказом, он решил применить силу. Ненавижу насилие над кем бы то ни было. Пришлось отбиваться.

Из соседней комнаты «выплыл» его брат. Когда он подошел к нам, я его толкнула на Таджики. Не знаю, упали они или нет, но мне хватило времени, чтобы открыть дверь и выскользнуть на улицу.

Хотела в тот же день уйти из общежития, но куда? С девчонками разговаривать не хотелось, но все-таки высказала все, что о них думала. Они пытались убедить меня в обратном, говорили, что не употребляют наркотики сами, но друзья их, видимо, уже «влипли». Вдобавок, еще и торговлей занялись.

- Тогда зачем такие друзья нужны? - сказала я им. - Они и вас на иглу посадят.

- Мы просто хотим их отвлечь от этого, но пока не можем.

Таджик продолжал меня преследовать, приглашал в гости. Однажды сказал, что свой очередной день рождения собирается отмечать на природе. Умолял, чтобы я поехала туда, даже плакал. И Вы знаете, во мне жалость шевельнулась, противная, брезгливая жалость. Разве можно любить насильно? Тогда я поставила условие, что без Женьки никуда не поеду. Таджики, скрепя сердцем, согласился.

В назначенный день мы на четырех машинах выехали за город. Вначале все шло хорошо. Шашлыки ели, танцевали под магнитофон. Один из гостей сказал, что ему интересно общаться с Женькой. Они отошли от нас, сели под березой.

Меня как-то странно потянуло ко сну, да к тому же жара стояла. Чтобы развеяться, спустилась к речке, что по другую сторону пригорка, на котором мы отдыхали. Потом ко мне подошёл Таджики, сел рядом и начал рассказывать о своей службе на границе. Голос его убаюкивал, и я чувствовала, что засыпаю. В какой-то момент мне показалось, что я слышу шум отъезжающей машины.

Вскочила на ноги и рванула туда. Поляна была пуста, а вместо

четырёх машин стояла только одна. Захотелось немедленно увидеть Женьку, но под березой его не было. Я крикнула - никакого ответа. Таджик сказал, что Женька уже уехал, и если мы тотчас не поедём следом, то я могу потерять своего жениха и так далее.

Со стороны поселка к нам вышел парень, что оставался с Женькой, за ним еще один.

- Готово, начальник, - буркнул второй.

Почуввав неладное, кинулась в сторону, откуда пришли парни.

Женька лежал на траве, как будто спал. Я подскочила к нему, начала его тормозить и вдруг поняла, что навсегда потеряла его. Дико закричала. Меня грубо оторвали от Женьки, начали заворачивать руки. После удара по голове меня начало сильно мутить и силы иссякли. Больше ничего не помню.

Из показаний свидетеля Т:

- Мы ехали с женой домой из деревни. Не успели доехать до города, забарахлил мотор. Пока я копался в моторе, жена решила грибы поискать в придорожном лесочке. Я устранил неполадку, сел в машину и посигналил.

Жена пошла не по направлению к машине, а чуть вперед, прямо на шоссе. Уже выйдя на дорогу, она вдруг судорожно замахала руками. Я подъехал и посмотрел, куда она показывала.

Метрах в трех от дороги, скрючившись, лежала девушка, рука неестественно вывернута. Я сказал, что труп трогать нельзя и следует сообщить в милицию. С женой началась истерика. Я посадил ее в машину, дал воды. Хотел, было, сесть за руль, но услышал слабый стон. Подошел, повернул женщину на спину. Она ещё дышала. Быстро погрузил ее рядом с женой и привез в больницу.

* * *

Не один месяц провела Наташа в больнице. Она и сейчас под наблюдением врачей проходит реабилитацию, но никогда не затянется душевная рана, нанесенная ей подлыми подонками. Гибель любимого человека изменила ее психику. До этого веселая и жизнерадостная, Наташа потеряла интерес к жизни.

- Мне было бы легче умереть вместе с Женькой, - говорит Наташа - Зачем меня нашли?

Задаю вопрос, мучивший меня с того дня, как узнала эту историю от Марины Васильевны:

- Как думаешь, Наташа, какую цель преследовал Таджики, когда насильно сажал вас с Женькой на иглу?

- Ему нужны были клиенты, чтобы сбывать наркотики. А для этого все средства хороши, даже насилие. Он не собирался нас убивать, нет. Просто его подручные перестарались и ввели слишком большую дозу. "Погорев" с Женькой, для меня взяли дозу поменьше, но увидев, что и этого я не выдержала, выбросили из машины. У меня оказалась сломанной рука. Когда это случилось, не знаю.

- Наташа, что ты можешь сказать сегодняшней молодежи?

Девушка ненадолго задумалась, - в ее глазах появились злые огоньки:

- Тут слова не помогут. Столько дерьма выплыло наверх, что диву даешься, как их земля носит. Я стала злой и жестокой. В каждом человеке вижу подлеца, способного на все. Одно скажу: «Ребята, ради всего святого, не связывайте свою жизнь с наркотиками. Это страшнее, чем вы думаете. Умерьте свое любопытство, даже если вас очень хорошо уговаривают. Вот представьте: есть человек, у него руки, ноги, голова. Но внутри у него пусто. Он никогда не сможет дать жизнь другому существу. Иначе, как «живой труп», его и не назовешь».

* * *

Эта история, случилась в реальной жизни. Пусть она послужит предостережением для тех, кто еще только вступает на порог взрослости. Много на их пути встретится подобного рода "соблазнов." Сумеют ли они сказать твердое "нет", зависит только от них самих.

1998г.

Пять ее принципов

Все мы помним школьные уроки физкультуры. Для большинства это маленький душный зал, выдавший виды гимнастический козёл или футбол на так называемом школьном стадионе, то есть площадке без травы, зато с двумя деревянными стойками вместо ворот.

Кому-то такая картинка с натуры, может, показаться слишком мрачной, но так было еще в прошлом веке. Не было просторных спортзалов, шикарных площадок возле школы. Теперь все кардинально поменялось.

Познакомившись в свое время с Галиной Григорьевной Лоскутовой (на снимке), учительницей физкультуры Оханской средней школы, я, честно скажу, по-доброму позавидовала ученикам 21 века. А таких учителей, как Галина Григорьевна, называли тогда педагогами-новаторами. Если спросите, в чем новаторство, то секрет очень прост - человек занимается делом, которое ему нравится. И строит свои уроки так, чтобы и детям они тоже нравились.

Родом из Шумихи

Г.Г.Лоскутова относится к тому поколению, которое с детства занималось в маленьких неприспособленных помещениях. Но к чести сельских учителей физкультуры, многие из них сумели привить ребятам любовь к спорту. По крайней мере, к тем видам, которые можно было развивать на свежем воздухе: лыжи, бег, волейбол, баскетбол, а в зале - гимнастика.

Родилась Галина Григорьевна в Шумихе Казанского сельсовета, которая делилась на Верхнюю и Нижнюю. Та деревня, что находилась почти в логу, называлась Нижней Шумихой. Девочка была долгожданным и последним ребенком в семье, до нее родились два мальчика.

- Все свободное время мы проводили в логу, - рассказывает Г.Г.Лоскутова. - Мы прыгали с трамплина, катались на салазках, фабричных санок у нас не было, учились стоять на коньках. Одним словом - развивались физически. В школу бегали за три километра в Казанку, это для нас был пустяк. Зимой передвигались на лыжах. Родители научили нас с братьями держаться вместе, что бы ни случилось. Мы и сегодня очень дружны. Собираемся семьями, не держим обиды друг на друга, помогаем, чем можем. Я очень люблю всех своих племянников и их детей.

После восьмого класса услышала Галина Григорьевна о Пермском училище №3, после окончания которого можно стать учителем физкультуры, и загорелась. Она больше нигде не хотела учиться, только там. И поступила. Вот где были ее университеты! Училась с упоением, возможностей в областном центре было больше, но хотелось скорее вернуться в родную школу и научить детей тому, что уже умела сама.

Вот она, Казанская школа, и учителя, которые стали теперь ее коллегами. Поначалу она чувствовала себя среди них немного скованно, потому что привыкла относиться к ним, как к особой касте. Но коллеги с первого дня помогали молодой учительнице освоиться, никогда не показывали, что они старше и умнее. В этом состояла их мудрость.

- Мы приехали в Оханский район вместе с Надеждой Егоровной Гаркуновой (Назаровой). Ее распределили в Андреевку, меня в Казанку, - продолжает Галина Григорьевна. - В то время я часто бегала пешком в Андреевку к Наде за секундомером, если предстояли соревнования. Тогда в магазинах невозможно было купить нужный инвентарь. Мы негласно соревновались школами, то андреевцы были впереди, то казанцы.

Работа ей нравилась, но хотелось большего. Поступила в пе-

динститут на факультет физвоспитания. Будучи секретарем комсомольской организации факультета, принимала в комсомол самого Михаила Девятьярова, ставшего потом олимпийским чемпионом. Казалось бы, все шло неплохо, но ее тянуло в родные края, где было больше простора, где можно было знания сразу применить на практике. В институте было все-таки больше теории. Поэтому после второго курса Г.Г.Лоскутова перевелась на заочное обучение и с радостью вернулась в Казанку.

Жизнь в городе

Родители перебрались в Оханск, а Галина Григорьевна оставалась в селе. В 1980 году Г.Г.Лоскутову, как специалиста и комсомольского активиста, пригласили в делегацию от Пермской области на Московскую Олимпиаду.

- В Москве мы всей делегацией бежали чисто символическую дистанцию, 1800 метров, - делится воспоминанием Галина Григорьевна. - Я тогда первая пришла к финишу, и медаль получила, которая хранится сейчас в Казанском сельском музее.

Потом началась новая страница в ее биографии. Она стала парторгом колхоза имени Чапаева. Возможно, трудилась бы на этом поприще долго, но через два года из армии вернулся Виктор Лоскутов. Лучшей партии для себя Галина не видела и вышла за него замуж.

Приехали молодые в Оханск. Галина Григорьевна начала работать в только что открывшейся спортшколе, а потом на 15 лет перешла в Оханскую среднюю.

- Это было хорошее время, - улыбается она. - Коллеги все молодые, инициативные. Нам было интересно устраивать школьные спортивные и силовые конкурсы среди старшеклассников, и ребята с удовольствием к ним готовились. Сейчас таких мероприятий нет. Моим наставником и другом на многие годы стала Валентина Федоровна Кузнецова, которая всегда боролась за массовый спорт.

Когда муж, Виктор Николаевич, работал в ДПМК-4, выделили Лоскутовым просторную квартиру. Целый поселок дорожных

строителей вырос на окраине, появились улицы Дорожников и Вожакова. Сорок лет живут Лоскутовы вместе. За все годы слова художого друг другу не сказали. У них общие радости, общее горе. Они стойко переносят все удары судьбы, не жалуясь. Погиб старший сын. Конечно, их поддержали близкие люди, жизнь на этом не кончилась. Да и сами они готовы помочь тем, кому нужна поддержка.

Младший сын Иван пошел по стопам матери, окончил факультет физвоспитания Пермского педуниверситета. Работал в системе МЧС, тренировал ребят, но после болезни его комиссовали. Теперь он трудится в реабилитационном центре больницы в Перми.

Растут у Лоскутова младшего двое мальчишек, которые любят бывать у бабушки с дедушкой в Оханске, любят бабушкины ватрушки с малиной, любят копаться вместе с дедом в технике.

Добрая фея

Последние 14 лет, перед выходом на заслуженный отдых, Галина Григорьевна работала в Оханском детском доме и стала доброй феей его детям. Она - почетный работник образования. Возглавляя методобъединение педагогов по физической культуре детдомов области, ездила по многим городам и весям со сборной командой воспитанников, которые показывали неплохие результаты на уровне Приволжского округа, и на других соревнованиях.

Коллектив в детском доме был относительно молодой, поэтому откликался на разного рода спортивные мероприятия. Вместе они не раз выходили на сплав, участвовали, где только можно.

- Галина Григорьевна, какие правила в преподавательской работе были для вас главными? - спрашиваю ее.

- Я всегда придерживалась пяти основных принципов, которые ложатся в фундамент зарождения привычки у ребенка к движению. Попробую обосновать. Первое - быть примером. Ребёнок видит учителя со стороны. Вы никогда не заставите его заняться спортом, если сами к нему не проявляете ни малейшего интереса.

Второе правило - играй! Любая тренировка с детьми может

быть преподнесена, как игра. Потому и нравилось мне устраивать веселые старты и эстафеты.

Третье - создай условия! Все дети, начиная с дошкольного возраста, предпочитают командные игры. Если это учитывать, существует хорошая возможность развивать в детях не только спортивные навыки, но и навыки работы в команде. Но, чтобы заинтересовать детей, необходим спортивный инвентарь, в настоящее время его достаточно. Правда, иногда приходится обходиться подручными материалами. Чем доступнее для ребенка игра, тем чаще и охотнее он будет в нее играть. Четвёртое - не дави. Главное не «заставлять» детей заниматься спортом, любые дополнительные спортивные нагрузки, вне школьной программы, они должны получать по желанию, а не по принуждению. Необходимо позволить ребёнку делать выбор. Пятое правило - хвали! Даже если, кажется, что хвалить особо не за что - бегают медленно, прыгает недалеко, неуклюж... многие дети болезненно реагируют на критику своих физических возможностей и могут вообще «разлюбить» любую спортивную нагрузку, не успев ее полюбить. Г.Г.Лоскутова считает, что любое спортивное занятие должно быть источником только положительных эмоций.

- Я третий год уже не работаю, но соревновательный дух во мне остался, - говорит Галина Григорьевна. - Поэтому никогда не отказываюсь участвовать в судействе на лыжной базе, с удовольствием хожу вместе с мужем на лыжах. В свободное время занимаюсь вязанием, собираю картины из стразов. Это, пожалуй, и есть мое хобби.

Здоровый образ жизни, активная гражданская позиция, надёжность и оптимизм - вот кредо Г.Г.Лоскутовой.

Ее с огромным уважением вспоминают коллеги и ученики. Вот что говорит о Г.Г.Лоскутовой ее ученица, Галина Николаевна Кузнецова:

- Виновата ли я, виновата ли я, виновата ли я, что люблю

Лыжи, палки, лыжню, да ещё беготню, пропотевшую форму свою...

Слова этой песни очень давно переделала Галина Григорьевна, и мы пели её в автобусе, когда ездили на соревнования. Любовь к спорту учительница подарила мне на всю жизнь. Школьные годы чудесные и вспоминаются всегда с теплотой. Запомнились школьные спортивные праздники, походы, тренировки. Мы учились взаимовыручке, выносливости, умению жить одной семьёй. Любой спорт требует собранности, дисциплины, самоотдачи, упорства в достижении заветной цели, чему и учила нас Галина Григорьевна, и все эти качества мне пригодились во взрослой жизни.

Учитель физкультуры - это многофункциональная, требующая большой самоотдачи, сил и энергии, работа. Долгие годы я с огромной благодарностью вспоминаю советы и наставления учителя, сыгравшие в моей жизни немаловажную роль. И до сих пор для меня Галина Григорьевна, как добрый ангел, который всегда поможет, подскажет, поговорит по душам. Её главные черты ха-

рактера; принципиальность, решительность, строгость и доброта, равнодушие к тому, что происходит вокруг. Она никогда не повышает голос, старается в любой ситуации оставаться спокойной, убедительной. Меня восхищает в ней энергичность и деловитость, проявляемая буквально во всём. Я благодарна судьбе за то, что на протяжении всей жизни, рядом со мной эта удивительная женщина, Галина Григорьевна Лоскутова. Пусть огонёк в её душе горит долго-долго. Желаю ей здоровья, семейного счастья, благополучия.

И таких откровений в адрес Г.Г.Лоскутовой очень много.

Г.Г.Лоскутова с мужем.

2022г.

Работой на скорой надо болеть

А я и не скрываю, что из деревни родом...

Идет по улице скромно одетая женщина, идет медленно, будто наслаждаясь неспешной прогулкой. Так оно и есть, после смены хочется просто скинуть с себя «покрывало напряженности», освободиться от всего лишнего.

Двадцать лет трудится на скорой помощи Тамара Ивановна Кожевникова (на снимке). Давно привыкла к тому, что часто мгновенная реакция необходима. Привыкла к ночным дежурствам и частым выездам.

Есть люди, которые с детских лет играют в больницу и в будущем видят себя врачами.

Маленькой Тамаре нравилась небольшая начальная школа в Окуловке, где учились ребята со всей округи. Она видела себя только учительницей, и ни о какой другой профессии больше не задумывалась до окончания восьми классов. Однажды приехал в деревню односельчанин и позвал в Осинское педучилище.

- Я даже обрадовалась, что знакомый на новом месте будет, уже не одна, - вспоминает Т.И.Кожевникова. - Ночь ночевала в Осе. Не понравилось. Здание старое, никакой радости от одного вида не ощутила. А как учиться, если альма-матер не по нраву пришлась? Вернулась домой.

Так вышло, что в это время приехали в Окуловку гости из Чайковского. Слово за слово и уговорили Тамару поехать с ними. Город молодой, красивый, там много строится, есть, где отдохнуть. Педучилища там нет, но учиться можно в медицинском училище. Лишней профессия не будет.

В Чайковском училище оказалось немало земляков. В праздники или на каникулы собирались все вместе и ехали в Оханск. И, правда, училась она с настроением, хотелось знать больше, чтобы быстрее начать самостоятельную работу.

В марте 1972 года новоиспеченный фельдшер получила направление в родную Окуловку. Медик на селе иной раз всех врачей заменяет. До города далеко, а тут рядом фельдшер, который и диагноз поставит, и полечит, и инъекции сделает. Кроме этого, в обязанность медицинского работника входили не только профилактические и плановые осмотры в двух детсадах и школе, а также участие в днях животновода на фермах, беседы с населением.

Бывало, приходилось принимать решения на ходу, надеясь только на себя или уповая на интуицию. Не было возможности позвонить в районную больницу, чтобы не упустить время.

- В любую погоду, в любое время суток помощь людям нужна, - говорит Тамара Ивановна. - Помню, с Усолья приезжал бригадир, заворачивал меня в тулуп и вёз к больному. Приходилось и пешком по бездорожью добираться, и на тракторе во время распутицы. А как иначе, если знаешь - тебя ждут в надежде на помощь? Там ни минуты покоя, в любой момент можешь понадобиться.

Пришло время, вышла замуж за своего деревенского парня. Через несколько лет повезло с квартирой. Прочитали объявление, в котором предлагают обменять жилье в Оханске на дом в Окуловке. Так и оказались Кожевниковы в районном центре.

Кабинетная работа не для неё

Вначале фельдшеру пришлось работать со Светланой Николаевной Поповой в глазном кабинете, которая многому её научила. После того, как не стало в нашей больнице врача-офтальмолога, часто вызывали Тамару Ивановну по производственной необхо-

димости заменить врача. Работала она и с Ниной Ивановной Балабенко. В 2002 году предложили место в штате скорой помощи.

- Когда я в кабинетах работала, мне все чего-то не хватало, - смеётся она. - А я понять не могла, чего. Пришла на скорую и поняла - не хватало мне фонендоскопа, в Окуловке он был у меня почти постоянно на шее. Скажу честно, в кабинетах работа довольно однообразная, зато на скорой здесь такое разнообразие, что иногда волосы дыбом встают. Тем не менее, чувствую себя на своем месте.

Врач скорой помощи, Светлана Витальевна Шардакова, очень тепло отзывается о Тамаре Ивановне:

- Много лет она является старшим фельдшером скорой помощи. Внимательно относится к молодым специалистам, всегда готова прийти на помощь. Дисциплинированная, инициативная, а еще, я бы отметила её творческий потенциал, который в ней заложен. Тамара Ивановна - грамотный специалист с огромным опытом работы, внимательный и добрый человек. В то же время, может проявить требовательность и волю, в отношении к больным людям, если того требует обстановка, пациенты бывают очень капризные.

Тамара Ивановна сама из большой семьи, где было пятеро детей. У них с мужем родилось двое, мальчик и девочка. Оба живут и работают в Перми: сын трудится водителем, а дочь - в системе Ростелекома. Муж Юрий месяца не дожил до золотой свадьбы, сказался перенесённый ранее ковид.

Этот год у Т.И.Кожевниковой юбилейный. С «круглой датой» поздравили ее сослуживцы и многочисленные родственники. Только нет-нет, и захолонёт сердце от потери самого близкого человека. Прошел год, но всё напоминает о нём. Одиноко бывает Тамаре Ивановне в пустой квартире. Спасает работа и приезд детей и внуков. На сегодняшний день у неё пять внуков и одна правнучка. И это не предел!

Радуюсь, когда рождается новый человек

Я попросила Тамару Ивановну рассказать неординарные случаи из ее медицинской практики, которые ей запомнились больше всего. Она задумалась, потому что таких случаев было немало.

- Я, пожалуй, расскажу два случая, связанные с роженицами, - начала она. - Когда я еще работала в Окуловке, пришла ко мне женщина и сказала, что воды отошли, и ей пора в роддом. Но увезти мы её не успели, потому что у неё сразу начались схватки. Она прямо в фельдшерском пункте и родила. Пришлось принимать роды, а потом уже звонить в больницу. Женщины в селе почему-то ждали до последнего, уже срок подходит, а они еще чего-то ждут, не едут в больницу. Таким образом, еще пять родов у меня было в ФАПе.

О втором случае я сейчас с улыбкой вспоминаю, а тогда было не до смеха. Года два назад повезли мы женщину с дубровской стороны в Нытву. В машине воды у неё отошли. Мы привезли вовремя. Положили её на каталку, нам сказали, чтобы мы подняли её на третий этаж. В лифте начались роды. Мы выехали из лифта, света в коридоре нет, только одна лампочка в дальнем конце. Куда везти? У нас ребенок в ногах у роженицы. Мы закричали, стали звать на помощь. После этого все забегали, это тоже случилось рано утром.

Многое запоминается, даже то, о чем и думать не хочется. Разве забудешь ДТП, поножовщину. Я, конечно, не акушерка, а рассказала о родах, потому что всегда радуюсь, когда «выходит на свет» новый гражданин. Значит, жизнь продолжается.

Каждый вызов - это риск

Люди у нас разные. Одни работников скорой выставляют формалистами, другие - бездушными роботами, а третьи, наоборот, хвалят, называя их чуть ли не героями, способными спасти каждого.

На скорой у времени своя цена. Главное - успеть. Могу с уверенностью сказать, что эта тяжелая работа не лишает сострадания. А спокойствие и уравновешенность медиков люди напрасно путают с безразличием.

Для фельдшера скорой помощи очень важно оставаться спокойным. На вызове могут и обидеть, и оскорбить. Часто это бывает на уличных вызовах. Посторонние не всегда помогают. Например, упала пожилая женщина на улице, сломала шейку бедра. Весит она под сто килограммов, её физически не поднять одному человеку. Медик обращается к прохожим, но далеко не все, к сожалению, отзываются. Кто-то мимо пройдёт, а кто-то достанет телефон и начнёт снимать.

- Важно не теряться в ситуации, когда вокруг кричат, плачут, - Тамара Ивановна на мгновение задумывается. - Нужно мысленно образовать вакуум, где только ты и пациент. И действовать быстро. Представьте, приезжаешь на ДТП, там серьёзные травмы, надо первую помощь оказать, обезболивающее сделать и зевак отогнать. И все-таки приятно осознавать, что могу помочь человеку облегчить его состояние.

Сердечные патологии, гипертония. Дети часто поступают либо с травмами, либо с температурой. У людей старше 60 лет распространён инсульт. Хотя болезни молодеют. Если три года назад инфаркты случались в основном у тех, кому за 65 лет, то сейчас сплошь и рядом 30-летние сердечники. Молодеют неврологические заболевания, онкология. Рано появляется сахарный диабет второго типа. Даже дети чаще стали им страдать.

Многим проще вызвать скорую, потому что, по их словам, из поликлиники помощи долго ждать. Придумывают более тяжёлые симптомы, чем есть на самом деле, чтобы к ним приехали быстрее. И скорая едет. А в это время, возможно, помощь нужна другим людям, у которых действительно критическое состояние здоровья. Бывает, пожилые вызывают, потому что хочется внимания и просто поговорить.

- Вы едете к больному, порой не подозревая, что сами можете заразиться. Нет ли страха перед разного рода инфекцией? - спрашиваю фельдшера.

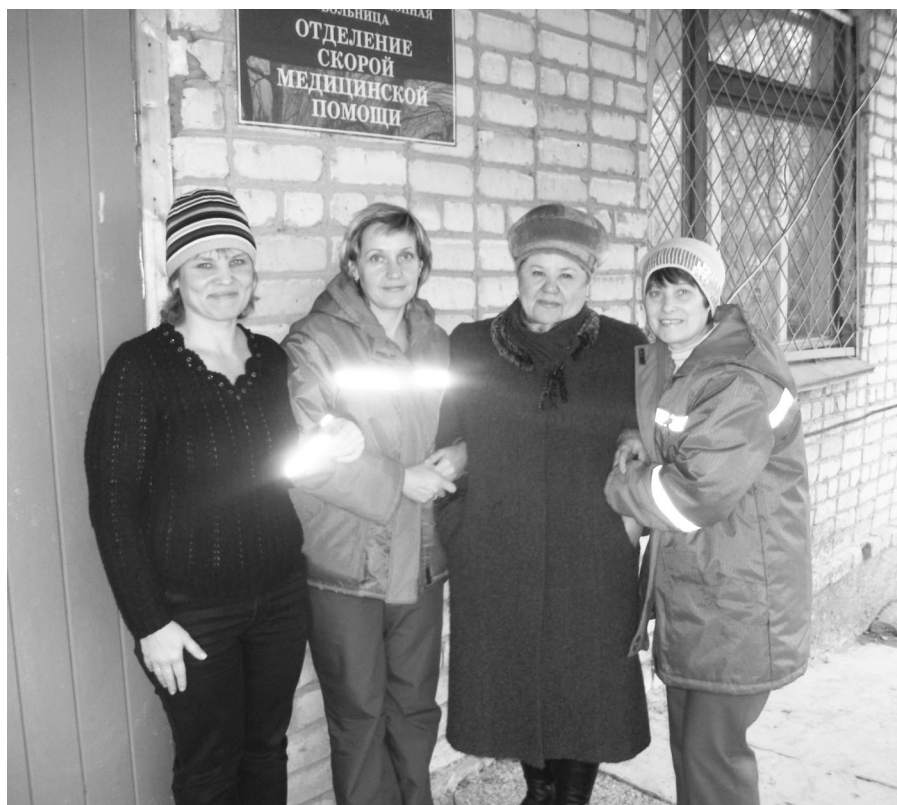
- Такого страха нет, - отвечает Кожевникова. - Мы все однажды сделали осознанный выбор, когда пришли в медицину. Бывает, конечно, и вирусную инфекцию цепляем. Каждый вызов - это

риск. Делаем прививки. Несмотря на то, что во время эпидемии ковида мы и одежду специальную надевали, все соблюдали, как положено, однако все переболели. Болеем, выздоравливаем и снова на дежурство. Если честно, «болеть» по-настоящему надо работой на скорой помощи. Надолго оставаться здесь может только тот, кто сильно любит эту работу, потому что это призвание.

А самое большое удовольствие, по её собственному признанию, она получает, когда удаётся помочь людям, когда успеваешь вытащить человека с того света, когда уходишь, а тебе вслед искренне говорят спасибо.

- Если помогаешь людям, ощущения непередаваемые, - откровенно говорит Тамара Ивановна.

2023г.

Группа сотрудников скорой помощи Оханской ЦРБ.

Ради сестренки

Юрка вошел в кухню, когда мать варила «болтушку». Так называла вся семья суп из картошки и лука. Мальчик из грязной тряпичной сумки достал насколько свежих огурцов, садовую клубнику в бумажке и совсем еще маленькую морковку.

- Юра, откуда это? - удивленно спросила мать.

- Заработал, - буркнул Юрка. - Врач ведь сказал, что Ксюшке витамины нужны, вот я и принес.

Мальчик проглотил голодную слюну и вышел из кухни. Как ему самому хотелось все это съесть, но перед глазами вставали большие и грустные глаза четырехлетней сестренки. Девочку он увидел во дворе. Она играла у дальнего забора с однорукой куклой, Другие дети, сбившись в кучку, пытались построить из земли какое-то сооружение,

Юрка подошел к девочке.

- Ксюха, почему ты всегда одна играешь? - спросил он.

- Мне скучно с ними, - тихо ответила девочка, - и потом они все орут, мне не нравится, - добавила она и деловито начала убаюкивать куклу, прикрыв ее большим лопухом.

Признаться, Юрка тоже не любил, когда кричали. Сколько он помнит, на него всегда кричали: мать, бабка, а уж отец, так тот ни разу в жизни не приласкал сына. Сестренку Юрка любил больше всего на свете. Это, пожалуй, была не любовь, а жалость. Девочка росла очень болезненной, часто плакала, и только Юрка умел ее успокаивать. Вот и сейчас он ласково посмотрел на нее и, как будто сообщая великую тайну, шепотом произнес;

- Ксюха, знаешь, что я тебе принес? Иди скорей домой, там тебя ждут ягоды, морковка и огурец.

- Ой, Юрка, ты у меня самый хороший! - смешно прокартавила девочка и поспешила домой,

Мальчик остался сидеть возле забора. Он заметил, как заблестели глазенки Ксюшки, Лакомства ей перепали редко, и каждый раз это для нее было праздником.

Никто не видел, как пылали щеки Юрки, когда он зашел на чужую грядку и сорвал первую ягоду, потом еще и еще. Ему казалось, что его даже деревья осуждают, а он ничего не мог с собой поделаться. По пути дернул морковку, на соседней грядке, увидел еще небольшие огурчики и опять прихватил, не все, конечно, а только те, что росли с краю. Зато сейчас он испытывал удовольствие от того, что сестренка рада.

Так и пошло. Юрка ежедневно отправлялся на промысел и никогда не возвращался с пустыми руками. Благо, грядки на окраинах никто не охранял. Хаживал и на совхозные поля «Ягодного». Все делал один и все ради Ксюхи.

Однажды, уже осенью, когда с огородов все было убрано, он забрался в общественный сад. Увидел на ветке несколько яблок, сорвал, по пути поднял кабачок. Пока брел до дома, все думал, как дальше жить будет. Его мысли были, конечно, далеки от школы, где он постоянно хотел есть. Только и ждал, когда поведут в столовую.

Дома Юрку встретил отец:

- О, добытчик явился, - воскликнул он пьяным голосом, - Что мы сегодня имеем?

Юрка положил на стул кабачок, потом яблоки. Отец, посмеиваясь, взял самое большое яблоко и вонзил в него свои прокуренные зубы. Мальчик даже подпрыгнул от негодования. Он выбил из рук отца обкусанное яблоко и истерично закричал:

- Это не тебе. Понял? Это Ксюхе. Мы с ней из-за тебя скоро содохнем! Уходи от нас! Ты и маму испортил своей проклятой водкой! Он еще что-то кричал сквозь рыдания, колотил худенькими кулачками по стене и не мог остановиться,

Юрка не мог вспомнить, как он оказался на своем топчанчике. Очнулся оттого, что его трясла сестренка и хныкала:

- Юрка, ну почитай книжку, я тебе яблочка дам откусить. А папку в милицию забрали, он мамку стукнул.

Через месяц мальчика схватила за руку уборщица магазина, когда он пытался утащить булочку. Она подняла шум, требовала, чтобы вызвали, милицию. Людей в магазине было немного, все

они возмущались, что житья от ворья не стало. Они обступили Юрку, и у него не было возможности удрать,

Помощь пришла неожиданно. В магазин зашла Юркина учительница. Она, мгновенно оценив обстановку, спросила у продавца, на какую сумму украл мальчик. Уплатила еще за пару булочек, взяла Юрку за руку и вывела из магазина,

Она понимала, что любые слова сейчас будут лишними. Поэтому, дойдя, с мальчиком до угла, отпустила его руку и сунула ему подмышку пакет с булочками:

- Возьми, Юра. Я угощаю. Быстро повернулась и пошла.

Мальчик растерянно смотрел ей вслед и ничего не понимал, Он был уверен, что его ведут в милицию.

Несколько минут спустя он бежал в сторону дома, С разбегу залетел домой, бухнул на стол пакет с булочками и сказал сестренке, сидящей за столом:

- Ксюха! Я не вор и никогда не буду вором. Понимаешь? Зарабатывать буду, а воровать не пойду. Это стыдно.

- А кто такой вор? Это наш папка, да? - спросила девочка, уплетая булку за обе щеки.

- Нет. Наш папка пьяница и лодырь, а вор - это еще хуже, - ответил Юрка и глубоко задумался.

1996г.

Расстались, не простившись

В выпускном классе.

Как долго ждал это вечер встречи Михаил! Он не видел своих одноклассников более 40 лет и просто сгорал от нетерпения. Как нашли его адрес, это еще предстояло выяснить, потому что в Оханске у него никого не осталось. Родители давно перебрались к младшему брату на Волгу, а сестра уехала за мужем на Север.

На родине

Лето. Все цветет. Красота! Михаил стоял на пароме и вдыхал родной с детства воздух, он уже утвердился с мыслью, что никуда больше отсюда не уедет. Он и жене сказал, когда уезжал: «Собирай вещи, на мою родину будем перебираться, домик там подыщут. Мы теперь люди вольные - пенсионеры, здесь нас ничего не держит».

С парома он, не спеша, направился к городу. Удивился, что там, где раньше были сплошные поля, и люди сажали картошку, теперь стоят дома. Конечно, сейчас веселее идти пешком, разнообразия больше.

Ему подсказали, где находится гостиница. Устроился, и не мог усидеть на месте. Скорей на знакомые с детства улицы! Вот она, улица Ленина, до самого парома тянется. Михаил дошел до перекрестка, который показался до боли знакомым. Вот здесь, слева, стоял домик, где жил Сашка, он был немного постарше, но курить в кладбищенский лог бегали иногда вместе. Рядом с домом

был небольшой ложок. Теперь все выровнено. Справа - городское кладбище, там похоронена бабушка Михаила.

В центре города он опять увидел знакомые здания. Вот городская детская библиотека, туда его мама привела еще до школы, а потом библиотека переехала в другое здание. Прочитал вывеску - не то, теперь энергосбыт. Дальше милиция. Но нет! Прохожий сказал, что представители правопорядка «живут» ближе к переправе. Когда увидел родную школу, обрадовался, как старому другу - семилетняя школа №2 имени Андрея Лузина. Теперь детский сад. Сюда пришел он в первый класс. Здесь учился пять лет, а потом всех, кроме начальных классов, перевели в среднюю школу, на улицу Советскую.

- Это что за шпион в нашем городе? - раздалось откуда-то сбоку. - Выхаживает, высматривает... - Какие-то нотки в женском голосе показались Михаилу знакомыми. Он повернулся и увидел свою одноклассницу, подружку детства.

- Галка, ты!?

- Что это ты так удивился, можно подумать, я с луны свалилась. Всю жизнь здесь живу.

- Как ты меня узнала?

- Так же, как ты меня. Неужели мы настолько изменились?

- Ты, пожалуй, не изменилась. Все та же улыбка и та же стрижка под мальчика. Еще бы на голову твои мышинные хвостики, как в первом классе. В общем-то, тебя узнать можно. А я-то совсем лысым становлюсь, - он приподнял бейсболку.

- Не забывай, что родинка возле уха даже на маскараде выдавала тебя.

- Прости, я как-то забыл об этом.

- Ладно, Миша, спешу. На работе дела не закончила. Еще пока тружусь, новенькую девочку обучаю на свое место. Давай, до завтра. Там и поговорим.

Михаил понимал, что у нее теперь своя жизнь, семья, и, сломя голову, она не бросится вместе с ним, куда ни попадя.

Девчонок Миша не любил из-за младшей сестренки, которая всегда доставляла ему кучу хлопот. Он считал, все девчонки та-

кие, жалел, что за ним в семье родился не братик. Родители рано уходили на работу, поэтому в детский сад приходилось тащить Ленку ему. Пока он ее одевал, чертыхался. Зачем платья, чулки, бантики? С ними одна морока. Из-за нее он иногда на первый урок опаздывал.

В первом классе девочек и мальчиков оказалось поровну, поэтому учительница распределила их парами. Мишу посадила с девчонкой, которую можно было спутать с мальчиком, если бы не «мышинные хвостики» с бантиками, торчащие на голове. Вначале он старался отодвинуться подальше от нее, а она, как назло, все время отвлекала его внимание. То карандаш попросит, то линейку забудет дома, то задание перепутает. Он терпел, конечно, но ему очень соседка надоедала.

Он вспомнил это и засмеялся. Вот ведь, какие дела! Зато шесть лет они так неразлучно и сидели за одной партой, пока класс не расформировали, и они не попали в разные. И только в девятом классе снова оказались вместе.

Как давно это было

Галина летела после этой встречи, как на крыльях. Она со своим классом встречалась почти ежегодно и всегда внутренне готовилась к разговору с Мишей, но он ни разу не появился на горизонте. Его сестренка однажды при встрече на улице сказала, что брат, после провала на экзаменах в институт, далеко махнул, в Сибирь, строить электростанции.

Галя была ошарашена этим известием. Как же так? Всегда были вместе, а он даже не сказал ничего, не простился, можно сказать, в душу плюнул и уехал.

У них была очень своеобразная дружба. Они друг другу выкладывали свои тайны, делились последним куском булочки из школьного буфета, помогали друг другу в учебе. Иной раз и дрались, особенно Галя, которая вообще не терпела возражений. Чуть что не по ней - давала затрещину. Михаил терпел-терпел, и тоже начал сдавать сдачу. Так и повелось, в перемену раздерутся, а на уроке снова мир.

В старших классах что-то изменилось внутри их. Они уже кулаками не махали, больше рассуждали, даже спорили о классиках. Их дружба перешла в следующую стадию. Никто из них не знал, что будет дальше, но их тянуло друг к другу. Они скучали, если не виделись день-другой, у каждого накапливалась масса новостей.

На выпускном вечере Галя поняла, что влюбилась в Мишку. Он хотел стать профессиональным строителем и подал документы в политехнический институт. А она не могла учиться очно из-за больной матери, поэтому сразу сказала, что поступать будет заочно, а куда - пока не решила. Через год видно будет. Как она ждала после вступительных экзаменов Мишку, все время бегала к окну, не идет ли дружок. Прошло две недели, и она вдруг поняла - он не вернется, и такую пустоту ощутила внутри, как будто из нее душу вынули. Она сравнивала себя с ребенком, которому пообещали дорогую игрушку, показали, но не отдали. По ночам плакала в подушку, чтобы мать не слышала, днем оставалась прежней Галкой. Стала ждать писем в надежде, что он ее позовет.

Разлука

А Мишка со спокойной совестью ехал с таким же неудачником, каким оказался сам, подальше от родных мест. Парень жил с ним в одной комнате во время экзаменов, и тоже не сдал математику. По такому случаю завалились они в ближайшее кафе, и увидели на стене объявление о наборе людей на строительство электростанции в Сибири. Обещали сразу выплатить подъемные. Не сговариваясь и, посмотрев друг на друга, оба решили ехать. Матери Михаил отправил письмо. На другой день парни уже сидели в душном вагоне поезда Москва-Улан-Батор.

Мишка не мог понять, почему грызет его какая-то тоска. Лежа на верхней полке, вспоминал сестренку, младшего брата и, конечно, родителей. Он знал, они не стали бы препятствовать его решению, потому что с уважением относились к мнению своих детей, а если считали, что ребята не правы, старались убедить их в обратном.

Неожиданно вспомнил Галю. Да, ему было скучно без нее, но

в отличие от девушки, он не мог понять - она ему только друг или намного больше. Они же никогда об этом не говорили, и вообще сферу чувств не затрагивали. Со стороны многим казалось, что они жених и невеста, и навсегда вместе останутся. Мишке стало искренне жаль Галину, он рывком поднялся, спрыгнул с полки и вышел в коридор. Ругал себя мысленно последними словами, но обратной дороги уже не было, а обнадеживать девушку не посмел, потому и не написал ни разу.

Больше 40 лет трудился он на разных стройках, переезжая с бригадой с одного места на другое. И только когда «заработал» радикулит, остался на приколе в Сургуте. Успел к тому времени окончить строительный техникум, в институт больше не рискнул поступать, женился, завел двоих детей, даже внук у него появился год назад.

- Все. Пора на родину. Здесь ничего не держит, дети взрослые, а на Урале можно домик купить и жить безбедно, за огородом ухаживать, на рыбалку ходить, - так думал Михаил. Письмо одноклассника обрадовало, сам-то он никому не писал. В конверте приглашение на встречу класса. Указан номер телефона и электронный адрес. Он не раздумывал. Сразу ответил, что обязательно будет.

Судьбу не обманешь

Прошел год. Ни письма, ни весточки Галина от Мишки не получила. К родителям его не пошла, считала это выше своего достоинства. Только однажды остановила в городе его сестренку и спросила, пишет ли Михаил. Девочка пожалала плечами и повзрослому ответила, что он уже «отрезанный ломоть». Видимо, это слышала от родителей.

Галина начала работать в пищекомбинате, поступила в техникум. Когда закрыли предприятие, подалась в совхоз.

Мать мечтала о внуках, уговаривала дочь выйти замуж, она видела - поклонники у Гали есть.

- Никого мне не надо, - отговаривалась девушка. - У меня есть ты.

- Я же не вечна, Галочка. Умру, с кем останешься?

- Вот тогда я и подумаю, как жить дальше.

Она не искала себе подобных, не выбирала, просто никого не могла представить рядом, кроме Мишки. А он молчал. И Галя смирилась, судьбу не обманешь.

Мишкиной женой стала хохотушка Зина, которая вместе с бригадой ездила по стройкам. Она курила, ругалась, если доведут ее до ручки, за себя могла постоять. Михаил сравнивал ее с Галей и находил много общего. Поездив вместе с ней три года, он решил сделать предложение. И она без раздумий согласилась. Свадьбы не было. Зарегистрировали их в сельском совете накануне дня Конституции, на другой день скромно отпраздновали бригадой это событие, вот, пожалуй, и все торжество. Бригадир пообещал, если нужна будет постоянная квартира в любом из тех городов, где они работали, проблем не будет. Они выбрали Сургут. Когда Зина ушла в декрет, им предоставили трехкомнатную квартиру в надежде, что семья будет разрастаться. Михаил продолжал ездить по стройкам, а жена оставалась дома. После второго декрета она устроилась секретарем-машинисткой в управление нефтегазовой промышленности, чтобы не сидеть дома. Для детей вызвала в Сургут свою одинокую двоюродную тетю.

После того, как Зина стала матерью, она очень переменялась. Перестала курить, следила за своей речью, хозяйкой оказалась отменной. Михаил нет-нет, да и вспоминал Галю. Интересно, как у нее сложилась жизнь? Он точно знал, что если родится у них девочка, она будет Галочкой. Но судьба обделила их, дала только двух сыновей.

С одноклассниками

Класс собирался у Володи на даче. Когда-то он здесь жил с родителями. Потом получил благоустроенную квартиру. Но взял на себя заботу обеспечивать родителей дровами. При первой же возможности провел в дом водопровод, помогал в огородных работах. Семью завел к 30 годам. Нет уже его родителей, а дом стал местом отдыха и встречи друзей.

- Мишка, чертушка! - воскликнул Володя, увидев очередного гостя. - Думал, не узнаю тебя. Сколько лет, сколько зим не виделись...

Подскочила черноглазая Люда, обняла Мишу.

- Эй, осторожнее, я ведь ревнивый! - воскликнул Володя. - Кстати, Миша, познакомься, это моя жена, по совместительству одноклассница.

Друг за другом приходили ребята. Одни узнавали Михаила, другие нет, приходилось знакомиться заново.

Время уже подходило к четырем, а Галины не было. Миша подумал, что с нее станется - не захочет его больше видеть и не придет на встречу. Наконец, когда все расселись за большим столом во дворе, в калитку вошла Галка. На ней было светло-бежевое платье, на шее легкий шарфик. И Мишка залюбовался ею.

Одноклассники подвинулись, чтобы посадить их рядом. Все помнили - они всегда сидели за одной партой. Тосты, воспоминания, фото на мобильники... - все, как обычно. Каждый рассказал о себе, как мог. Одних засыпали вопросами, а у других просто принимали информацию к сведению. Сразу чувствовалось, кто бывает на встречах постоянно, а кто редко. Михаилу долго пришлось отбиваться, о нем никто и ничего не знал.

- Мишка, ты вспомни, как однажды вы с Галкой сбежали с урока, и я, такой же дурак, последовал вашему примеру, - закричал Толик. - Помнишь? Вы сели демонстративно на дамбу, которую еще не достроили и болтали ногами. Строители несколько раз вас просили уйти, а вы все равно сидели. Ну, вспомнил? Тогда мужик подошел и взял тебя за шкурку, а Галка врезала ему по шее. Потом вы убежали.

- Ой, Толя, нашел, о чем вспоминать, - смутилась Галина.

- Мишка, что же ты девушку оставил, а за другой юбкой погнался?

- Не будет тебе покоя сегодня, Миша, «заедят» тебя одноклассники. За столько лет не приехать ни разу. Стыдно!

Всего лишь одноклассники

Как только подвернулся случай, Мишка, схватив Галю за руку, шмыгнул вместе с ней в раскрытую калитку. Они бежали по направлению к Каме. У последнего дома остановились. Перед ними открылась чудесная панорама Камского мемориала на фоне ивовых деревьев.

- Это теперь святое место, - сказала Галя. - Здесь 9 Мая и 22 июня всегдалюдно. Если помнишь, на этом месте был огромный овраг, а осталась только часть его. Все засыпали, всем городом строили.

- Помню, конечно, тот овраг, и как мы сиганули с тобой туда однажды, теперь уж не помню, зачем. Увидели там цыганские шатры и бежали, испугавшись, что цыгане нас украдут. Вылезли, как черти грязные, я еще за камень зацепился и штаны порвал. Ох, и влетело мне дома!

- Ну, Мишка, и память у тебя, - засмеялась Галина. - Как же не помнишь, зачем мы в овраге оказались? Мы пацанов больших дразнили, а они за нами погнались. Как раз дождь начался, мы и проехали на пятых точках по склону. Они посмеялись над нами и ушли, даже не помогли выбраться. Несознательные попались.

Михаил увидел, насколько неухоженным выглядит мемориал. Но промолчал. Наверное, все это знают, а отремонтировать, видимо, нет возможности пока.

- Галка, а ты что же одна до сих пор? - спросил он без всяких предисловий.

- Да, Мишук, все тебя ждала, а ты даже не счел нужным попрощаться, - она отвернулась, голос ее дрогнул.

- Извини, Галчонок, мы же никогда не говорили о каких-то особых отношениях. Мне казалось, это была просто крепкая школьная дружба. Я не думал о любви, ты же помнишь, даже слова такого в нашем обиходе не было. Видишь вот как оказалось... - он вдруг почувствовал себя виноватым перед подружкой. У него есть жена, дети, внук, а она одна. Видимо, однолюбка. Он пригнул ее к себе, обнял по-дружески, как бывало раньше. И она затихла на его крепком плече.

Потом они сидели в чьей-то лодке, любовались закатом и вспоминали, вспоминали: чехарду, когда Галя, перепрыгивая через Мишку, всегда старалась его уронить, поездки в колхоз, костры, походы на Горюхалихинскую ГЭС и на Очерский машиностроительный завод. А как забудешь ту весну, когда они чуть не уплыли на льдине, на их счастье недалеко оказался мужчина с багром и веревкой. Он, услышав крики, прибежал и багром сумел зацепить льдину. Натерпелись тогда ребята страху. Это сейчас смешно, а в то время было не до смеха. Всегда в их школьной жизни что-то интересное происходило, поэтому и запомнилось.

Прохладный ветер выгнал их с реки. Вернулись в дом Володи. Никто еще не расходился.

- Где это вы были, когда класс на месте? Опять урок пропустили, - выговорил Анатолий.

- Они целую вечность не виделись, - заступилась Люда. - Разве в таком гае можно поговорить?

- Ребята, все нормально. Сейчас шашлык будем жарить.

Расходились под утро. Несколько человек остались ночевать у Володи и Люды, остальные направились по домам. Миша проводил Галину до дома. Если бы она пригласила, он, наверное, поднялся бы в ее квартиру, а поскольку приглашения не было, он откланялся и пошел в гостиницу.

Дежурная поворчала, открыла ему дверь. Спать Миша не мог. Его жег стыд за то, что Галя не познала радость материнства, не почувствовала, что такое семейное счастье. Она жила только с матерью, отец утонул, когда ей не было и года. Просто он не думал, что человек столько лет может ждать. У нее нет родственников, маму давно похоронила, одна осталась. Жалость и злость на себя буравила ему мозг. Выходит, они всего лишь одноклассники.

На следующий день он снова пришел к Володе. Объяснил ему, что нужен дом, куда он привезет свою жену. Одноклассник подсказал неплохие варианты. Ходили, выбирали не один день. Наконец, определились. Встретились с хозяином и договорились о цене. Через две недели, когда все формальности были соблюдены, можно было ехать за своей второй половиной.

Соперницы или подруги?

Зина никогда не была на родине мужа, она - человек сибирский. Тем не менее, ей понравился наш провинциальный городок. Она сразу занялась благоустройством участка, а Михаилу хватало работы в доме.

Зинаида никогда не ревновала мужа, она была уверена в нем. Однажды решила прогуляться до Камы. День был замечательный. Стоя на высоком косогоре, она любовалась природой, потом спустилась вниз. Неожиданно налетел вихрь, за спиной загрохотал гром. Грозы Зина боялась с детства, поэтому поспешила к тропинке. Не успела. Ливень настиг ее, когда она поднималась по глинистой тропе. Из-за спешки и пелены дождя не увидела проволоку. Запнулась и упала прямо в глинистое месиво, которое потоком текло с косогора. Бушевала река, бушевало небо, а Зина лежала и плакала.

- Вам помочь? - спросил женский голос сверху? Зинаида слышала, что кто-то спускается к ней.

- Поднимайтесь, дождь холодный, еще заболаете, - женщина помогла подняться, и вдвоем они вышли на косогор. Зина была вся в жидкой глине, на неожиданной спасительнице тоже не было сухого места.

- Давайте ко мне, я недалеко живу, предложила незнакомка, вымоемся, приведем себя в порядок. Вы где живете? - Она присвистнула, услышав адрес. Это был почти противоположный конец города.

Дождь не унимался. Они почти бегом добрались до небольшого деревянного домика.

- Это родительский дом, здесь огород, я с весны до осени почти всегда здесь живу, а квартира у меня в новом микрорайоне. Кстати, меня Галей зовут.

Зина назвала себя. Галя дала ей сухой халат, а сама вышла. От нечего делать Зина начала рассматривать фотографии на стене. Вдруг ее внимание привлек снимок, где мальчик и девочка лет десяти сидели за партой чуть не в обнимку. Она пригляделась и в мальчике признала собственного мужа. Дальше еще фотография.

На выпускном вечере они стоят вдвоем и заразительно смеются. Она слышала от его друзей, что была раньше у мужа пассия. У нее на душе стало тревожно.

- Зина, ты не скучаешь? - спросила Галина. - Я баньку затопила. Она быстро будет готова, а пока давай соберем что-нибудь на стол. Посидим, поговорим, дождь еще не унялся.

Когда вода нагрелась, женщины помылись в бане, перестирали грязную одежду и сели за стол. Дополнением к еде Галя поставила бутылку хорошего вина.

- Давай, Зина, выпьем за знакомство, да и внутренности тебе надо погреть. Конечно, это не водка и не спирт, но крепких напитков дома не держу.

- Галя, стесняюсь спросить, а с кем это ты на фотографии?

- Это мама моя повесила, а я так и не убираю. Пусть себе висят. С тем мальчишкой мы шесть лет сидели за одной партой, а потом еще два года в старших классах.

- Вы любили друг друга? - Зина ожидала услышать утвердительный ответ.

- Я, конечно, была без ума от него, но никогда об этом не говорила. А он просто считал меня другом. Да что говорить, дело прошлое.

- У вас с ним что-то было? - Зина затаила дыхание.

- Да ты что? Мы даже не целовались ни разу. Сейчас кому скажи - ни за что не поверят. Но так было.

- И ты его любишь до сих пор?

- Все давно притупилось, я привыкла быть одна.

- А если бы он сейчас появился, у вас могли быть отношения, ведь старая любовь не ржавеет?

- Да что ты привязалась к этим фотографиям, когда все давно былшем поросло? Мы недавно встретались. Он до дому меня проводил. Почему это так тебя интересует?

- Дело в том, что этот парень - мой муж Михаил.

- Вот тебе на! - воскликнула Галина. - Так с этого и надо было начинать. Одно могу сказать: хороший у тебя муж, выдержанный, интеллигентный. А что касается нашей прошлой дружбы, так это

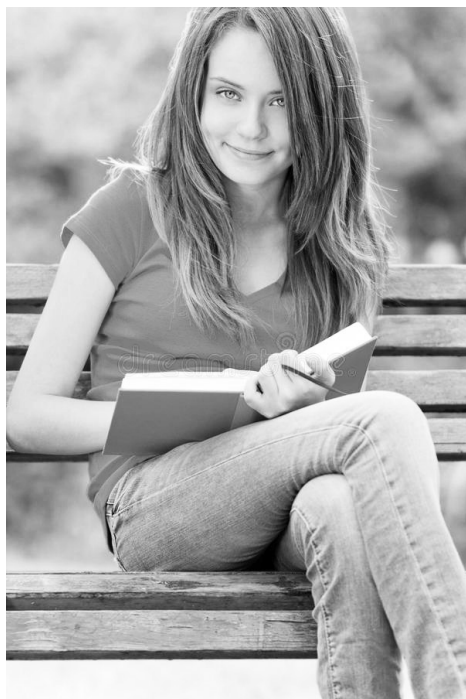
было детство и начало юности. Нельзя ревновать человека к прошлому, плохое оно или хорошее, но есть у каждого. Не знаю, как сложилась бы жизнь, если б Миша поступил в институт, но он не ловелас, и ты, думаю, об этом знаешь лучше меня. Чтобы не было никаких недомолвок, поделись своими сомнениями, спрашивай, что интересует. Одно могу сказать - ни перед тобой, ни перед ним я ни в чем не виновата.

Женщины еще долго сидели за столом, нашлись у них общие темы для разговора. Ближе к вечеру Зина засобиралась домой. Галя проводила ее до перекрестка. На приглашение в гости отреагировала отрицательно. Она не хотела ломать ни свою, ни чью-либо жизнь. Так и живут эти трое в нашем городе. Галина и Зина стали подругами, они встречаются изредка, но Михаила в свои дела не посвящают.

2021г.

Ржавчина старой любви

Марина шла быстро, не разбирая дороги, будто ее кто гнал. В голове то и дело проносились мысли о мести.

- Надо же так опоганить чувства, - шептала она на ходу.
- Я же ему больше верила, чем себе. Что теперь будет? Как сказать сыновьям?

Она не заметила, как оказалась возле дома свекрови, где в то время находились дети. Постояла, успокоилась, тогда вошла в дом. Мальчишки сразу вскочили из-за стола и подбежали к матери.

- Мама, мы такую игру придумали, даже бабушка с нами играла. Пойдем, мы и тебя на-

учим, - кричали они наперебой.

- Соберитесь, ребятки, завтра в детсад рано вставать, - как можно спокойнее сказала Марина.

- Может, правда, они еще денек у меня поживут, - попросила свекровь. - Завтра пятница, да и не совсем мальчишки поправились. Ты сразу не уходи, вот козочку подою, и чайку попьем.

Марина не сразу, но согласилась. Она любила свекровь, и не могла ей отказать. Елена Викторовна была женщиной скромной, не крикливой, всю себя отдавала семье. Безумно любила внуков. Дочь со своими детьми приезжала только летом, а сын жил в Оханске, поэтому всю любовь она отдавала его сыночкам, а Марину приняла в семью, как родную.

Марина

Марина не знала, как сказать матери о двойной жизни ее сына. Поверит ли? Не хотелось расстраивать хорошего человека. Несколько месяцев она носила в себе эти сомнения.

Елена Викторовна заметила по глазам невестки, что та чем-то озабочена, но виду не подала. Уже потом, сидя в кухне, осторожно спросила, все ли в порядке на работе. Марина отшутилась, мол, что ей сделается, работе, покупатели есть, ревизии в ближайшее время не предвидятся. Потом быстро собралась, попрощалась с сыновьями и ушла.

Дома она села напротив окна и, глядя на увядающую листву, обдумывала, что делать дальше.

Они с Михаилом были красивой парой. Познакомились однажды в библиотеке, выбрав книгу, которая оказалась в единственном экземпляре. Он уступил Марине, взяв с нее слово, что как только она прочтет, позвонит ему, и тут же написал номер своего телефона.

После они встречались почти ежедневно, гуляли по улицам, делились содержанием прочитанных книг. И когда поняли, что друг без друга уже не могут, Михаил решил познакомить Марину с родителями.

Девушка очень волновалась. Сама она воспитывалась у тети с дядей, у которых своих детей не было. Они были людьми, на редкость, старых нравов, интеллигентами. И Марину держали в строгости. Мать она не помнила совсем, та умерла, когда девочке не исполнилось и трех лет. Дядя работал преподавателем трудового обучения в профтехучилище, а тетя - в швейном ателье. Марина всегда удивлялась, насколько они были похожи друг на друга в движениях, привязанностях, привычках. Их строгость ее совсем не тяготила, она принимала это, как должное.

Когда после окончания техникума Марину направили в Оханский район, и у нее началась свободная жизнь, она растерялась. Больше сидела дома и читала книги. После перевода на работу в районный центр начала заходить в библиотеку.

Неужели конец счастью?

Родители Михаила приняли девушку радушно. Отец вначале ее напугал своим громовым голосом, она тут же спряталась за Михаила. А Сергей Михайлович рассмеялся и сказал, что голос ему, видимо, от медведя достался, потому что родился он в деревне под названием Медвежий угол. Елена Викторовна сразу обняла будущую невестку.

Сыграли свадьбу молодые. Строиться начали. Когда появился первенец, свекровь не отходила от него, давая молодым родителям отдохнуть, хотя оба они были уже не молоды, тому и другому за 25 лет. За первым сыном последовал второй, и опять без устали помогала Елена Викторовна.

Встреча с юностью

В третьем часу ночи стукнула дверь, Марина открыла глаза. Михаил, стараясь не топтать, прошел на кухню. Он и раньше приходил поздно. Ответ был однозначным - срочный ремонт, кто-то попросил сделать машину к утру. Марина не сомневалась в честности мужа.

Она встала и тоже прошла на кухню. Михаил сидел за столом и доедал холодный ужин, даже не разогрев. Увидев жену, даже остолбенел.

- Ты что как привидение ходишь? Случилось что?

- Случилось, Миша. Только об этом я должна у тебя спросить, - спокойным тоном ответила Марина. - Почему я узнаю от совершенно посторонних людей о том, что на стороне у тебя есть дочь? Нет, я не собираюсь чинить препятствий, не буду ворошить твое прошлое, но как ты можешь вести двойную жизнь? Наверное, это очень сложно. Тогда определись и оставайся там, где тебе комфортней. - Сказала и вышла.

Михаил так и остался на кухне. Он не мог даже предположить, кто рассказал жене о том, что в город приехала его первая любовь, а вместе с ней дочка, его дочка. Все произошло много лет назад по глупости. Они были тогда очень молоды. После этого жизнь раскидала их, ни писем, ни звонков.

И вот месяца три назад он шел на работу после обеда и увидел, как дерутся парень и девочка, на вид им было лет 14-15. Вначале думал, в шутку, но подходя ближе, понял, что все серьезно. Парнишка был мощнее, но хрупкая девочка успевала увертываться, и парня это злило. Из-за чего произошла потасовка, Михаила не интересовало. Он растащил их и спросил адреса. Парнишка жил неподалеку, а девочка много дальше.

Михаил взглянул на хулиганку, и побледнел. Перед ним стояла его подружка детства Ритка. С ней он вместе ходил в школу и из школы, вместе они лазили в чужие сады, помогали друг другу в учебе, а учились они оба неплохо.

- Ритка, - произнес он, хотя сознавал, что подружке, как и ему, должно быть больше 30-и.

- Меня Алисой зовут, - девочка презрительно дернула плечом. - Вы, наверное, меня с мамой перепутали. Мы все лето здесь будем жить, бабушка болеет.

- А папа, кто у тебя папа? - у Михаила даже дыхание перехватило.

- Не знаю. Когда у мамы спрашивают, она смеется и говорит, что сосед. А кто такой сосед, я тоже не знаю.

Он решил проводить хулиганку, чтоб она не ввязалась еще в какую-нибудь историю. Точно, она привела к тому самому, знакомому с детских лет дому. Как давно он здесь не был! Из ворот выскочил кудрявый песик и закрутился под ногами девочки.

- Алиса, где ты ходишь столько времени? - слышалось из окна. - Обедать пора, а ты шляешься, неизвестно где.

В воротах показалась женщина с красивой прической, одетая в спортивный костюм. Михаил мог бы узнать ее из тысячи женщин. Она тоже его узнала, но не спешила подходить.

- Рита, ты меня помнишь?

- Да уж как не помнить, если каждый день это «воспоминание» перед глазами.

Он узнал, что семьи у Маргариты нет, несколько раз пыталась устроить личную жизнь, но не сложилось. Так и живет вдвоем с дочерью. Алиса перешла в девятый класс, но ведет себя, как мальчишка, еще и дзюдо занимается.

Грех молодости

Да, Михаил понял, что Алиса - его дочь. Он не знал об этом, ведь после того сумасшедшего вечера Рита уехала сразу и все эти годы на горизонте не появлялась. Если б он знал, что у нее родилась дочь, разве не поехал бы следом за ней? Он хотел в тот же день обо всем рассказать жене, но закрутился на работе. Время шло, а он разговор все откладывал.

О том, что у Михаила есть дочка, Марине сказала уборщица ближнего от дома магазина. Маргарита с дочкой что-то покупали, и Марина обратила внимание, как они похожи между собой. А после того, как они вышли, уборщица возьми да и скажи, мол, дочка-то от твоего Михаила, по молодости еще дело было. И не стало покоя в душе Марины. Наверное, ревность в ней проснулась, которой раньше она за собой не замечала.

Михаил сидел за кухонным столом и совершенно не знал, что предпринять. Марину он безумно любил и был благодарен ей за все. Рита же не вписывалась в его дальнейшую жизнь, но Алиса... Это ж его дочка! Пусть похожа на мать, но семья-то его, хоть в документе и не прописано его имя, мать дала девочке отчество своего отца. Никаких ДНК не надо, он согласен помогать дочери материально, но уйти от жены - даже в мыслях не было. Теперь он не знал, как выкрутиться из сложившейся ситуации. Михаил понимал, что обидел Марину своим молчанием. Если б рассказал ей все сразу, она бы поняла, в чем он несколько не сомневался.

Объяснение

Просидев в кухне больше часа, Михаил направился в спальню, он был уверен, что Марина не спит. Так оно и было. Она читала журнал.

- Марина, должен попросить у тебя прощение, но у меня с Ритой было все по молодости, и я не знал о рождении дочери, а родителям своим она тоже не сказала, кто отец, - взволнованно начал он. - Я ведь не к Рите, я к дочке ходил, а потом возвращался на работу. Пару раз деньги оставлял, потом продукты носил. Правда, они протестовали, но должен же я хоть чем-то помочь, тем более что Ритина мать очень больна, деньги идут на лекарства...

- Ты думал, я не пойму... Да я всегда тебе верила, - у Марины задрожал голос. - Выходит, ты во мне сомневался, думал, устрою тебе допрос с пристрастием. Если хочешь знать, я сама росла без отца, тетя с дядей всегда подчеркивали, что я им всего лишь племянница, хотя могли и удочерить, я все равно маму не помню. О своем отце я узнала, когда его сын от второго брака нашел меня в институте и сказал об этом, пригласив на похороны. Отца сбила машина, когда он переходил улицу во время гололеда.

- Но ты никогда не говорила о брате. Где он теперь? - спросил Михаил, присаживаясь на край кровати.

- Он за границей, нашлись там родственники его матери и пригласили в Германию. С той поры ничего о нем не знаю. Может, и писал на адрес тети, но ее давно нет, и хозяйничают в квартире чужие люди. Ладно, Миша, я не в обиде. Ложись спать, завтра вставать рано.

А вечером следующего дня к ним пришла Елена Викторовна вместе с детьми. Она заметила, что все хорошо в доме. А когда после ужина дети ушли в свою комнату, Михаил сказал матери о дочери. По лицу матери пробежала тень. Она знала Риту с детских лет, но не думала, что дружба заведет сына так далеко.

- Я думаю, помогать ты обязан, ребенок не виноват, хоть и не записан на тебя, - выложила она свой вердикт, - надо быть честным и порядочным до конца. Миша, приведи девочку, познакомимся, как-никак внучка моя, да и о братьях она должна знать.

- Алиса сейчас в школе, - сказал Михаил. - Они с матерью уехали и бабушку с собой забрали на время, пока ей лучше не будет. Может, в каникулы зимой приедут. Я даже номер телефона не успел записать, они уехали раньше, видимо, так с билетами получилось, им добираться на поезде больше 30 часов.

Несостоявшаяся свекровь

С того дня разговора о «грехе юности» Михаилу никто не напоминал, но Марина часть денег каждый месяц откладывала на всякий случай. В мыслях она уже любила совсем незнакомую, но родную мужу дочку и была согласна с Еленой Викторовной, что

дети не должны отвечать за ошибки своих родителей. Она тоже мечтала о дочке, но родились сыновья, больше детей не предвиделось. Марина, заходя в магазин, каждый раз начинала обращать внимание на одежду для девочек-подростков. Но, не видя ребенка, не могла предположить, какой она носит размер.

Михаил успокоился, и как раньше, старался побыстрее попасть домой после работы. По выходным с удовольствием играл с сыновьями то в шахматы, то в хоккей на столе. Когда приходила Елена Викторовна, все садились за стол и брали в руки карточки лото. Эта игра была любимой в семье.

Так прошло несколько месяцев. Перед Новым годом Михаил со старшим сынишкой отправились на рынок за елкой. Перед ними осторожно выбирая, куда ступить, шла какая-то бабушка. Вдруг навстречу выскочил подросток и не смог вовремя отвернуть. Вместе со старушкой они оказались на снегу.

Михаил подскочил, чтобы помочь старому человеку подняться. Он узнал Ритину мать, а она его не узнала.

- Вы не ушиблись? - спросил он, стряхивая с ее пальто снег.

- Даже если и ушиблась, Вы, молодой человек, чем можете помочь? Это не Ваш сын на меня налетел? - она говорила тоном, не требующим возражения, который еще в детстве ему не очень нравился. - Спасибо за помощь. У меня вообще-то соцработник есть, но я решила сегодня прогуляться, на улице тепло.

- Давайте я помогу Вам дойти до дома, - Михаил заметил, что старушка прихрамывает. - Вот сейчас елку куплю и провожу Вас.

Отправив сына с маленькой елочкой домой, он осторожно повел пожилую женщину, стараясь обходить бугорки.

- Я давно дома не была, у дочери гостила, неделю назад приехала, соскучилась по родным улицам, вот и вылезла сегодня на волю, - доложила старушка.

Михаил пытался вспомнить отчество и не мог, ее он в детстве называл тетей Алей. Пришлось поинтересоваться. Она не сразу ответила. Рассказала по пути, что у нее есть внучка-спортсменка, неслухом растет, делает только то, что нравится. Пожаловалась на дочь, которая не может найти подход к девочке.

- Я ведь сама-то позднихонько дочь свою родила, мне уж чуть не 40 лет было, - посетовала старушка. - Надо было раньше, да все раздумывала. Теперь вот обузой на ее шее буду висеть.

- Мне твое лицо кого-то напоминает, - внимательно разглядывая Михаила, произнесла Алевтина Сергеевна, когда они дошли до ее дома. - Совсем память стала никудышная, одно вспомню, так другое забуду. Дочь говорит, что нельзя мне одной жить, а я не соглашаюсь, сама себя еще могу обслуживать. Я ей так и сказала: «Вот когда лягу и встать не смогу, тогда меня хоть куда вези, хоть в приют сдавай, мне будет все равно. А пока я еще на своих ногах, буду дома жить».

- И как на это Рита отреагировала? - сам не заметил, как назвал ее имя.

- Так ты, милоч, и Ритку мою знаешь? - удивилась старушка.

- Тетя Аля, я - Миша, помните, мы жили в деревянном доме, что стоял напротив вместо того, кирпичного?

- Да, да, у тебя мать Леной звать? Помню, как же. Ой, Мишка, ведь в одном городе живем, а я тебя с той поры не видела, как вам квартиру в другом конце города дали. Видишь вот как оно, ты и Ритку помнишь. Я от нее и приехала, она меня в больницу там пристроила, потом в санаторий. Вот оклемалась маленько, да домой вернулась. Ну, спасибо тебе, Мишенька, проводил старуху, - сказала она на прощание и потопала к калитке.

Знакомство

Наступили праздничные дни, когда в детский сад ходить не надо. Мальчишки день-деньской пропадали на улице, по выходным вместе с родителями ходили в Поповку на лыжах, приводили друзей из соседних домов.

Михаил решил узнать, нет ли гостей у Алевтины Сергеевны. Вместе с Мариной пошли вечером погулять и добрались до той улицы. Ребята между домами брали сопку, крик стоял такой, хоть уши затыкай. Парни и девчата - все вместе. Они долго наблюдали за игрой, вспоминая свое детство.

Уже смеркалось, и когда игра закончилась, все начали расхо-

даться. Одна фигурка шла к знакомому дому, Михаил понял, что это Алиса. Было желание зайти, познакомиться с дочкой Марину, но он боялся неадекватной реакции Риты, поэтому решил на другой день сходить и выяснить обстановку.

Рита не то, чтобы не удивилась, а словно ждала Михаила. Он осторожно спросил, не отпустит ли она с ним Алису.

- То, что ты человек порядочный, я не сомневаюсь, вон мне мать все уши пропела, как ты ее до дому провожал. Я не думаю, что ты решил дочку у меня забрать, да и юридических прав у тебя никаких. Если захочет, пусть идет с тобой. Только ты ей не говори, что она - твоя дочь.

Михаил дождался, когда Алиса зайдет в комнату. Она с удивлением посмотрела на него, видимо вспомнила летний день, и как он прекратил драку.

- Алиса, хочешь пойти в гости к дяде Мише? Он тебя с сыночками познакомит, - сказала Рита. - Глядишь, и время быстрее пролетит.

- Да я не против, если ты отпускаешь, можно и познакомиться, - произнесла Алиса и смело подошла к Михаилу.

- Меня Алисой зовут, правда, я не белая и пушистая, но за себя постоять смогу, - чувствовалось, что за словом она в карман не полезет.

- Да у нас тебя никто не обидит, мальчишки еще маленькие, - засмеялся Михаил.

Гостья

На следующий день девочка появилась в доме Михаила. Марина встретила ее приветливо. Мальчишки сразу утащили Алису в свою комнату. Через какое-то время оттуда раздался грохот. Родители забежали в комнату и увидели, что шведская стенка, прикрученная к стене, лежит на полу, а под ней барахтаются их мальчишки и Алиса.

- Что надо сделать, чтобы вырвать стенку с «корнем»? - спросил Михаил, помогая ребятам встать на ноги. - Какую игру вы придумали?

- Это не мальчики, это я придумала, - смело ответила Алиса. - Вы же мужчина, все равно снова сделаете, а у меня такого никогда не было. Смотрю, и кольца ребятам повесили и разные снаряды имеются. Завидки берут.

Марина пригласила ребят к столу, отправив их предварительно помыть руки, а Михаил остался в детской. Он понял, что дочка его своим поведением совершенно не похожа на девочку. Да, она умеет себя защитить - это похвально, но она способна спровоцировать людей и на неблагоприятные поступки. Правильно ее бабушка сказала - хулиганка.

После обеда Михаил пошел с детьми во двор, предложив им построить горку. И опять удивила Алиса, словно каждый день снег метала, у нее это получалось быстро. Она даже предложила соревноваться с ней. Через час горка была готова. Потом все вместе носили воду, а Михаил осторожно поливал, чтобы не было никаких углублений.

Уставшие, покрасневшие и довольные ребята прибежали со двора, разделись и бухнулись на пол. Прошло немного времени, и они снова убежали в свою комнату, оттуда слышен был их смех.

Успокоить и ввести детей в правильное русло помогла мать Михаила, Елена Викторовна, пришедшая к сыну на другой день. Как ни странно, она быстро нашла подход к Алисе. Девочка с видимым удовольствием помогала ей на кухне, рассказывала, как живут они с мамой. С самого начала Алиса спросила, можно ли называть Елену Викторовну бабушкой.

- А я и есть бабушка, - засмеялась Елена Викторовна. - Моложе не стану. Вот и внучка у меня появилась, да такая большая, да такая умница, без тебя бы я не справилась на кухне. Кто же тебя всему этому научил?

- У меня в школе любимый предмет домоводство, - ответила Алиса. - Это кроме физкультуры, конечно. - Я и дома иногда что-нибудь готовлю, но редко, только когда мамы дома нет. Мне так хорошо здесь, даже не хочется к маме возвращаться.

Несколько дней жила у них Алиса. За это время вместе с мальчишками она разрисовала кошку, сделал что-то типа граффити на

стене, вырезала дырки на ребячьих джинсах и разлохматила их. Чтобы как-то отвлечь Алису от ненужной деятельности, Михаил вместе с детьми съездил на лыжную базу. Там все накатались до упаду с разных горок и на ватрушках и на ледянках, а то и просто так. Даже от ужина отказались, умылись и сразу спать.

Алисе пока не сказали, кто ее отец

Когда Михаил привел девочку домой, Рита равнодушно открыла дверь и прошла вперед, даже не взглянув на дочь. Михаила это несколько обидело. Мать даже не спросила, чем занималась Алиса в гостях, какие подарки получила, понравилось ли ей.

Из своей комнаты вышла Алевтина Сергеевна. Она пригласила Михаила присесть и начала задавать разные вопросы, но тоже не обращала внимания на девочку.

Он уже собрался уходить, когда к нему подошла Алиса.

- Можно мне еще когда-нибудь к Вам в гости прийти? - спросила она, а потом начала говорить быстро, словно боялась, что ее остановят. - Парни у Вас прикольные, хоть и маленькие, но мне с ними весело. Я с девчонками не вожусь, противные они. На базе мне горка понравилась, да и вообще, я с Вашей семьей дружить хочу, бабушка у мальчишек такая добрая.

- Дорогу знаешь, заходи, только маму свою предупреди, чтобы она не волновалась.

Рита вышла его проводить.

- Ну, как тебе наша дочь? - спросила с усмешкой.

- Нормальная девочка, в духе своего времени. - Он не стал рассказывать ничего о том, чем занимались дети, видел, что матери это неинтересно.

- Странно. Обычно все на Алиску жалуются, а ты ни слова.

- Дочка у тебя, Рита, как сорняк в поле растет. Ты хоть с ней по душам разговариваешь? О чем она думает, о чем мечтает?

- А-а-а, воспитание не нравится. А ты спроси, есть у меня время на душещипательные разговоры? Я, кроме работы, ничего не знаю. Считаю, первым делом надо накормить ее да одеть, все остальное само образуется. А за себя она постоит, никому спуску

не даст, это я точно знаю.

Михаил понял, что разговор надо прекращать. Спросил, не нужна ли помощь, пообещал выслать для девочки деньги, попрощался и отправился восвояси.

- Спасибо тебе за Алису, - крикнула Рита вслед.

Михаил думал и не мог взять в толк, почему ему жаль Риту, не сложилась у нее жизнь. Он, конечно, понимал - есть в этом и его вина. Любил ли он ее в юности? Ему казалось - да, любил. А сейчас? Однозначно, нет! Марину даже сравнивать нельзя с Ритой, от которой будто ржавые осколки отлетают. С той юношеской поры она не выросла духовно. Что осталось? Только ржавчина старой любви.

2020г.

РЫЖИКИ

Ира и Антон были друзьями детства, потом пути их разошлись, но будучи уже взрослыми, через 50 лет случайно нашли друг друга в «Одноклассниках». Им очень хотелось встретиться, а когда такая возможность появилась, Ира вдруг в последний момент передумала идти на встречу. А через какое-то время увидела фотографию Антона в черной рамке...

* * *

Не очень весело начиналась жизнь Иры. Не стало родителей, и ее, еще ребенком, взяли к себе тетя и дядя. Она всегда была одета и обута, жила в хороших условиях, но особой ласки со стороны домашних не видела, они всегда были в работе. Единственной отдушиной была бабушка, к которой девочка любила прижиматься и сидеть так некоторое время. Ира росла послушной и серьезной девочкой. У нее были каштанового цвета волосы, и она, бывало, страдала из-за этого, потому что ребята называли ее рыжей. Учительница, однажды услышав это, сказала в классе, что у Иры не рыжий, а каштановый цвет волос, он очень редкий, и потому считается самым модным. С той поры прямые нападки на нее прекратились. Но втихаря нет-нет, да опять кто-нибудь обзовет ее. Она не жаловалась, и плакала, когда никто не видит.

Учебные дела у Иры шли без всяких проблем, она всегда хорошо училась, готовилась к урокам добросовестно. Как-то на субботнике мальчишки из детского дома снова начали ее донимать. Она молчала, драться не умела, оскорблять в ответ не хотела.

- Эй, вы, - крикнул вдруг парнишка в кепке, выскакивая из-за школьного сарая, - Только раз еще услышу, что обзываете эту девочку, берегитесь, наложу «горячих» - не обрадуетесь. - Пацанам пришлось спешно ретироваться.

Неожиданного защитника звали Антоном, он учился на класс старше, и был воспитанником детского дома. К своему удивлению, Ира заметила, что его волосы такого же цвета, как у нее.

- Ну, что Рыжик, успокоилась? - спросил он снисходительно,

подходя к ней. - Я такой же, как ты. Нам вместе надо держаться, - и засмеялся, словно горох рассыпался.

С того времени они виделись часто. Она прощала его, когда он называл ее Рыжиком. Нельзя сказать, что мальчишка был примерного поведения. Как все. И дрался, и ругался, бывало, но к Ире относился с внутренним благоговением. Учителя удивлялись, какая дружба может быть между таким шалопаем и серьезной ученицей. Не одобряли, но и не мешали, наблюдая за ребятами со стороны.

Неожиданно все кончилось. После семилетки детдомовских ребят отправляли по разным училищам. Мальчишка был бы рад остаться, однако ни учебой, ни дисциплиной не блистал, поэтому никаких шансов у него не оказалось. А поскольку он слыл человеком гордым, просить не стал и, подчинившись приказу руководства, уехал. А перед отъездом пришел в дом Иры и просил родителей, чтобы они отпустили девочку с ним. Конечно, ему отказали, мало ли что вздумается 15-летнему подростку. С тех пор от него не было ни писем, ни приветов.

Ира скучала, бесцельно ходила по улицам, ей не хватало привычного общения, ведь с Антоном она могла говорить обо всем, чувствовала в нем родственную душу, он для нее был и лучшим другом, и братом. Ей часто казалось, что вот-вот, как черт из табакерки, выскочит неожиданно Антошка и крикнет: «Рыжик, догоняй!»

* * *

У Иры всегда друзей было много и на улице, и в школе, это скрашивало, особенно в первое время, тоску по другу. После окончания школы работа, снова учеба, сессии, экзамены, семинары... практика на заводе. Постепенно стал забываться образ друга детства. На заводе она встретила человека и по-настоящему полюбила, он потом стал ее мужем. В нем соединилось все: ум, доброта, честность, порядочность, общительность. На заводе его ценили, как классного специалиста. С того времени в Оханск Ира ездила уже с ним.

Володя (так звали мужа) перезнакомился со всеми бывшими

одноклассниками Иры, живущими в Перми и Оханске. Часто они собирались семьями, вместе отмечали праздники или дни рождения. Потом дети пошли, дочь и сын. Заботы, дела и общественная работа отвлекали от посторонних мыслей.

Иногда, бывая в родном городе, Ира вдруг ни с того, ни с сего вспоминала Антона. Мужа она любила, просто хотелось поговорить с другом детства, узнать, как живет, и открыть свою душу. Не случилось. Больше ее никто и никогда не называл Рыжиком.

Шли годы. Повзрослели дети, выучились. Казалось бы, родителям остается только отдыхать. Но не тут-то было! Заболел Володя. Болезнь оказалась тяжелой и продолжительной. Больница, лекарства, уход и так далее. Ира не верила, что он может уйти из жизни.

Это все-таки произошло. Первые дни после похорон Ира ходила, как потерянная и все прислушивалась, не позовет ли Володя. Теперь, по прошествии времени, уже не так ощущается пустота. И снова появилась потребность поделиться с кем-то своими мыслями. Опять вспомнила Антона. Она была уверена, что он ее поймет.

Когда появилась возможность встретиться, вдруг испугалась. Она не помнила его голоса, может быть, он и слушать ее не захочет, да и внешность изменилась. Если бы знать, что это была последняя возможность увидеть старого друга, все бы бросила и побежала на ту встречу. Но все ушло безвозвратно. В голове сами собой сложились стихи.

Я знаю, нелегко найти таких, как ты, друзей,
Ты согревал меня улыбкою своей,
Всегда старался и понять, и подбодрить,
Печаль и радости со мною разделить.
Тебе доверить я могла заветные мечты,
Мне очень повезло, что в детстве у меня был ты.

Недолго длилась их переписка в «Одноклассниках». Ушел друг, не сказав последнего «Прости».

2021г.

Свадьба, золотом увенчанная

Г.П. и С.М. Ратановы. 2023г.

Золотая свадьба - это полвека, большая часть жизни, множество счастливых и не очень моментов, где были и печали, и радости. Это апогей семейных отношений. Вот почему каждая семейная пара мечтает о том, чтобы дожить вместе до этого юбилея и заново пережить те прекрасные мгновения, которые они испытали 50 лет назад.

Все-таки интересная штука - жизнь, которая сводит воедино совсем незнакомых ранее людей. Весь район знает сегодня семейную пару Ратановых, Степана Михайловича и Галину Петровну. Их первые встречи были совершенно случайными и ни у которого из них в душе следа не оставили. Она с седьмого класса училась в Кунгуре, потом в педучилище. Он после окончания Оханской средней школы стал студентом медицинского института. Однако жизнь упорно подвигала их друг к другу.

- Помню, приехала я в Оханск на зимние каникулы к родителям, здесь у меня брат еще жил, - рассказывает Галина Петровна. - Он с женой пригласил меня на танцы. Я же никого здесь не знаю, поэтому отказывалась. Уговорили все-таки. Пришли мы на танцы, у них там целая компания собралась друзей и одноклассников. Среди них был Степан, но я даже его не заметила. После танцев все пошли домой через стадион. Мимо горки не прошли. Я поднялась туда и не успела за поезд ухватиться, все уже скатились. Вдруг, чувствую, меня сзади кто-то обхватил, и мы на ногах съехали с горы. Тогда только его разглядела. После этого долго не виделись. А тут в одном автобусе оказались летом, он ехал с кем-то из знакомых, и до того они громко смеялись, что пришлось сделать замечание. Это была вторая встреча, а третья снова на танцах, но уже на танцплощадке в городском саду. Я пришла с подружкой, а у неё парень приехал. Они убежали, а я одна осталась. Ко мне подошел Степан, пригласил на танец. Оказалось, он так легко танцует. Потом был следующий танец, и еще. Потом он вместе с другом проводил меня до дому, нам было по пути.

Так и пошло. Всё лето танцы, кино, пляж. Однажды Галина возвратилась с танцев очень поздно. Матери дома не было, она была в санатории. Бабушка отходила внучку валенком за позднее возвращение. Напрасно внук с женой говорили, что она с ними была, бабушка требовала порядка.

Потом наступила осень. Степан уехал в Осу, а Галя начала работать в детском саду. Переписывались. Раз в десять дней он приезжал, чтобы сходить с Галиной на танцы или в кино. Так пролетел год.

Когда они поняли, что им не комфортно друг без друга, подали заявление в ЗАГС. Постепенно будущий муж начал знакомиться с её матерью. Они жили в то время через дом друг от друга. Ему очень в доме невесты нравилась капуста. Он, смеясь, говорил, что женится на Гале в том случае, если она так же хорошо будет солить капусту.

Наступил день свадьбы, 29 июня. С утра парикмахерская. Едва успела переодеться, у ворот белая машина, а за рулем элегантный, как рояль, Р.А.Лещёв. Подъехали к ЗАГСу. Степан взял невесту

на руки и понес по крутым лесенкам (сейчас в этом здании «Гарант») зарегистрироваться.

И как потом рассказывал друг Степана - Александр Колчанов, играть на баяне во время свадьбы пришлось самому жениху, других баянистов среди гостей не оказалось.

Три дня гуляли. На третий день пошел дождь, гости разошлись по домам, и наступила блаженная тишина. Молодые уснули, как убитые.

Потом начались будни. Жили какое-то время у Ратановых, где всегда было тепло и уютно, где все понимали друг друга. Вообще Степан очень трепетно относился к родителям, он не был избалован, несмотря на то, что родился последним ребёнком в семье. Старшие сёстры, проживающие в то время на севере, ему помогали, пока он получал образование.

Когда молодым дали квартиру в кирпичном доме, перебрались туда, но дом был не обжитым, холодным, недоделок много, дочка начала болеть. Пришлось вернуться к родителям.

Чтобы быть женой врача-хирурга, требуется колоссальное терпение иметь, но постепенно Галина привыкла к ночным вызовам мужа. Он старался ее не будить, собирался по-солдатски, потому что все вещи у него знали и всегда знают свое место. У него всегда порядок, он в курсе, где что лежит и в любой момент найдет, что нужно.

Интересной была комсомольская жизнь в больнице тех лет: сдача норм ГТО, тренировки, соревнования, вечера, общие праздники. Был свой вокальный молодежный ансамбль, который очень любили оханцы, пели под баян Ратанова. Кстати, музыкой Степан Михайлович начал заниматься еще в школе. Помню, на всех концертах он исполнял молдаванеску, и с каждым разом она у него звучала по-новому, человек совершенствовался. В студенческие годы мастерство повысилось, он подбирал на слух понравившиеся песни. Как хирургу, игра на баяне помогала ему разрабатывать пальцы.

- У меня никогда не было чувства ревности, - говорит Галина Петровна. - Я доверяю мужу во всем. Если он уезжал с концер-

том, что было довольно часто, или уходил в экспедицию, которые нет-нет, да устраивал райком комсомола, даже подумать не могла о нем плохо. Я же понимаю, если человек общительный, он просто по природе не может сидеть постоянно возле жены.

Лет 20 назад занялся Степан Михайлович пчелами. В огороде родителей стояли три улья. Перенесли их к себе. Закупили еще, а потом знакомые из Окуловки предложили разместить пасеку у них в огороде. Около десятка лет Ратановы арендовали в Окуловке территорию. Потом купили свою. Пасека росла. Сейчас там не только пчелы. Ухоженный прекрасный огород, где всё растет, где нет ни травинки. А еще не отнять его любовь к лесу, особенно осенью, когда можно побродить, не спеша, с лукошком. У него свои заветные грибные места, которые он никому не показывает.

В зимнее время, в течение 20 лет, С.М.Ратанов обучал ребят детского дома азам настольного тенниса, сам он кандидат в мастера спорта по этому виду. О своем здоровье тоже не забывает, постоянным местом его тренировок стала лыжная база «Метеорит», где всю зиму идут соревнования. Конечно, непременным участником бывает Степан Михайлович и почти всегда занимает место на пьедестале почета. А еще ему не безразличен шахматный клуб «Белая ладья», где участвует в шахматных баталиях. Нет у человека свободного времени. Он не раз, передвигаясь по возрастным категориям, сдал нормативы ГТО на золотые значки, Немало времени уделял занятиям в драматическом коллективе, его роли в спектаклях всегда отличались непосредственностью и необыкновенной привлекательностью.

Галина Петровна после детсада десятки лет трудилась в детском доме, а потом, когда на руках оказались три пожилых человека, поняла, что надо им уделить внимание. Домашней работе предела нет, одна готовка обедов занимает уйму времени. Друг за другом ушли родные люди в мир иной, уход за ними был достойный. После этого Г.П.Ратанова тоже начала вести общественный образ жизни. Возглавила клуб «Хозяюшка», где все по программе, чем заняться зимой, и чем весной. Теперь начала ходить в клуб «Открытые сердца», изредка бывает в «Гурманушке».

- У меня очень хорошая жена, - отзывается о своей супруге Степан Михайлович. - Она и внимательная, и строгая, и добрая, и щедрая, и вообще самая лучшая. Она говорит, что первые встречи для нас обоих ничего не значили. Для неё, может быть, а я приглядывался к ней. Характер независимый, говорит все, что думает. Мы с другом как-то на танцах были, смотрим, а она одна стоит. Друг меня подтолкнул, и я к ней подошёл. А она мне в глаза: «Ты, наверное, пригласил меня, потому что тебе больше никто по росту не подходит?» Представляете, такое сказать? Да, рост у меня чуть ниже среднего, так и она не каланча. В общем, я это «проглотил» и на следующий танец опять её пригласил. Весёлой девчонка оказалась.

Позади 50 лет совместной жизни. Никуда они не уезжали, так и живут в той квартире, которую когда-то получили от больницы. Здесь выросли их дети. Дочь пошла в медицину, а у сына золотые руки, как у любого работяги. Он имеет первый спортивный разряд по настольному теннису, не раз был победителем районных и областных турниров.

В настоящее время Степан Михайлович и Галина Петровна, как всегда, заняты: общественные дела, внуки, хозяйство. Другие семьи в их возрасте предпочитают жить для себя, свили гнёздышко и никого туда не впускают. А Ратановы живут на виду. Много лет он избирался депутатом местного самоуправления, был председателем Земского собрания, ему присвоено звание Почетного гражданина Оханского городского округа. При всей своей занятости он успевает разучивать новые песни, радуя своих соседей и друзей. Баян будто прирос к нему, а первой запевалой для него всегда была и есть Галина Петровна со своим высоким звонким голосом.

На Дне города, 24 июня, золотая пара Ратановых в числе других юбиляров получила памятный знак «За сохранение семейных ценностей».

2023г.

Секретарь райкома

А.Р.Гилева. 1998г.

Более 30 лет назад эту статную, красивую женщину знали все в районе. Александра Романовна Гилева работала первым секретарем РК КПСС, ее уважали, а многие побаивались за строгость и требовательность. Она и сегодня не потеряла интерес к жизни, также по привычке ежедневно читает газеты, смотрит новости по телевизору, а в огородный сезон живет на даче в деревне.

Лето 1969 года. Районный пленум коммунистов. Вторым в повестке дня значился организационный вопрос. Все знали, что первый секретарь уехал из района, но кто займет его место, было неизвестно, потому как подбором руководящих кадров занимался обком. На пленум прибыли два работника обкома, мужчина и женщина, которые скромно сидели в первом ряду.

Когда приступили ко второму вопросу, слово дали сотруднику областного комитета. И он представил на пост первого секретаря кандидатуру женщины, приехавшей с ним, Александру Романовну Гилеву. Это было неожиданностью для собравшихся. Как? Женщина будет руководить районом? А знает ли она толк в сельском хозяйстве? Такие вопросы будоражили головы коммунистов, кое-кто задавал их открыто. Александра Романовна рассказала свою автобиографию, из которой было ясно - она не случайный человек в сельскохозяйственном районе и опыт партийной работы немалый.

Педучилище, работа в сельской школе, затем Верещагинский райком комсомола (от заведующей отделом до первого секретаря РК ВЛКСМ), Верещагинский РК КПСС (от инструктора до третьего секретаря), Нытвенский райком (третий, а потом второй секретарь), инструктор Пермского обкома КПСС. Продвигалась по карьерной лестнице, никого не толкая.

Сказать, что Александра Романовна до приезда сюда не слышала об Оханском районе, было бы неправдой. В годы учебы в высшей партийной школе экономическую практику ей пришлось проходить в колхозе «Красный Урал» (Окуловка). Председателем тогда работал Кожевников Егор Иванович.

- Это крестьянин от природы, - отзывается о нем Гилева. - Умный, хозяйственный, предприимчивый. В коллективном хозяйстве он знал и видел все, глядел далеко вперед.

Оханская эпопея

Неласково принял наш район нового человека. На пленуме голоса разделились, но большинство все же поддержало кандидатуру обкома.

- Если сказать честно, я очень надеялась, что меня не изберут, во всей атмосфере заседания чувствовалась напряженность и недоверие ко мне. Это естественно, я же чужой человек, а варягов не любят, - сейчас Александра Романовна говорит об этом с улыбкой и легкой грустью, а тогда в ней боролись два чувства: с одной стороны - нежелание ехать в новый район, с другой - партийная дисциплина.

Жилья в городе не было, поэтому полгода жить пришлось в маленькой комнатенке райкома за библиотекой, в которой вместе с ней обитали еще и мыши. Ничего, места хватило.

В первые недели новый секретарь объехала все хозяйства района, познакомилась с руководителями и правленцами, ее рабочий день начинался в шесть часов, с утренней дойки. Хотелось самой удостовериться, не снизились ли надои.

- Познакомившись с председателями, я поняла, что во главе колхозов настоящие мужики - хозяева, знающие цену крестьян-

скому труду, умеющие повести за собой, - А.Р. Гилева рассказывает о них, а глаза ее смотрят вдаль, будто там она видит тех, кого запомнила на всю жизнь. - Моими первыми помощниками и советчиками стали А.Г. Ширинкин из Андреевки и В.П.Силин из Половинки. Я ценила очень ум и хозяйскую хватку В.Г.Мамаева из Острожки, Н.А. Арокина из Казанки, Н.А. Нефедова из Беляевки, Л.Н. Заякина из Дуброво, В.И. Усталова, М.С.Гневашевой, грамотными специалистами были В.М. Подосенов, Т.Н. Федотова и другие. К Николаю Ивановичу Салтанову (к-з «Прикамье») особое отношение. Он - новатор, не боялся внедрять новое. У него самые высокие надои были в районе. Салтанов первый у нас начал заготавливать сенаж, о котором другие и слыхом не слыхивали. Хозяйство считалось по всем показателям передовое. Председатель был очень внимателен к людям, умудрялся зимой привезти в колхоз цветы для женщин-животноводов, чтобы поздравить их с праздником. Первым в районе и построил дороги к Кочегаровской и Чугудаевской фермам.

Александра Романовна поведала о работе народного контроля, руководимого Чесноковой А.Ф. Народный контроль был хорошим помощником, видел все и вся, нерадивые боялись. Если в хозяйство приезжала Чеснокова, председатели заранее почесывали затылок - уж кто-кто, а она обязательно что-нибудь найдет.

Однажды в каком-то журнале первый секретарь увидела статью, которая очень ее заинтересовала. Называлась она «Богодуховский метод». В ней речь шла о том, что в селе Богодухово на Украине выход сельскохозяйственной техники на линию - 95 процентов, практически, нет простоев; в Оханске же процент составлял 60-65, не более. Трактора, стоящие на полях в бездействии - не редкость, запчастей не было.

- Собрала руководителей, все прочитали статью и согласились с тем, что надо отправить делегацию на Украину и все подробно разузнать, - продолжает Александра Романовна. - Во главе поехал второй секретарь райкома Ю.В. Никипелов. Съездили не зря. Привезли расчеты, обоснования. Работа началась, а возглавил ее директор сельхозтехники П.С.Солодянкин. Были созданы

диспетчерские службы. Ежедневно докладывали в район, сколько единиц техники на линии. В каждом хозяйстве был инженер-механик. По первому сигналу на место привозились запчасти. И получилось. Техническое обслуживание автопарка позволило району выйти в число передовых в области.

Район, который остался со мной

Первый секретарь всегда курировала сельское хозяйство, но и другие стороны жизни района не выходили из поля зрения партийного руководителя. В те годы, в отличие от сегодняшнего дня, большое внимание уделялось досугу. Были построены Дома культуры в Половинке и Таборах, Пономарях и Беляевке. Хорошо работали строительные организации, которые возглавляли А.А.Чудинов и А.А.Сельков. Дома культуры, а также школы в Дуброво и Острожке - дело их рук. Нельзя сбрасывать со счетов то, что при нехватке рабочей силы можно было использовать труд заключенных.

- При мне началось строительство газокompрессорной станции, прокладка газопровода, - Александра Романовна многое уже подзабыла, ведь прошло более 30 лет, как уехала из Оханска на другую работу. - Хорошо помню главного инженера самого большого предприятия в городе - швейной фабрики, В.Ф. Колесникову, директором тогда был В.Ф. Огнев, потом его сменил П.Е.Коробейников.

У нас было недостаточно времени, чтобы поговорить обо всех сферах деятельности района с 1969 по 1975 годы. Но многое помню сама. Именно Александра Романовна Гилева представляла наш район на 24 съезде КПСС, во время работы в Оханском районе ей вручен орден Трудового Красного Знамени и юбилейная медаль к 100-летию В.И. Ленина.

В моей жизни Александра Романовна тоже сыграла большую роль. Она принимала меня в партию, а потом с ее легкой руки я окончила госуниверситет. Было время, когда я решила целиком посвятить себя швейному производству и поступить в Ленинградский технологический институт, хотя позади было два курса

университета. Готовилась уже к экзаменам по математике и физике. Вызов в райком «на ковер» застал врасплох. Пришла. Не забыть тяжелый взгляд секретаря, такой никогда ее не видела. Она спросила, по какой такой причине я бросила учебу. Объяснила, но, видимо, не убедила.

- Значит так, - заключила Александра Романовна, - немедленно восстанавливайся в университете, получай диплом, а потом поступи в свой технологический. Лишний диплом еще никому кармана не оттянул.

Со скрежетом в душе, слово я дала. А когда получила диплом, привезла его А.Р. Гилевой, которая работала тогда в отделе реализации путевок при Пермском совете по управлению курортами. Она вопросительно смотрела на меня, ничего не понимая.

- Это Ваш диплом, - говорю ей. - Помните тот разговор?

Конечно, она забыла, пока не напомнила. Все равно, я благодарна, что она настояла на дальнейшей учебе. И сейчас мы остались добрыми друзьями. Александра Романовна интересуется жизнью в районе, спрашивает о людях, с которыми работала. Многих уже нет, но, щадя ее возраст и здоровье, об этом приходится умалчивать.

- Ты только не хвали меня, когда будешь писать, ты же о районе пишешь, а не обо мне, - предупредила Александра Романовна. - Не все гладко было, но трудности преодолевали. Думаю, и ошибки совершала, но не ошибается тот, кто не работает. Во всяком случае, старалась поступать так, как совесть велит. Пусть простят меня те, кого не назвала, не вспомнила, всех в памяти удержать невозможно, но Оханск всегда вспоминаю по-доброму.

2009 г.

Семейной жизни золотые юбиляры

Они многое пережили вместе, счастливая супружеская пара, прожившая в любви и согласии 50 лет. Виктор Анатольевич и Валентина Павловна Болотовы (на снимке) отметили свой золотой юбилей 20 апреля. Именно в этот весенний день, полвека назад, они стали мужем и женой. Их союз

оказался по-настоящему крепким. У них двое детей и четверо внуков. Несмотря на такую весомую дату, муж и жена остаются скромными, не любящими быть на виду.

Молодая женщина в панике металась между домами и задавала всем прохожим один и тот же вопрос: «Вы маленького мальчика не видели? Ему шесть лет». Никто не видел. Женщина боялась отойти далеко от дома, потому что в кроватке ее ждала четырехмесячная дочка, а тут сыночек пропал, хоть и пообещал не уходить со двора. Что она мужу-то скажет, когда он вернется из рейса?

Кто-то посоветовал «заглянуть» на пустырь, где стояла огромная лужа, там ребятишки любили кататься на плоту. И каково же было удивление матери, когда она увидела на плоту посередине «водоема» сына. Сразу улетучились гневные слова, которые она приготовила для своего неслуха. Мальчик сошел с сооружения, называемого плотом, медленно подошел к матери со словами: «Я больше не буду».

Как давно это было! Валентина Павловна задумчиво смотрит на место, где когда-то стояла та лужа. Сейчас все огромное пространство заняли двухэтажные дома.

- Пятьдесят лет семейной жизни пролетели, как один день. Все эти годы мы с мужем прошли рука об руку. Главное, сейчас не терять интерес к жизни, также любить, ценить друг друга и все будет хорошо, - поделилась она своими мыслями.

Как начиналась «золотая» история семьи? Познакомил наших героев случай: они встретились в 1968 году. Тогда многие парни знакомились с девушками на танцах. Молодежи было много, выбор большой. Фабричные девчата обычно ходили группами. Постепенно к одной из таких групп примкнули молодые люди. Вместе гуляли, танцевали, так и познакомилась Валентина с Виктором. Её невозможно было не заметить. При своем небольшом росте она имела такой пронзительный голос, что можно уши закладывать, если она кого-то окликала. Услышал парень девушку, обратил на неё внимание - и сразу пропал. Не верил он в любовь с первого взгляда? И вот танцы за танцами, выходные за выходными - так началась история их любви.

Когда по вечерам они гуляли по вечернему городу одни, разговаривали вполголоса и трудно было представить, что в таком хрупком создании «живет» голос огромной силы.

* * *

Если Виктор Болотов родился в Оханске, то Валя Кайгородова была родом из Удмуртии. Приехала к тётке в гости после окончания восьми классов. Приехала и осталась здесь навсегда. Так сложилась судьба, попробуй уйти от неё. Пришла работать на швейную фабрику, а по вечерам училась в школе рабочей молодежи.

Хорошее было время! Валя участвовала везде, где было можно: её избирали в комитет комсомола, в совет бригады и цеха, она пела в фабричном хоре и вокальном ансамбле. Ежедневно, в одно и то же время в огромном цехе замолкали машины, и только голос Валентины был слышен в любом конце, она проводила производственную гимнастику. Когда наступал летний сезон, девушка защищала спортивную честь предприятия на районных и област-

ных соревнованиях. А еще любила фотографировать своих подружек. Самыми близкими для неё были Светлана Иванова, Аня Евсеева, Галя Боталова, с которыми она не теряет связи по сей день.

Виктор казался полной противоположностью. Больше молчал, чем говорил и постоянно старался оставаться в тени. Вскоре его призвали в армию. Валя проводила парня и два года ждала. Нет, ничего не изменилось. Она вела такой же активный образ жизни, так же бегала с друзьями на танцы, участвовала везде, где можно, но как только кто-нибудь начинал оказывать ей внимание, давала понять, что у неё уже есть жених, и она обязательно дождетса его из армии.

И дождалась! Снова свидания, гуляния под луной и разговоры по душам. В общей сложности они дружили пять лет, и только потом Виктор осмелился, наконец, произнести фразу из трех слов: «Пойдем завтра в ЗАГС».

В течение 17 лет швейная фабрика была ей вторым домом. Валя работала вначале в молодежном цехе, после его расформирования попала во «взрослую» бригаду, а потом в комсомольско-молодежную имени Ульяны Громовой, где большинство девчат, как и она, были очень активными.

Валентина вышла замуж, стала носить фамилию Болотова. После рождения детей, она на четыре года перешла в разряд надомниц. Дети часто болели, пока были маленькими, поэтому надомный труд оказался более выгодным и для неё, и для детей.

* * *

Виктор ударно трудился в промкомбинате, в 1976 году его избрали делегатом съезда работников лесоперерабатывающей промышленности. После закрытия предприятия пришлось искать новое место работы. Еще до армии он окончил курсы шоферов в Зюкайке, поэтому профессия у него надежная. Виктор Анатольевич всегда отличался аккуратностью и любил порядок во всем. Этого же требовал от детей. Он ни разу в жизни никуда не опоздал, машины, на которых работал, отличались чистотой, терпеть не мог грязи на своем «орудии труда». Приняли его в ОВД, затем

переводом перешел в систему вневедомственной охраны. Позднее и жена перешла туда же.

И на новом поприще Валентине Павловне не сиделось спокойно. У неё развито острое чувство справедливости, поэтому без лишних разговоров она вошла в профсоюзный актив вневедомственной охраны.

Болотовы поначалу жили в коммунальной квартире, а потом купили домик на дальней немногочисленной улочке Оханска.

Непросто было в 90-е. Все дела разрешались по бартеру. Наличных денег не было. Семья выжила благодаря тому, что держала полный двор скотины. Продукты были свои, но за все расплачивались мясом. Конечно, нелегко давался сенокос, а участок был под Подволоком. Выращивали рассаду не только для себя, несли на рынок.

- Я очень благодарна соседям: Цепенниковым, Варламовым, Вогуляковым и другим, которые всегда нас выручали в трудную минуту, - говорит Валентина Павловна. - Сейчас я такой дружбы и взаимопомощи, которой отличалось прошлое поколение, не наблюдаю. У молодежи этого нет, в большинстве - каждый сам за себя.

Сын Болотовых - Валерий 20 лет работал в казначействе, сейчас трудится в охране. Ирина стала экономистом, со своей семьей живет и работает в Перми. Главное, и дочь, и сын не чураются никакой работы.

* * *

Пятидесятилетие совместной жизни называют золотой свадьбой, потому что золото вообще не ржавеет. Но есть и другая версия - за полвека любые характеры превращаются в сплав драгоценных качеств, каждый прожитый и будущий день становится очень дорогим.

- Мы очень хорошо прожили все это время. Сейчас у нас уже взрослые дети, внуки. Никаких особых секретов нет, чтобы построить крепкие отношения, самое главное - всегда стараться понять друг друга, - считает Валентина Павловна. - Важно, чтобы все были рядом и не ссорились. Мне кажется, все иногда ссорятся

и мы не исключение. Только ссоры и размолвки у нас недолгие. Мы никогда не собирались уходить друг от друга, поэтому пять минут поворчим и все. В наше время даже мыслей не было расходиться, женились раз и на всю жизнь. Развод считался позором.

Валентина Павловна считает, что женщина всегда должна быть поддержкой и опорой своего мужчины. Друг о друге заботиться нужно, особенно сейчас, после стольких лет совместной жизни.

Наши сегодняшние герои - уже бабушка и дедушка, которые, держась за руки, прошли вместе сквозь огонь и воду, преодолели все жизненные трудности и испытания, вырастили детей и внуков.

- Так вышло, что мы с мужем не получили специального образования, не обзавелись профессией, на то были свои причины, - говорит В.П.Болотова. - Собственно, в то время невозможно было остаться без работы, молодежь нужна была везде даже без всякого опыта работы. Зато мы очень радуемся за своих четверых внуков. Одни из них уже получили высшее и среднее специальное образование, причем окончили учебные заведения с красными дипломами. Другие еще учатся.

Наступила весна. Для семьи снова горячее время. Начинаются огородные работы. Болотовы заготовок делают столько, чтобы хватило на всех. По осени ездят за Каму, собирают клюкву, чернику и бруснику.

Теплым летним вечером так приятно сидеть на скамеечке, наблюдать, как течет река, смотреть на белые пароходы, которые сейчас не так часто ходят мимо Оханска.

Хороший крепкий союз получился у Виктора Анатольевича и Валентины Павловны. Пусть такими же крепкими будут семьи их детей и внуков.

2023г.

Семья - это семь «Я»

Этот небольшой проулочек в Беляевке поражает своей чистотой и аккуратностью. Ни мусора, ни дров, ни крапивы с лопухами. У второго от угла улицы Советской дома крылечко аккуратно покрашено, а возле дома низенькая зеленая трава, по которой так и хочется пройти босиком. Живут здесь ветераны труда Александра Михайловна и Иван Александрович Калугины.

Родом они из деревни Загорка, которая давно уже прекратила свое существование. Уезжали оттуда одними из последних, в глубине души надеясь, что все образуется и будет жить родная деревня. Она потому и называлась Загоркой, что располагалась за большой горой. Там даже своя часовенка была. Клуб начинали строить, но успели только сруб сложить. Война началась. Тут уж не до клуба.

К тому времени Александра Михайловна и Иван Александрович, будучи еще детьми, успели только пять классов окончить. И запряглись в колхозную работу на долгие годы.

Выдавались и в войну минуты отдыха. Тогда все, кто помоложе, собирались в недостроенном клубе и устраивали вечерки. Там Иван Александрович и приглядел маленькую хрупкую Шурочку. Сам в деревню прибегал с хутора Горожаны, чтобы послушать, как она поет.

В октябрьские праздники послевоенного 1947 года поженились. Вскоре Иван Александрович выучился в Очере на механизатора и 25 лет отработал на тракторе и комбайне. Вечером допоздна, а чуть утро забрезжит, уже на ногах. На последнем счету не бывал. Об этом говорят многочисленные почетные грамоты, значки и орден Трудовой Славы третьей степени.

Дружно живут Калугины. Любят работу выполнять вместе, и нет у них привычки, делить ее на мужскую и женскую. Во всем они доверяют друг другу.

Если театр начинается с вешалки, то деревенский дом, конечно, с сеной. В этом доме пристроенные сени можно назвать

веселыми. Много света, птицы поют, свежо и чисто. В доме все занавески светлые, а на окнах множество редких домашних цветов. Александра Михайловна в фартуке и в аккуратном беленьком платочке даже руками всплеснула, когда увидела неожиданных гостей.

- Да что мы такого сделали? Живем себе и живем, никому не мешаем.

Хозяин, коренастый, крепкий, как грибок, на этот счет отмолчался. Но кому бы, как не ему рассказать, сколько сил потрачено для того, чтобы заработать свою небольшую пенсию, так как после 25-летнего механизаторскою труда у него обнаружили глаукому. Даже заведующим фермой пришлось побыть. А когда в селе провели водопровод, взяли Ивана Александровича, как человека ответственного, на водокачку. Зарплата была невелика, поэтому ночами заслуженный механизатор подрабатывал в кочегарке. И так до самого выхода на пенсию. Соседкам постоянно помогал: то снег с крыши убрать, то приколотить что-нибудь, то вспахать. Что поделаешь, один мужик на весь проулок.

Надо сказать, что в семье Калугиных сильна хозяйская жилка и крестьянская сметка. У них все делается вовремя, и одна работа не набегаает на другую. Взять, к примеру, сельскохозяйственные работы. Как только Иван Александрович начинает пахать, косить или убирать урожай, все село знает - значит, пора. А уж если стадо пасет, то делает это тоже на совесть. Хозяйкам и говорить не надо, кто был пастухом, по скотине видно.

Александра Михайловна не привыкла ходить в магазин за хлебом. Печет его сама. И к любому празднику у нее на столе горячие пироги и шаньги. Она снабжает всех родственников свежим маслом, вяжет для них носки. Не могут такие люди без работы сидеть. Голос у нее и сейчас сильный, она поет в церковном хоре.

Иван Александрович все старается механизировать, облегчить свой труд, делает различные приспособления к трактору, все с умом, с прицелом на будущее.

Уже на пенсии занялся экспериментами. Прочитает что-нибудь интересное в журнале или книге - скорей применять на практике.

Захотел инкубатор сделать. За ночь не один раз вставал, днем постоянно следил. И получилось. Это в прошлом году, а нынче не так сделал и - неудача. Что ж, неудавшийся опыт - тоже опыт.

Чего только не выращивают они на своем огороде, а уж рассаду обязательно. И семена у них всегда свои, доморощенные. Порядок в огороде идеальный. Картофельные грядки ровные, как по линейке посаженные. В определенном месте овощи на семена садятся и цветы обязательно. Капусты много, чтобы и себе, и всей родне хватило, помидоры аккуратно подвязаны, и ни травинки. Правда, когда мы зашли в огород, Александра Михайловна все-таки узрела какой-то сорняк. Тут же вырвала его и растерялась, не зная, куда бросить.

Трое детей у Калугиных, все выучились, дочь и младший сын в город подались, а старший в родном селе остался, электриком работает. Вместе с отцом занимается малой механизацией. Даже коров руками не доят, приспособили доильный аппарат.

Внуки рвутся в Беляевку, никакие лагеря не нужны. Привольно им у бабушки с дедушкой. Они тоже растут трудолюбивыми и ответственными. Максим перешел в восьмой класс. Все лето живет в Беляевке. Привез с собой и любимцев - попугаев. Они уже птенцов здесь вывели. На мой вопрос, чем привлекает его деревня, он ответил, что любит кататься на лошади, водить трактор, помогать деду. Другой внук Саша только второй класс окончил, а целый день с Максимом на тракторе работал на сенокосе и не пикнул.

Справедливости ради скажу, что не только представители сильного пола, но и внучки Калугиных водят трактор. На сенокос съезжается вся родня, работают весело, дружно, за два-три дня при хорошей погоде с покосами управляются. То же самое осенью. Иван Александрович строго следит за порядком. Всему свой срок.

У них и в доме всегда порядок, какая бы страдная пора ни была. Каждая вещь знает свое место. Так было, когда дети росли, так было при внуках, так будет, когда станут приезжать правнуки. Уже сегодня гостит у них первый правнук Кирилл. Он еще очень мал, чтобы сказать, нравится ему в селе или нет. Зато маме его

очень нравится жить в семье, где все понимают друг друга и не держат камня за пазухой, где каждый готов прийти на помощь не только ближнему, но и совсем незнакомому человеку.

В этой семье никогда не возникает проблемы «сноха - свекровь», и односельчане по-доброму завидуют снохам Калугиных.

- Да, - скажете вы, наши читатели, - слишком уж идеальная семья, таких не бывает.

А вот бывает, могу поспорить. Сила Калугиных в том, что в горе и в радости они держатся вместе, всей семьей. И стержнем этого крепкого семейного клана являются Александра Михайловна и Иван Александрович.

1997г.

Сквозь морозные узоры

Когда наступает вечер, Александр Матвеевич садится возле окна и наблюдает за прохожими. Эта привычка появилась у него с тех пор, как привезли его из больницы после операции. Не думал он, что жизнь преподнесет ему подарок, готовился отправляться на погост, а вот уже больше десятка лет после больницы живет и относительно неплохо себя чувствует.

Вечер ложится на землю. Потемнели окна, и Александр Матвеевич словно «входит в сказку». Перед глазами мелькают причудливые картины, сменяя одна другую. А если мороз украсит стекла, тогда и вовсе красота получается. Сетует дед, что зимы стали теплыми, и редко выпадает возможность полюбоваться настоящими морозными узорами. Он не приверженец новых пластиковых окон, по его словам, в них исчезает сказка.

- Для меня зимние узоры, как возвращение в прошлое. Я и жизнь свою рассматриваю, словно через морозное окно. Даже не знаю, как и объяснить это, чтоб понятно было. Я же в детстве таким фантазером рос, на ходу сочинял, главное, мне в деревне верили, - смеется он. - А когда поняли, что это все я нафантазировал, начали врунишкой звать. Самое интересное, я сочинял, и сам в это верил, словно в сказке жил. Нет, писателем не собирался стать, да и образование не позволяло, у меня шесть классов только. В колхозе работал, тогда ведь рано дети выросли, время тяжелое, послевоенное.

Отец Александра Матвеевича трудился в колхозе со дня его основания, был безграмотным, но хозяином хорошим, с крестьянской сметкой. Уважали его люди, за советом приходили. Из-за отзывчивости и «погорел» мужик.

Ранним утром в 1939 году приехали люди из НКВД и без объяснений арестовали отца. Они не обращали внимания на четырех ревущих в голос ребятишек. Только покрикивали на их мать, чтобы она быстрее собирала всю ораву и выходила из дома. Шел ноябрь, но на улице было довольно морозно и снежно, ветер пронизывал насквозь.

Дети в легкой одежонке, а другой у них не было, жались к матери, которая вышла во двор только с узелком в руках, больше ничего взять не разрешили. На их глазах дом заколотили. Посадили хозяина в кошевку, его жену с детьми - в сани, и печальная процессия двинулась к райцентру. Там семью разлучили, даже с отцом детям не позволили попрощаться. Его оставили до «выяснения обстоятельств», а семья последовала дальше.

На вокзале в Перми выселенных со своих мест семей оказалось довольно много, их рассадили в «скотские вагоны» и повезли. Куда? Никто не знал. Что их ждет впереди?

Александрю Матвеевичу было всего четыре года. В пути он заболел. Мать над ним тряслась, как наседка над цыплятами, не разрешая никому подходить к ребенку. Лечила парнишку какими-то заговорами, по ночам читала молитвы. И выходила!

Поселенцы

Алтай! Вот где пришлось семье обосноваться. Всех обитателей их вагона высадили на каком-то полустанке, а остальных повезли дальше.

Конечно, четырехлетний ребенок мало что запомнил, но старшие сестры и брат ему рассказали, в какой растерянности были новоиспеченные поселенцы. Кроме будки обходчика, вокруг нет ничего. Нашелся человек, старик уже, который сказал, что надо «зарываться в землю», то есть копать землянки. Как это делать, никто не знал, ведь в большинстве этой огромной толпы были женщины и дети, не считая нескольких больных стариков. В первые дни ночевали у костров.

И все-таки вскоре земляной городок вырос. Консультировал всех тот самый старичок, он прошел Первую мировую и гражданскую войны, поэтому умел жить в экстремальных условиях. Орудий тру-

да у поселенцев не было. Обратились к обходчику. Он что-то выдал из своих хозяйственных запасов, а потом привез откуда-то три пилы да десятка два лопат без черенков, их уже насаживали сами. Вскоре и топоры появились. В свободное время обходчик помогал людям. В тех условиях ни о чем нельзя было думать, кроме еды и жилья. Неподалеку находился лес, ссыльные начали рубить его. Женщины валили деревья, а ребята постарше обрубали сучья, потом все вместе волоком тащили бревна в поселок. Кое-как обустроились, хотя вряд ли это слово подходило к тем условиям, в которых пришлось жить.

Так пролетела первая зима. Весной переселенцы принялись за строительство первого дома. Затем вырос второй, третий. За лето и осень успели поставить с десяток небольших домиков. Зимой опять заготавливали лес.

О том, что началась война, они узнали от того же обходчика, связи с «миром» все еще никакой не было. Военнообязанных среди поселенцев не числилось, да и деревня эта еще ни на какой карте не значилась, сами жители ее называли Лесной. Это позднее, когда она стала походить на населенный пункт, приехали представители из органов, районо, прокуратуры и так далее. Официально признали ее. Появился участковый, почта, организовали колхоз. В школу детей возили на почтовой лошади в соседний поселок.

А на запад шли и шли воинские эшелоны. Ребята бегали к поездам, иногда им бросали из вагонов что-нибудь съестное. Постоянным поставщиком пищи стал для них лес. Они даже умудрялись бить из рогаток птиц, чье мясо годилось в пищу.

В памяти Александра Матвеевича осталось вечное недоедание. Чтобы заглушить голод, он и начинал фантазировать. В его сказках все: и дети, и животные - были толстыми, а больше всего в них рассказывалось, о караваях и пирогах необъятных размеров.

Дети выросли

Об отце ничего не знала семья. Жизнь тем временем шла своим чередом. Ребята росли, с годами в деревне появились школа, медпункт, клуб. Неплохие урожаи выращивал и колхоз. Когда вышло постановление правительства о том, что поселенцы могут возвращаться в свои прежние места, кроме столичных городов, мать не

решилась срываться с места. Она была уверена, что мужа все равно нет в живых, а начинать все сначала у нее уже не было сил.

Первой покинула деревню Лесную Даша. Встретила хорошего парня, который увез ее в Барнаул. Потом уехал учиться в районный центр Василий. В армию его не взяли из-за плоскостопия. Александр никуда уезжать не собирался, понимая, что детей врагов народа особо нигде не жалуют. Трудился в колхозе во время страды механизатором, а зимой - шофером. Пришла пора - призывали в армию. Служил на Северном флоте. Там встретил девушку Иру, с которой потом и вернулся в свою деревню.

Мать обрадовалась невестке, потому что здоровье ее к тому времени резко пошатнулось. Младшая сестра Вера готовилась стать матерью, Василий, женившись, остался в районном центре. Жена Александра начала работать в школе, сам Александр по-прежнему - в колхозе.

С того времени, как появилась возможность отправлять письма, мать связалась на Урале со своей хорошей знакомой, Зинаидой Михайловной, и всегда радовалась весточке с малой родины. Она понимала, не обо всем можно писать, поэтому рассказывала больше о детях, а об условиях жизни - ни слова.

Однажды, это было уже в конце 50-х, в свое письмо Зинаида Михайловна вложила извещение о том, что Матвей Иванович Полыгалов пал смертью храбрых во время освобождения одного из молдавских сел.

Выходит, его не расстреляли, а выпустили из лагеря? Но где он был все это время, если в свою деревню не возвращался? Мать надумала все-таки съездить в родные места с надеждой узнать что-нибудь о муже. Одна ехать побоялась, поэтому взяла с собой Александра.

В доме приезжих

Они вышли из поезда в Перми ранним мартовским утром. Легкий морозец бодрил. На стареньком трамвае добрались до Муллов. Дальше ехали до Юго-Камского в кузове попутного газика под тентом, затем на тракторных санях в ворохе сена до Пашни, а там пешком до Камы. На реке вышла наледь. Мать с сыном осторожно шли по ледовой дороге, накатанной санями, обходя лужи

и проваливаясь в мокрый снег. К вечеру добрались до Оханска.

Знакомых в городе у них не было, поэтому им посоветовали идти в дом приезжих, там как раз постояльцев было немного. От усталости мать еле стояла на ногах. Александр уложил ее в постель, а сам решил пройтись по вечернему городу. Погода испортилась. Пошел мокрый снег с ветром, и он вернулся.

Дежурная, возраст которой определить было трудно, предложила ему горячий чай. Звали ее Клавдия Петровна. Чаевничали прямо в ее рабочей комнатке возле печки. Она угостила Александра капустными пирожками и спросила, по какой надобности совершают они с матерью столь дальний путь. И он доверился незнакомому человеку, рассказал об отце, о себе и о том, как семья оказалась далеко от родных мест.

- Как, Вы говорите, фамилия Вашего отца? - Женщина встала и открыла шкаф, где аккуратно были сложены какие-то бумаги и хозяйственные книги.

- Польшгалов - его фамилия, а звать Матвеем Ивановичем.

Она минут пять, молча, рылась в шкафу. Потом взяла одну из хозяйственных книг и раскрыла ее. Александр допивал чай и собирался уже уходить в номер, когда женщина широко улыбнулась и произнесла:

- Смотрю на Вас и думаю, где я видела эти глаза? Вот же, нашла! Польшгалов Матвей Иванович, 1910 года рождения. Жил у нас здесь целую неделю. Фронтовик, видимо, ранен был, он еще прихрамывал. Знаю, что в военкомат ходил несколько раз и в райисполком, ездил куда-то в район. А ты говоришь, погиб...

- Клавдия Петровна, этого не может быть! - от растерянности Александр чуть не выронил кружку. - Да и похож я на мать, а не на отца.

- Лицом на мать, но глаза от батьки достались.

- А куда он путь держал?

- Вот чего не знаю, того не знаю. Надо обратиться в военкомат, он, наверное, на учет вставал, хотя вряд ли. Но все равно, сходите.

Не мог в ту ночь уснуть Александр. Он почти не помнил отца, и снова начинал фантазировать. Вот отец, весь в наградах, идет ему навстречу. Вот маленькую сестренку берет на руки, а вот и

сам Александр, но уже взрослый, ведет под руку мать...

Утром его разбудила мать. Она торопила. Ей хотелось быстрее попасть в свою деревню. Утром на рынке можно найти попутную подводку. Александр сказал, что у него в Оханске кое-какие дела, поэтому придется задержаться. Мать не была любопытной, поэтому даже не спросила, какие такие дела у сына в незнакомом городе.

Его считали погибшим

Александр вошел в военкомат. Старинное здание из красного кирпича, где раньше был, видимо, купеческий дом. Спросил, числится ли в списках фронтовиков Польшгалов Матвей Иванович. Сотрудник подозрительно посмотрел на вошедшего.

- А Вы кто ему будете?

- Я - сын, и, насколько мне известно, отец погиб в войну. Вот я и зашел узнать о нем хоть что-нибудь. Нас разлучили еще до войны.

Сотрудник военкомата долго перебирал учетные карточки. Польшгаловых в районе было много. Наконец, достал одну, где черным по белому было написано, что Польшгалов Матвей Иванович, 1910 года рождения, вернулся с фронта, где находился с июля 1943 по май 1945 годов. Здесь же номера частей и номера госпиталей, где лечился, награды.

- Он снят с воинского учета по инвалидности, - добавил сотрудник.

- Как же тогда извещение о его гибели?

- Это ошибка, такое на войне часто бывает

- А Вы не знаете, где он обосновался?

- Как не знать? Военкомат его и направил на хлебопекарню, он худой очень, хоть подкормится, да и нужны там мужские руки, работа тяжелая. Сходите туда, это недалеко.

С чем можно сравнить чувства человека, узнавшего о «воскрешем» отце, которого считали погибшим?! Александр нашел пекарню и никак не решался туда войти. Увидев женщину, выглянувшую из двери, спросил об отце. Она сказала, что не его смена и назвала городской адрес, где он живет.

В деревянном доме было несколько квартир. Александр прошел по темному коридору, прислушиваясь к звукам, не зная, ко-

торуую дверь открыть. В это время в коридор выскочил подросток лет 12-и. Он и сказал, в какую дверь стучать.

На стук вышел высокий человек с залысынами у висков и шрамом на щеке.

- Вы кого-то ищете, молодой человек? - спросил он вежливо.

- Если Вы Матвей Иванович Польшгалов, тогда Вас.

- Я и есть Матвей Польшгалов. Заходите, коли пришли, - он отошел, пропуская гостя вперед.

Александр боялся задать самый главный вопрос, а человек ждал. Он поставил на стол пару алюминиевых кружек и снял с дышащей жаром печи чайник.

- Давайте почаевничаем, чем Бог послал, - сказал он, разрезая хлеб. Отказываться было уже неудобно, и гость сел за стол.

- Что привело Вас ко мне?

- А где Ваша семья? - брякнул Александр, не слыша вопроса.

- Не знаю. Нас развели еще до войны. У меня большая была семья, да время очень уж беспокойное. Жену Лизаветой звали, старшую дочку - Дашуткой, маленькую - Верой, а мальчишек - Васей и Сашей.

- Их репрессировали?

- Это меня репрессировали, а их сослали в неизвестном направлении. Вот и не знаю, живы ли. В свою деревню боюсь возвращаться, вдруг опять найдется доброхот, что донесет. Где узнать? Все засекретили. Правда, ездила туда по моей просьбе одна женщина, я просил узнать, нет ли там Лизаветы Польшгаловой. Она вернулась ни с чем, поэтому сам я туда не поехал.

- Теперь разрешили сосланным возвращаться в свои места, - перебил его Александр.

- Знаю, но страх во мне еще сидит, боюсь своих больше, чем врагов. Вот так, друг мой.

- Матвей Иванович, что-то мне воздуха не хватает, - соврал Александр. - Может, пройдемся, и Вы расскажете о своей семье.

- Пройтись, конечно, можно, вчера погода дурила, а сегодня тихо, только рассказывать-то мне особо не о чем. Давайте, погуляем, только печку закрою, а то остынет квартира.

Не получилось сюрприза

Они разговаривали и медленно приближались к дому приезжих. Сыну очень хотелось устроить сюрприз для матери. Не дошли до цели метров 200, навстречу им попала Клавдия Петровна, бежавшая за водой.

- Ну, вот, я же говорила, Александр, найдется Ваш отец! - воскликнула она.

Отец от неожиданности даже присел.

- Какой отец, чей сын? - Матвей Иванович во все глаза смотрел то на Александра, то на Клавдию Петровну и ничего не мог понять.

- Да это Ваш сын, они с матерью приехали, чтобы узнать о Вас. А жена Ваша пошла купить что-нибудь к чаю, скоро будет.

- Выходит, ты Сашка, который был самым младшим? А как остальные дети, как Лиза?

- Давай потом об этом.

Не получилось сюрприза у Александра. Клавдия Петровна успела еще на улице и матери сказать, что ее муж нашелся, отчего та чуть не упала в обморок. Она вошла в комнату, где на кровати в обнимку сидели отец с сыном, и застыла на месте.

Матвей Иванович поднялся, хромая, подошел к жене. Обнял ее.

- Лиза, Лиза, если б знала, сколько раз ты приходила ко мне во сне, - говорил он, ведя ее вглубь комнаты. - Я каждый раз просыпался и думал: как ты там с детьми, в какие края вас занесло? Нам ведь ничего не говорили.

- Бать, а как тебя из лагеря выпустили? - подал, наконец, голос сын, наблюдавший за родителями.

- Да не хочу я об этом вспоминать. Вроде, и должен быть доволен, что на войну отпустили. У нас там дружная группа сколотилась. Жили в одном бараке, помогали друг другу, а уголовники вели себя в лагере, как хозяева. В общем, проштрафились мы. Однажды привели новый этап, где, в основном, были политические. Среди них парнишка-студент, молоденький, красивый. Так вот взяли уголовники привычку над парнем этим измываться. Мы попросили начальство перевести его в наш отряд. Нам отказали. Тогда после ужина подкараулили мы одного из той шатии-братии

и «поговорили» с ним, только морда трещала. Убить не убили, но дня два он не вставал с нар. Потом еще с одним расправились, а там с третьим. Уголовники взмолились, к начальству пошли. В карцере сидеть - не самое страшное, тем более что было лето, жара. Мы думали, после их жалоб нас просто расстреляют. После очередного мордобоя, который мы устроили, начальник вызвал нас к себе.

- Надоело мне «полоскать ваше грязное белье и уголовников тоже», - закричал он. - Ишь, устроили. Завтра же отправитесь на фронт, в самое пекло, и того молодого красавчика с собой прихватите, чтоб из-за него драк тут не было. Вы ведь враги, вас убивать надо, вот и пусть убьют, жалеть вас некому, а писать вам некуда. Штрафники вы!

На следующий день их отправили вначале в Магадан, какое-то время держали там, пока готовили документы, а оттуда уже дальше. Только через месяц попали «враги народа» на фронт. Они считали, что лучше умереть в бою, чем в лагере.

- Того парня, из-за которого нас отправили на фронт, звали Ильей, - продолжал Матвей Иванович. - Мы к нему, как к сыну, относились. В лагерь он попал из-за стихов чешского поэта, которые читал на митинге. «Припаяли» ему связь с иностранными агентами.

Илья от души радовался, что оказался на фронте, очень жалел маму, оставшуюся во Владимире. Первый бой. Наверное, каждый фронтовик помнит его. Чувство ожидания - несравнимое ни с чем. И вдруг ракета! Это сигнал к атаке. Бойцы бежали, обгоняя друг друга. И вдруг, словно наткнувшись, Илья вонзил штык в свою первую жертву. Задумываться некогда. Штык вместе с винтовкой так и остался в теле врага, а он выхватил автомат из рук падающего немца и понесся дальше.

После первого боя вместо 300 человек в строю осталось чуть больше сотни. Из 12-и бывших заключенных, которым посчастливилось попасть в штрафники, троих не досчитались, а двое были тяжело ранены.

- Во втором бою Илья погиб, не смогли мы его защитить от

пули, - с горечью произнес Матвей Иванович. - Я заезжал после войны к его матери. И не только к его. Так случилось, из всего нашего «политического отряда» живым остался только я. Правда, не знаю судьбу тех двоих, что были тяжело ранены. А меня самого крепко прихватило в Чехословакии, контузия и ранение в бедро. До этого пуля меня нашла. Если б не медаль, в которую она попала, не видать бы мне белого света. Но ничего, оклемался. Домой комиссовали, видите, хромота теперь до конца жизни останется - фашистская памятка. Вернулся вот, работу получил, крыша над головой есть.

Послесловие

Долго разговаривали Польшгаловы в тот вечер. Мать с сыном через несколько дней уехали обратно на Алтай. Ближе к осени дети повезли мать уже на постоянное место жительства в Оханск. Встретились с отцом, но оставаться здесь никто из них не захотел. У всех была хорошая работа, семьи, квартиры.

Вместе с внуками они приезжали потом в гости к бабушке и маме. А когда здоровье матери совсем пошатнулось, к ним приехали Александр с Ирой, да так и остались.

- Нет у меня уже никого из самых родных людей, - говорит Александр Матвеевич. - Первой похоронил мать, отец еще несколько лет после нее жил. Потом я ездил на похороны брата Василия, за ним сестра Даша ушла, совсем недавно не стало Веры и моей Иры. Один остался, как перст. Сынок изредка навещает, он в Вязьме живет, дочка в Запорожье. Я уж теперь прадед, а правнуков не видел еще. Далеко разлетелись, теперь вместе никого не соберешь. Соседка за мной ходит, да внучка ее, мы дружно живем.

Старик ненароком посмотрел на замерзшее окно, и глаза его загорелись. Кого он там увидел и что придумал в очередной раз, мне не ведомо.

2019г.

Снова бои на моей малой родине

Донбасс. Кадиевка Луганской области. Это место, где прошло ранее детство Валентины Александровны Овчинниковой (в девичестве Шулики). Очень давно она покинула родную Украину, но знакомые названия до сих пор отдаются болью в сердце. Когда начали бомбить Донбасс, первой мыслью было - а жива ли Кадиевка?

В Кадиевке, где жила семья, отец трудился на химическом заводе, мать работала продавцом. Шесть лет было Валентине, когда началась Великая Отечественная война. Отцу принесли повестку. Он имел право на отсрочку, но не воспользовался этим, только сказал: «Я иду защищать Родину».

- Помню, прибежал, поставил нас с младшим братом на стул, - рассказывает Валентина Александровна. - Сказал, что едет на фронт. У меня слезы из глаз. Я тряску братишку - что ты не реवेशь, Вовка, ведь папку ты больше никогда не увидишь.

Эти слова оказались пророческими. Александр Андреевич Шулика пропал без вести в 1943 году. После войны один из тех, кому удалось выжить, рассказывал, что в Освенциме встречал Шулику, но о дальнейшей его судьбе ничего не знает. Сомневаться уже не приходилось - лагерная печь приняла отца, как и тысячи других, в свои «объятия», а потом выплюнула за ненужностью в виде серого пепла.

Как жилось в оккупированной местности, лучше не вспоминать. Немцы нагнали с каждым днем. Вроде, все уже у людей забрали, а каждый день ходили по хатам и требовали «яйки да млеко».

- Особенно не жаловали фашисты евреев, - продолжает Овчинникова. - Они их уничтожали, как только могли. Целыми семьями закапывали живыми, потом несколько дней земля шевелилась.

Матери трудно было одной, поэтому решила она податься с детьми в Полтавскую область, где оставалось много родствен-

ников. На открытой платформе товарного вагона приехали они к тетке по линии матери. Немцы пришли и туда. Там было не лучше, но рядом были родные люди.

Ребятишки ходили по помойкам и собирали картофельные очистки и все, что годилось в пищу. Бывало, ненароком попадали на глаза немцам, тогда приходилось «попробовать немецкого сапога», но полицаи были куда страшнее, их все стороной обходили. Однажды к ним в дом привели еврейского мальчика, его надо было спрятать от немцев. Конечно, это было рискованно, ведь полицаи вместе с фашистами чуть не каждый день обходили хаты. Целую неделю держали мальчика, потом за ним пришли и переправили в надежное место.

- Освободили село 26 мая 1944 года, - вспоминает Валентина Александровна.- Фашисты ничего не хотели после себя оставлять. Они сжигали целые села. А то сгоняли в сарай людей и поджигали. Мы в те дни спали одетыми, боялись поджога. Немцы перед тем, как удрать, прятались в кукурузе, в развалинах домов, везде, где только можно.

Война кончилась. Снова люди объединились в колхоз. Хлеба давали по 200 граммов на трудодень. Дети помогали взрослым. Даже колоски старались в поле не оставлять, все убиралось подчистую. Спасла семью кукуруза. Это и хлеб, и каша, и десерт. А еще ребята любили бураки, печеные в печке, это было настоящим лакомством.

Пора уже было обзаводиться собственной хатой. Построили из глины, покрыли соломой. Такие хатки были у большинства жителей села.

- Несмотря на то, что маме было трудно растить нас одной, она всех сохранила. После десятого класса я хотела поступить в пединститут. Приехал старший брат Виктор, который после техникума работал в Углеуральске, и забрал меня с собой. В институт я не прошла по конкурсу, а увидев объявление о наборе на курсы продавцов в Кизеле, записалась туда. Потом работала.

Там, на Кизеловской шахте рубил уголь молодой и бравый Борис Овчинников, родом из Оханска. Приметил он черноглазую

украинку. Не было дня, чтобы не зафиксировал свое присутствие. Поженились. Вот и сынок появился на свет. А на месте не сидится, поехали искать счастье на Украине. Два года жили, родили дочку. Но Борис не мог привыкнуть к чужим местам, ему хотелось домой, на Урал.

Уговорил-таки жену! В Оханске поначалу жили в маленьком доме свекрови, где обитателей в общей сложности было человек десять. И муж, и жена устроились на Оханскую швейную фабрику. Валентина Александровна начала работать швеей-мотористкой. Через короткое время стала уже мастером процесса. Фабрика строила свое жилье, одну из квартир получили Овчинниковы.

Почти в 40-летнем возрасте, решила Валентина Александровна поступать в Кировский технологический техникум, этого требовало производство, а она тогда была уже технологом. Несмотря на то, что ездила на курсы повышения квалификации в Киев и другие города, этого было мало. В составе целой группы работников фабрики она поступила и успешно окончила учебное заведение, став дипломированным специалистом. На швейной фабрике она отработала 36 лет, ветеран труда предприятия. Она относится к старшему поколению оханских швейников.

- Столько лет живу здесь, 80-летний юбилей отметила, а про малую родину не забываю. Оханск - тоже малая родина. Здесь у меня дети, сюда приезжают внуки и правнучки. Все у меня здесь, а все равно сердце трепещет, когда слышу родную украинскую речь.

Несмотря на десятилетия, прожитые на Урале, Валентина Александровна не избавилась от говора, присущего только украинцам. Выйдя на пенсию, она не сидит, сложа руки. Вяжет все, что душе угодно. Спицы так и ходят в ее руках.

- Пусть ноги не очень хорошо ходят, но руки-то на месте, - говорит она. - Работы просят. А что касается войны, так я так скажу - она в сердце осталась. Раньше я о ней и говорить не хотела. Годы идут, все воспринимается по-другому. И опять там, в моем Донбассе, война...

2016г.

Собака спасла семью

Денис в тот вечер был сильно пьян. Он грязно ругался и придирался к жене. Лариса не отвечала на его выпады и молча занималась своим делом. Решив ее проучить, он занес, было, руку для удара. Но в этот момент, почувствовал сильный толчок в спину. От неожиданности, он не удержался и упал на пол, при этом больно ударившись головой об угол дивана.

Повернув голову, увидел оскаленную морду собаки, которая жила у них четыре года. На лице хозяина было даже не удивление, а растерянность: собака никогда не проявляла агрессии. И вдруг такая реакция!

Денис с Ларисой спасли ее от верной гибели, когда гуляли однажды по осеннему лесу. Уже выпал первый снег, собака была привязана к дереву, она не лаяла, не скулила, не пыталась сорваться, а просто, обессиленная, лежала на земле, изредка вздрагивая. Сколько дней она здесь находилась, неизвестно.

Лариса заплакала и без страха бросилась к чужой собаке, та только подняла голову и снова уронила. Денис деловито оглядел узел. Просто так не развяжешь. Он оставил жену и отправился к дороге. Ему удалось остановить машину. Он объяснил водителю ситуацию и попросил нож или что-нибудь режущее. Водитель, молодой парень, пошел вместе с Денисом. Они разрезали веревку, но собака не могла идти сама, пришлось нести ее на руках. Парень согласился довезти их до дома.

- Помрет собака, не выживет, - сказал он.

- Хоть похороним по-человечески, - ответил на это Денис.

Денис работал вахтами, поэтому на другой день уехал. Лариса взяла консультацию у бывшего ветработника, кормила, начиная с малых доз, сама ставила уколы, выносила на руках оправляться. На четвертые или пятые сутки собака встала. Ее качало из стороны в сторону, но она уже могла стоять. Через неделю можно было сказать, что опасность миновала.

Лариса назвала спасенного пса Лордом. Когда муж приехал до-

мой, Лорд деловито обнюхал его и сел поодаль, наблюдая, как Денис разувается. Потом принес один тапок, затем второй. В тот вечер он ходил по пятам за Денисом.

- Лорд, это твой хозяин, - сказала псу Лариса. - Его надо слушаться и подчиняться.

Пес был неглупый, он понял, что это не чужой человек, и его опасаться не стоит. Постепенно Лорд поправился и превратился в довольно симпатичную собаку. Что за порода, неизвестно, возможно, помесь. Больше всего он был привязан к Ларисе. Если она убирала снег, Лорд деловито обходил двор, а если находил кучку снега, начинал кататься, всем своим видом показывая, что это непорядок. Если летом она занималась прополкой в огороде, пес ложился в борозду и наблюдал, как она это делает. А когда начинала поливать, старался попасть под струю из лейки.

Однажды, это уже было после спасения собаки, Денис с Ларисой снова решили прогуляться в лесу, и Лорда взяли с собой. На подходе к лесу Лорд начал вести себя очень странно. Он останавливался и не хотел идти, или начинал не по-доброму скулить и вертеться на месте, как ни тащил его за поводок хозяин.

- Денис, Лорд боится леса, не надо туда ходить, - просила Лариса.

- Ничего, пусть привыкает. Что за собака, которая леса боится? - протестовал Денис и снова тащил Лорда.

Ничего не вышло с прогулкой. Супруги довольствовались тем, что просто побродили по городу.

- Лариса, ты потворствуешь Лорду, - выговорил жене Денис, когда они вернулись домой. - Его воспитывать надо.

- Как ты не понимаешь, для него лес, как страшилка для маленького ребенка. Он помнит, как чуть не погиб там, поэтому и не хочет возвращаться в это страшное место. У животных тоже есть память.

- Ну, ты скажешь... Какая память? Мы его не бьем, не мучаем. Смотри, какой ладный он теперь, не то, что в первые дни после спасения. Какая сволочь таким образом решила избавиться от собаки? Знал бы, ноги переломал.

- Да ладно тебе, бодливой корове Бог рогов не дал, - усмехнулась жена, - садись лучше за стол, ужинать будем.

Лорд так и не привык к лесу, зато летом с удовольствием купался в ванне, которую поставили для него в огороде. В жару ложился туда, и мог долго наслаждаться купанием в прохладной воде. Он многому научился, а возможно умел еще до того трагического дня, когда его оставили в лесу. Что случилось, и почему пес оказался выброшенным на гибель, история умалчивает.

От хорошего к плохому

Денис и Лариса познакомились около десяти лет назад на пароме. Она кормила чаек, а он наблюдал, как птицы хватили на лету крошки. Булка быстро исчезала, вот девушка подбросила последний кусочек и повернулась.

- Девушка, как Вас звать, меня - Денисом.

- А я Лариса, - просто сказала она и засмеялась.

- Вот и познакомились. Вы в Оханске живете?

- Да, родители год, как у брата в Кирове живут, еду вот к сестре в гости. У меня пока каникулы.

- Счастливая. А я никуда не поступил, оценки у меня не очень. В ПТУ-шном колледже учился, теперь на заводе вкалываю.

- Тяжело на заводе?

- Не так, чтобы очень. Я лес люблю, простор, а там закрытое пространство, мне воздуха не хватает. А ты лес любишь?

- Не так, чтобы очень, - ответила девушка его же словами. - Прогуляться, за грибами сходить - это можно, но особой любви не испытываю. Мне больше цветы по душе.

Знакомство их длилось два года. В краевом центре они изредка встречались, ходили в кино, в парк. В гости друг друга не приглашали, оба жили в общежитиях.

После окончания учебы Лариса вернулась в Оханск. Денис приезжал по выходным. В армию его так и не взяли из-за слабых легких. С завода он ушел и вместе с товарищем завербовался на работу в нефтегазовое хозяйство Сибири. Работа вахтовая. Зато простора много и воздуха хватает.

Зимой Лариса и Денис сыграли свадьбу. Лариса жила уже к тому времени одна в родительском доме, сестра с мужем и детьми переехали в свой, который строили несколько лет.

Вначале все было неплохо. Муж приезжал домой на две недели, отдыхал, делал что-нибудь по дому. Пока Лариса была на работе, гулял в лесу, потом пристрастился к пиву. Появились друзья-приятели, не вызывающих у Ларисы приятных чувств. Они громко кричали, матерились, спорили, рассказывали пошлые анекдоты. Лариса какое-то время молчала. И если друзья приходили, старалась уйти в огород или к подружкам. Наконец, лопнуло ее терпение.

- Денис, тебе не кажется, что ты переходишь все грани? Что за попойки в доме? И друзья какие-то странные.

- Ах, тебе друзья мои не нравятся? - возмутился Денис. - Может, и я не нравлюсь?

- Я этого не сказала. Что ты к словам придираешься? Просто ты стал другим.

- Ладно, завтра опять уеду, отдохнешь.

В следующий свой приезд Денис не выходил из дома. Поправил забор в огороде, сменил часть железа на крыше, проверил всю электропроводку, в бане заменил полусгнивший полоч. Несколько раз с женой выходил в лес.

Потом снова все понеслось, как раньше. Как приедет, пьянки-гулянки, насилу удавалось Ларисе утащить мужа в лес. Она готова была все выходные торчать в лесу, лишь бы Денис не пил. Но наступали будни, она - на работу, а он с друзьями за пивом и за тем, что покрепче. Она видела, как постепенно Денис начинал деградировать. Ни с того, ни с сего ревновал жену даже к своим друзьям, к которым она и близко старалась не подходить, ревновал к работе и злился, если она задерживалась. Вот и руку поднял. Если бы не Лорд, то неизвестно, как бы ударил.

- Денис, нам надо завести ребенка, - сказала Лариса как-то за столом. - Иначе дело с твоими пьянками дойдет до развода. Это все от безделья.

- Мы же договорились, лет пять проживем для себя, не нужен

нам ребенок... Пока не нужен. У нас собака есть, тот же ребенок.

- Ты считать разучился или как? Мы шестой год живем, если ты забыл, - возмутилась Лариса.

Однако охоту поднимать руку на жену, Лорд все-таки Денису перебил. Как только Денис начинал повышать голос, собака садилась перед ним и угрожающе рычала.

- Ладно, ладно, Лорд, не буду ругаться, - ретировался Денис. - Вот ведь, Лариса, присушила ты пса, он за тебя убить готов. Вроде и размером не особо велик, а долбанул так, что с ног долой.

Лучшая нянька

Когда, наконец, в семье появился ребенок, первой нянькой для него стал Лорд. Даже когда малыш больно делал псу, тот терпел. С помощью собаки, сынишка научился ходить. Его обычно оставляли на полу под присмотром четвероногой няньки. Малыш, опираясь на Лорда вставал на ножки, а пес постепенно поднимался и медленно передвигался, заставляя ребенка следовать за собой.

Теперь уже Денис, приезжая домой, больше возится с сыном, забыл про друзей. Ларису это радует. Всей семьей они выезжают на природу, пришлось в рассрочку приобрести автомобиль. Лорд по-настоящему стал членом семьи, можно сказать, хозяином, который появляется в нужный момент в нужном месте.

- Если бы не Лорд, мы, точно, разошлись бы, - говорит сейчас Лариса. - Собака спасла нашу семью. Ударил бы муж меня раз другой, а потом появилась бы привычка. Поводов к ревности я никогда не давала. И кричать не кричала, а к чему придраться, пьяный человек всегда найдет. С сынишкой тоже Лорд помогает, это лучшая нянька. Стережет каждый его шаг. Я спокойна. Как не благодарить за это судьбу? Денис сам по себе хороший, работающий. Был грех, вот-вот мог скатиться по наклонной, но не случилось. Его родителям я даже не говорила об этом. Мне казалось, дело семейное, сами должны разобраться. Вот и разобрались. Отец Дениса к нам заезжает, мать жила у нас две недели, пока лечилась в больнице на дневном стационаре. Все у нас хорошо. Мои родители раз в году приезжают. Поехать бы к ним в гости,

так коронавирус не дает. Пока сидим на приколе.

Мне понравилась эта семья. Они ждут второго ребенка, и опять Лорд будет самой добросовестной няней. И за двоими сможет присмотреть. Лариса и Денис - люди не публичные, поэтому напрочь отказались фотографироваться и попросили не называть их настоящих имен. Они еще боятся, что найдется бывший хозяин собаки и заберет ее или еще хуже - отравит. Почему-то хотел же от нее избавиться? Есть теперь закон, по которому хозяина могут привлечь за жестокое обращение к животным, но самим животным от этого не легче. У нас здесь нет приюта, зато есть добрые люди, взявшие на себя ответственность исправлять чужие ошибки.

2021г.

Ступени их счастья

Деревня Окуловка. Некогда большая, а теперь, как говорят, неперспективная. Тем не менее, здесь живут люди, строятся дачники. На окраине одной из улиц на углу стоит обыкновенный деревенский дом, только хозяева этого дома очень необычные.

Заходим во двор. Чистота, повсюду половички, в огород дверь

Г.П. и А.А. Ширинкины. 2019г.

раскрыта настежь. Там все уже прибрано. Солнце освещает желтую, не успевшую облететь листву фруктовых деревьев. Красота!

Не успеваем оглядеться, как из огорода выходят хозяева вместе с приехавшими только перед нами родственниками. Все большой толпой мы входим в дом. Рассаживаемся, кто куда. Дом небольшой, комната и кухня, но все обставлено с такой любовью. Там не увидите современной мебели, все уже можно назвать ретро, но выглядит все так, будто вчера из магазина.

Здесь живут дети войны, Галина Петровна и Анатолий Алексеевич Ширинкины. Она - еще могучая женщина с искринкой в глазах. Муж - этаким старичок-боровичок с совершенно белой головой и такими же густыми бровями. Что бросается в глаза в первую очередь, так это гостеприимство и радушие хозяев. Они рады гостям и не скрывают этого.

- Милые вы мои, да я ведь не зря блинков напекла, вот и гости на пороге, - суетится хозяйка. - Сейчас чайку попьем, и разговоры веселей пойдут.

Она убежала в кухню, а хозяин начал готовить стол. Стол такой основательный, старинный, его еще на сотню лет хватит. Он на ходу рассказал историю предмета, когда и где его приобрели.

Родственники, а это были племянники, от души поздравили стариков с Днем пожилых, привезли сладкие подарки. Они наперебой рассказывали о хозяевах, не скрывая, что любят приезжать к тете и дяде.

Анатолий Алексеевич и Галина Петровна - люди деревенские, непривычные к городской жизни. Оба - уроженцы Оханского района. Хозяин местный, он в Окуловке родился и никуда из этих мест не уезжал. А вот жену нашел в Новых Селищах.

- Он меня на свиноферме нашел и утащил в свою Окуловку, - смеется Галина Петровна.

- Да нет, я ведь честь по чести, высватал тебя, - вносит ясность муж. - Там на ферме, помню семь девчат было, вот тебя и приглядел. Росту во мне маловато, но душа широкая, любить я умею, скажи, Галя. За юбками не бегал, жену берег. Она ведь кусок хлеба не съест сама, мне несет.

Глаза Анатолия Алексеевича светятся, когда он говорит о жене. Их браку уже 63 года, а они все еще, как молодые, подзуживают друг друга, и все делают вместе. Друг без друга скучают.

Когда спрашиваю, помнят ли они военные годы, хозяин становится серьезным. Конечно, он помнит, насколько голодное было время. Собирали с колхозных полей гнилую картошку, ели всякие травы.

- Нас четверо ребят в семье было, трое пацанов и одна девочка, - рассказывает он. - Отец всю войну в трудармии, а мы здесь. Меня прямо из школы иногда брали, освобождали от уроков, я же помощником был, штурвальным. Так выучиться и не довелось, только четыре класса окончил. В колхозе от зари до зари трудились, а время на игры да забавы все равно находили.

В 1952 году Анатолий Алексеевич ушел в армию, служил в Германии. Через три года вернулся в родной колхоз. Женился не сразу, только через два года задумался о создании семьи. Рядом на тот момент никого не оказалось, вот и махнул к другу в Новые Селища.

Галина Николаевна войну почти не помнит, ей было три года, когда война началась. Отец ушел на фронт и навсегда остался там, погиб в Смоленской области. После семилетки она начала работать свиаркой на ферме.

Свадьба у Ширинкиных была на две деревни, на колхозных лошадях. Жених по всему району искал, чем бы лошадиные упряжки украсить.

- Мы начали жить, можно сказать, с нуля, ни кола, ни двора, - продолжает хозяин. - Нужда и бедность была видна во всем. И все равно экономили. Купили вот эту избушку, продуваемую всеми ветрами. Да ведь руки-то на что? Здесь и первая дочка родилась, Тамара. Работали всю жизнь. Я 16 лет кувалду из рук не выпускал в кузне. В общем, все у нас хорошо.

- В деревне нельзя без скотины, а когда дочь появилась, ее кормить надо. Завели корову и другую живность, без хозяйства не жили, - добавляет Галина Петровна. - Кем я только здесь не была: колхозницей, продавцом, санитаркой, почтальоном, кассиром, но без дела не сживала.

Даже сейчас чувствуется в хозяйке неумная энергия, представляю, какая она была в молодости. Не удивительно, что везде успевала.

- У нас в Окуловке еще до коллективизации свет был, - вспоминает Анатолий Алексеевич. - у наших частников был сильный гужевой транспорт, он работал на строительстве Горюхалихинской ГЭС, даже по ночам не страшно было ходить. А еще радио появилось в первый год войны. Пришел с войны раненый Михаил Александрович Ширинкин, он и сделал все сам. Зато окуловцы без проблем слушали сводки с фронта по тарелке.

Деревня была большая, это сейчас на некоторых улицах и трех домов не стоит, хорошо еще дачники появились, летом людей здесь побольше.

Думаете, чета Ширинкиных живет спокойно на пенсии? Как бы не так! До сих пор они держат скотину. Правда, уже не корову, а козочек, но за ними тоже уход и догляд нужен, да и сена припасти на зиму тоже надо.

- Козочки заставляют нас двигаться, пока забота есть - мы живем, - считает хозяйка.

- Верно. Движение - это главное. Я ведь инсульт перенес, мне нельзя засиживаться на месте - добавляет хозяин.

Они и не засиживаются. Большой огород, кусты, плодовые деревья, виноград, орешник. Сено косят перед домом, этого вполне хватает. Интересна судьба яблонь. Когда демобилизованный вернулся домой со службы, в первую очередь направился в лес. В Германии таких лесов нет, а вот садов много. Ему тоже хотелось развести сад у себя. Как по волшебству он увидел в лесу яблоню с крупными плодами. Удивился, откуда она здесь появилась. После покупки дома взял отводки от дерева и посадил у себя в огороде в два ряда штук 20. Прошло столько лет, многие деревья отжили свое, остались две яблоньки, но плоды на них такие же сладкие и душистые, как 60 лет назад.

- Мы счастливы тем, что соседи у нас всегда хорошие были, сердечные, - в один голос говорят Ширинкины. А мне подумалось, что рядом с такими добрыми, внимательными людьми, как эти, нельзя быть злым, жадным и жестоким.

Их младшая дочь Надежда, видимо, в мать, тоже бойкая, не умеет сидеть на месте. Она - заядлая рыбачка. Как только приезжает, вместе с отцом отправляется на реку. Своего родителя называет не иначе, как папенька. Что у родителей, что и у их дочерей все в руках горит, трудолюбивыми выросли дети.

Жительница Окуловки Надежда Черных с придыханием рассказывает о Ширинкиных:

- Не верится, что люди столько лет живут вместе. Они любят друг друга как в молодости. Иной раз поспорят, это у всех бывает, но чтобы муж поднял руку на жену, такого не случалось. Они советуются друг с другом, берегут свою любовь и очень дорожат своим прошлым.

В честь Дня пожилых Надежда прочитала свое стихотворение
Добрые, милые, немного ворчливые,
И горе вы знали, и были счастливыми,
И бесшабашными были и ответственными,

Богатства не нажили, больше бедствовали.
В трудные годы вы жизнь начинали,
Больше работали, чем отдыхали,
Шесть с гаком десятков прожили вы,
Стали вас звать пожилыми людьми
Выросли дети - теперь отдохнуть бы...
Но снова заботы - вот они, внуки!
И снова душа не находит покоя,
От повседневных забот нет отбоя.
В чем ваш секрет долголетия, не знаю,
А может... Сколько бы лет ни прошло,
Пока есть заботы - жизнь не угасает,
А значит, вам жить еще и еще!

Галина Петровна даже прослезилась. Потом вытерла кончиком платка глаза и спросила, не хотим ли мы почитать «Пионерскую правду». Достала с полки журнал. Конечно, он называется не пионерская, а «Пенсионерская правда». Ширинкины много лет выписывают и читают этот журнал, а еще «ЗОЖ», где много нужных советов находят.

Из этого дома не хотелось уходить. Простые сельские жители, которым не нужны ни слава, ни почести. Они довольствуются тем малым, что имеют и готовы поделиться с другими.

2019г.

Не застудись. Как я без тебя? 2019г.

Счастливое родимое пятно

Когда Виктора Семеновича Никифорова спрашивают, что он помнит о войне, в ответ - упрямое молчание. Что может помнить человек в два-три года? В его документах, которые выдали в детском доме, написано, что нашли его в подвале сожженной фашистами хате, вытащили из-под

С внучкой Дашей.

тела погибшей женщины в селе Пивнивка Ворошиловградской области. Мальчика отдали в руки тех, кто собирал детей после освобождения территорий по украинским деревням и селам.

Детский дом. О нем у Виктора Семеновича остались не очень хорошие воспоминания. Воспитателями были сердобольные люди, а вот сами дети отличались жестокостью. Возраст мальчику определили примерный по состоянию зубов и другим показателям, имя он свое назвал, а фамилию не выговаривал, поэтому его записали Бесфамильным. По лепету Вити, отца звали Сеня (видимо, Семен), мать - Асей. Вот все, что удалось выяснить и записать в личное дело мальчика.

Витя попал в группу, где, в основном, собрали детей из Московской области. По возрасту они все были старше, поэтому обижали, когда рядом не было взрослых. Он не жаловался, плакал потихоньку под одеялом.

- Помню молодую воспитательницу, ее звали Тоней. Она часто меня спасала от ребят. Мне однажды там мама приснилась, я ее совсем не помнил, а она приснилась. Волосы заплетены в две косы, на ней платье голубого цвета. Она босиком идет по полю, а в руках у нее букет из полевых цветов. Лица из-за цветов не вид-

но, но я знаю - это моя мама. Этот сон я рассказал только Тоне. А она убедила меня, что найдутся мои родные.

Война кончилась. Многие ребята уехали в себе домой. Витю перевели из дошкольного детдома в основной, там он пошел в школу.

В группе Витя ничем не выделялся. Был скромным, застенчивым, учился неплохо. Он подружился с мальчиком Федей, который был родом из-под Ленинграда. Родители погибли у него на глазах, он долго после этого не мог говорить. У мальчиков и кровати стояли рядом, и в школе они сидели за одной партой.

После войны легче не стало. Так же было голодно. Дети не доедали, но в голодные обмороки уже не падали. Они постоянно что-то добывали для детского дома: собирали ягоды, грибы, травы, выращивали овощи, свежая зелень тоже шла в пищу.

Как он завидовал тем, кого находили родные. Иногда ему казалось - стоит очень-очень захотеть, и он окажется в родном селе. Так пролетели еще семь лет, потом время учебы в ремесленном училище.

Трудился Виктор на заводе Дзержинского. Его не покидала мечта поехать в родные места, где, может быть, живут его родственники. Но, кроме Перми, он нигде не бывал, и пускаться в дорогу побаивался. Он помнил слова воспитательницы Тони, что обязательно увидит своих родных. И вдруг его желания начали сбываться. Группу молодых рабочих, куда вошли и Виктор с другом Федей, отправили на один из восстановленных после войны украинских заводов по обмену опытом аж на целый месяц.

Витя не мог спать, и все думал, как же добраться до села, где родился. Подошел к начальнику цеха, рассказал ему свою историю. Тот отнесся с пониманием, на его памяти многие молодые ребята искали родных. Поэтому он отпустил парня вместе с другом на три рабочих дня.

На поезде до Ворошиловграда ребята добрались быстро, потом на перекладных до Пивнивки, именно это село было указано в документах. К вечеру были на месте. Ночевали в хате у бабушки, которая пускала на постой. Утром она привела Витю и Федю в сельсовет.

Мужчина с палочкой оказался общительным, его звали Петром Власовичем. Он сказал, что документы сельсовета сохранились, их перед приходом немцев закопали в карьере, только чудом туда не попала бомба. По фамилии искать было бесполезно, парень знал, что она у него не своя. Начали перебирать списки по имени отца. Мужчин с именем Семен до войны в селе было больше 20, но почти все ушли на фронт. Сам председатель тоже фронтовик, его комиссовали, приехал в село по направлению от райкома партии восстанавливать село. Целых домов в Пивнивке почти не осталось, люди отстраивались, но многие уехали в город.

Каждую семью начали проверять по спискам, у кого были дети рождения 1940-41 годов? Нашли несколько таких семей, которые жили здесь до войны. Председатель пригласил трех старожилов.

- Я знаю, что у Шутихи дети в войну пропали, но там были девчонки, - сказала одна из женщин.

- Погодите, а помните, мужик приезжал, искал жену и детей, у него их было четверо, - воскликнула вторая.

- Так это Семен Чубатый. Ребят-то старших в Германию угнали, а вот где махонький мальчонка - никто не знает.

- Чубатиху в хате спалили, может, и пацаненок с ней сгорел, - предположила третья. - Сам-то хозяин здесь не остался, укатил куда-то.

- Сколько лет тому мальчонке было? - спросил председатель.

- Так он в аккурат перед войной и родился. Они все девчонку ждали, а получился опять парнишка. Жена у него не из местных, привез он ее после гражданской, Марией звали.

Нашли запись регистрации. Действительно, была такая семья. У Чубатых родился сын в марте 1941 года, названный Виктором. Отец - Семен Алексеевич, мать - Александра Алексеевна. Старшие дети Чубатых - Григорий (1928 г.р.), Тарас (1930 г.р.), Богдан (1934 г.р.). Женщина привела всех к месту, где стоял дом Чубатых, там был заложен колхозный сад.

Видимо, все-таки сама судьба указала парню нужное место, где он должен быть в нужное время. Он прошел по цветущему весеннему саду. Подойдя к одной из яблонь, решил понюхать цве-

ток, а оттуда пчела, которой он помешал, вцепилась ему в нос. Парень отскочил и начал усиленно тереть укушенное место.

- Давайте к Якименкам в соседний дом зайдем, - предложил Петр Власович. - Может, что-нибудь у них есть от укусов пчел, у самих вон ульи стоят.

Хозяин рубил дрова, а жена его развешивала белье во дворе. Узнав причину визита, хозяйка быстро забежала в дом, принесла какое-то снадобье, намазала нос Вите и заставила выпить приторно-сладкую водичку. На улице было довольно жарко, хоть и стоял апрель. Она пригласила всех в хату. Бабушки-старожилы откланялись и поспешили по своим делам, а председатель и парни вошли в дом. Пока ребята разглядывали книги на этажерке, взрослые разговаривали.

- А что это мы разговоры не за столом ведем? - громко воскликнул хозяин, входя в дом. - Так какая нужда привела молодых людей в наше село? Давай, Василина, накрывай на стол, не каждый день у нас гости бывают.

Петр Власович поведал историю Виктора, и спросил, не знают ли они, кто потерял ребенка в войну.

- Так, почитай, каждая вторая семья кого-нибудь да потеряла, - откликнулся хозяин. - Мы, вот, двоих потеряли, и знать не знаем, живы они или нет. Здесь у меня мать жила, а мы-то на хуторе обитали, у детей, понятно дело, местом рождения записано это село. Война началась, я сразу уехал в райвоенкомат, а оттуда уже не вернулся, отправил жене записку, чтобы с детьми сюда, в Пивнивку шла, к матери. Возвратился я в конце 1945 года. От хутора нашего ничего не осталось, материнский дом начал отстраивать, мне сказали - угнали мать и жену в лагерь. Через год после войны жена домой пожаловала.

- Я думала - дети живы, - заплакала жена. - Меня немцы взяли прямо на улице возле колодца, а ребята оставались с соседкой, Митька-то был вовсе маленький, он в 1940 году родился, а Леська только в школу пошла. Вывезли нас в Латвию, мы рыли окопы в укрепрайоне, после завершения работ нас должны были всех расстрелять. Так и сделали, не успели только тифозный барак унич-

тожить, нас там было человек 20, немцы думали - сами сдохнем. Вот так мы и остались живы, правда, четверых похоронили. А остальные выкарабкались, в госпитале нас потом долго лечили.

Соседка, с которой дети оставались, погибла в своем доме при отступлении немцев, а куда пропали ребятишки, никто не знает.

- Я уж собиралась в «Правду» написать, - продолжила хозяйка.
- Мои-то ребята заметные были. У них родимые пятна на самом непотребном месте оказались, что у Леськи, что у Митьки - между ягодицами, только цветом разные. Вот ведь природа что сделала.

После этих слов Витя pokrылся потом, его же в детдоме ребята краснозадым обзывали за то самое пятно. Федя не выдержал и сказал, что пятно у Вити есть.

- Но нашего Митей звали, - возразил хозяин.

- Витя, Митя... Ребенок маленький, а имена похожи, вот и записали его Виктором.

Имя хозяина было Севастьян, все называли его Сеней. Выходит, и имя, и отчество у Виктора неродное.

- А как Вас зовут? - обратился к хозяйке Виктор.

- Василиной Матвеевной меня кличут.

- Скажите, у Вас было до войны шелковое платье? - задал он следующий вопрос.

- Было одно-единственное. Голубое, я его очень любила.

- А косы, у Вас были косы? - почти закричал парень.

- И косы были, пока в тифозке не состригли, хорошие были косы, - женщина снова заплакала.

В голове Виктора перепутались все мысли. Выходит, имя его матери не Ася, а Василина, Вася. И в детском сне, наверное, именно ее он видел. И имя взрослые расшифровали неправильно, он не Витя, а Митя. Все сходится, но как доказать, что это его родители? Единственный выход - показать то злосчастное пятно.

Вместе с Петром Власовичем и хозяином Витя зашел в соседнюю комнату и спустил брюки. Доказательство было налицо.

Оба Якименко не могли поверить своему счастью, ведь они объехали все ближайшие детские дома и никак не думали, что их сын попадет на Урал. Еще один день Виктор пробыл с родителя-

ми, а потом пора было ехать на завод.

- Парни, знайте, вы оба теперь наши сыновья, - сказал хозяин.

- Документы мы справим.

- А, может, пусть все остается, как есть, у нас уже полно документов, которые тоже придется менять, - ответил на это Виктор. - Просто мы будем знать, что есть у нас и мама, и папа. Теперь нам еще сестру надо найти.

Позднее нашлась и Леся. Ее удочерила медсестра той части, которая освобождала село. Обнаружила девочку в кустах. Та была напугана, из ее бессвязной речи она поняла, что братик сгорел в доме, а мама давно ушла куда-то. Женщина забрала Лесю с собой, записала, как свою дочку. Жили они в Ленинграде. Она окончила школу, институт. Однажды женщина предложила Лесе съездить в то село, где нашла ее. Вначале девушка сопротивлялась, а потом согласилась. И снова приятная встреча с родными. Все село собралось, чтобы в очередной раз порадоваться за своих односельчан, которые пусть через много лет, но нашли родное семя.

Виктор и Федя до пенсии трудились на заводе, женились на сестрах, Виктор Семенович взял фамилию жены. У того и другого родилось по трое детей. Младшая дочь Виктора Семеновича вышла замуж за оханского парня. Так что в нашем городе он частый гость. На Луганщину раньше он ездил каждый отпуск, детей своих возил. Но в конце 80-х друг за другом ушли родители в мир иной, потом Украина стала чужим государством. Лесе сейчас 90 лет, живет в Санкт-Петербурге с семьей сына, Федя умер три года назад.

2021г.

Счастье - быть семьей

Многодетная семья Валерия Александровича и Надежды Анатольевны Овчинниковых обычная по нынешним меркам: родители и четверо детей. В то же время, есть и отличия от других. Это семья православного священника Успенского собора в Оханске.

Когда летом 2005 года в городе появился новый священник, многие верующие отнеслись к этому настороженно: «Что нас ждет впереди? Какой это человек? Не отпугнет ли людей от церкви?» Такие вопросы роились в головах прихожан. Однако

В.А.Овчинников.

очень скоро они поняли - отец Валерий хоть и молодой, но душа у него светлая. Он не любит лжи, не любит повышать голос, не любит нарочитого фанатизма. Это очень современный священник, умеющий одинаково доступно разговаривать и с пожилыми, и с молодыми, и с детьми. Отпуск предпочитает проводить вне дома. Совсем недавно он с женой и старшими детьми отдыхал в горах, где и растительности почти нет, одни камни. Зато когда поднимешься на вершину, можно до облака рукой дотянуться.

Иногда в его глазах бегают чертики, но поведение остается очень сдержанным. Седьмого июля, накануне Дня семьи, любви и верности, ему исполнится 38 лет, а 17 июля - агатовая годовщина свадьбы у него с Надеждой Анатольевной.

Не сразу и не вдруг Валерий Александрович стал верующим. В начале 90-х, когда у народа в умах был разброд, как и в стране в

целом, его мать пошла в храм. Пошла сама и сына с собой повела. В миру он был обычным верещагинским пацаном, бегал, играл в войну, иногда гонял мяч, но спортом никогда не увлекался.

После школы поступил в училище, стал сварщиком и каменщиком, потом окончил Зюкайский техникум с дипломом техника-строителя. В церковь он продолжал заходить. Потому как молодежи некуда было приложить свои силы, будь они хоть семи пядей во лбу, с дипломами или без, пришло решение - поступить в семинарию. Мать была не против, уж лучше туда, чем связать свою жизнь с бандитами.

- Учиться мне даже было интересно, - рассказывает Валерий Александрович. - Новые предметы, славянский язык, работы иконописцев и так далее - все завораживало.

На третьем курсе семинарист женился на девушке из Сивы, с которой познакомился в храме. Надежда Анатольевна окончила регентское училище, замечательно поет, а еще за ее плечами техникум и профессия бухгалтера.

Потом было принятие священнического сана и первое место службы. Священники обычно не живут на одном месте, их переводят из одного храма в другой. Так и семья Овчинниковых, поменяла уже не один район. Скромные и не крикливые, муж и жена не привлекают к себе внимание. И в церкви матушка ничем не отличается от других прихожан, стараясь держаться в тени.

Надежда Анатольевна еще перед замужеством прекрасно понимала, что значит муж - священник: он принадлежит не себе, не семье, а Богу. То есть, отрекается от мира, в то же время ничто человеческое ему не чуждо. К этому она была готова. Готова была идти за мужем, куда бы его ни направили. Именно вера стала тем фундаментом, на котором зиждется семья.

Не сразу молодая жена привыкла к новому статусу матушки. Потом это стало естественным. Всегда в платочке, смиренная, не имеющая права голоса - такой представляют себе православную матушку люди, далекие от церкви. Но это всего лишь стереотип. Надежда Анатольевна никогда не походила на монашку. Гладко зачесанные волосы, покрытые легким шарфиком, скромная, но

подобранная со вкусом одежда, отсутствие парфюмерии и косметики - вот такой я ее увидела в первый раз, и свой облик она не меняет. Статус матушки не выше и не ниже, чем у обычной женщины. Она вообще не считает нужным акцентировать внимание на своем положении. Ее только смущает, когда благоговейное отношение к батюшке проецируется и на нее. Самое сложное - во всем слушаться мужа, и процесс этот довольно длительный. Как и в обычных семьях, бывают споры, но все это быстро затухает, потому что батюшка - это главный в церкви, а дома, извините, матушка всем заправляет. Надо обладать тактом и чувством меры, помнить, что ты всегда на виду и не можешь говорить от себя. Это чем-то напоминает положение жен политиков.

- Чем Вы заняты в свободное время? - спрашиваю отца Валерия.

- У меня есть свое хобби - резьба по дереву. В это время у меня на душе так спокойно, не хочется ни о чем думать, будто на волне плывешь. Одного из своих медведей я в храм привез. Пусть приехавший радуется, дома его никто, кроме нас, не увидит. Хотя и возле дома тоже стоит медведь со светильником в лапах.

Четверо детей в семье Овчинниковых. Старшая Аня, в шестом классе, Даниил и Коля - в четвертом, а самая маленькая Лиза пойдет в первый класс.

- Дети наши прекрасно адаптировались в школе, - говорит Валерий Александрович. - Аня весной окончила еще и школу искусств по классу вокала, очень любит петь. За ней тянется и младшая. Она тоже поет. Мальчишки пока не нашли для себя целенаправленного хобби. Иногда посидят за компьютером, но не злоупотребляют. Я считаю: у детей должно быть детство. Мы ничего им не насаждаем. Пока растут богобоязненными, а потом сами определяются, каким путем идти.

Выходных в привычном понимании этого слова у священника не бывает, а суббота и воскресенье - самые напряженные дни, то литургии, то крещение и многое другое. Православные священники в условиях нового экономического порядка живут гораздо беднее, чем жили раньше. И церквей, и священников было мало. Сейчас в больших городах в переходах можно увидеть людей в

рясах, которые просят деньги у прохожих на восстановление храма. Теперь я точно знаю: это мошенники. Никогда, ни одна церковь не заставляет своих служителей быть попрошайками.

Основной статьёй расходов храма является не зарплата священника, а коммунальные расходы, доля которых постоянно растёт: газ, вода, электроэнергия и так далее.

В Успенском соборе многое делается для тех, кто нуждается не только в материальной, но и душевной поддержке. При храме работают воскресные школы (взрослая и детская), где даже интерактивная доска имеется. Три года назад появилась традиция - проведение акции «Белый цветок», собираются вещи для малоимущих и многодетных семей, помогает церковь семьям с детьми-инвалидами, проводятся рождественские встречи и так далее. В храме идет своя жизнь, немного отличная от той, которой живем мы.

Теперь квартирный вопрос. Вот что портит жизнь служителя церкви. Им не предоставляют жилье, за редким исключением, когда у прихода имеется собственный дом или квартира. Если жилье в плохом состоянии, священник ремонтирует его за свой счет, но своим это жилье для него никогда не будет, а останется церковным. Единственный путь - оставить что-то детям, это приобрести или построить свое жилье. Именно так и поступил Валерий Александрович, он строит дом для своей семьи.

- Сейчас несколько изменился облик прихожан, - продолжает В.А.Овчинников. - К этому я отношусь вполне лояльно. Жизнь не стоит на месте, нельзя же приказать людям приходить в церковь в строго определенной одежде, единственное условие - покрыть голову. Есть у нас уже постоянные прихожане, есть те, кто заходит просто по пути или, приезжая к родителям, они тоже считают своим долгом посетить храм. Мы всех принимаем.

Прихожане отзываются о семье Овчинниковых с нескрываемым обожанием. Они ценят золотые руки и тактичность, по отношению к кому бы то ни было, батюшки, необычайную скромность и золотой голос матушки. Что касается их детей, так они, можно сказать, выросли в церкви, на глазах у всех.

2019г.

Тот самый Ленька

Мороз с каждым часом крепчал. На ветках сидели нахохлившиеся воробьи, люди спешили в теплые квартиры, чтобы поскорее отгородиться стенами от пронизывающего холода.

На вещевом рыночке, что в центре города, «танцевали» замерзшие торговцы. Даже в такой мороз они не могли отсиживаться дома, потому что выходные дни наиболее прибыльные.

Уходя с рынка, я обратила внимание на молодого еще человека, вернее, на его ноги в кожаных ботинках. Он крутился на месте, постукивая нога об ногу. Лицо торговца мне показалось знакомым, но никак не удавалось вспомнить, где и когда его видела.

Любопытство взяло верх. Несмотря на то, что ноги мои, казалось, пристыли к валенкам, подошла, посмотрела его товар и, как бы, между прочим, спросила, большая ли выручка в такой мороз.

- Потому и стоим, что есть резон, - ответил он, и вдруг, широко улыбнувшись, воскликнул:

- Здорово, вожатка. Не узнала? Я - тот самый...

И тут я вспомнила. Да, этот тот самый Ленька, у которого вихры всегда торчали в разные стороны, которому всегда было некогда и который был любопытным до безумия. Ленька - мой первый подшефный. Его постоянно приходилось искать, вечно он попадал в какие-нибудь истории. Неглупый был мальчишка, но жестоко обманулся в жизни. Мотало его по городам и весям, пока не попал за решетку. И вот на тебе - коммерсант.

Ответив на интересующие его вопросы, я, в свою очередь, начала «пытать» Леньку.

- Как в коммерции оказался?

- Долгая история.

- А мне спешить некуда.

- Тогда, может быть, в машине поговорим, чтоб не задубеть?

Оставив товар напарнику, он привел меня к своей машине.

- Не иномарка, но все же своя, - сказал он, открывая дверцу и пропуская меня вперед. Его уже нельзя назвать Ленькой, так как

выглядит он довольно представительно. Одет не шикарно, но со вкусом.

- Ты, что же, - спрашиваю, - на теплые сапоги или валенки не можешь заработать?

- Да нет, понимаешь, тут парнишка сегодня с нами приехал, мы его с заказом в деревню отправили на автобусе, а у него, кроме ботинок, нет ничего. Поменялись. Я могу и в машине погреться.

Потом мы приступили к разговору. Вернее, говорил он, а мне оставалось прерывать его монолог вопросами.

- Вот ты спрашиваешь, - начал он, - как я в коммерцию попал. Это настолько длинный путь, что, боюсь, у меня времени не хватит, чтобы все рассказать. Но попробую.

* * *

То, что было со мной до восьмого класса, ты знаешь. А потом понесло. В техникум не поступил. Сунулся в профучилище. Через полгода выкинули. Характер мой не понравился. Уехал на Волгу, в прибрежном совхозе пристроился разнорабочим.

- Почему домой не вернулся?

- Что хорошего дома-то? Матери всегда было не до меня. Меняла женихов, как перчатки. Если с каким поссорится, так всегда я был виноват. Напьется с горя и гоняет меня по дому. Так что я был даже рад, что вырвался из-под ее крыла.

В совхозе долго не задержался. После уборочной на Дальний Восток подался, завербоваться хотел. Не взяли по возрасту. Пошел на рыбконсервный завод учеником слесаря. Вроде ничего была работа, и зарабатывал прилично. Только в общежитии бардак не нравился. Там и семейные жили, и, как я, одиночки.

Иногда, после получки такой пьяный угар по всему общежитию, что впору самому напиться. Но я насчет этого крепкий. Перед глазами до сих пор стоит пьяная мать. Поэтому с радостью ушел в армию, когда призвали. Служил в морфлоте, с ребятами там подружился.

- А матери хоть одно письмо написал?

- Зачем? Мы друг другу были не нужны. Каждый сам по себе

* * *

Так вот уговорили меня ребята в Воркуту податься. Два года там уголек рубил. Потом на БАМ поехал. Вот там и влип в историю.

- Ты же всегда был любителем острых ощущений.

- Вот, вот, потому и влип. У нас в бригаде Семен работал, прибалт. Хороший парень. Жениться надумал. Бегал к девушке в соседний поселок. Она ни в какую идти за него не хотела. Что, - говорит, - ты всю жизнь в цигейковой шапке ходить будешь и в рабочей робе? Зачем мне такой муж, у которого ни костюма, ни норковой шапки нет?

* * *

Заработки у нас были неплохие. Сложились мы, купили Семёну костюм, ботинки, пальто приличное, а шапку норковую найти не могли. Поехали в Тынду. И там нет. Всякие есть, даже собачьи, а норкой не пахнет.

Собрались, было, обратно ехать, тут мужичок юркий такой подходит и показывает две шапки. Одна изрядно поношенная, а вторая совсем новая. Мы торговаться не стали. Отдали, сколько просил и отвалили.

В день свадьбы погода стояла морозная. Наш жених был элегантным, как рояль. Мы радовались его счастью и без умолку хохотали. Вдруг в разгар веселья, а танцы устроили прямо на улице, к Семёну подбегает пацан и срывает с него шапку, да еще кричит, что она краденая. Мы, понятное дело, за ним. Догнали, напинали несильно, для порядка, отобрали шапку и вернули хозяину.

Веселье продолжалось. Уже поздно вечером, когда гости стали расходиться, нагрянула милиция, и нас всех, кто отбирал у пацана шапку, увели в участок. Там нам предъявили заявление некоего Гамалея, который писал, что мы, угрожая ножами, заставляли его совершать кражи шапок и других вещей, чтобы сбывать их строителям магистрали с отдаленных участков.

Обвинение было настолько нелепое, что мы не находили слов для оправдания. Просидели до утра. Утром привели второе доказательство. Тот пацан, что сорвал шапку, был так избит, что мы с трудом его узнали. Мы доказывали и по одному, и все вместе, что

не били его, а только под зад напинали. Мальчишка утверждал обратное.

* * *

Поверили ему. Тогда я совсем веру в людей потерял. Понимаю, на такой огромной стройке нужна бдительность, но почему в данной ситуации пострадали честные люди, а жулик и мошенник остались на свободе? Тот самый мужичок, который продал нам шапку, и оказался Гамалеем.

Никакие положительные характеристики и свидетельские показания не помогли. Приписали нам групповуху - и за решетку.

- В одну зону со своими ребятами попал?

- Где там... сразу разделили, потому как поделщикам не положено вместе сидеть. Я попал в Иркутскую область. Это сейчас заключенные бездельничают, а нам отдыхать не давали. Землю рыли под котлованы, просеку прокладывали.

- Как к тебе относились в тюрьме?

- Тюрьма есть тюрьма, и нары - не мягкий диван. И колотили, и обворовывали, и в карцер сажали.

- Сам не воровал?

- Это уж нет! Никогда в жизни не крал, даже если без штанов оставался.

* * *

Срок у меня был относительно небольшой, но опять бес меня попутал. Три месяца оставалось до конца отсидки, а я влюбился в повариху нашего отряда. Она из поселения к нам приходила. Вот я как-то и рванул когти к ней. Надеялся до конца рабочего дня вернуться. Старшой отпустил с условием, что если я попадусь, он не причем.

Только собрался в обратную дорогу, гроза началась. Выбирать не приходилось. Побежал. Тропка глинистая. Ноги разъезжаются, и дождь хлещет, не переставая. Не добежав где-то полкилометра, я скатился по инерции в овраг. Не помню, как вниз летел, не успевая елки-палки считать. Уже, находясь внизу, услышал выстрел. Значит, конвой пришел, и меня хватились.

- Тебя избили?

- Да, и довольно жестоко. Я, конечно, старшего не выдал и получил новый срок.

- Обозлился на всех?

* * *

- Как ни странно, но злости не было. В тюрьме свои законы. Около десяти лет оказались вычеркнутыми из жизни, но кое-что я там и приобрел. Во-первых, научился быть спокойным в любой критической ситуации, во-вторых, никогда не унижать человека, даже если он этого заслуживает, в-третьих, никогда не пресмыкаться, не махать зря руками, ну и так далее.

- Ты женат?

- Уж десять лет. Мои сверстники скоро дедушками будут, а кое-кто и стал им. Мне еще далеко. Детям-погодкам 7 и 8 лет.

В коммерцию ударился по нужде. У меня же нет ни образования, ни профессии. Нахватался всего понемногу. Да еще и клеймо на всю жизнь - две судимости. Тут уж не до жиру. Правда, после освобождения взяли меня в стройбригаду. В Братске работал. Потом на Урал, в родные места потянуло.

- С теми ребятами, что на БАМе с тобой жили, связь не держал?

- Писали они мне. Потом я отвечать перестал. Зачем? Жалость мне не нужна. Подельники мои туда же и вернулись, а я - отрезанный ломоть. Тут кореша одного встретил, вместе «зону мотали». Он и пристроил меня к ребятам-коммерсантам. Жил первое время у него в Перми. Не думай, он не вор и не рецидивист. За драку схлопотал. Боксером был. Отмахнулся от пьяного, да чуть не угробил мужика. Еле выходили, а парню биографию испортили

* * *

Вначале я с ребятами в кооперативе работал. Потом решил отделиться. Они порядочными оказались. Помогли. Купил квартиру, мебель. В роскоши не живу, но все необходимое имею. Жена работает на маргариновом заводе, дети учатся, а я на месте не сижу. Приходится крутиться. Под моим началом пять человек. Никого не обижаю, потому как на своей шкуре испытал чувство униженности.

- Почему не вернулся к матери?

- Сам не знаю. Не хотелось быть в роли блудного сына. Перед ней-то я ни в чем не виноват. Написал ей, когда у меня все уладилось. Приезжала. Старенькая стала. Правда, про тюрьму ни слова ей не сказал. Пусть думает, что я всегда удачливым был.

- Она одна живет?

- Сейчас одна. По весне старика похоронила. Вроде успокоилась. Почти не пьет. Да и здоровья у нее чуть-чуть осталось. К себе зову. Условия неплохие. Она все плачет. Прощения просит за то, что обижала меня. Вот, - говорит, - чужие люди тебя воспитали, а ты добрым вырос, да еще и меня пригрел. Что сейчас на нее обижаться? Я не злопамятный, тем более что жизнь она мне все же дала.

* * *

- У тебя есть постоянное место торговли?

- Есть в Перми. Там двое работают постоянно, а мы ездим по области. Когда товар на исходе, отправляемся в Москву, берем оптом.

- Какой доход у тебя за год?

- Примерно, миллионов 18-20. Это чистая зарплата у каждого из нас.

- Какой процент надбавки у вас?

- Если в Москве какая-то вещь стоит, скажем, 100 тысяч рублей, мы смело добавляем 25 процентов.

- А если больше?

- Тогда сбывать труднее. И потом, мы иногда идем на довольно рискованные шаги. В свое время вложили все свободные деньги в «Селенгу». Много на этом выиграли. Успели вовремя оттуда все снять и не ошиблись.

- С МММ тоже дело имели?

- Как-то обошлось. Но с банками мы работаем. Никаких ссуд не берем. Не любим быть в должниках.

- Как живете при таких налогах?

- Крутимся.

- В Оханск постоянно ездите?

- За эту зиму второй раз. Во-первых, заказ, получали. Привезли нужный товар, ну и по пути к матери заехал. Дня три здесь проживем, а там дальше поедем.

* * *

- Ты согласен с тем, что сейчас больше перепродают, чем производят?

- На все 100 процентов. Но таким, как я, больше некуда деваться. На работу не берут. Чтобы наладить свое производство, нужно хоть что-то иметь. У меня же, кроме рук и головы, - ничего. Сколько поработаю, а там в сторожа подамся.

- Пройдя такую суровую жизненную школу, ты сохранил что-то святое?

- Это есть. Очень уважаю фронтовиков. До сих пор помню, как ты нас водила смотреть фильм «Любой ценой». Мои дети знают, кто такой Павка Корчагин. Как бы ни было трудно, за границу не сбегу.

- Песни какие любишь?

- Лирические, чтоб за душу брали. Очень люблю «У беды глаза зеленые», «Мгновения». Терпеть не могу блатные и тюремные. Наслушался. Все они на один манер.

* * *

Потом мы уже просто болтали, вспоминали, и я не переставала удивляться, что Ленька не ожесточился. В нем не было ни капли бравады.

Однажды я слышала от героя радиоспектакля такую фразу: «Тюрьма становится для сильного человека школой, пусть принудительной, но школой, которая еще крепче закаляет его, делает недосыгаемым. Но такой человек бывает один из тысячи».

Мне показалось, что одним из тысячи оказался тот самый Ленька.

1998г.

Три войны

Прошлой осенью ехала я из краевого центра в Оханск. Пассажиров в автобусе было немного. Рядом со мной занял место не молодой уже человек с проседью на висках. На задних сиденьях трое парней о чем-то спорили, постоянно срываясь на крик. Когда моему соседу это надоело, он дал замечание ребятам и задремал. Парни тоже притихли, занявшись своими телефонами.

Прошло минут 20, сосед поинтересовался, успеваем ли мы на паром, ему еще надо было заехать в Острожку к родственникам жены. Хотелось не опоздать на транспорт. Постепенно мы разговорились. Имя у него для нынешнего времени довольно редкое - Гавриил. Он пояснил, что назвали его в честь погибшего на советско-монгольской границе деда.

- У меня же все предки по мужской линии военные, начиная с 16 века, - в его словах слышалась нескрываемая гордость. - Это только то, что знает наша семья. Все они воевали.

- Вы, стало быть, тоже военный? - спрашиваю и про себя отмечаю - нет у него военной выправки.

- Я тоже мечтал об этом, да жизнь обломала, как говорит моя внучка. После выпускных экзаменов в техникуме вручили мне повестку в армию. Шел с желанием, собирался после срочной службы поступать в военное училище.

- А сразу после школы не рискнул?

- Кроме военной, хотелось еще другую специальность иметь, чтобы после отставки не страдать на гражданке от безделья. Направили меня в десантные войска. Безумно нравилось прыгать с парашютом. Небо, простор - душа радовалась. Мы дислоцировались под Оренбургом. О вводе наших войск в Афганистан, конечно, слышали, но это были не мы. Через полгода поступил приказ - отправляться к южной границе страны. Помню, как сердце защемило, а потом упало ниже пяток. Неужели?

Каждому поколению досталось

Мы подъехали к переправе, когда паром уже отчалил. Парни,

что сидели с нами в автобусе, вышли и от нечего делать начали пинать пустую пластиковую бутылку. Из подъехавшей легковой машины вышли еще двое. Тот, который постарше, тут же включился в игру, а второй, молча, стоял у бровки тротуара.

- Димка, а ну давай играть, а то кровь застоится, - крикнул ему товарищ. - Здесь тебе не Чечня, бояться некого. Бандиты остались далеко. Да ну их, чеченцев, забудь, как страшный сон...

И вдруг один из наших попутчиков, тот, что был пониже ростом, оставил игру и, обращаясь к парню, спросил: «Что тебе чеченцы сделали, а? Тебя убили?»

Тот как-то сразу смешался и растерянно произнес: «Да ладно, ребята, извините, случайно вырвалось. Вот он, - парень показал на молодого, который продолжал стоять у дороги, - недавно из Чечни вернулся, понимаете? Его там контузило, он плохо слышит, с реабилитации его везу.

- А я по национальности чеченец, - не унимался, насакивая на незнакомца наш попутчик. - Я что виноват? Я здесь уже родился, но от национальности не откажусь. Давай на дуэль, биться будем.

- А ну, тихо, петухи, - послышалось со стороны реки. - Всю рыбу мне испугали.

К ним поднимался старичок, в одной руке он держал удочку, а другой руки не было, рукав пришит к карману.

- Вы еще молодые, успеете навоеваться. Сейчас каждый день война, то в одном месте, то в другом. Вот ты, говоришь, чеченец. Кто-то, может, тебя за это и не любит, а я украинец, хохол по-простому, и у меня на Родине тоже война. И меня наверняка не любят. Так мне теперь на всех кидаться? Видите, что война со мной сделала? Это еще Великая Отечественная. Наша деревня называлась Дегтяри, это в Витебской области. Так вот фашисты похватили тогда нас всех из домов - и к оврагу. Мне было 12 лет от роду. Расстреляли нас, мне несколько пуль в руку попало. Не помню, как и упал вместе со всеми. Когда немцы ушли, те из жителей, кто успел спрятаться, подобрались к оврагу. Хотели всех закопать, но троих еще живыми вытащили, двух женщин и меня. Я тогда родился заново.

Потом деду посыпались вопросы, а тот словоохотливым оказался. Рассказал и про гангрену, забравшую его руку, и про детдом, и про Дом инвалидов, и про то, как женился, а на старости лет остался один.

Подарок от «духов»

Глядя со стороны на весь сыр-бор, Гавриил мысленно был там, в Афганистане, куда направили его после короткой учебы. Не раз смотрел в глаза смерти, не раз вертолет простреливали, тогда пилот делал вынужденную посадку. Обходилось.

Однажды весной, когда цвели деревья, надо было лететь к Зардевскому ущелью, чтобы забрать раненых. Небо чистое, солнце - ничего не предвещало беды. Вертолет благополучно сел, забрал раненых и - обратно. Летели тем же путем, стараясь забраться повыше. И вдруг из-за горы, где и растительности почти никакой, застрекотал пулемет. В Афгане каждый камень стрелял.

Гавриил быстро надел свой парашют на одного из раненых и начал вести ответный огонь. Встречный ветер не давал возможности уйти быстро. Над ущельем машину закружило в воздухе, а обстрел продолжался.

Ребята мысленно простились с жизнью. Двое раненых уже не дышали, от болтанки у некоторых началась рвота. Два санитаря переползали от одного к другому. Прыгать было нельзя, и ниже опускаться тоже. Гавриил с исступлением стрелял и стрелял. Машину пробило в нескольких местах.

С трудом пилоту удалось выровнять вертолет и вывести из зоны ущелья. В этот момент снова машину тряхнуло, и она начала терять высоту. Не выпрыгнешь, значит, остается покориться судьбе. Посадка или падение это было? Непонятно, но очень жестко. Ребята выбрались из дымящегося вертолета, вытащили тех, кто был жив, и поспешили убраться с видного места. В задачу Гавриила входило сопровождение, а также защита их от нападения душманов.

- Товарищ сержант, - попросил раненый с парашютом. - Снимите с меня этот груз, я еще стрелять могу, я ведь в ноги ранен,

руки целые. Другой, с перевязанной головой, тоже попросил автомат.

Обосновавшись в расщелине, заняли, насколько это было возможно, круговую оборону. У пилота на груди висел бинокль, он глянул в сторону противоположной горы и обомлел. Оттуда по направлению к кучке воинов двигалось несколько десятков душманов. Надо было немедленно взорвать вертолет, который только дымился. С помощью гранаты это сделали. Но что делать дальше? Уходить уже не было смысла, все равно не успеть, значит, надо найти подходящее место среди камней, чтобы враг не обнаружил раненых. Оставив им несколько гранат, чтобы в случае чего, раненые могли использовать их по своему усмотрению, Гавриил вместе с пилотом и одним из санитаров перешли за огромный валун, сзади которого образовалась ниша. Там можно было спрятаться в случае огня сверху.

Духи, видимо, решили, что вертолет взорвался сам по себе, и все, кто находился там, сгорели заживо. Они подошли, посмотрели, для порядка дали несколько очередей по кругу, и расположились неподалеку. Разговаривали, смеялись, спорили, потом, было, повернули обратно. Но в это время, находясь в напряжении, санитар случайно нажал на спусковой крючок. Моджахеды замечались. Они не поняли, откуда стреляли. Кругом горы и камень. Залегли. Обе стороны молчали. Вот от душманов отползли несколько человек в одну сторону и в другую.

Больше всего Гавриил боялся, что застонет кто-нибудь из раненых в расщелине. Стояла такая тишина, будто в гробу. И вдруг издали послышался рокот мотора. Сержант подумал, что это за ними отправили вертолет. Но он оказался чужим. Выходит, душманы связались по рации со своими. Вертолет, не садясь, начал поливать окрестности небольшого плато, где догорал наш вертолет, таким огнем, что трудно было остаться живым, не спрятавшись под камни. Покружив минут десять, машина улетела, а вся галдящая компания пошла восвояси, уверовав в то, что никого нет в живых.

Гавриил первым вылез из укрытия и пополз к раненым. Стояла

жара. Не было ни воды, ни пищи. Куда идти, где свои, где чужие? Покидать место нельзя, недолго на мины напороться, и сообщить своим нет возможности. Сержант решил пройти по кругу и посмотреть, нет ли поблизости воды. Ничего не обнаружив, пошел назад, по пути пиная ногой камешек, который, можно сказать, его и спас. Когда поддел ногой посильнее, камешек отлетел довольно далеко, и через несколько секунд грянул взрыв. Сильная боль в ногах и темнота.

Их подобрал вертолет, которого отправили на поиски пропавших. Гавриил пришел в себя, когда почувствовал, что его несут. Боль была уже во всем теле. Осколки от мины изрядно порешетили его, а левой ноги он вообще не чувствовал.

Оперировали парня в течение нескольких часов. Собрали по частям колено, достали из тела «лишнее железо». Сержант успокоился, когда понял, что ногу не отнимут.

Спустя несколько дней хирург подошел к нему и спросил, чем он будет заниматься на гражданке.

- Хотел в военное училище поступать, - ответил раненый.

- Забудь, путь туда тебе заказан. Скажи судьбе спасибо, что жив остался. Один из осколков был у позвоночника, еле достали. Тебе выпрямиться надо, да и нога, наверное, будут беспокоить, на группу выведут. Давай выздоравливай.

Вот так Гавриил остался гражданским человеком, вернувшись домой инвалидом второй группы. Хромота еле заметна. Вот такая память об Афгане, и «подарок» от духов на всю оставшуюся жизнь.

Эпилог

Было заметно, что стоять без опоры Гавриилу трудно, поэтому я предложила пойти на дебаркадер, тем более что наш паром приближался к берегу.

- А Вы, позвольте узнать, случайно ни в какой войне не участвовали? - остановил нас неожиданно дед.

- Почему же? - нехотя вымолвил Гавриил. - И мне досталось в Афгане, мало не показалось.

- Вот видите, ребятки, - обратился он к парням, - каждому поколению достается. А раны, если не физические, так душевные, они на всю жизнь. Так что не надо друг на друга наскакивать. Враги только и добиваются, чтобы мы друг друга грызли.

Мир был восстановлен. Когда паром причалил к дебаркадеру, все тепло попрощались со стариком и пожелали ему удачной рыбалки.

Неплохими ребята оказались. Об Афганистане и Чечне они продолжали говорить и на пароме, устроившись на корме. Чувствовалось, что тема их заинтересовала. Они просили и Гавриила рассказать о своей войне, но тот, сославшись на усталость, отказался. Мы с ним просто разговаривали ни о чем, чтобы занять время.

- Надо же! - подумала я, когда шла к городу. - Три войны будто сошлись вместе. И от каждой свои пострадавшие. Такие случайные встречи бывают нечасто, во всяком случае, у меня уже вторая подобная. Первая была еще в 90-х.

2020г.

На афганской земле каждый камень стрелял.

Фронт - Эстония и... Магадан

Никогда, пока не уйдут последние из старшего поколения, никогда жители нашей страны не забудут этот день - 22 июня 1941 года. Отзвуки первых дней войны и сегодня будоражат сердца тех, кто ее пережил и не просто пережил, а испытал все «прелести» фашизма, который снова поднимает голову.

Николай Иванович Бояршинов (на снимке) вышел с парома и не спеша направился к Оханску. Он был в том возрасте, когда незнакомые люди его называли дедом, а не папашей, как бывало раньше. Его догнала машина, шофер предложил подвезти до города, дед не отказался. До гостиницы доехали быстро. Она была почти пустой. Дед устроился и прилег отдохнуть. Родная сторона, как-то она его примет? Не был здесь с войны. Он понимал, что никакие оправдания не помогут заглянуть в душе своей вины перед родными. Николай Иванович не знал, вернулись ли с войны его братья, Дмитрий и Алексей, живы ли сестры, неведомо ему, где похоронена мать. Не знал дед, что и деревни, которая снилась ему ночами, уже давно нет. Небольшого роста, крепенький, седовласый и голубоглазый, он походил на гнома из сказки, только бороды не хватает.

Его считали погибшим еще с 1944 года, родным пришла похоронка. Оплакали, как положено, и старались не вспоминать о нем, не травить душу. Только мать нет-нет да всплакнет, вспомнив своего младшенького. Он за курами любил ухаживать, передразнивал их постоянно, а петухом иной раз закричит, не отличишь от настоящего.

Плен

Николай Иванович и сам себя считал погибшим, когда лежал у развороченного орудия возле реки без признаков жизни. Немцы делали обход, собирая своих убитых. Увидев трупы убитых русских, похватали их за ноги - за руки и побросали в речку. Тело молоденького солдата казалось невесомым, и он пролетел дальше всех, оказавшись на кочке, а голова - в воде. От удара он очнулся, поднял голову и застонал.

Немцы сами удивились, что труп ожил. Они вытащили солдата из речки и под собственное громкое улюлюканье потащили его по земле. Парень снова потерял сознание. Его занесли в блиндаж, где еще вчера находился штаб нашей армии, а сегодня хозяйничали фашисты.

Николая усадили на стул, облили холодной водой. Он медленно приходил в себя. Как сквозь сон, слышал непонятную лающую речь.

- Я люблю хороший солдат, - услышал парень, наконец, русские слова и понял, что к нему обращается офицер. - Теперь ты никто, тебя не примет твое общество, ты для твоя Родина уже умер. Тебе лучше работать на нас. Мы дадим тебе корм и свобода.

В это время в блиндаж заскочил солдат в мышинной форме и что-то крикнул офицеру. Тот, заправив пистолет в кобуру, и дав приказание ординарцу охранять пленного, выскочил за дверь.

Николаю в этот момент больше всего хотелось умереть, чтобы не слышать немецкой речи. Он совсем недавно прибыл в часть с пополнением, большинство которого составляли добровольцы с Урала и Поволжья.

- Вот так, Колька, отвоевался, - мстительно думал он о себе. - Героем хотел стать, а угодил, как кур в ошип. Теперь еще и в предатели запишут.

Он не хотел признаваться даже самому себе, что боится пыток, боится физической расправы, боится, что в бреду из него вырвут то, о чем говорить нельзя. Он сидел, а его голова болталась в разные стороны.

Вернувшись, офицер продолжил свою речь на ломанном русском языке.

- Ты молодой. Даю тебе шанс - жить. Ты сейчас будешь говорить своим по микрофон, что сопротивление не нужно. Они все в окружении. Твоя задача - убедить сдаваться и бросать оружие. Как вы говорите? Не видеть своих ушей? Так вот, и Берлин вам не видеть, как свои уши. Если не сделаешь, твое имя будет проклянуто своими, мы сделаем тебя предателем.

- Я никогда не был предателем и не буду им! - взорвался, насколько мог, Николай. Он видел, что на столе лежат его документы и фотография матери. То есть, о нем все известно немцам, но это ничего не значит.

- Ты будешь говорить и стоять на пригорок. Тебя будут бить свои, - добавил офицер, раскачиваясь с пятки на носок.

В сознании парня стояла мать. Она, сложа руки на груди, о чем-то говорила ему, словно просила все перетерпеть, ради нее, ради своих братьев и сестер, ради всей деревни.

И он согласился. Конечно, уговаривать боевых товарищей сдаваться, он не собирался, но очень надеялся, что его убьют, не свои, так чужие.

Пока, шатаясь и хромая, шел на пригорок, перед ним пролетела, промчалась вся его жизнь длиной в 18 лет. Родная деревня, сельская школа в четыре окна, дом у оврага на окраине, речка, которую они с ребятами переплывали наперегонки, старшие братья. Где-то они воюют сейчас? Хорошо, хоть не видят его позора. И колхозники не видят, которые пророчили ему в будущем место председателя за деловитость и серьезность.

Из одного плена в другой

Взойдя на самое высокое место, солдат огляделся. Близко от него со всех сторон стояли враги, а там, вдали неясно виднелись окопы, куда временно отошла его часть. Парень стоял, и гимнастерка его, вся в крови и грязи, трепыхалась на ветру.

- Ты должен говорить вот этот текст, - подошел к нему офицер и протянул бумажку.

Парень наскоро прочитал, кивнул головой. Заиграла музыка. Потом из динамика послышалось:

- Сдавайтесь, русские, все вы умрете, и никто не узнает ваши могилки. С вами будет говорить ваш товарищ. Слушайте!

- Ребята, - выдавил из себя первое слово Николай, а потом закричал. - Бейте их, тварей, и дойдите до Берлина!...

Больше он ничего не успел сказать, на него навалились со всех сторон и, уложив на землю, начали пинать. Еле живого притащили и бросили в сарай.

Ночью он слышал топот, неясное бряцанье и разговор. Забылся. Очнулся, когда понял - его куда-то несут. Потом снова слышал чужую речь, но она была другая.

Когда перед глазами забрезжил свет, открыл глаза. Он лежал в помещении очень похожем на блиндаж, но стены не деревянные. Рядом сидел молодой мужчина и непрерывно глядел на него. Увидев, что парень очнулся, протянул руку и сказал коротко:

- Гинтас, я-Гинтас, а ты?

- Коля, - слабо откликнулся тот. - Где я?

- Ты у нас, мы боремся за свободу своего народа. Мы - это эстонцы. У нас мало говорят по-русски. Я буду с тобой находиться.

Николай вспомнил, как политрук перед заходом на территорию Прибалтики говорил, что многие жители ушли в леса и объединились в отряды, которые борются против Красной Армии.

Этого следовало ожидать. Было бы странным, если б эстонцы не начали этой борьбы. Они всегда себя считали элитной нацией. Часть людей просто скрывалась от советской мобилизации. По оценкам военных историков активных «лесных братьев» было около 12 тысяч человек, а к концу летней войны 1944 года их число возросло в разы.

Это было спонтанное народное движение, у которого не было ни организации, ни единого управления. Многие, обидевшись на «советский террор», просто исходили из личной мести и уходили в леса.

В один из таких спонтанных отрядов и попал Николай Бояршинов. Стычка с немцами у эстонцев получилась случайной. Они думали, что в доме расположен штаб советской армии, не зная, что накануне обстановка изменилась. В темноте сняли часовых,

из сарая вытащили пленного с тем, чтобы выпустить его потом на свободу, они думали - это немец. Офицера на месте не было, «братья» не сразу поняли, в чей штаб ворвались, а когда поняли, постарались поскорей ретироваться, не забыв прихватить пленного.

Николай не знал, что его ждет, в 18 лет он только-только взял в руки оружие и успел принять участие всего в нескольких боях. Раньше в школе они с ребятами часто спорили, что такое подвиг, способны ли они сами его совершить. Какое было хорошее и беззаботное время! Парень даже застонал от тоски.

- Какое звание ты имеешь? - спросил Гинтас.

- Разве не видно, рядовой я.

- Когда ты начал воевать?

- Два месяца назад.

- Ты, конечно, доброволец и большевик?

- Да, доброволец. Кто мою землю должен защищать? И комсомолец - я горжусь этим.

- Ты говоришь, свою землю защищаешь. А я тоже свою защищаю, которую вы у нас отняли в 1940 году. И мы не хотим, чтобы русские топтали нашу Эстонию. Это наша земля. Вот так.

- Но мы же теперь одна страна, значит, братья, потому и воевать вместе должны.

- Нет. Ты не понял, мы навсегда враги. Если ты не будешь с нами, тебя уничтожат, так и знай. Умрешь страшной смертью, мы это умеем. Завтра будем с тобой разговаривать, а сегодня отдыхай.

Гинтас задул свечу, ушел, а Николай решил обследовать помещение. С трудом поднявшись с топчана и держась за стенку, дотащился до какой-то балки, нащупал за ней вертикальную лестницу. Понял, что это бункер, и находится он под землей. Попробовал подняться. Нет. Раненая нога не слушалась, он мог ее только подтаскивать, да и голова кружилась после контузии.

Он лежал потом на топчане, думал и не находил выхода. Что делать? Пойти против своих ему совесть не позволяла, он же комсомолец, клятву давал. Решил подождать завтрашнего дня. Он много читал о гражданской войне и там, бывало, люди ухитрялись попав к белым, собрать сведения и сбежать к своим.

На следующее утро пришел Гинтас, за ним, кряхтя, в бункер спустился полноватый человек. На его лице, у подбородка, виднелся шрам. Он деловито сел за стол и подал рукой Гинтасу какой-то знак. Тот вылез и через несколько минут возвратился.

- Коля, это Мартин, - представил незнакомца Гинтас. - Я буду переводчиком. Мартин спрашивает, готов ли ты вступить в наши ряды.

- У вас отряд большой?

- Какое это имеет значение? Так готов или нет?

- Готов! - Он сказал это после недолгого раздумья.

- Пойти против матери и отца, готов?

- Да... готов!

Понимая, что просто так из бункера не выбраться, он был готов на все, лишь бы выйти из-под земли. Сейчас ему больше всего хотелось жить.

Из объяснения Гинтаса и Мартина Николай понял, что, кроме них, он знать никого не будет. Конспирация.

У «лесных братьев»

Сколько дней лежал Бояршинов в бункере, он не знал, время для него отодвинулось. Не знал, что делается наверху, не знал, где его часть. Гинтас приносил ему скудную еду, делал перевязки, учил некоторым словам, которые никак не ложились в сознании. Постепенно он оправился от ранения и контузии, мог более-менее свободно передвигаться по бункеру.

- Все, Коля, пора тебе на свет выходить, - сказал ему однажды Гинтас. - Смотрю, не дается тебе наш язык, так ты будешь у нас немым. Можешь мычать, свистеть, но не говорить. На первое задание пойдешь с Мартином. Он не говорит по-русски, но все понимает.

На задание они пошли на закате. Выйдя из бункера, Коля вздохнул полной грудью так, что короткое помутнение в голове появилось от свежего воздуха. Мартин шел впереди, Николай в нескольких шагах от него сзади.

Когда впереди показалось очертание жилища, остановились.

Мартин жестами объяснил, что надо пойти в дом, попросить пить, а потом уйти.

Парень пробрался незаметно к жилищу, заглянул в окно. За столом сидела средних лет женщина и старик. Они перебирали крупу.

Он постучал. Дверь открыла женщина. Увидев незваного гостя, что-то спросила. Поскольку Коля должен быть немым, он и прикинулся им. Промычал, дал понять, что хочет пить. Хозяйка вынесла ему в ковше воду и кусок хлеба. Не пригласила войти. И парень ушел восвояси. Кроме этого дома, других он не увидел, значит, хутор, или, как учил его Гинтас - мыза.

Вернувшись в кустарник, сказал, что никого, кроме хозяев, в доме нет. Тогда пошел Мартин. Его долго не было. Николай хотел спать, но понимал, что нельзя этого делать. Уже начинало светать, когда на фоне неба появились две фигуры. Это были Мартин со стариком. Они прощались.

Не успел Мартин дойти до кустарника, как с противоположной стороны послышался шум мотора. Кто? Немцы или русские?

Они лежали за кустами и наблюдали, как из машины вышли двое в советской форме. Подошли к старику. Один из них открыл дверцу и жестом пригласил его в машину. Старик не двинулся с места, тогда на него навели оружие.

Мартин снял с плеча автомат и начал целиться. Коля умом понимал - надо помешать. Но как? Сам он был безоружным. Кинуться на Мартина? Силы неравные. Тогда он тронул его за плечо, дав понять, что хочет в туалет. Пока тот обернулся и что-то сказал, военные успели сесть в машину. Мартин со всего маху ударил напарника по лицу, выругался по-своему. Потом поставил его перед собой и ткнул автоматом.

Они без опаски шли по лесу, потом по равнине. Где-то отдаленно слышалась канонада. Николай и не заметил, как пришли на место. Вроде, та же разлапистая липа рядом с березой, а где ход? Земля ровная, бункера не видно. Потом откуда-то появился часовой, «открыл» землю, и они спустились вниз.

Мартин о чем-то долго беседовал с Гинтасом. Когда Мартин ушел, Гинтас сказал, что по счастливой случайности Николай

остался жив. Мартин мог убить за то, что ему помешали. А у парня в душе все ликовало, ведь он помог сегодня своим уйти от пули.

Еще не раз и не два пришлось ему ходить на задания с Мартином. В основном, это были вылазки разведывательного характера, далеко ходить после ранения ему было еще не под силу, да и Мартина мучила одышка, он постоянно останавливался.

Время шло. Уже белые мухи пролетали в воздухе, а у Николая не было возможности сбежать. Оружия ему так и не давали, не доверяли и строго следили за каждым его шагом.

Но настал день, когда он все-таки почувствовал себя человеком. Узнав, что поблизости расположилась небольшая воинская часть, «братья» решились на отчаянный шаг. Перед этим произвели разведку, ни танков, ни пушек не заметили, поэтому шли на дело спокойно, чтобы разжиться оружием и провиантом.

Отряд был довольно многочисленный, вооруженный немецкими автоматами. К месту расположения подошли затемно. Вокруг было открытое место, на горизонте время от времени появлялись часовые. Коле тоже выдали оружие, правда, не немецкий автомат, а старую трехлинейку. Рядом неотступно следовал Гинтас.

По невидимому ему сигналу, вдруг все ползком двинулись в сторону часовых. Главное - застать врасплох. Метров за сто отряд поднялся и рванулся к поселку. Николай, хромая, старался бежать вместе со всеми, и постоянно слышал за собой дыхание Гинтаса. Вдруг откуда-то сверху заговорил пулемет, из сарая «рыгнул» огнем спрятанный танк. Началась перестрелка. Николай стрелял, целясь, естественно, не в своих, пока не закончились патроны. У кого-то из убитых взял автомат. Потом почувствовал удар в едва оправившуюся раненую ногу и упал ничком на землю. И снова в этот момент ему захотелось, чтоб его убили, и он притворился мертвым. Гинтас тряс его, пока самого не подстрелили.

«Братьям» пришлось отходить с большими потерями. Мартин подошел к убитому Гинтасу, приказал людям взять его тело. Николай со злости пнул, удар пришелся в раненую ногу, и парень, собрав волю в кулак и сжав зубы, стерпел, не застонал, его это и спасло. Сознание он потерял позже.

Ему поверили

И вдруг наступила тишина. Николай открыл глаза, потихоньку повернул голову. Кругом валялись трупы, посмотрел вперед. Наши солдаты осматривали «поле боя». Когда дошли до него, он перевернулся на спину.

- Братцы, помогите, - простонал он.

- Че, зеленый, жить захотелось? - засмеялся один из них. Когда на нас шли, думали врасплох застать? Вот шмальну сейчас между глаз, и ничего мне за это не будет.

- Слышь, Тихон, такого приказа не было, - возразил второй. - Надо ему помощь оказать.

- Ага, поможешь, а у него финка в сапоге.

- Нет у меня, ребята, никакой финки. Я к вам шел, - сказал Коля. - Мне командир нужен.

Рана не давала возможности идти, поэтому его просто понесли. В землянке, куда его доставили, было мрачно, на столе догорал огарок свечи. За столом сидел совершенно лысый человек и вместе с другим, волосатым, что-то чертил на карте. Когда закончили, повернулись оба к парню. Спрашивали, какой численностью отряд, кто командир, много ли оружия. Что знал или слышал от Гинтаса, Николай рассказал, не забыл о том, что два дня был у немцев. Потом спросили, когда попал в плен. Он точно помнит, это было в конце августа, когда часть вынуждена была отступить. Никого из комсостава он не знал, кроме лейтенанта Вихарева и еще слышал, что командующим Прибалтийским фронтом был Масленников.

- Ну, что ж, подлечим в медсанбате, а там видно будет. Все-таки ноябрь уже наступил. Если чекисты не заинтересуются, продолжишь воевать.

Его хотели отправить в госпиталь, но он упросил врача оставить его в медсанбате. Готовилось наступление, и он хотел принять в нем участие. На молодом теле раны быстрее заживают. Он хотел догнать именно ту часть, куда попал после сражения с «лестными братьями», где ему поверили и направили на лечение.

После удачных выступлений советская армия продвигалась

вперед. Все ближе был заветный Берлин, дойти до которого хотел каждый солдат. Из медсанбата Николай на попутках добирался до хозяйства майора Варшакова, такая фамилия была у лысого человека.

Добрался благополучно, и на другой день уже участвовал в одной из операций. Впереди маячили острова, откуда надо было выбить немцев. Неделя не прошла, как его снова зацепило, и снова в левую ногу - уже в третий раз.

Эта рана оказалась серьезней других, тем более что осколок был не один. Опять медсанбат, а оттуда переправили в Нижегородский госпиталь. Почти полгода провалялся там Коля. В конце апреля 1945 года комиссия дала заключение - не годен к строевой. Он просил, настаивал, грозился дойти до самого Сталина - бесполезно. Его не слушали. Тогда он решился добраться до Москвы и добиться отправки в действующую армию.

До Москвы он доехал, зашел в один из военкоматов, но и там ему отказали, правда, дали адрес, где его могли использовать.

В ведомстве, куда его отправили, пришлось долго ждать приема. Наконец, его пригласили в кабинет. Никогда он не видел, столько военных чинов вместе. Рассказал все, как на духу и снова попросился на фронт «добивать Гитлера».

- Николай Иванович, а не хотите ли Вы послужить Родине в другом месте, тем более что опыт, пусть небольшой, но у Вас уже есть, да и хромота пока не прошла. Как же Вы в атаку пойдете? Мы хотим предложить Вам поехать в Прибалтику, восстанавливать Советскую власть. Там полно немецких недобитков осталось, они в лесах вместе с националистами действуют. Народ боится, ведь истребляют тех, кто лояльно относится и к нашей армии, и к нашей власти. Воевать на передовой Вы не сможете, да и войска наши не сегодня - завтра Берлин возьмут, а в тылу сумеете принести большую пользу. Там тоже фронт, и неизвестно, сколько времени он будет действующим.

В шаге от смерти

До 1952 года находился Н.И.Бояршинов в Прибалтике. Был секретарем комсомольской ячейки в образованном вновь рыбо-ловецком совхозе, потом секретарем райкома комсомола. Не рисковал жизнью, не однажды с ней просто-напросто прощался, потому что попадал в такие сложные ситуации, что не чаял выпутаться.

Ему часто приходилось бывать в отдаленных районах Эстонии, говорить более-менее научился, появились друзья. Однажды он в очередной раз отправился на собрание в село. И каково же было его удивление, когда среди колхозников он увидел Мартина, но даже вида не подал, что узнал.

Сразу вспомнилось сидение в бункере, разведка, бой. У председателя он спросил, кто это такой.

- Это единоличник, до сих пор в колхоз не вступил, а на собрания ходит, бузотерит, если что не по нему. Говорят, он жестокий очень, странный, время от времени куда-то исчезает. Живет, как бука, ни с кем не общается.

Где-то внутри у Николая заныло, он наслышан был о том, как расправляются «братья» с неугодными. Надо сообщить, куда следует. Только сообщить он не успел, той же ночью к нему в квартиру ворвались неизвестные. На шаг от смерти был наш земляк. Мальчишка, сынишка хозяйки, у которой Коля снимал квартиру, исчез из дома через окно и сообщил о приходе незваных гостей его друзьям. «Зеленые» не успели скрыться, их догнали всадники. Началась перестрелка, кое-кому из нападавших на одной подводе удалось все-таки уйти. Лошадь во второй подводе, на которой лежал связанный Николай, была убита, поэтому он и остался живым.

Пусть простят меня родные

Потом наступили черные дни в судьбе Бояршинова. Его узнала женщина с мызы и написала донос о том, что во время войны он служил в отряде «лесных братьев» и выдавал себя за него. Было понятно, откуда ветер дует, от Мартина, но долго разби-

раться не стали. Опять он рассказывал, как попал в плен вначале к немцам, а потом к эстонцам, рассказал и о Мартине, требовал опросить свидетелей. Но почему-то даже разбираться не стали, срок все-таки он получил. Валил лес на Магадане. Домой возвращаться не решился. Написал матери одно единственное письмо, которое ее и убило.

Теперь Николай Иванович живет в доме ветеранов недалеко от Перми. Семью создать так и не успел.

- Бобыль я и есть бобыль, - говорит он о себе. Все времени не хватало на женитьбу. А когда в лагерь попал, там и вовсе не до этого. Вышел - опять же, кому я с таким «грузом прошлого» нужен? Не решался к женщинам подходить, после реабилитации, вроде, и старый уже стал, какая женитьба?

После освобождения ездил он в Эстонию, заходил в райком, рассказывал о своих злоключениях. Сотрудники отнеслись к нему благосклонно, и один из них предположил, что кто-то в его окружении был из «засланных казачков», поэтому и следствия никакого не было. Проверили по спискам, кто из его старых знакомых живет в Эстонии. Но больше всего обрадовали тем, что назвали адрес Кяера Якова Яковлевича, проживающего на Урале, в городе Оханске. Николай обрадовался, ведь с Яшей они часто встречались и не раз совместно выходили на операции по поимке «лесных братьев». Яков служил в отряде ОГПУ. Кроме того, в Оханском районе Николай Иванович и сам родился, жил там до призыва на войну, пора уже посетить родные места. Но сразу ехать туда он не решился. Устроился в лесном хозяйстве Березовского района.

Со временем получил квартиру, продолжал трудиться и после выхода на пенсию. Проходил год за годом, а Бояршинов не мог собраться на «свидание» с малой родиной. Он единственный раз отправил матери письмо из лагеря, но ответа так и не получил. Однако мечту - встретиться с Яковым Яковлевичем Кяером все годы носил в себе. Перенес инсульт, но сумел восстановиться. По его же просьбе выделили ему место в одном из домов ветеранов, а квартиру он вернул государству.

Уже здесь, в Оханске, с сожалением узнал, что Я.Я.Кяер давно умер.

- Не мог я сюда приехать раньше, - говорит он. - Я давно реабилитирован, даже орден получил, теперь вот мне юбилейные медали вручают. Даже не знаю, где материну могилку искать. Устал я доказывать, что ни в чем перед Родиной не виноват. Когда подлость принимают за правду, даже не попытавшись разобраться, это еще большая подлость. Ничего, все выдержал, а место на погосте для меня найдется. Теперь я уж, точно, в шаге от смерти. Пусть простят меня родные. Но я ни перед кем руки не поднимал и никому не кланялся, жил, как умел, делал все возможное, чтобы новое поколение не знало, что такое фашизм.

2019г.

Лесные братья вышли на «дело».

Чужая жизнь - потемки

Казанцевы с самого начала, как только приехали в деревню, живут обособленно, с соседями не дружат, в гости никого не приглашают. Дети уже взрослые, они время от времени проводят родителей, да внуки с правнуками иногда остаются на каникулы, но дальше двора не выходят. Летом идут купаться вместе с дедом, а зимой он для них делает горку в огороде.

Елизавета Семеновна и Андрей Семенович - люди немногословные. Друг друга понимают с полуслова, а то и вовсе без слов. Слухами земля полнится. Вот по ним случайно немногочисленные жители деревни узнали, откуда приехали Казанцевы.

Все очень просто. Предки Елизаветы Семеновны всегда жили в Литве. Фамилию свою крепко держали еще с 17 века, поэтому дед часто говорил, что Букаускасы очень переживали, когда рождались девочки, им нужны были продолжатели рода. Если девочки болели, их и не лечили серьезно, пускали все на самотек. Мужская половина предков занималась рыболовством.

Как бы то ни было, но в семье Семёна Букаускаса родился один-единственный ребенок, да и то - девочка. Отец ее не увидел, не успел, потому что в июне 1941-го года ушел воевать и пропал без вести, а семья успела эвакуироваться в Горьковскую область. В декабре дед с бабушкой ждали внука, они не сомневались, что будет мальчик, имя ему придумали. Но невестка разрешилась дочкой.

Надо было видеть, как расстроились родители Семёна.

- Кто же фамилию нашу понесет дальше? - сокрушался дед.
- Столько поколений жили Букаускасами, а что теперь будет? У него самого, кроме Семёна, других детей не было.

Семью поселили в Горьком у одинокой старушки в маленькой комнатке. Хоть какое-то, но жильё. Маленькую Лизу укладывали на стуле возле мамино изголовья. Когда девочка подросла, дед сколотил ей складную кровать, которую на ночь расставляли на кухне.

Так около четырех лет они и ютились в домике старушки. Дед пошел работать на завод, дома бывал редко.

После переезда обратно в Литву, в марте 1945 года, деда стало не узнать. Он повеселел, несмотря на то, что кругом была разруха. Его дом представлял жалкое зрелище, с ним рядом упала бомба, крышу снесло, сохранились только стены, пробитые осколками.

- Ничего, было бы что восстанавливать! - радовался дед, - а крышу я перекрою. Раз есть стены, считай, и дом есть. Он каждый день таскал откуда-то кирпичи, доски, железо. С утра начинал стучать. Иногда ходил на мызу (хутор), где жил до войны его знакомый. Как оказалось, тот погиб от случайной пули, а вдова осталась одна в доме. Она приглашала семью Букаускасов пожить у нее, пока дом восстанавливается, но дед не согласился. Он вообще не любил жить вне собственного дома. Если требовалась его помощь, он всегда с готовностью помогал вдове друга.

Тем временем Лиза подрастала, вот уже и в школу пошла. Она хорошо училась, прекрасно говорила и по-литовски, и по-русски. После эвакуации в доме чаще разговаривали на русском языке.

Когда девушке исполнилось 16 лет, неожиданно умер дед прямо на улице. Шел домой из магазина, упал и больше не встал. Бабушка пережила его всего на год, у нее были больные ноги, она едва передвигалась по дому.

Остались Лиза с матерью вдвоем. После окончания школы девушка собиралась поступать в педагогический институт, но обстоятельства не дали ей такой возможности.

Незванный гость

Однажды, летней ночью, они услышали осторожный стук в окно. Кто мог прийти в такое время?

- Лиза, наверное, твои обожатели пришли. Гони их по домам, утром пусть приходят.

Лиза и сама думала, что это бывшие одноклассники решили встретиться. Она рывком открыла дверь. Перед ней стояли двое парней в грязной от земли одежде. Она хотела захлопнуть перед ними дверь, но один из парней показал рукой в сторону. Девушка взгляну-

ла и ахнула. Перед крыльцом лежал окровавленный человек.

- Девушка, нельзя ли парня в дом занести, а то пропадет, молодой совсем, - обратился к ней тот, что постарше.

- Заносите, ребятки, - сказала появившаяся в дверях мать. - Вот сюда, в дедову комнатку. Что с ним?

Парни рассказали, что это один из военнослужащих. Он русский. Служит неподалёку. Пошёл в увольнительную, его бандиты схватили, бросили в машину и увезли. Зачем он им был нужен, неизвестно, но видно, что его пытали. Когда поняли, что парень не дышит, выкинули его по дороге. Прошел дождь, и он очнулся.

Ребята чуть не задавили его. В пыли он слился с землей, и если бы не зашевелился, на мотоцикле по нему бы проехали.

Нужен был доктор, но где его взять? Война давно кончилась, а люди из леса всё ещё нагоняли страх на жителей. Мать согрела воду, сняла с парня одежду, вымыла, насколько было возможно, с помощью Лизы натянула на него дедовское нижнее белье.

Обе понимали, говорить о раненом нельзя никому, иначе не только его добьют, но и их не оставят живыми. Такие случаи бывали в тех местах. Мать сходила в аптеку, набрала всякого снадобья, якобы, чтобы ноги свои полечить. Начала день за днем мазать раны больному, поить куриным бульоном.

Парень, наконец, пришел в себя. Он непонимающе оглядел все вокруг и спросил, где находится.

- Ты кто? - вырвалось из уст матери, когда она увидела, что на неё смотрят в упор. - Как тебя зовут?

- Андрей Казанцев я. Он попытался поднять голову, но со стоном бессильно опустился на подушку. Мать захлопотала вокруг него.

- А Вы хорошо говорите по-русски, - сказал он после небольшой передышки.

- Так мы чуть не четыре года в Горьком жили в эвакуации, поэтому и выучили язык, а дочь вообще там родилась, она первые слова по-русски говорила. Так что с тобой случилось, рассказывай, а то поднимаем на ноги неизвестно кого.

Через пару дней Андрей собрался с мыслями и рассказал свою историю.

Из огня да в полымя

Он шел в армию с желанием. Его отец-фронтовик вернулся домой с орденами и медалями в 1945 году. Сын во всем старался брать пример с отца, рабочего-многостаночника автозавода. Они часто говорили о будущем, о том, что сейчас в армии нужны грамотные люди, новое оружие требует дополнительных знаний.

Андрей помнит, как его провожали в армию всем селом. Он мечтал служить на Дальнем Востоке, где все знали о пограничнике Никите Карацупе. Однако его направили в Литву. Здесь собрались ребята из разных республик, даже один чукча был. Служба шла неплохо. Военнослужащих предупреждали, чтобы во время увольнений они не ходили в одиночку, это опасно для жизни, баблуются «лесные братья».

В тот день он не собирался один выходить в город, с другом договорился встретиться возле кафе, это недалеко от воинской части. Андрей подошел к кафе, но друга не было. Подождал полчаса - никого. Зашел, выпил чашку кофе с пирожным и медленно побрел к центру. Шел и оглядывался, вдруг Сашка его ищет.

Когда вышел на шоссе, чтобы перейти к кинотеатру, успел отскочить от быстро несущегося автомобиля. Оправился от испуга и перешел улицу. Из машины, стоящей на обочине, вышли трое парней, не спеша подошли к Андрею. Подхватили его и понесли к машине, хотя он вырывался изо всех сил. Это как раз и видел издали Сашка, который бежал за ним, зная, что Андрей обязательно пойдет в кино.

Сашка не увидел номеров машины, они были заляпаны грязью. Он побежал к знакомым ребятам и объяснил ситуацию. Те предположили, что скорей всего, солдатику повезли в сторону реки. Говорили, там у «зеленых» где-то находились схроны, которые до сих пор не нашли.

Они и поехали. Случайно нашли Андрея и привезли к Букаускасам, потому что их дом ближе всех находился к дороге.

Андрей вспомнил, что его затащили в какой-то сарай, связали руки и подвесили. Били по пяткам железными прутьями, требовали сказать, сколько вооружения в части, какие марки автомобилей

и танков, сколько человек в охране, можно ли пробраться в зону со стороны перелеска. Ничего не добились. И когда зажали пальцы в тиски, парень потерял сознание и свалился. Он еще слышал, как главный из всех этих подонков сказал, что его надо выбросить в реку с камнем на шее. Все, больше ничего не слышал.

Страсть сильнее обстоятельств

В тот год Елизавета так и не поступила в институт, она ухаживала за Андреем, а мать с аппендицитом увезли в больницу. Пятки Андрея заживали очень долго, ногти на руках все облезли. Несколько сломанных пальцев медленно срастались. Другие раны зарубцевались.

Лиза написала письмо родителям Андрея, которые его давно оплакали. Она попросила не приезжать, чтобы не накликасть беду.

Те парни, что привезли его, несколько раз заезжали проведать вместе с Сашкой, который считал себя виновником происшедшего, потому что опоздал на встречу, а предупредить не мог. Они попросили написать Андрея все, что он слышал и видел. Поскольку сам он еще не мог писать, ему помогла Лиза.

Когда более-менее Андрей мог ходить, его свозили в воинскую часть, где снова пришлось все рассказывать. Его поместили в госпиталь, потом комиссовали, выдали документы.

Домой Андрей поехал вместе с Лизой, она боялась отпускать его одного. Родители встретили сына в Казани на вокзале и сказали, что в селе его ждут-не дождутся сёстры и друзья.

От шумного веселья у Андрея кружилась голова, но он даже словом не обмолвился, что устал. Сестренки не отходили от него ни на шаг, словно боялись снова потерять.

Утром следующего дня Лиза начала собираться в обратную дорогу. Родители Андрея предложили остаться, но дома ее ждала мать, поэтому она очень торопилась. Провожать ее на поезд Андрей поехал один.

- Лиза, как же я без тебя? Может, мне стоит приехать к тебе?

- Нет-нет, - запротестовала Лиза. - У нас опасно, тебя могут убить, а я не могу оставить маму одну, понимаешь?

Андрей все понимал, но страсть оказалась сильнее обстоятельств. Когда поезд тронулся, он вдруг заскочил на подножку последнего вагона, а из Москвы подал телеграмму родителям, чтобы не волновались.

Фамилия предков ушла в Лету

Скромную свадьбу играли в Литве, приехали родные Андрея. И ушла в Лету фамилия Букаускаусов, Лиза стала Казанцевой. Молодые в один год начали заочно учиться, она в пединституте, а он - в машиностроительном техникуме.

Работали, воспитывали троих детей. В 90-е, когда началась борьба за «место под солнцем», Лизу уволили с работы за то, что носила русскую фамилию, то же самое произошло и с мужем. Их старшая дочь к тому времени вышла замуж за латыша, сын после армии продолжал сверхсрочную службу в Североморске. С ними оставалась только младшая дочь. В их село не раз приходили крепкие молодчики с битами в руках. Наученные горьким опытом, Казанцевы предпочли поменять место жительства на Татарию. Пока были живы родители Андрея, жили в их доме. А когда последняя дочь вышла замуж за оханского паренька, попросили найти для них жилье где-нибудь в деревне, недалеко от леса.

- Как хорошо, что мои родители не дожили до смутного времени, - с горечью говорила не раз Елизавета Семёновна. - И хорошо, что в такой огромной стране есть места, где можно жить и не бояться. Страх в нас до сих пор живет, больше не за себя, а за детей и внуков.

- К моему стыду, я так и не научился правильно произносить девичью фамилию своей жены, сокрушался Андрей Семёнович. - Не к языку она мне. Кстати, по-татарски я понимаю, а сам говорить не могу, только отдельные слова, зато Лиза умудрилась и татарский изучить.

Так и живут Казанцевы скромно на пенсии. Не лезут в чужие дела, не позволяют копать в своих. От латышской жизни в них навсегда осталась сдержанность и немногословность.

Я еще не все рассветы встретила

Т.В.Плотникова. 2023г.

Судьбы людей послевоенного поколения чем-то схожи между собой. Родившись в мирное время, они видели тяжелый труд своих родителей при восстановлении подорванного войной хозяйства, сами познали его, и все они были уверены - войн больше не будет.

- У нас было прекрасное советское детство, - говорит пенсионерка Татьяна Владимировна Плотникова. - Было столько радости даже от работы. Мы, сельские дети, много не видели, но до сих пор помню дух единения, дружбы

от совместных мероприятий. Мы помогали колхозу. Порой, было трудно, но мы держались и считали своим долгом помогать. Несмотря ни на что, после этого бежали купаться - и всю усталость, как рукой снимали. Много было веселья, смеха. Мы читали, а потом рассказывали друг другу прочитанные книги. Я и сейчас не считаю себя обремененной возрастом, многое делаю легко, без усилий, так что о возрасте меня лучше не спрашивать.

Сегодня Татьяна Владимировна живет в Оханске вместе со старенькой мамой, которой 96 лет. Конечно, за ней нужен уход. Если бы не это обстоятельство, она не вернулась бы сюда, а так и осталась в Сибири. Собственно, давайте все по порядку.

Жила-была девочка в селе Дуброво. Маленькая, худенькая. Да

и по кому ей быть при теле, если такими же были ее родители. Отец, Владимир Дмитриевич, участник Великой Отечественной войны. В 1943 году ушел по призыву на фронт. Был танкистом Т-34 в армии Рокоссовского. Заслужил немало боевых наград. Участвовал в форсировании Вислы и Одера, был участником встречи с союзными войсками. После Победы до 1949 года служил в Германии. Вернувшись домой, трудился электриком на Дубровской ГЭС.

Мама работала в детском саду, потом в больнице. Вот тогда и начала задумываться Татьяна о выборе профессии. Однажды у нее заболел зуб. В то время в село приехала молоденькая врач-стоматолог. Девочка пошла и попросила вырвать зуб, чтобы больше не болел. Врач уговаривала полечить, но решение было твердым. Зуб оказался проблемным. Он обломился. Пришлось долбить. Только через час его удалили, но с той поры Татьяна часто стала бывать в больнице, потому что подружилась с врачом и уже выбрала для себя будущую профессию.

Путь ее не был устлан розами. Несмотря на то, что училась она хорошо, были проблемы с русским языком. Почему-то ошибки появлялись сами собой. По содержанию в сочинениях всегда пятерки, из-а ошибок оценки снижали, поэтому больше всего на вступительных экзаменах она боялась сочинения. Именно поэтому с первого раза поступить не удалось. Чтобы привыкнуть к городу, устроилась девушка на швейную фабрику «Пермодежда». У Татьяны был брат-погодок, и она решила, что подождет, пока он окончит школу, и они будут поступать вместе.

Старательная по натуре, она вскоре завоевала на предприятии звание «Лучший молодой рабочий», была активисткой в своем цехе. Ее приняли кандидатом в члены КПСС.

* * *

Подошло время сдавать вступительные экзамены. А с братом случилось несчастье. Он погиб вскоре после школьного выпускного вечера. Пришлось Татьяне одной «штурмовать» мединститут. Задумка была поступить в медучилище, но как раз в том самом году с обучения сняли направление «Зубной врач».

В институт она поступила, но снова возникла проблема - жильё. Мест в общежитиях не хватало, потому что оказалось много студентов из Кировской области. Кроме этого, если в справке о доходе семьи значилась цифра 50 рублей, это считалось средним уровнем. У нее в справке стояла именно такая цифра. Пришлось искать частную квартиру.

- Не только общежитий, но и учебников в то время у нас не хватало, - рассказывает Татьяна Владимировна. - Сразу после занятий приходилось сидеть до позднего вечера в читальном зале, там все-таки можно было подержать в руках учебники и подготовиться к следующим занятиям.

До окончания института Татьяна в составе строительных отрядов побывала в западных областях нашей огромной страны. Ей очень хотелось повидать Сибирь, Байкал, тем более что там в то время активно шло строительство БАМа.

Выбрала для себя Новосибирскую область, но перед тем, как она предстала перед комиссией по распределению, все места уже были заняты. Ей предложили место в Оханске, но она хотела в Сибирь. В Сибирь, так в Сибирь. Распределили в Томскую область.

- Я думала, что отработаю три года и уеду обратно на Урал, - продолжает Т.В.Плотникова. - Но жизнь порой такие виражи делает, что только диву даешься. Виражей, конечно, особых не было, но там я вышла замуж. Вместо трех лет, осталась на 30. Уже мечта возвращения на Урал постепенно сошла на нет.

Работа приносила удовлетворение, она ее любила. Бывало и тяжело, когда надо было работать в таежных поселках. Добиралась на перекладных накануне рабочего дня в селения, где не было ни врачей, ни медсестер. Все приезжали туда по очереди. Надо инструменты перебрать. Перекипятить. Все приготовить для работы, вымыть в медпункте, протереть все, что можно. Иной раз врач до полуночи вела подготовку. А утром рано уже шаги по крылечку, первые пациенты пришли. Вместо положенных пяти часов работать приходилось по десять. Причем, даже мыслей о дополнительной добавке к зарплате не возникало.

Однако в родные пенаты пришлось вернуться. Когда маме исполнилось 80 лет, она стала жаловаться на свое здоровье. Муж уже ушел в мир иной, поэтому она попросила дочь приехать. Сама же не хотела перебираться в таком возрасте в другую местность.

Собрав сына, приехала в Оханск, купила квартиру, перевезла маму. Три года работала в частной зубопротезной клинике «Дантист». Когда начались проблемы со зрением, ее профессиональная деятельность закончилась.

Сама по себе Татьяна Владимировна человек очень активный. Зимой, она постоянно катается в Поповке на лыжах. Здесь она живет в двухэтажном кирпичном доме, без огорода. Но землю и все красивое любит с детства. Поэтому разбила цветник возле дома со своей стороны, которая не видна с дороги. Там всегда приятно пройти и полюбоваться человеческими трудами.

Татьяна Владимировна заботится о своем доме, там всегда чистота и порядок, не валяются окурки, не видно мусора. Дом ушел из-под крыла «Гаранта» и живет самостоятельно.

Здесь Плотникова познакомилась с некоторыми пенсионерами, вместе с ними участвует в субботниках по благоустройству, старается быть в гуще событий, не прочь поработать и в совете ветеранов, но нет возможности надолго уходить из квартиры. За мамой, с ее неизлечимой старческой болезнью, нужен постоянный надзор.

В квартире у Татьяны Владимировны очень много книг, в семье читать все любили. И еще много цветов. И к прессе она относится очень внимательно. Читает не только местную газету, но приобретает и другие, чтобы «не отстать от жизни». Сейчас на улице холодно, она собрала все последние цветы и поставила в воду - «пусть еще поживут» и напомнят о лете.

Спрашиваю Т.В.Плотникову: «Если бы открутить жизнь назад, какой бы профессии Вы отдали предпочтение?»

Она, не задумываясь, ответила: «Ничего бы не изменила, стала бы снова зубным врачом».

Ее сын к медицинской профессии остался глух. Выучился на

историка и хотел продолжить в юриспруденции. Прямой путь попасть на юридический факультет - через работу в правоохранительных органах. Но не прошел по здоровью. Туда нужны только здоровые люди. По этой же причине не призвали его и в армию. В настоящее время трудится в охранной системе. Домой приезжает нечасто.

- Я считаю свою жизнь совершенно обычной для нашего поколения. Мы не росли белоручками, уважительно относились к родителям и старикам. Помню, как я достала у папы осколок от снаряда. Училась тогда в классе седьмом. Осколок был мигрирующим. Он продвинулся со временем к поверхности кожи на плече, образуя нарыв. Он маленький, металлический, но тяжелый. Этот осколок мог убить папу еще во время войны, и я бы никогда не появилась на свет. Понимаете, он и на ГЭС трудился, будто на войне, отдавая все силы. Ямы под опоры копали вручную, обрывы проводов были довольно частыми, бригада выезжала в любое время года и в любое время суток. Родители и нас с детских лет к труду приучали. Если здоровый человек не работает, это уже не человек, а трутень. Мы не хотели быть трутнями.

Даже находясь дома, Татьяна Владимировна не может без дела. Ее руки всегда в работе: надо цветы пересадить, остатки растений из цветников убрать, постирать, пропылесосить... Да мало ли работы у человека, который не может без нее обходиться.

Т.В.Плотникова много знает о своей семье. Писала в газету о своем дяде-летчике, погибшем в 1942 году в Крыму и об отце. У нее глубокие знания по многим историческим событиям, по искусству. Ей очень хочется бывать на всех мероприятиях в городе, и как только такая возможность выпадает, она обязательно приходит пусть даже на короткое время. Пусть для нее, как гимн, будут эти строки из стихотворения Ларисы Рубальской.

Я желаю, чтоб у Вас сбывались
Самые заветные мечты.
Чтобы Вы все время улыбались.
Ведь улыбка - признак красоты.

2022г.

Содержание

Богатое наследство.....	5
Был случай.....	10
В любви и согласии - всю жизнь	16
В семье не без уроды.....	21
В старости детям стала не нужна.....	26
Во мне, как будто, веселье умерло... ..	34
Война в глазах осталась	40
Война детей не щадит	50
Вопреки войне	56
Вы за нас стеной, мы за вас горой - все у нас поровну	63
Главное - не наделать глупостей	72
Где моя мама?	78
Доброта должна быть с шипами	83
Дом с аистами	87
Жертвой стал по наговору.....	92
Изумрудная история семьи Лыковых.....	101
Испытания не убили в ней человека	106
Любовь с первого взгляда	112
Мал золотник	116
Мечта стала явью	122
Мой папа всех победит	128
На круги своя	138
Не в свои сани не садись	143
Не вернуться ли вновь «окаянные» дни?.....	149
Не сходить ли на рыбалку?	162
Он видел войну своими глазами	165
Особая дата.....	169
Оставаться человеком... ..	176
Осуществленная мечта	191
Откровения старого пса.....	195
Оханск стал второй родиной	200
Подорвался, но остался жить.....	203
Поросячий рай.....	208

Прости меня, Женька!	212
Пять ее принципов	219
Работой на скорой надо болеть	225
Ради сестренки.....	231
Расстались, не простившись	234
Ржавчина старой любви.....	246
Рыжики.....	258
Свадьба, золотом увенчанная.....	261
Секретарь райкома	266
Семейной жизни золотые юбиляры.....	271
Семья - это семь «Я».....	276
Сквозь морозные узоры	280
Снова бои на моей малой родине	290
Собака спасла семью	293
Ступени их счастья.....	299
Счастливое родимое пятно.....	304
Счастье - быть семьей	310
Тот самый Ленька.....	314
Три войны	321
Фронт - Эстония и... Магадан.....	327
Чужая жизнь - потемки	340
Я еще не все рассветы встретила	346